Class DGR 1115
Book B4
P
YUDIN COLLECTION

ПОВѢСТИ

и

РАЗСКАЗЫ

Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца К. Н. Плотникова.
1873.

Poviesti i razskazy

ПОВѢСТИ

1028
271

и

РАЗСКАЗЫ

Blagoveshchenskiĭ, Nikolaĭ Aleksandrovich

Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца К. Н. Плотникова.
1873.

HG3321
.B55P6

104837
'07.

Типографія К. Н. Плотникова. (Петербург. стор., Колпинская ул., д. № 23.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

На погостѣ. (Отрывокъ изъ романа «Передъ разсвѣтомъ» 1
Невинныя забавы. (Отрывокъ изъ романа «Передъ разсвѣтомъ» . . 191
Дряхлость и слабость. (Изъ писемъ моего жолчнаго пріятеля). . . . 503
Печальныя встрѣчи. (Изъ замѣтокъ туриста). 347
I. Невѣста . . . . . —
II. Илька. (Изъ воспоминаній стараго музыканта) 419
Въ Великомъ посту. 451
Бродяги-странники. (Разсказъ) 483

На погостѣ.

Отрывокъ изъ романа, „Передъ разсвѣтомъ“ *).

I.

Лѣто. Рожь колосится; всякіе плоды наливаются; птицы повывели уже своихъ птенцовъ, и птенцы, расправляя крылушки, пробуютъ свои молодыя силы на вольномъ воздухѣ. Жизнь въ полномъ разгарѣ кипитъ и нарождается: новыя поколѣнія выступаютъ на смѣну старымъ и заявляютъ свои права на тѣ же жизненныя блага....

Въ это теплое время, какъ бы повинуясь тѣмъ же законамъ природы, и К-я семнарія успѣла высидѣть своихъ птенцовъ и, снабдивъ ихъ мудрыми наставленіями, выпустила на всѣ четыре стороны. Оперившіеся птенцы тоже расправляютъ свои крылушки и дружно разлетаются по со-

---

*) Настоящій отрывокъ составлялъ первую часть романа, который по разнымъ обстоятельствамъ не могъ быть оконченъ. Помѣщаемъ здѣсь этотъ отрывокъ, равно какъ и слѣдующій, «Невинныя забавы», на томъ основаніи, что оба они составляютъ отдѣльныя законченныя повѣсти.

Авт.

сѣднимъ городамъ и селамъ искать себѣ пріюта и хлѣба на разныхъ путяхъ дѣятельности человѣческой.

По проселочной дорогѣ, позднимъ вечеромъ, ѣдетъ старый крестьянскій фургонъ, крытый рогожкою. На передкѣ фургона, доѣдая краюху хлѣба, сидитъ мужикъ и лѣниво подстегиваетъ обломкомъ кнутовища свою сѣропѣгую клячу. Везетъ онъ по пути на Емельяновскій погостъ двухъ только-что окончившихъ курсъ бурсаковъ, а бурсаки, какъ извѣстно, товаръ хоть и дешевый, но за то сговорчивый: „какъ, молъ, ни вези, только доставь когда нибудь къ мѣсту“; поэтому-то мужикъ и не торопится. Сѣдоки въ самомъ дѣлѣ упорно молчатъ; на загорѣлыхъ лицахъ ихъ выражается въ настоящую минуту полная покорность судьбѣ и въ то же время тоска неисходная. Одинъ изъ нихъ, Трепетовъ, развалился на сѣнѣ поперегъ фургона, просверлилъ отъ нечего дѣлать дыру въ рогожѣ и сквозь эту дыру полузадумчиво смотритъ на дорогу. Другой, Маевскій, старается улечься какъ нибудь покомфортабельнѣе и сердито ворочается съ боку на бокъ, отмахиваясь отъ безотвязныхъ комаровъ, которые, какъ нарочно, кучей столпились надъ нимъ и заявляютъ самыя злодѣйскія намѣренія. Тутъ же въ углу, свернувшись въ клубокъ, крѣпко спитъ педагогическій недоносокъ, Боголюбовъ, только-что переведенный во второуѣздный классъ. Снится ему что-то непривлекательное, въ родѣ майской лозы или лика смотрительскаго, потому что онъ морщится и мотаетъ во снѣ головою. А пусть его морщится;—не тронемъ его.

При первомъ взглядѣ на двухъ старшихъ птенцовъ уже

сразу видно, что они не одинаковаго полета. Въ лицахъ ихъ, конечно, есть нѣчто общее, свойственное почти всѣмъ бурсакамъ: нѣчто грубое, закаленное, точно изъ бронзы вылитое, но въ тоже время замѣтны и особыя, рѣзкія черты, по которымъ можно нѣсколько судить о ихъ личныхъ характерахъ и наклонностяхъ. Маевскій сутуловатъ, мускулистъ и сила физическая въ немъ крѣпко развита, такъ что, пожалуй, при случаѣ онъ можетъ дать кому нибудь затрещину не дюжинную, но онъ смотритъ на все окружающее точно спросонья, съ полнѣйшей апатіей; во всѣхъ движеніяхъ его проглядываетъ вялость сытаго мяса, а въ разговорахъ такъ и сквозитъ пресловутый дѣдовскій принципъ: „плевать мнѣ на это окружающее; кой чортъ разберетъ его; былъ бы хлѣбъ да зубы, а тамъ хоть трава не рости.“ Трепетовъ, напротивъ, имѣетъ въ своей фигурѣ нѣчто умное; на худощавомъ, продолговатомъ лицѣ его выраженье осмысленное, а въ черныхъ, искрящихся и глубоко ввалившихся глазахъ видны признаки частой и долгой головной работы. Смотритъ онъ немного изъ подлобья и какъ-то слишкомъ сосредоточенно и дерзко, такъ что когда бывало онъ сбычится и уставится на своего врага учителя, тотъ быстро мигать начнетъ и озлится не на шутку: „чего ты буркулы-то твои пучишь на меня мерз....“ закричитъ онъ, топая ногою, а обругать не посмѣетъ, потому что знаетъ характеръ Трепетова. Онъ не такъ плотно сложенъ, какъ его товарищъ, но и не походитъ однако на тѣхъ дряблыхъ, изнѣженныхъ юношей, которыхъ зачастую мы видимъ въ нашихъ гимназіяхъ и пансіонахъ.

Ѣдетъ фургонъ по старой, избитой колеѣ; ѣдетъ гдѣ рысцой, гдѣ шажкомъ. Смерклось совсѣмъ; въ воздухѣ влажность и холодъ; на поляхъ, словно море, роса разлилась. Долго ворочался Маевскій, наконецъ вышелъ изъ терпѣнья и приподнялъ свое вспухшее отъ комаровъ лицо.

— Не заснуть, произнесъ онъ отчаянно,—душу всю вытрясло... Эй, дѣдко, далеко ли до ночлега-то?

— Теперича скоро. Сейчасъ, выходитъ, налѣво возьмемъ, а оттудова пролѣскомъ верстъ съ пятокъ будетъ, не болѣ.

— Плохо, коли такъ. Хоть бы водки добыть гдѣ... А тутъ еще комары проклятые...

Маевскій зѣвнулъ во всю пасть и опять завалился на сѣно.

— Зачѣмъ это, право, человѣку хвоста Богъ не далъ? заговорилъ онъ лѣниво, а то бы славно: лежи себѣ да отмахивайся. А?

— Въ тебѣ, братъ, нынче замѣтнѣе становятся скотскія потребности, отвѣтилъ нехотя Трепетовъ.

— Ей богу жалко. Да оно и въ другомъ отношеніи было бы удобно, продолжалъ Маевскій, увлекаясь своей фантазіей; теперь вотъ встрѣтишься съ начальствомъ или знакомыми, такъ изволь непремѣнно снимать фуражку да чинно раскланиваться, а тогда бы безъ хлопотъ повилялъ маленько хвостикомъ, да и дѣлу конецъ.

— Погоди, и безъ хвоста завиляешь.

— Противъ этого не спорю: почему-жъ и не повилять при случаѣ!... Впрочемъ, шутки въ сторону, я проголодался, какъ чортъ, и въ животѣ у меня такъ же пусто, какъ...

— Какъ и въ карманѣ?

— Нѣтъ, какъ въ твоей головѣ, хотѣлъ я сказать.

— Послѣ этого ты совсѣмъ не голоденъ,—смѣясь, произнесъ Трепетовъ:—у меня въ головѣ теперь такая каша, что ты, пожалуй, и не переваришь ее... Въ самомъ дѣлѣ мнѣ есть о чемъ подумать.

— Это ты на счотъ университета?

— Да, я рѣшился.

-- И, по моему, глупость сдѣлалъ. Къ коему чорту, спрашивается, мучить еще себя, когда цѣль достигнута? По моему, коли получилъ аттестатъ, такъ и дѣло въ шляпѣ. Теперь по невѣсту.

— И ты ужь дальше не пойдешь?

— Да идти-то никуда, пришелъ ужь. Дадутъ теперь мнѣ бабу, рясу надѣнутъ и живи себѣ, пока брюхо цѣло. Даромъ, что ли, я 29 наукъ вызубрилъ да 15 лѣтъ теръ семинарскую лямку? Теперь меня и калачомъ учиться не заманишь.

— Скотина, братъ, ты Маевскій.

— Чего скотина? Мы люди темные, не то, что вы, баре, нахватались тамъ какихъ-то высшихъ потребностей да цѣлей. Моя цѣль въ утробѣ матери мнѣ назначена, и эти высшія потребности, по моему, пустяковина. Да и тебѣ-то, братъ, кажется, не видать университета, какъ ушей своихъ: родителей-то твоихъ я хорошо знаю. Вздуютъ.

— Это мы увидимъ.

Пріятели замолчали. Трепетовъ задумался. Маевскій оглядѣлся кругомъ, потомъ безцеремонно запустилъ руку въ карманъ спящаго Боголюбова и вытащилъ оттуда оглодокъ

хлѣба. Это открытіе доставило ему не малое удовольствіе и привело его зубы въ дѣйствіе.

— А глупѣйшее состояніе приходится намъ съ тобой переживать, Маевскій, произнесъ Трепетовъ въ раздумьи: въ головѣ какой-то безсмысленный винигретъ и чортъ знаетъ что...

— У меня нѣтъ винигрета, отвѣтилъ Маевскій, чавкая. Да и что-жъ тутъ глупаго?

— Мнѣ все хочется понять, къ чему мы учились столько лѣтъ? какой общій смыслъ вынесли мы изъ всего ученья? Съ самаго малолѣтства вдалбливали намъ въ голову, что „учитесь, молъ: науки полезны“, и насильно заставляли учиться. Ну, вотъ мы теперь выучились, курсъ ученія прошли весь; поглядишь въ аттестатъ, такъ, кажется, всю земную премудрость усвоили, а между тѣмъ какой толкъ выходитъ изъ всего этого? Каждая наука торчитъ въ головѣ какимъ-то особнякомъ, нисколько не задѣвая другъ друга; для каждой точно и мѣсто особое отведено въ мозгу, съ особенными стѣнками и перепонками, такъ что если, напримѣръ, придется когда въ жизни геометрію вспомнить, то надо ковырять въ мозгу гдѣ нибудь налѣво; придется отыскать Карла V-го—ищи его направо; да и то врядъ ли отыщешь, потому что на этого Карла V-го насѣли потомъ три богословія да герминевтика. Вотъ и думаешь теперь, въ чемъ же состоитъ сознательная польза подобнаго знанія, и какое изъ него можно сдѣлать примѣненіе къ жизни? Ну ты, положимъ, Маевскій, какую пользу вынесъ изъ всего ученья?

— А невѣста-то? Еслибъ я не кончилъ курса, мнѣ бы и мѣста поповскаго не дали. Живи весь вѣкъ дьячкомъ.

— Значитъ, только извѣстныя права да льготы и заставляютъ учиться? Дѣйствительно, выгода очевидная и прямое доказательство пользы наукъ... Эхъ, Маевскій, не того, братъ, мнѣ хочется; другія мысли пилятъ голову. Я самъ учился только потому, что мать этого просила, да начальство требовало, а какъ послушалъ умныхъ людей, такъ у меня точно глаза раскрылись. Они мимоходомъ говорятъ о такихъ вещахъ, о которыхъ нашему брату и во снѣ не грезилось, а между тѣмъ въ этихъ вещахъ, по моему мнѣнію, весь смыслъ нашей жизни.

— Это ты о Березинѣ, что-ли?

— Да хоть бы объ немъ. Березинъ учился въ университетѣ и вышелъ дѣльнымъ и практическимъ человѣкомъ; значитъ, тамъ наука не стоитъ особнякомъ отъ жизни, а указываетъ на самую дѣятельность... Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, учиться, если наука сообщитъ мнѣ, что у алжирскаго дея шишка подъ носомъ, или что на лунѣ открыты новые вулканы? Чортъ ли мнѣ въ этомъ алжирскомъ деѣ и лунныхъ вулканахъ, когда подобныя знанія не приносятъ видимой пользы ни мнѣ, ни обществу! По моему, всѣ науки съобща, должны вырабатывать только одну практическую пользу, имѣть одинъ общій выводъ, направленный къ тому, чтобы улучшать нашъ бытъ и указывать выходы изъ разныхъ печальныхъ положеній. А то какую пользу высосешь, напримѣръ, изъ латинскаго языка или смарагдовской исторіи?.. Можетъ быть я и ошибаюсь, но потому-то именно и

хочу идти въ университетъ: тамъ, вѣроятно, все это уяснится.

— На это я могъ бы возразить тебѣ „отъ противнаго“, по всѣмъ правиламъ хріи противоположной, да право лѣнь, братъ,—проговорилъ Маевскій, зѣвая.

— У тебя все шуточки... Значитъ, мы другъ друга не поймемъ.

— Отчего-жъ и не пошутить, коли есть охота? По правдѣ сказать, ты все чистѣйшіе пустяки говоришь, и всѣ мечты твои въ пухъ и прахъ разлетятся: повѣрь Господу Богу. Вотъ ужо пріѣдемъ мы на погостъ; тамъ народъ не мудрящій, пища не семинарская, природа не стриженая, и такъ все пріятно тебѣ покажется, что и книги побросаешь въ печку. Да и хорошо мечтать тебѣ, коли у тебя о семьѣ заботы особенной нѣтъ; а у меня, братъ, мать старуха хлѣба проситъ, и идеями ее не накормишь.

— Причина резонная.

— Значитъ, такъ и порѣшимъ. Какъ пріѣду—женюсь и буду жить себѣ по отцовскому обычаю. А ты ступай себѣ куда угодно, добивайся тамъ правды, какой хочешь. Намъ это все едино.

— И пойду, и добьюсь. У меня братъ, что засядетъ въ голову, того скоро не выбьешь...

— Ну, а я по невѣсту.

— Всякаго, значитъ, вамъ благополучія!

— И вамъ также.

Маевскій доѣлъ корку и флегматично раскинулся на сѣнѣ, положивъ подъ голову связку книгъ, которыя везъ съ

собою Трепетовъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ такъ безмятежно, какъ могутъ спать только невиннѣйшія души.

Трепетовъ не могъ спать; онъ былъ взволнованъ и досадовалъ на себя, зачѣмъ высказалъ Маевскому свои задушевныя думы, которыя никому еще не высказывалъ. Ему сдѣлалось грустно, такъ грустно, что самая поѣздка на родину и чувство свободы и простора потеряли для него свою заманчивую прелесть. Три года уже не бывалъ онъ на родномъ погостѣ, и много важныхъ перемѣнъ произошло въ немъ въ эти три года, такъ что родители, пожалуй, теперь и не узнаютъ его. Нѣкоторыя счастливыя обстоятельства вызвали его къ иной жизни, непохожей на жизнь его предковъ, и возбудили въ немъ желанія, какія имѣютъ немногіе бурсаки. Онъ уже не можетъ теперь примириться съ той скромной ролью, на которую предназначило его казенное воспитаніе, и потому не можетъ смотрѣть въ будущее съ такою самоувѣренностью и спокойствіемъ, съ какимъ глядитъ въ него Маевскій и большинство его товарищей. Впрочемъ, онъ и не завидуетъ имъ, и не желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ... Смутно пробивается въ немъ подъ часъ легкая тревога: „что-то скажутъ? какъ примутъ его желаніе учиться? не придется ли поссориться съ родными?..“ Особенно боится онъ за свою добрую и слабую мать, которую онъ такъ страстно любитъ. Ему такъ и представляются ея горькія слезы, слышится самый голосъ ея, полный любви и безпредѣльной грусти: „не покидай меня, Коля, не покидай твою старуху!“ и невольно сжимается сердце

Трепетова отъ этой картины; она затрогиваетъ въ немъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ привязанностей, противъ которой онъ, кажется, не въ силахъ бороться.—Но вѣдь поймутъ же они наконецъ, думаетъ онъ, что мнѣ еще надо учиться, что образованіе дастъ мнѣ большую независимость и больше средствъ къ жизни. Я имъ все разскажу и они поймутъ!.. Такъ думалъ Трепетовъ себѣ въ утѣшенье и въ то же время сознавалъ, что надуваетъ себя; и какой-то другой, болѣе логичный голосъ подсказывалъ ему: „не надѣйся, не поймутъ.“ — Ну, и къ чорту, коли такъ! — рѣшилъ онъ.

Долго раздумывалъ Трепетовъ и скоро думы его перешли въ полузабытье, въ то состояніе между сномъ и бодростью, когда человѣкъ не чувствуетъ уже ничего, что происходитъ вокругъ, а между тѣмъ у него глаза открыты и въ нихъ видѣнъ слѣдъ думы...

Телѣга заскрипѣла и остановилась.

— Вставай, ребята, пріѣхали!—сипло прокричалъ возница.

Трепетовъ вздрогнулъ. Кругомъ лаяли собаки и пахло свѣжимъ сѣномъ. Сквозь щели рогожи мелькнулъ огонекъ.

— Вылѣзайте, что-ли, повторилъ мужикъ, заглядывая въ фургонъ.—Тутъ заночуемъ, а завтра чуть свѣтъ взбужу. Эй, вы.

Въ отвѣтъ на это изъ фургона послышалось лѣнивое зѣванье...

II.

— „И такъ опять глушь, опять темное царство, скажутъ недовольные читатели, опять семинаристъ герой, какъ необходимая либеральная приправа современнаго романа. Надоѣло все это!..“ Но что-жъ дѣлать, читатели, если наша родная глушь болѣе близка и знакома намъ, чѣмъ элегантная жизнь другихъ кружковъ нашего общественнаго строя, и если мы горячо надѣемся, что изъ этой глуши впослѣдствіи выдвинутся хорошіе и полезные дѣятели!..

Прежде всего я долженъ сказать, что нашъ герой — вовсе не *герой*. Онъ просто хорошій малый, съ потребностями лучшей жизни и свѣтлымъ лучомъ въ головѣ, который освѣщаетъ ему путь жизненный и заставляетъ энергично добиваться и искать того, чего ищутъ не всѣ. Онъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые, очнувшись среди тьмы глубокой, еще задолго до разсвѣта, напрягаютъ всѣ силы ума и энергіи, чтобы не заснуть опять; но въ потьмахъ имъ трудно дѣйствовать и, выбиваясь изъ силъ, въ большинствѣ случаевъ, они, къ сожалѣнію, приходятъ къ плачевнымъ результатамъ, къ которымъ неминуемо долженъ придти и нашъ герой. Несмотря на очень скромную дѣятельность такихъ людей,—она не проходитъ безъ слѣда, и потому важно значеніе ихъ въ нашей жизни. Одинъ умный писатель очень удачно сравнилъ этихъ людей съ кораллами.

Что можетъ быть микроскопичнѣе жизни и дѣятельности коралловыхъ животныхъ?—Однако изъ цѣлаго ряда такихъ жизней мало по малу образуется островъ, за которымъ и корабль часто ищетъ спасенья отъ бури...

Но до образованія этого острова еще слишкомъ далеко, и потому займемся пока однимъ изъ атомовъ этого будущаго острова.

Николай Васильичъ Трепетовъ впервые увидѣлъ свѣтъ божій съ высоты холма, на которомъ помѣщается погостъ Емельяновскій. Отецъ его былъ священникъ, Василій Петровичъ, человѣкъ не глупый, но очень небогатый и связавшій всѣ свои жизненные интересы съ жизнью тѣхъ 15 человѣкъ, которые составляли все говорящее населеніе погоста. Къ сыну онъ не выказывалъ особеннаго расположенія, и даже печально вздохнулъ въ тотъ моментъ, когда новорожденный выкрикнулъ свое появленіе; вздохнувъ, онъ резонно проговорилъ: „ну вотъ, начинаются съ легкой руки: теперь припасай только денежки!“ Мать, напротивъ, отъ души привязалась къ своему первенцу и берегла его, какъ умѣла. И началъ съ этого дня нашъ герой таращить глаза на всѣ диковинки міра сего, бывшія на погостѣ, и таращилъ онъ ихъ цѣлые десять лѣтъ, то есть, до тѣхъ поръ, пока не поступилъ въ училище, когда ему снова захотѣлось закрыть глаза. Въ дѣтствѣ Трепетова много значило то обстоятельство, что онъ не имѣлъ товарищей-сверстниковъ и развивался среди взрослыхъ людей или въ полномъ одиночествѣ. Объ искусственномъ воспитаніи его, конечно, никто на погостѣ не заботился; мать старалась только покрѣпче накормить своего баловня, а тамъ пускай себѣ

рѣзвится и гуляетъ гдѣ хочетъ, на вольномъ воздухѣ, благо простору кругомъ было вдоволь. И гулялъ маленькій Коля всласть, иной разъ отъ зари до зари, и лѣтомъ и зимою. Недостатокъ сверстниковъ и товарищества имѣлъ сильное вліяніе на развитіе ребенка: онъ до того привыкъ къ одиночеству, что съ недоброжелательствомъ смотрѣлъ на всѣхъ приходящихъ ребятишекъ или убѣгалъ отъ нихъ въ лѣсъ. Лучшимъ другомъ его былъ дьячокъ Захарычъ, человѣкъ очень не далекій, но говорунъ большой; онъ иногда прочитывалъ мальчику вслухъ житіе разныхъ святыхъ или просто разсказывалъ сказки, пѣлъ пѣсни, словомъ, сообщалъ ему всѣ свои знанія и понемногу вводилъ его въ тотъ чудодѣйственный мірокъ, въ который и самъ онъ, казалось, погружался съ наслажденіемъ. Съ усиленнымъ вниманіемъ слушалъ мальчикъ разсказы Захарыча, и странными казались ему эти разсказы, хотя онъ не мало дивился имъ. Вздумалось ему почему-то провѣрять Захарыча, и сталъ онъ для этой цѣли дѣлать разные оригинальные опыты. Наслушавшись о разныхъ кладахъ, онъ много перерылъ земли на погостѣ, но потомъ, когда Захарычъ сообщилъ ему, что кладъ самъ въ руки не дается, что его лѣшіе стерегутъ, мальчикъ не испугался и лѣшихъ. Въ глухую полночь, потихоньку отъ матери, забрался онъ въ лѣсное болото и тамъ протрясся цѣлую ночь, призывая лѣшаго; утромъ онъ воротился домой промокшій и иззябшій, и сообщилъ Захарычу, что онъ все вретъ, что лѣшій не приходилъ. Однажды, выслушавъ разсказъ о какомъ-то пустынникѣ, ребенокъ до того увлекся, что два дня прожилъ въ какой-то ямѣ, почти безъ пищи,

пока обезумѣвшая отъ страха мать не отыскала его и не выпорола за это раннее подвижничество. Видя, что всѣ жители погоста роютъ и пашутъ землю, маленькій Трепетовъ сначала полагалъ, что всѣ они кладовъ ищутъ, но когда отецъ объяснилъ ему, какъ изъ зерна хлѣбъ выростаетъ, мальчикъ глубоко призадумался, и въ головѣ его возникли новые вопросы: отчего растетъ дерево, отчего растутъ люди, собаки и проч., и опять начались разные опыты.

Захарычъ ему разсказалъ однажды, что покойники иногда могутъ вставать по ночамъ и пугать спящихъ. Опять новый поводъ къ изумленью и задумчивости ребенка на счетъ похожденій мертвецовъ и опять оригинальный опытъ. Выждавъ, когда сосѣдніе мужики притащили въ церковь гробъ, чтобы оставить его тамъ на ночь, Трепетовъ еще съ вечера запрятался за выручкой церковной, и когда церковь заперли на замокъ, онъ осторожно подкрался къ гробу и, при свѣтѣ неугасимой лампады, началъ дѣлать свои эксперименты. Сначала онъ прислушался: „не встанетъ ли, молъ, самъ“, но потомъ ему вдругъ страшно сдѣлалось и онъ, забившись въ темный уголъ алтаря, долго не могъ избавиться отъ нервной дрожи. Поутру мать съ ужасомъ выслушала его разсказъ объ этомъ опытѣ; на мальчика подивился весь погостъ, а старшій священникъ даже посовѣтовалъ его отцу прибрать сына къ рукамъ, а то, пожалуй, бѣду наживешь съ нимъ. Маленькій Трепетовъ понять не могъ всей этой тревоги и продолжалъ настойчиво доказывать всѣмъ и каждому, что Захарычъ вретъ. Захарычъ, съ этой поры пересталъ ему разсказывать про разныя чудеса, несмотря на

то, что мальчикъ по прежнему приставалъ къ нему съ разспросами.

— Глупъ ты, Николка, ворчалъ Захарычъ, съ тобой какъ разъ въ отвѣтъ попадешь.

Были опыты и почище этихъ. Маленькій Трепетовъ, напримѣръ, очень заинтересовался такимъ вопросомъ: почему всѣ жители погоста кажутся совсѣмъ другими людьми, когда пріѣзжаетъ сюда на ревизію благочинный или другое начальство? Почему всѣ они кланяются ему, наперерывъ приглашаютъ къ себѣ, дѣлаются добрыми, даже злой о. Никита, который постоянно съ кѣмъ нибудь бранится,— и тотъ въ это время вкрадчиво улыбается и кажется смиренникомъ? Отецъ объяснялъ мальчику, что это самъ начальникъ, котораго надо уважать и проч., но мальчикъ, конечно, этимъ не удовлетворился и, по своему обыкновенію, рѣшился сдѣлать опытъ. Онъ спрятался въ кусты и, подкарауливъ, когда благочинный, въ сопровожденіи всего причта, спускался съ холма,—пустилъ въ начальника большой комъ грязи. Онъ хотѣлъ только узнать, что изъ этого выйдетъ, и вышла штука скверная. Духовенство переполошилось, и общими силами принялось ловить наглеца. Самъ благочинный на первый разъ крѣпко надралъ ему уши, а потомъ отецъ, несмотря на заступу матери, задалъ ему такую порку, что шалунъ печальнымъ образомъ почувствовалъ на своей собственной шкурѣ,—что значитъ сердить начальство.

— Вотъ ужо я тебя, каналью, въ училище свезу, стращалъ его отецъ послѣ этого. Тамъ, братъ, такъ отхватаютъ

за это, что будешь шолковый. Бери букварь и учи сейчасъ же.

Дѣйствительно, въ тотъ же день, какъ уѣхалъ благочинный, Трепетова усадили за букварь, на который, конечно, онъ посмотрѣлъ, какъ на заслуженное наказанье. Вся эта сцена сильно подѣйствовала на мальчика. Сталъ онъ капризничать, рвалъ буквари, прятался отъ отца и только одна мать умѣла приневоливать его къ ученью.

Подъ вліяніемъ подобныхъ впечатлѣній и опытовъ создавался понемногу умственный складъ и характеръ ребенка. Весь міръ его ограничивался только тѣми предметами и лицами, которые наполняли и окружали погостъ; объ остальномъ мірѣ онъ имѣлъ самое смутное понятіе, и долго былъ увѣренъ, что на землѣ только и есть трехъ родовъ люди: священники, дьячки и мужики, которые по праздникамъ приходили къ нимъ Богу молиться. Правда, заѣзжалъ иногда на погостъ мѣстный помѣщикъ, съ семействомъ, но на него смотрѣлъ Трепетовъ, какъ на какое-то особенное существо, въ родѣ благочиннаго. Вообще онъ сдѣлался нелюдимъ; на каждаго, не принадлежащаго къ погосту, смотрѣлъ какъ на врага и считалъ своимъ долгомъ изъ-за угла пустить въ него камнемъ.

На одинадцатомъ году, отецъ отвезъ сына въ губернскій городъ и опредѣлилъ въ духовное училище. Дико оглядѣлся мальчикъ среди новой обстановки; его оглушило многолюдство, шумъ и вопли учениковъ; послѣ привольной жизни на погостѣ, ему особенно дикою показалась эта формальность, звонки, общія спальни, ежедневныя порки и прочее. Тутъ

уже было не до опытовъ; Трепетовъ струсилъ, непонятная новизна ошеломила его до того, что онъ не вынесъ, и слегъ въ больницу. Въ страхѣ прибѣжала мать его, еще неуспѣвшая уѣхать; начались слезы; въ ногахъ валялась бѣдная у смотрителя и просила поберечь ея Колю и унять сорванцовъ. Смотритель выгналъ ее и сказалъ Трепетову, чтобы онъ учился какъ можно прилежнѣе, и тогда его никто не тронетъ. Трепетовъ скоро и самъ замѣтилъ, что прилежныхъ учениковъ дѣйствительно не сѣкутъ, и потому съ усиліемъ впился въ учебники и скоро занялъ въ классѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. И пошла передъ нимъ жизнь училищная... Запуганный Трепетовъ невольно сторонился отъ товарищества и жилъ только одной смутной надеждой, что онъ здѣсь только на время и когда нибудь вернется опять на свободу.

Товарищи прозвали его „философомъ“ и стали извлекать изъ него нѣкоторую пользу; передъ приходомъ учителей они обращались къ нему съ просьбами о пособіи: „переведи, братъ; сдѣлай задачку; растолкуй“ и проч. и Трепетовъ помогалъ имъ, какъ могъ, за то товарищи и не обижали его. Но эта подневольная жизнь все-таки истомила мальчика; онъ худѣлъ, терялъ постепенно прежнюю бодрость и, вѣроятно, совсѣмъ одичалъ бы, если бы судьба не свела его съ однимъ товарищемъ Сергѣевымъ, съ которымъ онъ скоро крѣпко сдружился. Сергѣевъ жилъ въ училищѣ такимъ же бобылемъ, какъ и Трепетовъ, такъ же скучалъ о жизни домашней, и потому не удивительно, что оба они сошлись, поняли и стали поддерживать другъ друга. Разговоры ихъ постоянно вертѣлись около предметовъ интимныхъ,

дорогихъ сердцу: они вмѣстѣ припоминали всѣ подробности прошлой жизни; передавали другъ другу свои дѣтскія мечты и такимъ образомъ могли забывать на время ту печальную дѣйствительность, въ которую ихъ вдвинула судьба. Много прекраснаго и жизненнаго было въ этой дѣтской дружбѣ, и только она спасла ихъ отъ погибели, какъ спасла многихъ бурсаковъ, которые по природѣ не могли втянуться въ интересы бурсацкой жизни...

Такъ прошло три года. Пріѣхала мать и не узнала сына, — такъ онъ худъ былъ. Въ слезахъ бросилась она опять къ смотрителю и начала упрекать его, зачѣмъ онъ испортилъ мальчика; смотритель озлился, обругалъ и выгналъ ее опять, а потомъ призвалъ Трепетова и приказалъ ему не бабничать и впередъ не пускать къ нему свою мать.

— Если я еще разъ увижу у себя эту дуру, говорилъ онъ мальчику,—я объ нее палку свою обломаю. Слышишь?

Какъ ни былъ робокъ Трепетовъ, однако онъ не смогъ перенести подобнаго оскорбленія. Не помня себя отъ злости, онъ бросился на смотрителя и началъ судорожно колотить его. Вышелъ скандалъ. Трепетова связали и заперли въ караулку. По училищу разнесся шопотъ, что смиренника Трепетова драть будутъ „на смерть“, и на всѣхъ учениковъ напалъ страхъ. Смотритель дѣйствительно собралъ всѣ классы, позвалъ мать Трепетова и въ ея присутствіи такъ отодралъ преступника, что его замертво стащили въ больницу. Думали даже исключить его изъ училища, но пріѣхавшій отецъ какъ-то уладилъ дѣло и оно въ ходъ не пошло. Трепетовъ уѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ на погостъ:

его нарочно взяли на каникулы изъ училища, чтобы успокоить и урезонить мальчика.

Этотъ фактъ сильно подѣйствовалъ на Трепетова и точно разбудилъ его. Въ немъ вспыхнула непримиримая ненависть къ смотрителю и въ первый разъ явилось не дѣтское желаніе мстить и досаждать ему. Возвратившись послѣ каникулъ въ училище, онъ самъ собою примкнулъ къ той партіи товарищей, которые болѣе всего были ненавистны начальству, потому что лучше всѣхъ умѣли гадить ему. Онъ сдѣлался коноводомъ этихъ товарищей, и чего только не придумывалъ онъ, чтобы разозлить и ввести въ убытокъ смотрителя; съ какою безпощадностью сталъ онъ преслѣдовать даже тѣхъ, кого любило начальство или кто прислуживался къ нему. Основной соціальный принципъ бурсы, по которому „надуть товарищество считается преступленіемъ, а нагадить начальству—подвигомъ“—сталъ догматомъ для Трепетова, вошелъ въ плоть и кровь его. Этотъ же принципъ вынесъ онъ потомъ и за предѣлы бурсы, какъ выносятъ его и всѣ „отпѣтые“ бурсаки.

Начальство училищное употребляло всѣ мѣры, чтобы исправить Трепетова, и сѣкло его по нѣскольку разъ въ день, но Трепетовъ, казалось, не чувствовалъ боли и съ рѣдкимъ упорствомъ переносилъ всѣ истязанія. Страшная нравственная пытка происходила въ дѣтской натурѣ нашего героя; избитый, поруганный, близкій къ отчаянью, онъ искренно презиралъ тогда все окружающее и даже самого себя, но покориться не могъ и не хотѣлъ. Не разсуждалъ онъ, къ чему приведетъ его эта неравная борьба и кто

въ ней проиграетъ, и безъ всякой пощады къ самому себѣ шелъ дальше и дальше. Это было то состояніе изступленнаго ожесточенія, когда человѣкъ, поставленный въ безвыходное положеніе, теряетъ самую любовь къ жизни и, очертя голову, пускается на всевозможные скандалы; и съ этимъ-то ужаснымъ чувствомъ Трепетову пришлось познакомиться въ самый юный періодъ своей жизни, когда только-что начинаетъ опредѣляться характеръ: — ему тогда было всего только четырнадцать лѣтъ. Товарищи дивились ему и боялись за него; самъ Сергѣевъ не узнавалъ своего прежняго друга, а тотъ, въ свою очередь, сталъ, видимо чуждаться его, смѣялся надъ нимъ, называлъ его трусомъ и „скромницей". Бывали впрочемъ такія минуты, когда Трепетову дѣлалось страшно за себя, когда въ немъ пробуждалась инстинктивная любовь къ жизни: въ эти минуты ему рыдать хотѣлось, но не помогали тогда и слезы.

Однажды ему сдѣлалось особенно грустно и онъ ушелъ на заднюю парту къ печкѣ, гдѣ бывало они сиживали вмѣстѣ съ Сергѣевымъ. Въ классѣ смеркалось, бурсаки возились и шумѣли въ потьмахъ. Сергѣевъ, во избѣжаніе всякихъ скандаловъ, могущихъ произойдти въ темнотѣ, отправился къ той же партѣ и друзья встрѣтились.

— Это ты, Трепетовъ? робко спросилъ Сергѣевъ.

— Я, другъ, мягко и надтреснувшимъ голосомъ отвѣтилъ Трепетовъ, не поднимая головы.

У Сергѣева заколонуло сердце: давно прежній пріятель не говорилъ съ нимъ такъ ласково.

— Чтожъ ты... за что ты сердишься на меня? Помнишь, мы прежде друзьями были.

— Были.

— Ты совсѣмъ теперь перемѣнился; тебя...

— Слушай, Сергѣевъ, мнѣ сегодня что-то очень скучно, перебилъ его Трепетовъ.

— Вѣрно письмо отъ матери получилъ?

— Получилъ,—глухо отвѣтилъ мальчикъ, едва сдерживая слезу. Письма матери служили для него пыткой въ училищѣ. Ея безхитростныя строки такъ живо вызывали въ немъ полузадавленныя воспоминанія о свободѣ и привольи домашней жизни, такъ сильно затрогивали его лучшія привязанности, что училищная жизнь становилась ему не по силамъ. Въ эти дни его дѣтская натура просила привѣта и ласки и такъ мучительно хотѣлось ему вырваться изъ своей тюрьмы, такъ крѣпко досадовалъ онъ на свое безсиліе...

То же испытывалъ онъ и въ настоящую минуту, и какъ ни силился сдержать свои слезы—не могъ. Радъ былъ Трепетовъ, что въ темнотѣ никто не можетъ видѣть этихъ слезъ; иначе товарищи осмѣяли бы его.

— Хочется мнѣ сегодня убѣжать отсюда произнесъ Трепетовъ,—и убѣгу, непремѣнно убѣгу.

— А поймаютъ если?

— Можетъ быть и не поймаютъ... Отчего это, право, такъ сдѣлалось?... зачѣмъ насъ заставляютъ непремѣнно *здѣсь* учиться?... Дома я могъ бы учить то же самое... даже лучше учился бы.

— Ты плачешь, кажется?

— Нѣтъ, что ты? зачѣмъ плакать. Я просто говорю, что дома учиться лучше было бы...

Сергѣевъ самъ понялъ, что о слезахъ не говорятъ въ бурсѣ. Трепетовъ смолкъ и призадумался.

— Вотъ что, шопотомъ произнесъ онъ, быстро оборотившись къ другу: ты трусъ, или нѣтъ?

— А что?

— Хочешь сдѣлать сегодня со мною одно дѣло... Предупреждаю, что за него сильно вспороть могутъ.

— Ну, говори.

Трепетовъ наклонился къ самому уху товарища.

— Подожгемъ-ка ночью училище!.. шопотомъ проговорилъ онъ.—Я, братъ, все думалъ сегодня объ этомъ и рѣшилъ, что можно. Домъ смотрителя деревянный, на лѣстницѣ у него чуланъ есть—какъ разъ загорится; а потомъ ищи себѣ, кто зажогъ. Впрочемъ, если и поймаютъ — не убьютъ вѣдь...

Сергѣевъ обомлѣлъ и задохся отъ страха. Хотя онъ былъ по лѣтамъ не старше Трепетова, однако умѣлъ смекнуть, что другъ его затѣваетъ дѣло опасное и не практичное, потому что если сжечь это училище, такъ скоро выстроютъ другое; стѣны-то будутъ новыя, а люди тѣже, значитъ и впечатлѣнія тѣже. Трепетовъ этого не смекнулъ.

— Чтожъ ты? хочешь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Сергѣевъ.

— Отчего?

— Я боюсь....

— Трусъ и сволочь ты послѣ этого, — сказалъ ему Трепетовъ и, выругавшись всласть, вышелъ изъ класса.

Мысль о поджогѣ, возникшая въ припадкѣ ожесточенія, заняла Трепетова не на шутку, и онъ, по строгомъ размышленіи, порѣшилъ училище сжечь, и сжечь именно такъ, чтобы прежде всего сгорѣлъ смотритель. Два дня онъ мучился этою мыслью; ходилъ какъ сонный, механически ѣлъ, пилъ и выдерживалъ порку за незнанье урока, и, наконецъ, выбравъ ночь потемнѣе, рѣшился свой замыселъ исполнить. Выждавъ, когда всѣ уснули, онъ тихонько вышелъ изъ спальни, взялъ спички, бересту и два полѣна, приготовленныя заранѣе, и поднялся по смотрительской лѣстницѣ въ узкій коридоръ. Тамъ ощупью отыскалъ онъ старый чуланъ, никогда незапиравшійся и находившійся какъ разъ подъ кабинетомъ смотрителя; потомъ приложилъ къ деревянной стѣнкѣ чулана оба полѣна, подсунулъ подъ нихъ бересту, какъ это дѣлается при топкѣ печей, и началъ зажигать спичку. Надо признаться, что нашъ герой исполнялъ все это съ тѣмъ же присутствіемъ духа, съ какимъ выносилъ всѣ училищныя сѣченья и дѣлалъ всѣ прежніе опыты, и хотя чувствовалъ легкую нервную дрожь, но старался сдержать ее. Къ счастью, ему помѣшали въ этомъ дѣлѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ торопливо портилъ спичку за спичкой, стараясь поджечь бересту,—вверху отворилась смотрительская дверь и оттуда кто-то вышелъ. При свѣтѣ вспыхнувшей спички, Трепетовъ увидѣлъ передъ собою товарища, котораго весь классъ давно подозрѣвалъ въ фискальствѣ.

— Это—ты Іудскій? окликнулъ его Трепетовъ.

— Я, отвѣтилъ тотъ, узнавъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Іудскій растерялся и струсилъ, хотя былъ вдвое сильнѣе Трепетова. Онъ былъ увѣренъ, что Трепетовъ по порученью товарищей нарочно подкарауливалъ его.

— А, такъ вотъ оно что?.. произнесъ Трепетовъ, и, схвативъ полѣно, онъ такъ огрѣлъ имъ Іудскаго по головѣ, что тотъ безъ чувствъ полетѣлъ съ лѣстницы. Опомнился наконецъ и нашъ герой; на него напалъ ужасъ и онъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ. Его поймалъ привратникъ, стоявшій у училищныхъ воротъ.

Этимъ казусомъ кончилось образованіе и похожденіе Трепетова въ училищѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ, онъ былъ публично наказанъ розгами и исключенъ изъ училища, не дотянувъ двухъ мѣсяцевъ до окончанія училищнаго курса. О его поджогѣ такъ и не узналъ никто, а то бы не миновать ему уголовнаго суда.

Какого рода чувства и понятія вынесъ Трепетовъ изъ подобной практики—пусть судитъ самъ читатель....

III.

Освободившись такими радикальными средствами отъ училищной жизни, Трепетовъ съ радостью поѣхалъ на родной погостъ. Онъ по простотѣ душевной полагалъ, что родители вмѣстѣ съ нимъ будутъ ликовать и радоваться этому случаю, но конечно ошибся въ разсчетѣ. Отецъ, узнавъ въ чемъ дѣло, испугался и едва не обезумѣлъ съ отча-

янья; мать въ постель слегла; самъ Трепетовъ, не ожидавшій такого эффекта, совершенно растерялся и счелъ себя погибшимъ на вѣки. Особенно сокрушало его отчаянье матери, которую любилъ онъ такъ, какъ никого никогда не любилъ. Она по цѣлымъ днямъ причитала надъ нимъ и, надрываясь отъ рыданья, внушала ему горькія истины своего глупаго опыта. Умоляла она сына смириться передъ начальствомъ и не сердить его, старалась доказать мальчику, что противъ силы ничего не подѣлаешь, что всѣ мы люди подневольные, съ которымъ начальство можетъ распорядиться, какъ угодно; что всякое неповиновенье тяжело отзовется на всемъ ихъ семействѣ, и проч. Плакала мать, и ея слезы свинцомъ падали на дѣтское сердце Трепетова, и этотъ не гордый, покорный и безстрашный мальчикъ въ подобныя минуты готовъ былъ на всякія униженья, лишь бы помириться съ начальствомъ и утѣшить мать. Такова иногда бываетъ сила материнскаго вліянія!..

Отецъ долго плакать не сталъ и рѣшился снова немедленно хлопотать объ опредѣленіи сына въ семинарію. Пріѣхалъ онъ съ нимъ въ городъ и сталъ настойчиво умолять объ этомъ мѣстныя власти. Моленье шло долго; отецъ кланялся, плакалъ и тратился, наконецъ мѣстный „владыка“ повѣрилъ ему, что мальчишка буйствовалъ единственно по глупости своей, и приказалъ зачислить его на казенное содержаніе въ низшій классъ семинаріи, что конечно и было исполнено.

Такимъ образомъ Трепетовъ снова очутился среди прежнихъ товарищей, хотя и при другой обстановкѣ. Скучно

показалось ему и здѣсь; форменная монотонная жизнь семинаріи сразу отшатнула его отъ себя; безотвѣтность и скромность товарищей его бѣсила; однако, помня наставленія матери, онъ воздерживался отъ всякихъ столкновеній съ начальствомъ, хотя подъ часъ ему и трудно было сдерживать свои вспышки. Въ классѣ его томило сознаніе полнаго одиночества; къ товариществу относился онъ безъ интимности, а прежняго друга, Сергѣева, здѣсь уже не было: кажется, исключили его. Новыя заглавія наукъ сначала заинтересовали Трепетова и онъ съ жадностью началъ было слушать учителей и читать записки по ихъ лекціямъ; но записки и лекціи скоро начали нагонять на него непобѣдимую зѣвоту... Не разъ онъ задавалъ сабѣ вопросъ: „къ чему все это? зачѣмъ насъ учатъ?“ и постичь не могъ этой тайны. А между тѣмъ онъ слышалъ, что учиться необходимо: объ этомъ въ каждомъ письмѣ умоляла его мать, этого требовало и начальство, и Трепетовъ не на шутку задумался, какъ бы облегчить себѣ этотъ насильственный трудъ. Средство скоро было найдено: онъ занялся тщательнымъ переписываньемъ рукописныхъ учебниковъ. Это приносило ему двоякую пользу: во-первыхъ, помогало убивать значительную часть празднаго времени, а во-вторыхъ, переписывая, онъ запоминалъ сущность уроковъ и безъ особеннаго труда могъ потомъ заучивать ихъ. Всю семинарскую жизнь онъ считалъ чѣмъ-то внѣшнимъ, постороннимъ, точно некасающимся его и смутно чувствовалъ потребность въ чемъ-то другомъ, болѣе интересномъ. Это *другое* доставили ему книги же, только не учебныя, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ

прочиталъ первый свѣтскій романъ, началось его самостоятельное развитіе: все остальное отошло на второй планъ.

Кто имѣлъ несчастье воспитываться въ закрытомъ учебномъ заведеніи или жить въ такомъ нибудь захолустьи, тотъ пойметъ, какое важное, спасительное значеніе имѣютъ здѣсь популярныя книги и журналы. Въ этихъ оторванныхъ или искусственно изолированныхъ отъ жизни трущобахъ нашего быта, они часто служатъ единственными проводниками развитія и отголоскомъ того, что дѣлается и о чемъ размышляется въ лучшихъ кружкахъ общества; для многихъ эти книги и журналы замѣняютъ лучшихъ друзей, потому что даютъ возможность отдохнуть и забыться среди окружающей грязи и невѣжества. Это испыталъ на себѣ и Трепетовъ. Только дѣло въ томъ, что въ семинаріи, гдѣ прозябалъ нашъ герой, подобные *друзья* были строго запрещены. Тамъ, какъ и во всѣхъ почти закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитаніе было искусственное, составленное по напередъ написанной и утвержденной программѣ; поэтому здѣсь было дозволено къ чтенію только то, что возбуждало и укрѣпляло мысли, назначенныя программой, и строго запрещалось все то, что наводило на мысли несогласныя съ программой. Но Трепетовъ страстно привязался къ чтенію свѣтскихъ книгъ, чувствовалъ уже на себѣ ихъ вліяніе и такимъ образомъ развивался втайнѣ, крадучись, какъ воръ, робѣющій, что его каждую минуту поймать могутъ.

Въ то время, когда воспитывался Трепетовъ, (лѣтъ двадцать пять тому назадъ), въ нашей литературѣ преобла-

далъ элементъ чисто-романическій; въ журналахъ цѣлыя сотни страницъ замѣщались стихами, въ повѣстяхъ и романахъ описывались неземное счастье и неземное страданіе — и потому Трепетовъ поневолѣ погрязъ по уши въ эти неземныя описанія. Съ замираніемъ сердца прослѣдилъ онъ за тысячью, полусъумашедшихъ героевъ и героинь, не на шутку задумывался о судьбѣ „таинственнаго монаха", даже видѣлъ во снѣ „чорную женщину" Греча, или какого нибудь Владиміра съ Маріей и трелями соловья, и совсѣмъ не могъ спать, когда коварный Владиміръ покидалъ Марію... Это состояніе продолжалось года четыре, и въ теченіе этихъ несчастныхъ лѣтъ Трепетовъ измѣнился замѣтно къ худшему. Онъ такъ жадно впился въ отвлеченную поэтическую прелесть, что составилъ свой особый фантастическій міръ, полный разныхъ неземныхъ интересовъ... И какъ жалка казалось ему грязная дѣйствительность съ ея практическимъ смысломъ, какъ апатично глядѣлъ онъ на все окружающее, или даже вовсе не замѣчалъ его. Онъ жилъ точно во снѣ или опьяненномъ полузабытьи, механически исполняя все то, чего требовало отъ него начальство или законы бреннаго тѣла. Къ концу этого періода онъ совсѣмъ превратился въ какую-то отвлеченную личность, строилъ воздушные замки, съ сладострастнымъ замираньемъ напрягалъ свой мозгъ, представляя себѣ разныя картины романической любви и идилліи, и услаждался ими до нервной дрожи, до истомы, близкой къ помѣшательству... А школьная жизнь между тѣмъ шла передъ нимъ такая простая и такъ дерзки равнодушная ко всему, что совершалось въ отуманенной головѣ

Трепетова; товарищи устраивали прозаическіе скандальчики изъ-за лапши и каши и даже чуждались Трепетова. Очень рѣдко онъ принималъ участіе въ ихъ затѣяхъ, еще рѣже руководилъ ими, и дѣлалъ все это какъ-будто „между прочимъ“. Чуть онъ оставался одинъ, мысль его, привыкшая къ извѣстнымъ занятіямъ, сама собою отправлялась въ заоблачную высь и далѣе, куда слѣдуетъ.

Въ это несчастное время умственнаго разврата, Трепетовъ, исписавшій уже бездну стиховъ, рѣшился наконецъ написать повѣсть. И вотъ онъ соорудилъ какого-то бѣднаго художника, окруженнаго графами и княжнами, словомъ лицами, которыхъ онъ ни разу нигдѣ не видалъ; затѣмъ послѣдовала любовь художника къ княжнѣ и разныя препятствія этой любви; въ заключеніи художнику заплатили деньги за работу, а тотъ пришелъ въ негодованіе, что „святое искусство вдохновенія толпа смѣетъ оцѣнивать презрѣннымъ металломъ“ и проч. Словомъ, повѣсть вышла какъ слѣдуетъ. Трепетовъ запечаталъ ее и отправилъ въ Петербургъ, въ одинъ изъ самыхъ убогихъ журнальцевъ, который онъ выбралъ собственно по авторскому смиренію. Это было при переходѣ его въ старшій классъ. Съ замираньемъ сердца прождалъ онъ два мѣсяца, и наконецъ получилъ увѣдомленіе, что повѣсть его будетъ напечатана. Задыхаясь отъ радостнаго волненія, побѣжалъ онъ въ слѣдующій праздникъ въ мѣстную городскую библіотеку, справиться, нѣтъ ли тамъ новыхъ нумеровъ этого журнала и наконецъ дождался искомаго номера и прочиталъ себя. Строки мелькали передъ нимъ, въ глазахъ рябили слезы; видѣлъ онъ, что мно-

гое тутъ измѣнено, но мысль-то все-таки *его* собственная. Съ какою гордостью онъ гулялъ въ этотъ день по городу; съ какимъ чванствомъ смотрѣлъ *на толпу*; какъ хотѣлось ему сказать каждому встрѣчному, что онъ поэтъ и литераторъ... Впрочемъ, благоразуміе заставило его открыть свое высокое призваніе только очень немногимъ своимъ товарищамъ, и тѣ хотя посмотрѣли на него съ уваженьемъ и гордостью, однако до начальства это дѣло не дошло. Грубое, прозаическое начальство семинаріи поэзію ни въ грошъ не ставило.

Скоро Трепетовъ принялся сочинять поэму.

Эти годы имѣли огромное и, надо правду сказать, вредное вліяніе на характеръ и вообще развитіе Трепетова. Эти годы пріучили умъ его къ безполезной идеализаціи, разстроили его нервную систему, сообщили его характеру болѣзненную вялость, такъ что потомъ много ему надо было употребить энергическаго труда и самообладанія, чтобы по возможности уничтожить всѣ слѣды этихъ напрасныхъ увлеченій и вліяній. Но что же дѣлать, если въ замкнутой обстановкѣ, на готовомъ корму и среди общей апатіи къ существеннымъ интересамъ жизни, мыслящей головѣ не было другихъ занятій, кромѣ чтенія, а литература того времени вообще, пробивавшаяся въ семинарію въ особенности, была чисто-идеальная. И не удивительно, что этотъ фантастическій, прежде неизвѣстный Трепетову, міръ—увлекъ его; что по этимъ обольстительнымъ вымысламъ, онъ судилъ о жизни и дѣятельности другаго, лучшаго общества и такимъ образомъ дошелъ до своихъ художниковъ съ графинями. Кто

изъ лицъ окружающихъ его тогда могъ объяснить ему настоящія требованья и интересы жизни? Кто могъ тогда образумить его?.. Счастливъ еще былъ Трепетовъ тѣмъ, что увлекся романическими бреднями въ самые юные годы своей жизни, что еще въ эти годы онъ прочувствовалъ ихъ насквозь и на собственной натурѣ испыталъ ихъ вліяніе и результаты, за то впослѣдствіи онъ могъ осмысленнѣе понять ихъ безполезность и отрицать этотъ одуряющій и ведущій къ апатіи развратъ умственный. Почемъ знать, можетъ быть, воспитавшись на другихъ, болѣе суровыхъ началахъ и гораздо позже отвѣдавъ ядовитой сладости романтической и мистической фантазіи, онъ до того увлекся бы ея заманчивою прелестью, что его не спасло бы отъ этого болѣзненнаго увлеченія никакое логическое лекарство, и лечить его тогда было бы такъ же трудно, какъ жителя востока, привыкшаго къ опіуму и хашишу. А теперь Трепетовъ переживалъ ее какъ неизбѣжную дань вѣку, и для него есть еще спасенье, потому что онъ не видалъ еще обратной стороны медали и не извѣдалъ наслажденія отъ другой, болѣе здоровой дѣятельности.

Переломъ скоро совершился.

Почти въ каждомъ городѣ, въ настоящее время, найдутся люди хорошіе, представители высшихъ интересовъ молодаго поколѣнія, которые своими бесѣдами и вліяніемъ забрасываютъ въ окружающее общество тѣ великія мысли, которыя служатъ для него зачатками будущаго возрожденія. Съ каждымъ новымъ поколѣньемъ ихъ становится больше и больше, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ такіе люди были

еще рѣдкостью, да и общество не понимало и чуждалось ихъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ нѣкто Березинъ. Онъ былъ ученикъ московскаго университета, поклонникъ Грановскаго, человѣкъ горячій и страстный, который конечно и пострадалъ не мало за свои увлеченія. Этому человѣку пришлось произвести реформу въ головѣ Трепетова и своимъ вліяніемъ направить его на хорошую дорогу. Трепетовъ встрѣтился съ нимъ въ городской публичной библіотекѣ, куда, по знакомству съ библіотекаремъ, онъ заходилъ по праздникамъ и наслаждался чтеніемъ. Библіотекарь, хорошо знакомый съ Березинымъ, представилъ ему Трепетова, какъ страстнаго любителя чтенія и даже мѣстнаго писателя. Тотъ пожалъ ему руку и они тотчасъ же и познакомились.

— Что же вы больше читаете? спросилъ Березинъ.

— Что придется. Больше, конечно, люблю беллетристику... Я и самъ даже пробовалъ свои силы въ литературѣ... поспѣшилъ прихвастнуть Трепетовъ. Юнъ еще очень былъ.

— Вотъ какъ? Пріятно слышать... Позвольте однако узнать, въ какомъ родѣ трудъ вашъ?

Трепетовъ назвалъ свою повѣсть и журналъ, пріютившій ее. Онъ надѣялся пріятно изумить незнакомца, но вмѣсто того Березинъ мелькомъ скорчилъ гримасу.

— Вы читали? замирающимъ голосомъ, спросилъ Трепетовъ.

— Нѣтъ, не читалъ-съ,—отвѣтилъ тотъ, потому что, говоря откровенно, никогда не читаю этого журнала, но прочту непремѣнно...

На этомъ и покончилось первое знакомство. Черезъ нѣсколько дней Березинъ возобновилъ разговоръ.

— Прочиталъ я вашу повѣсть, — сказалъ онъ Трепетову, — ну и... Съ вами можно говорить откровенно?

— О чемъ-съ?

— Скажите, по чистой совѣсти, съ какою цѣлью вы написали вашу повѣсть?

— Какъ, съ какою цѣлью?

— Извините, я спрошу еще прямѣе: что вамъ за охота было писать такую чушь?

Трепетовъ совсѣмъ растерялся и могъ пробормотать только: „конечно... но... съ вашей точки зрѣнія...“

— И знаете ли, почему ваша повѣсть не понравилась мнѣ? продолжалъ Березинъ, воодушевляясь, — въ вашей повѣсти слишкомъ сквозитъ барство и какое-то искусственное отвращеніе отъ толпы, которую, конечно, вы нисколько не знаете... Я думалъ, что это писалъ какой-нибудь баричъ, но никакъ не семинаристъ „сынъ толпы“. Я плебей и кровный врагъ барства... Вотъ почему мнѣ не могла понравиться ваша повѣсть.

Трепетова наконецъ задѣли эти слова за живое. Онъ вспыхнулъ.

— Я самъ плебей!.. закричалъ онъ, приподнимаясь, я не баринъ... Я самъ...

— Тише, господа! прошипѣлъ испугавшійся библіотекарь, но его уже не слушали. И Трепетовъ, и Березинъ были еще слишкомъ молоды, чтобы удержаться отъ спора, и споръ закипѣлъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтились крайности. Трепе-

товъ съ яростью романтика доказывалъ, что для пониманія этого наслажденія надобно имѣть особые нервы, что романтизмъ умиротворяетъ душу, и проч. Березинъ, напротивъ, увѣрялъ, что романтизмъ—роскошь, вредная въ настоящую минуту потому, что отвлекаетъ вниманіе образованнаго общества отъ жизненныхъ задачъ, что, усыпляя умъ, она поддерживаетъ нашъ общественный застой, что въ ней въ настоящую минуту нѣтъ ни малѣйшей пользы, что Европа, становясь на реальную почву, далеко опередила насъ и т. п. Березинъ горячо нападалъ на бездѣйствіе образованныхъ классовъ, на крѣпостное право и проч. Онъ увлекся своею задушевною, горячею рѣчью и съ жаромъ и жолчью сообщалъ Трепетову фактъ за фактомъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя тогда имѣлись на лицо, и все это свелъ къ тому заключенію, что порядочному и мало-мальски мыслящему человѣку стыдно заниматься такимъ безполезнымъ писательствомъ, а надо понемногу изучать бытъ нашъ и отыскивать себѣ болѣе полезную дѣятельность. Трепетовъ смолкъ и чутко прислушивался къ новымъ, еще неслыханнымъ имъ рѣчамъ, а въ головѣ его уже закипала работа... Если бы, повторяю, Трепетовъ былъ „въ душѣ поэтомъ", онъ не сталъ бы и слушать Березина. Есть одна извѣстная черта, за которой баловство уже обращается въ потребность, за которой организмъ до такой степени привыкаетъ къ дѣятельности и ощущеніямъ какимъ-нибудь, что становится неисправнымъ, какъ спившійся съ кругу пьяница, для котораго водка стала уже потребностью организма. Но Трепетовъ не перешелъ еще эту границу; его идеализмъ былъ напускной,

отъ нечего дѣлать, и потому, когда ему заговорили о новыхъ сторонахъ жизни, еще незнакомыхъ ему, — онъ будто очнулся, и ему даже стыдно стало за себя и за своего „художника съ графинями“. Онъ чувствовалъ, что въ словахъ Березина есть неотразимая, хотя и горькая правда...

— Что же вы посовѣтуете мнѣ прочесть? спросилъ Трепетовъ послѣ глубокаго раздумья.

— Да что... Сказать по правдѣ: у насъ почти нечего читать. Вы знаете какой нибудь иностранный языкъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Трепетовъ.

— Плохо. Знаете ли, чтобы вполнѣ оцѣнить общественное положеніе и нужды нашего народа, надо ознакомиться съ жизнью цивилизованнаго запада и потомъ сличить, — что сдѣлано на западѣ и что есть у насъ. Изученіе запада, его исторіи и литературы подѣйствуетъ на васъ развивающимъ образомъ и разъяснитъ вамъ многое, что не разъяснятъ наши книги. Тамъ литература стоитъ высоко и касается самыхъ насущныхъ вопросовъ общества, во всѣхъ отношеніяхъ... Изучайте языки: будете потомъ благодарны.

— А отчего же у насъ литература не такая? наивно допытывалъ Трепетовъ.

— Какъ бы вамъ сказать?.. Все зло, конечно, въ томъ, что мы начали развиваться очень поздно, да и пріемы нашего воспитанія слишкомъ рутинны. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и въ вашей бурсѣ, есть тоже опредѣленная программа, по которой воспитываютъ насъ. Все, что развиваетъ насъ въ томъ, или другомъ педагогическомъ направленіи, наши воспитатели возводятъ въ догматъ, а что не

подходитъ подъ программу и можетъ пробудить противоположныя ей мысли, то воспитатели старательно устраняютъ. Поэтому у насъ выходятъ только спеціалисты: доктора, священники, чиновники, офицеры и проч., которые уже по привычкѣ не могутъ интересоваться тѣмъ, что не касается ихъ спеціальности. Оттого-то у насъ литература больше спеціальная, подведенная подъ разныя программы.

— Значитъ, почти всѣ мы люди *искусственные?*

— Значитъ.

— И выходитъ, что, кромѣ казеннаго, педагогическаго воспитанія, надо еще самостоятельно учиться?

— Выходитъ.

Оба они замолчали и призадумались. Березинъ наконецъ всталъ и взялъ фуражку.

— Будемте знакомы, проговорилъ онъ, сжимая руку Трепетова. Заходите ко мнѣ потолковать въ свободные часы. Я живу тамъ-то.

— Очень радъ, отвѣтилъ Трепетовъ, и въ самомъ дѣлѣ радъ былъ этому знакомству.—Посовѣтуйте же мнѣ, какую книгу взять отсюда? спросилъ онъ.

— Да я вамъ говорю, что нечего. Вы читали, конечно, Бѣлинскаго?

— Пробовалъ, да мнѣ скучно показалось...

— Ну вотъ, займитесь имъ пока: онъ будетъ теперь для васъ понятнѣе и пріучитъ къ болѣе серьезнымъ мыслямъ. А главное, заходите почаще ко мнѣ: мы вмѣстѣ читать будемъ.

Они разстались.

Огромное значеніе имѣлъ этотъ случай въ жизни Трепетова. Ошеломленный, разсѣянный явился онъ въ семинарію, точно его разбудили во время сладкаго сна, точно кто передъ нимъ распахнулъ сундукъ съ непонятными диковинками, тогда какъ прежде онъ не зналъ, что этотъ сундукъ раскрывается, и любовался только наружной отдѣлкой его. На все окружающее онъ посмотрѣлъ теперь другимъ взглядомъ и на первый разъ уже замѣтилъ многое, чего не замѣчалъ прежде. Но переломъ этотъ отъ сна къ дѣйствительности былъ слишкомъ быстръ и неожиданъ,—старыя привычки не уступили сразу напору новыхъ силъ, и вотъ началась въ головѣ его работа мучительная, безпокойная: старое путалось съ новымъ, и жалко было покинуть ему это старое, да и новые вопросы начали сверлить его голову до боли. Какъ рѣшить эти вопросы? Съ нетерпѣньемъ ждалъ онъ праздничныхъ дней, чтобы сбѣгать къ Березину и потолковать съ нимъ. Березинъ, какъ опытный педагогъ, руководилъ его развитіемъ осторожно, начиналъ съ азбуки и старался, чтобы Трепетовъ, при его пособіи, *самъ* додумывался до истины, потому что только въ этомъ случаѣ истина переходитъ въ полную собственность ума, какъ слѣдствіе его субъективной работы. Бѣлинскій увлекъ Трепетова и пробудилъ въ немъ множество новыхъ вопросовъ, сообщая мимоходомъ о такихъ вещахъ, которыя были новостью для Трепетова. Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго у него появилась ненасытная любознательность и захотѣлось ему учиться, только не тому, чему учатъ въ семинаріи. Книги онъ бралъ уже серьезныя, въ журналахъ тоже читалъ преимущественно серьезныя статьи, и хотя

большихъ усилій стоило ему пріучить свой изнѣженный мозгъ къ этой сосредоточенной работѣ, однако дѣло понемногу двигалось впередъ. Въ свободные часы онъ занимался также и иностранными языками. Березинъ далъ ему легкое понятіе о значеніи этихъ языковъ въ дѣлѣ развитія; сообщалъ ему вкратцѣ, что нѣмцы народъ хоть и умный, но очень сухой и работаютъ преимущественно въ пользу абсолютной истины, и что литература ихъ мало отражается на политической жизни народа; что французы, напротивъ, затрогиваютъ животрепещущіе и практическіе вопросы жизни, и въ литературѣ ихъ много политическаго энтузіазма и жизненнаго смысла... На основаніи такихъ разсужденій, Березинъ совѣтовалъ Трепетову на первый разъ заняться изученіемъ французскаго языка. Словомъ, онъ далъ ему особую программу для самообученія, и по этой программѣ Трепетовъ и сталъ учиться. Заниматься однако приходилось ему урывками, потому что классныя занятія шли своимъ чередомъ и тоже требовали нѣкотораго вниманія. За то съ какою злостью теперь принимался онъ за учебникъ или заданное сочиненіе.

Слушая разсказы Березина о жизни и литературѣ запада, Трепетовъ не разъ ощущалъ патріотическое недовольство и думалъ: „отчего это у насъ литература такъ одностороння? Неужели въ самомъ дѣлѣ нечего писать изъ русской жизни, когда ея недостатки и нужды сами собою бросаются въ глаза. Онъ рѣшился снова попытать свои силы въ писательствѣ и такимъ образомъ загладить старые грѣхи. Не сказавъ никому ни слова, онъ написалъ небольшую замѣтку о недостаткахъ семинарскаго воспитанія и подъ строгимъ

секретомъ отослалъ ее въ Петербургъ, въ одинъ изъ лучшихъ журналовъ. Онъ уже заранѣе предчувствовалъ, что Березинъ похвалитъ его за этотъ трудъ и мечталъ удивить его сюрпризомъ, но черезъ два мѣсяца онъ получилъ изъ редакціи коротенькое письмо, въ которомъ говорилось, что статья его напечатана быть не можетъ по независящимъ и т. д. Опечалился Трепетовъ; пошелъ онъ къ Березину и повѣдалъ ему свое горе. Березинъ назвалъ его за это *дитей*...—Учитесь лучше, совѣтовалъ онъ ему между прочимъ, тогда и писать научитесь.

Однако ему во что бы то ни стало захотѣлось высказать кому нибудь свои новыя мысли, и онъ, въ видѣ опыта, сдуру, рѣшился сообщить ихъ своему семинарскому начальству. Для этой цѣли, воспользовавшись однимъ изъ заданныхъ ему въ классѣ сочиненій, онъ вставилъ въ него нѣсколько разсужденій, вовсе неподходящихъ къ семинарской программѣ, и въ такомъ видѣ подалъ начальству. Это былъ одинъ изъ тѣхъ опрометчивыхъ, но важныхъ опытовъ, которые онъ бывало дѣлалъ на погостѣ. Результатъ вышелъ очень скверный. Трепетова призвалъ къ себѣ ректоръ семинаріи, далъ ему строгій выговоръ и сказалъ, что за подобныя сочиненія его въ монастырь сослать бы слѣдовало.

— Ты, я слышалъ, въ городѣ къ Березину шляешься? спросилъ его ректоръ.

— Хожу-съ.

— Ну, такъ впередъ не смѣй ходить. Это онъ развращаетъ тебя.

Въ шкатулкѣ Трепетова послѣ этого былъ сдѣланъ

обыскъ; отобрали у него нѣсколько книгъ, запрещенныхъ программой, и перестали отпускать въ городъ. Трепетовъ, внѣ себя отъ злости, въ тотъ же день произвелъ ужасный скандалъ, попалъ въ карцеръ и если бы не одумался во время, онъ подвелъ бы себя подъ красную шапку. Но дѣлать нечего, надо было покориться, и для Трепетова съ этого дня началась мучительная пытка безсильной злобы и ненависти; его натура неудержимо рвалась къ прерваннымъ занятіямъ и бесѣдамъ, а его держали въ тискахъ и начальство смотрѣло за нимъ въ оба. Душно, невыносимо душно показалось ему въ семинаріи и отъ души проклялъ онъ эту форменную, подневольную жизнь, которой насильно заставляли его подчиняться. А тутъ еще мать прислала съ погоста письмо съ своими вѣчными просьбами „учись, Коля, ради меня учись и не ссорься съ начальствомъ!“ и т. д. Что было дѣлать? Онъ написалъ Березину отчаянное письмо и просилъ совѣта. Березинъ отвѣтилъ ему, что рано или поздно это должно было случиться, что духовенство вообще считаетъ его, Березина, волтеріанцемъ и человѣкомъ опаснымъ, но что все это сдѣлалось къ лучшему. Въ концѣ письма онъ просилъ его дотянуть до окончанія курса и понемногу готовиться къ университету, причемъ прилагалъ и самую программу для приготовленья. Трепетовъ поразмыслилъ и — смирился.

Цѣлый годъ еще послѣ того томился онъ въ семинаріи, переживая апатично день за днемъ и считая сколько осталось до послѣдняго дня. Приготовляясь понемногу къ университету, онъ въ это же время особенно заинтересовался

богословскими и философскими науками и перечиталъ по этому предмету всѣ бывшія у него подъ руками книги. Работа была головоломная, но, надо правду сказать, Трепетовъ могъ уяснить себѣ очень немногое...

Пришелъ и послѣдній день.

— Наконецъ я на свободѣ! воскликнулъ Трепетовъ, уходя изъ семинаріи; всѣ мускулы его играли, члены расправлялись и ощущали особую свѣжесть и силу, точно въ самомъ дѣлѣ на нихъ до этого лежали цѣпи.

Долго въ этотъ счастливый вечеръ онъ просидѣлъ у Березина и братски задушевна была ихъ бесѣда.

— А вы можетъ быть и рясу еще надѣнете? спрашивалъ его между прочимъ Березинъ съ улыбкой.

— Нѣтъ не надѣну, отвѣтилъ Трепетовъ. Я совершенно не способенъ къ этому званію.

— Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы не пришлось вамъ жить, помните, мой другъ, что надо жить *не безъ пользы*... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я еще увижусь съ вами, и мы еще потолкуемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданья, Трепетовъ продалъ всѣ свои классныя записки, закупилъ книги, необходимыя для университетской программы, и вмѣстѣ съ своимъ землякомъ по погосту, Маевскимъ, отправился на родину. Онъ расчитывалъ прожить тамъ мѣсяца два не болѣе, такъ чтобы осенью опредѣлиться въ университетъ. Но...

Но не могъ онъ предвидѣть всего, что случится съ нимъ въ эти два мѣсяца.

IV.

Теперь мы пригласимъ читателя заглянуть въ одинъ изъ самыхъ благодатныхъ уголковъ нашей земли, въ глушь непроходимую, но привѣтливую,—словомъ, на тотъ холмъ, на которомъ суждено было нашему герою родиться и провести первые годы своего дѣтства.

При впаденіи рѣчки Глыбовки въ рѣчку Дикую, на высокомъ холмѣ, отдѣльно отъ всего живого міра, стоитъ небогатый погостъ Емельяновскій. По скату холма раскинуто кладбище съ покосившейся деревянной оградой, при кладбищѣ стоитъ старинная, каменная церковь съ высокимъ зеленымъ шпицомъ, а противъ церкви въ разныхъ позахъ понастроено нѣсколько деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ день за днемъ переживаетъ мѣстный причтъ. Два священника съ женами и дѣтьми, два дьячка съ женами и дѣтьми, пономарь холостой и просвирня—вдова, вотъ все словесное населеніе погоста, но все это такъ прочно связано въ одну семью, такъ крѣпко сжилось съ мѣстомъ и его принадлежностями, что составляетъ будто нераздѣльную, органическую часть холма Емельяновскаго. Сама природа рѣзко отдѣлила этотъ мірокъ отъ остальной земли и приподняла его ближе къ небу, потому что этотъ мірокъ благодатный: много мертваго народу нашло здѣсь успокоеніе и пріютъ вѣчный, да и живой народъ не лишенъ того же блаженнаго спокойствія и живетъ такъ же тихо, и безмя-

тежно, какъ и мертвые земляки, которые волей-неволей сроднились съ этимъ холмомъ, и такъ же, какъ они — „срама не имутъ“. Никто почти изъ постороннихъ людей не тревожитъ мира и тишины этого уголка, потому что на далекое пространство вокругъ нѣтъ ни одной души живой. Ближайшее село, Звучное, находится въ двухъ верстахъ отъ погоста. Тамъ живетъ около сотни обглоданныхъ барщиною мужиковъ, изъ которыхъ только очень немногіе приходятъ на погостъ въ праздничные дни, за разными требами; всѣ они свозятъ сюда только свою родную мертвечину, но вообще особенной симпатіи къ погосту не питаютъ. За версту отъ нихъ въ ясный день виднѣется усадьба самого помѣщика Вихляева, который заглядываетъ на погостъ тоже не болѣе двухъ разъ въ годъ, потому что онъ волтеріанецъ и, набожностью не отличается. Этотъ помѣщикъ Вихляевъ служитъ единственнымъ представителемъ „образованнаго“ міра во всемъ здѣшнемъ околодкѣ. Далѣе тянутся длинными вереницами села бѣдныя, люди невѣжественные, среди которыхъ едва сотая часть съумѣетъ разобрать церковную печать, а гражданскую и того меньше. Правда, на погостѣ есть особое зданіе для сельской школы, однако это зданіе большею частію остается впустѣ; развѣ зимою изрѣдка прибѣжитъ сюда съ пятокъ мальчишекъ поиграть въ снѣжки, или въ бабки подлѣ школьнаго зданія, но грамота вообще дается имъ плохо. Желая какъ нибудь водворить въ этомъ краѣ любовь къ наукѣ, старый священникъ отецъ Никита ежегодно въ храмовой праздникъ сказываетъ собравшимся прихожанамъ го-

рячую проповѣдь „о пользѣ просвѣщенія“, но мужики — невѣжи этой пользы никакъ понять не могутъ, и потому просвѣщенію не сочувствуютъ.

Этими немудрыми обязанностями ограничиваются всѣ отношенія жителей погоста къ остальному міру.

И живетъ этотъ мизерный кружокъ своею особенною, изолированною жизнью, и всѣ ихъ жизненные интересы сосредоточены теперь только на небольшомъ пространствѣ холма. Каждый дѣлаетъ свое дѣло и благодушествуетъ по своему: покойники гніютъ себѣ понемногу и замѣтно удобряютъ почву, которою питаются живые обитатели ея; деревья густо разрослись по холму и обильно цвѣтутъ весною; люди справляютъ потребности своей плоти: пьютъ и ѣдятъ, ссорятся и мирятся, помогаютъ другъ другу убивать время, и нѣтъ имъ никакого дѣла до жизни и интересовъ остальнаго міра. Кругомъ ихъ міръ вырабатываетъ общечеловѣческій прогрессъ, геройствуютъ Наполеоны и Гарибальди, а они, сердечные, вовсе и не подозрѣваютъ такихъ диковинокъ; да если бы впрочемъ и узнали о нихъ, то и тогда нисколько не удивились бы и не отозвались бы сочувствіемъ къ общему дѣлу. И это происходитъ вовсе не потому, что они очень невѣжественны, а потому, что вполнѣ довольны своею жизнью и другъ другомъ, и отвыкли думать и заботиться о чемъ нибудь кромѣ того, что касается ихъ лично. Если бы вдругъ ни съ того, ни съ сего провалилось куда-нибудь пол-свѣта, то это и здѣсь, вѣроятно, менѣе произвело бы впечатлѣнія, чѣмъ паденіе штукатурки съ карниза ихъ мѣстной домашней церкви. Съ малолѣтства они сроднились со всѣми при-

надлежностями погоста и такъ привыкли видѣть передъ своими глазами эти принадлежности, что пропади изъ нихъ что нибудь — и жизнь становится не полна, чего-то для нея уже не достаетъ.

Жители Емельяновскаго погоста нигдѣ не бывали дальше ближайшаго губернскаго города, гдѣ они воспитывались въ мѣстной семинаріи. Туда же и теперь они ѣздятъ поочередно разъ или два въ годъ, но только на самое короткое время, и то по крайней необходимости, по консисторскимъ вызовамъ или для неизбѣжныхъ житейскихъ закупокъ. Во время пребыванія своего въ городѣ они испытываютъ непонятную тревогу и страхъ какой-то; они чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ, и старательно отыскиваютъ въ средѣ духовнаго званія, такихъ лицъ, которыя ближе подходили бы къ нимъ по складу понятій. Дико и неловко кажется имъ въ постороннемъ обществѣ и всѣми силами торопятся они вырваться оттуда и добраться скорѣе до роднаго погоста... А было время, когда и они что-то знали, о чемъ-то думали, чего-то желали. Священники тоже вызубрили множество мудреныхъ наукъ и въ молодости мечтали о какой-то лучшей жизни, хотѣли вліять на мѣстные нравы и даже запаслись на первое время книгами; но какъ поженились, да пообжились съ мѣстомъ: желанія куда-то незамѣтно исчезли; науки, ни къ чему не пригодившіяся, остались неподвижно въ головномъ архивѣ и скоро заросли новымъ слоемъ мозга; книги и до сихъ поръ лежатъ по полкамъ и все еще не прочитаны; вліять не на кого; лучшей жизни не добьешься, — а кругомъ нужда бьетъ: землю об-

работывать надо. Тутъ даже совершилось нѣкое превращеніе, которое зачастую у насъ совершается при подобныхъ обстоятельствахъ. Вмѣсто того, чтобы вліять на мужиковъ сосѣдей, сравнительно съ которыми они казались учеными людьми; вмѣсто того, чтобы вносить въ ихъ бытъ начала лучшей жизни,—они, поѣздивъ по приходамъ, сами стали заимствоваться отъ нихъ мудростью и опытомъ житейскимъ. И вотъ стали вкрадываться въ ихъ семейства сначала разныя присловья и примѣты, а потомъ и предразсудки да суевѣрья. Дѣло началось, конечно, съ женскаго пола, который, какъ извѣстно, особенно любитъ все загадочное, мистическое,—а отъ нихъ оно перешло и къ главамъ семействъ и ихъ малымъ дѣтямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ они уже вмѣстѣ съ крестьянами вѣрили, что въ паровозахъ нечистая сила есть, что по проволокѣ чортъ бѣгаетъ, что всякую болѣзнь заговорить можно, что лѣвой ногой нельзя сходить съ кровати и т. п. Отецъ Никита, какъ болѣе образованный и помнившій немного физику, иногда еще пробовалъ сомнѣваться въ томъ, напримѣръ, что въ паровозахъ сила нечистая скрывается.—„Тамъ паръ есть, объяснялъ онъ женѣ.—Паръ-то, паръ, отвѣчала та, а все таки и еще что-то есть такое; вотъ намедни Антипка Сѣрый сказывалъ, что онъ видѣлъ разъ эту самую машину, и что она...“ и т. д.—Слушаетъ, слушаетъ бывало отецъ Никита всѣ эти толки и рукою махнетъ наконецъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что жильцы погоста приняли полный колоритъ мѣстности и только костюмомъ, должностью, да кое-какими природными замашками отличались

отъ мѣстныхъ крестьянъ. Словомъ, они сдѣлались тѣми добродушными и робкими существами, которыхъ мы привыкли представлять подъ именемъ „сельскихъ священниковъ.“

Всѣ обитатели погоста знали и понимали другъ друга какъ свои пять пальцевъ, потому что у всѣхъ ихъ жизнь шла открыто и гласно и ни одно малѣйшее желаніе или фраза, ни одинъ домашній поступокъ каждаго жильца не могъ укрыться отъ наблюдательнаго вниманія другихъ жильцовъ. Весь ходъ жизни каждаго индивидуума обсуждался всѣмъ погостомъ и имѣлъ надъ собою общій гласный контроль. Каждый зналъ до точности, сколько у его сосѣда бѣлья и посуды, что онъ ѣстъ и пьетъ, какимъ мыломъ моется, какіе сны видитъ. Затеряется ли у кого деревянная ложка, прорвется ли сапогъ, кашу ли пересолитъ хозяйка, всѣ эти новости становятся общимъ достояніемъ погоста и поднимаютъ продолжительные толки и аханья. Этотъ обоюдный надзоръ простирается даже и на животныхъ, которымъ пришлось связать свои судьбы, съ судьбами холма; новости коровьи, лошадиныя, собачьи и кошечьи тоже подвергались общему обсужденію и смотря по качеству новости, принимались разныя мѣры. Всѣ сообща вырабатывали себѣ миръ и тишину и устраняли всѣ внѣшнія причины, могущія нарушить эту тишину. Самые характеры ихъ, съ теченьемъ времени, такъ освоились и приноровились другъ къ другу, что если напримѣръ въ характерѣ однаго были какія-нибудь угловатости и неровности, — то въ характерѣ другаго были непремѣнно соотвѣтствующія имъ вогнутости и впадины, такъ что всѣ они другъ другу не мѣшали, были

необходимы другъ другу и тосковали не на шутку, если кому нибудь изъ нихъ приходилось отлучиться на нѣсколько дней въ городъ, или въ дальнее село. Впрочемъ, какъ я уже замѣтилъ, подобныя отлучки бывали очень рѣдко и вообще правильное теченіе жизни на погостѣ нарушалось тоже рѣдко. Развѣ только пріѣдетъ на ревизію благочинный и переполошитъ здѣшній людъ, или дьячки подерутся изъ за лопаты, или какая сплетня скандальная выйдетъ и проч.

Всѣ обитатели погоста знакомы и намъ отчасти. Во всѣхъ ихъ есть нѣчто родное, близкое намъ, гдѣ-то прежде виданное нами. И это очень естественно, потому что холмъ, помѣщавшій на себѣ погостъ, состоялъ изъ земли русской, и потому конечно сообщилъ своимъ обитателямъ тѣ же типичныя черты и свойства, какія мы можемъ встрѣтить по всему остальному пространству русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не знаетъ солиднаго и полнаго самодовольствія о. Никиту, или смиреннаго о. Василія, философа Захарыча и пьяницу-пономаря? Кто не встрѣчалъ здѣшнюю просвирню, Степаниду Петровну, вѣчно слезливую и охающую, которая однако не прочь при случаѣ уязвить ближняго и насплетничать на него? Все это—наши кровные...

Отецъ Никита, какъ старшій священникъ, смотритъ на другихъ обитателей холма свысока; онъ аристократъ погоста и потому считаетъ себя вправѣ читать всѣмъ замѣчанья. Съ нимъ живетъ его жена, Дарья Никитична, дочка лѣтъ четырнадцати и сиротка Таня, дѣвушка на возрастѣ. О.

Никита привередливъ въ семействѣ, вѣчно ворчитъ, вѣчно чѣмъ-то недоволенъ и особенно злится на то, что жена въ грошъ его не ставитъ и наровитъ все дѣлать какъ бы на зло ему. Часто между ними бываютъ крупныя ссоры, послѣ которыхъ жена нѣсколько времени смиряется и дѣло кончается полнымъ примиреньемъ. Эти ссоры однако не возмущаютъ жильцовъ погоста, потому что всѣ къ нимъ привыкли и смотрѣли какъ на дѣло обыкновенное. О. Никита не отпѣтый самодуръ, не изъ злости ссорится онъ съ семьей, а просто изъ за принципа „жена да боится своего мужа", который онъ двадцать лѣтъ силится водворить въ своемъ домѣ. Въ сущности дѣла онъ любитъ семью и часто, устроивъ какой нибудь скандалъ, или выгнавъ всѣхъ изъ дому, онъ потомъ неутѣшно плачетъ, что всѣ его бросили, что никто его не любитъ, а только боятся, и т. п.

При такомъ крутомъ характерѣ о. Никиты очень легко могли бы случаться частыя столкновенія между нимъ и вторымъ священникомъ, отцомъ Василіемъ, но эти столкновенія хотя и бывали, но очень рѣдко, потому что о. Василій отличался полною безотвѣтностью. Василій Петровичъ Трепетовъ, отецъ нашего героя, былъ миролюбивѣйшее и смиреннѣйшее существо, которымъ легко управлять могъ всякій, кому вздумается. Это смиреніе и безотвѣтность были въ немъ, впрочемъ, не природныя, а благопріобрѣтенныя, вынесенныя изъ житейскаго опыта. По природѣ онъ былъ человѣкъ очень не глупый, но житейская практика еще въ бурсѣ начала заѣдать его, и постепенно пріучила къ полному безгласію передъ старшими. Рано постигъ сей старецъ

великій смыслъ народной пословицы: „береженаго и Богъ бережетъ“, рано испыталъ на самомъ себѣ великое значеніе въ нашемъ быту всякаго поклона и смиренія, и эти качества, какъ очень выгодныя, онъ искусственно привилъ къ себѣ смолоду. Поклонами прошелъ онъ незамѣтно черезъ бурсу и дошелъ до философіи, откуда его исключили за малоуспѣшность; поклонами добился должности посошника, при мѣстномъ архіереѣ, потомъ сдѣлался дьякономъ на какомъ-то бѣднѣйшемъ погостѣ, и наконецъ переведенъ сюда вторымъ священникомъ. Теперь ужь его карьера кончена: онъ достигъ апогеи своего положенія въ свѣтѣ, дальше которой ему идти уже некуда. Казалось бы, что теперь и кланяться больше не къ чему, и можно было бы самодовольно наслаждаться плодами своего смиренія; а нѣтъ: онъ до сихъ поръ по привычкѣ кланяется и уступаетъ всякому, кто старше его чиномъ или лѣтами, и теряется отъ страха при видѣ благочиннаго, хотя не чувствуетъ за собой никакой провинности. Иногда, очень рѣдко, у него прорвется нечаянно, какое нибудь, по его мнѣнію, смѣлое слово, но потомъ самому страшно сдѣлается за свою смѣлость и онъ спѣшитъ поправить дѣло неудачною лестью, или искусственнымъ, робкимъ смѣхомъ; иногда, присутствуя при разговорѣ и спорѣ старшихъ, онъ ясно понимаетъ въ чемъ дѣло и какъ разрѣшить его, но сказать безъ спросу боится, чтобы не обидѣть кого. Отъ продолжительной дѣятельности въ этомъ направленіи, организмъ Василья Петровича скоро отвыкъ отъ всякой самостоятельности. Механически переживалъ онъ день за днемъ за обыденными механическими занятіями, и,

отъ долгаго житья на одномъ мѣстѣ и въ однихъ формахъ, въ немъ постепенно угасли самыя потребности лучшей жизни и обстановки. Правда, изрѣдка заговаривалъ онъ съ женою о томъ, что хорошо было бы, если бы напримѣръ прибавили жалованья „хоть малость самую“, или если бы въ городъ, напримѣръ, къ знаменью перевели: „тамъ доходы-то не такіе“, но Василій Петровичъ, выражая подобные идеалы счастья, самъ сознавалъ, что это только одни пустые разговоры, и что этому никогда не бывать; скажетъ онъ, бывало такую штуку, да самъ и зѣвнетъ первый. Если бы даже его насильно пересадить теперь въ другую, лучшую обстановку, онъ скоро соскучился бы о своемъ погостѣ, подобно тому, какъ выросшая въ клѣткѣ птица, полетавъ по вольному воздуху, снова вернется опять въ свою клѣтку. Впрочемъ, это послѣднее свойство, то есть привязанность къ насиженному мѣсту, можно отнести ко всѣмъ безъ исключенія жильцамъ погоста, даже къ четвероногимъ и другимъ животнымъ, проживающимъ здѣсь. Еще недавно отецъ Никита, въ видѣ наказанія, завезъ свою домашнюю кошку за нѣсколько верстъ отъ погоста, но та черезъ нѣсколько дней опять-таки явилась сюда, и потомъ уже никакія силы не могли заставить ее покинуть этотъ благодатный уголокъ.

И живутъ всѣ эти отшельники мирно и тихо, безъ всякаго вреда себѣ и другимъ; и проживутъ они еще долго и никакой памяти, никакого слѣда не останется отъ нихъ и послѣ смерти; развѣ выростетъ изъ нихъ потомъ лопухъ какой-нибудь, который съ аппетитомъ сожретъ корова, еще не родившаяся теперь. Конечно, они тоже наслаждаются

жизнью, но объ этихъ наслажденьяхъ читатель узнаетъ ниже.

Понятно, съ какимъ нетерпѣньемъ ждали на погостѣ такихъ гостей, какъ нашъ Трепетовъ и Маевскій. На нихъ здѣсь смотрѣли, какъ *на своихъ*, какъ на продукты того же, милаго имъ холма Емельяновскаго; смотрѣли даже съ нѣкоторою патріотическою гордостью, какъ на людей непосрамившихъ честь погоста и заработавшихъ аттестаты съ правами на іерейскій санъ,—а это не шутка. Всѣ смутно чувствовали, что, съ пріѣздомъ гостей, обычный ходъ жизни долженъ нѣсколько измѣниться; предвидѣлись свадьбы, разныя пиршества и проч.

Ждали ихъ съ часу на часъ. Матушка Трепетова была въ особенной ажитаціи и при каждомъ трескѣ подъѣзжавшей телѣги у ней захватывалось дыханье. Василій Петровичъ подсмѣивался надъ ней, а самъ все-таки глядѣлъ на всѣхъ царемъ праздника, точно уѣздный чиновникъ, который вычиталъ изъ газетъ о своемъ производствѣ и, въ ожиданіи патента, чувствуетъ уже въ себѣ задатки будущей радости и свысока глядитъ на товарищей. Весь причтъ смотритъ на отца Василія съ какою-то завистью, точно онъ награду большую получить долженъ.

— Сыночка поджидаете? говоритъ ему подобострастно дьячокъ послѣ обѣдни.

— Вотъ жду, на дняхъ долженъ прибыть,—отвѣчаетъ съ наружнымъ спокойствіемъ отецъ Василій, а у самого радостно замираетъ сердце.

— Ну, дай Богъ ему... Вотъ и пономарь тоже сынка да племянника ждетъ...

Наконецъ мальчишки съ испуганнымъ видомъ вбѣжали однажды на погостъ и впопыхахъ объявили, что около Мокраго лѣса телѣга видна, и что рядомъ съ телѣгой идутъ какіе-то господа.

— Это они, рѣшила матушка, и опрометью выбѣжала на улицу.

— Чего-жѣ ты, мать... заговорилъ было вслѣдъ ей отецъ Василій, но и самъ не выдержалъ: взобрался на колокольню и оттуда подтвердилъ, что это дѣйствительно они.

Не безъ тревоги вступили наши юноши на родную землю. Трепетовъ улыбался полной счастья улыбкой; хотѣлъ было онъ, по бурсацкому обычаю, сдавить свои ощущенія, но не смогъ и упалъ въ объятія зарыдавшей матери. Она такъ и повисла на немъ, страстно прижалась къ сыну любимцу, котораго не видала столько лѣтъ, и сладко было ей плакать...

На другомъ концѣ погоста происходила другая сцена: тамъ пономарь встрѣчалъ сына Боголюбова и племянника Маевскаго. Изъ дверей и оконъ домовъ выставились всѣ старые и малые обитатели ихъ и съ любопытствомъ созерцали такое, давно невиданное зрѣлище; на всѣхъ физіономіяхъ выразилось нѣчто необычайное, безсмысленно-сладкое; даже сама степенная Степанида Петровна, и та впопыхахъ совсѣмъ позабыла, что стоитъ безъ чепца, съ плѣшивой головою.

— Ну, что-жъ ты? — тормошилъ отецъ Василій же-

ну,—сведи сына въ горницу. Чай онъ съ дороги-то голоденъ: поѣсть бы надо.

— Не говори ты мнѣ, отецъ; дай наглядѣться на моего ненагляднаго!.. завопила мать и снова припала къ груди сыновней. Наконецъ она очнулась.

И впрямь, что же я такое? Можетъ ты и взаправду ѣсть хочешь?

— Пойдемъ въ горницу, матушка, тутъ народъ посторонній, — произнесъ взволнованный Трепетовъ.

— Какой это народъ, Богъ съ тобой? Это все наши, емельяновскіе.

Вошли въ горницу. Отецъ чинно благословилъ сына, поздоровался еще разъ, потомъ спросилъ про отца ректора и инспектора. Нѣсколько минутъ, по обыкновенью, прошло въ замѣшательствѣ, потому что слишкомъ много накопилось у нихъ разговору и все это хотѣлось высказать вдругъ... А потомъ безъ перерыву потекли торопливые разсказы о всемъ, что пережито и перечувствовано за это время. Больше и шибче всѣхъ говорила сама матушка, Катерина Ивановна, впопыхахъ сообщая сыну, какъ она упала однажды съ телѣги, какъ у нихъ корова околѣла, и т. п. Прижавшись къ стѣнѣ, въ углу скромно стояли двѣ дѣвочки, сестры Трепетова, и робко разсматривали брата...

Долго говоръ не умолкалъ. А между тѣмъ, во все это время, мимо открытыхъ оконъ трепетовскаго дома шныряли дьячки и дьячихи, стараясь хоть однимъ глазкомъ заглянуть на чужое счастье. На погостѣ подобныя минуты переживались рѣдко...

V.

Трепетовъ въ первые дни чувствовалъ себя отлично. Онъ испытывалъ то сладкое ощущеніе внѣшней, мышечной свободы, какое испытываетъ арестантъ, окончившій срокъ своего тюремнаго заключенія, или солдатъ, воротившійся на родину и неуспѣвшій еще втянуться въ прелести казарменной жизни. Отсутствіе всякой формы и дисциплины, жизнь не по командѣ, отсутствіе начальническихъ физіономій и насильственной педагогической опеки,—все это на первыхъ же порахъ сказалось Трепетову и доставляло ему инстинктивное наслажденіе. Онъ отдыхалъ, какъ отдыхаетъ ребенокъ, когда съ него снимутъ тѣсныя пеленки, и онъ сладко потягивается и нѣжитъ утомленные члены свои. Кругомъ лица привѣтливыя, на которыя Трепетовъ съ малолѣтства привыкъ смотрѣть съ любовью; отецъ и мать наперерывъ стараются угодить ему и предупреждаютъ его малѣйшія желанья; самая обстановка погоста имѣетъ для него обаятельную прелесть, потому что ежеминутно напоминаетъ ему о счастьи протекшаго дѣтства и томъ привольи, о которомъ, бывало, онъ такъ часто вспоминалъ въ семинаріи.

Мало что измѣнилось на погостѣ съ тѣхъ поръ, какъ Трепетовъ оставилъ его, точно погостъ прожилъ не три года, а какія нибудь три недѣли; только старый пономарь, Иванъ Силычъ, отъ постояннаго пьянства обрюзгъ и по-

краснѣлъ болѣе прежняго; у отца Никиты шире лысина стала, да на кладбищѣ прибавилось новыхъ крестовъ. Этотъ отецъ Никита въ томъ же положеніи сидитъ по вечерамъ на крыльцѣ своего дома и остритъ надъ прохожими, потѣшая самъ себя. Слезливая просвирня, Степанида Петровна, по прежнему сокрушается, что рѣдко видитъ во снѣ своего покойнаго мужа, и что поэтому ей ни въ чемъ удачи нѣтъ. Захарычъ по прежнему подобострастно улыбается при видѣ Трепетова и каждый разъ старается напомнить ему, какъ они, бывало, вмѣстѣ незрѣлую рябину ѣли, какъ воробья за чижа приняли, какъ тухлыхъ яицъ наславили и тому подобныя достопамятности дѣтства. Онъ уже завелъ крѣпкую дружбу съ пономарскимъ сынишкомъ и ему теперь повѣряетъ свои философскія воззрѣнія, какъ, бывало, повѣрялъ ихъ Трепетову. Женатый дьячокъ, Филимоновъ, все еще наигрываетъ на гитарѣ „помощникъ и покровитель", по нѣскольку разъ въ день расчесываетъ свою длинную бороду и все также искренно удивляется, что время очень скоро идетъ: „давно ли, кажется, женился, а ужь лѣтъ пятнадцать, подикось, прошло", или: „давно ли всѣ маленькими были да въ рубашонкахъ бѣгали, а теперь, гляди, какіе стали" и проч.

— Экая борода-то у тебя, Филимонычъ, знатная; точно у Онуфрія великаго, — говорилъ ему смѣясь Трепетовъ.

— Борода-то велика, да вотъ ума мало, — съ прискорбіемъ отвѣчалъ ему дьячокъ.

— А зачѣмъ тебѣ умъ-то, Филимонычъ? Вѣдь и безъ него жить можно?

— Такъ-то такъ, а все таки не мѣшаетъ... Ума бы надо.

И это наивное желаніе онъ по прежнему откровенно высказываетъ каждому, кто только обращаетъ вниманіе на его длинную бороду.

Въ жизни стариковъ Трепетовыхъ тоже не произошло никакой перемѣны. Отецъ также цѣлые дни хлопочетъ около ульевъ, какъ хлопоталъ и десять лѣтъ тому назадъ, и также молчаливъ и серьезенъ, и все еще труситъ чего-то. Мать вѣчно озабочена то хлѣбами, то огородами, то коровами, дохнуть ей нѣкогда; по прежнему она постоянно потѣетъ и воюетъ съ мухами и комарами, которыхъ каждый годъ бываетъ у нихъ „страсть сколько!“ Всѣ аттрибуты домашняго хозяйства сохранили до сихъ поръ тотъ же домовитый, степенный видъ, слишкомъ знакомый Николаю Васильечу: кажется, и пятнышка-то новаго на нихъ не прибавилось за это время; кажется, и тараканы-то тѣ же самые по столамъ и стѣнамъ бѣгаютъ, которые бѣгали три года тому назадъ, и мать по прежнему сохраняетъ къ нимъ суевѣрное уваженіе, какъ предвѣстникамъ близкаго счастья.— „Эка благодать какая!“ думалъ Трепетовъ, наслаждаясь созерцаніемъ этого приволья.—Здѣсь даже и время-то вовсе не существуетъ, и оно какъ-будто щадитъ этотъ уголокъ. Шутка сказать: *три года;* сколько новаго успѣлъ я узнать и испытать за это время, а тутъ хоть бы что измѣнилось. Развѣ только вотъ ребята здѣшніе подросли немного и начинаютъ толковать объ училищной жизни, о чемъ прежде не толковали.“

Замѣтилъ впрочемъ Трепетовъ на погостѣ одно *новое* лицо, котораго онъ прежде здѣсь не видалъ. Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, невысокаго роста, довольно красивая, съ озабоченнымъ, даже нѣсколько печальнымъ выраженьемъ на лицѣ. Она съ утра до вечера была въ хлопотахъ и бѣгала по погосту съ разными корзинами, лоханями и тряпками.

— Кто она такая? спросилъ Трепетовъ у родителей.

— А это Таня, двоюродная племянница отца Никиты, — отвѣчалъ ему отецъ. — Жила она прежде въ городѣ у отца у вдоваго, а потомъ позапрошлую зиму отецъ у ней померъ, и осталась она горькой сиротой, безъ куска хлѣба. Вотъ отецъ Никита и взялъ ее къ себѣ на даровые хлѣбы; доброе дѣло сдѣлалъ.

— Сперва, вишь, барышней жила, — прибавила мать: — работы никакой съ роду не видала; плачетъ бывало, а ничего въ руки взять не умѣетъ. Ну, теперь попривыкла — работаетъ. Дурочка она какая-то убогонькая, все молчитъ, слова отъ нея съ трудомъ добьешься. Никита Петровичъ иной разъ сгоряча даже и поколотитъ ее маленько, а она ничего, точно и не ее бьютъ. Странная какая-то.

— Крутенекъ съ ней дядя-то, надо правду сказать.

— А что ей въ зубы-то глядѣть! не дочь родная... Спасибо, что пріютилъ, добрый человѣкъ нашелся, а то хоть по міру иди.

— Это конечно, что говорить; Никита Петровичъ доброе дѣло сдѣлалъ, — соглашался съ нею отецъ Василій.

„Эге, подумалъ Трепетовъ, значитъ не всѣ здѣсь благодушествуютъ“, и очень ему захотѣлось познакомиться съ

этой дурочкой. Но она, какъ нарочно, избѣгала его знакомства; встрѣтится бывало съ нимъ, потупится въ землю и наровитъ спрятаться куда нибудь подальше.

Такъ прошла незамѣтно цѣлая недѣля, а Николай Васильичъ и не думалъ приниматься за книги, хотя натащилъ ихъ многое множество. Да и какъ тутъ заниматься, когда жизнь идетъ до такой степени плавно и благодушно, обстановка такая убаюкивающая, что всякая посторонняя работа, особенно умственная, кажется какимъ-то анахронизмомъ, и книга, вмѣсто удовольствія, возбуждаетъ только одну зѣвоту. Съ утра до вечера день напичканъ или ѣдою, или отдыхомъ отъ ѣды. Утромъ чай съ хлѣбомъ и полевыя работы, ровно въ полдень обѣдъ до отвалу, и послѣ него натура окончательно теряетъ всякую способность къ дѣятельности; весь погостъ дружно засыпаетъ часа на два, всюду воцаряется тишина, ну и Трепетовъ лежитъ себѣ пластъ-пластомъ на травѣ и чувствуетъ только одно: что солнышко его пріятно припекаетъ да вѣтеръ дуетъ въ лицо. Потомъ незамѣтно и вечеръ подойдетъ, и опять приходится хлѣбать чай или молоко съ хлѣбомъ, а тамъ, смотришь, ужь и ужинъ подаютъ на столъ. Тѣло, утомленное усиленнымъ пищевареньемъ, опять проситъ отдыха, и въ девять часовъ вечера у всѣхъ, точно по командѣ, разѣваются рты и трещатъ челюсти отъ зѣвоты. И незамѣтно для самого себя, увлекся Трепетовъ этой сытной жизнью, а работы его начали откладываться со дня на день.

О намѣреньи Трепетова поступить въ университетъ еще никто не зналъ на погостѣ, кромѣ Маевскаго, который, по

уговору, пока еще не разглашалъ этой тайны и только изподтишка подтрунивалъ надъ своимъ товарищемъ и его планами. Съ первыхъ же дней Николай Васильевичъ замѣтилъ, что родители давно уже порѣшили на счетъ дальнѣйшей его карьеры, и раза два даже пробовали заговаривать съ нимъ объ открывающихся вакансіяхъ, на ближайшихъ погостахъ и о невѣстахъ, имѣющихся въ наличности, намекая тѣмъ сыну, чтобы онъ заблаговременно приглядывался къ нимъ, ибо судьбы своей не избѣжишь. Эти разговоры дали ему понять, что сговориться съ родителями не такъ легко, какъ это казалось ему сначала, что непремѣнно выйдутъ тяжелыя сцены, начнутся упрашиванья и слезы, разстроится картина семейнаго счастья. На этомъ основаніи Трепетовъ рѣшился отложить свое объясненіе на неопредѣленное время и выжидать болѣе удобнаго случая. Благо жилось хорошо.

— Вотъ ты и пойми теперь, что значитъ жить на погостѣ, — говорилъ однажды Маевскій, укладываясь на траву подлѣ своего пріятеля. — Ну могутъ ли залѣзть въ голову какія нибудь идеи, послѣ такой знатной ѣды? Тутъ только лежи да потягивайся; природа кругомъ чудесная, воздухъ такой, что не надышешься. А приволье то какое! Поживешь этакъ годокъ, другой, такъ и въ рай не надо.

— Да, кормятъ сытно, — отвѣтилъ Трепетовъ.

— Еще бы! Какъ посравнишь эту привольную жизнь съ городскою, такъ на городъ-то и глядѣть не захочется. Нѣтъ, братъ Трепетовъ, Богъ съ ними, съ этими „высшими идеями и потребностями“, они только и могутъ въ городѣ

появляться съ духоты да съ голоду. Пусть ихъ тамъ думаютъ за насъ, какъ хотятъ, имъ на это и власть отъ Бога дана, и жалованье они за свои идеи получаютъ, а мы съ тобою, братъ, и здѣсь прожить съумѣемъ отлично.

— Я такъ и зналъ, что ты на это сведешь, — отвѣтилъ ему Трепетовъ. — Къ чему ты мнѣ на каждомъ шагу свои *идеи* тычешь? Просто говорить съ тобой нельзя!

— А къ тому, другъ любезный, чтобы ты образумился наконецъ, чтобы ты не гонялся за журавлемъ въ небѣ, ибо отъ добра — добра не ищутъ.

Трепетовъ начиналъ злиться.

— Слушай, Маевскій, — сказалъ онъ серьезно, — не толкуй ты о томъ, чего не понимаешь. Это тебѣ мой послѣдній сказъ. Ты самъ не ѣдалъ никогда ананасовъ, такъ тебѣ и непонятно, почему люди объ ананасахъ мечтаютъ. Не корми ты никогда кошку мясомъ, такъ она и хлѣбомъ сыта будетъ; а дай ей только разъ отвѣдать мясца, такъ она хлѣба вашего и въ ротъ не возьметъ, — развѣ только необходимость какая заставитъ. — Понялъ?

— Хитро сказано. А что если мы своимъ хлѣбомъ вполнѣ довольны?

— Значитъ, у насъ натура другая стала, которая, пожалуй, мяса и не переваритъ.

— Ну-ка, въ чемъ ваше мясо, счастливый смертный?

— Не поймешь.

Маевскій продолжалъ улыбаться, но видно было, то и его злость забирала.

— Полно тебѣ бахвалиться-то! — заговорилъ наконецъ

онъ съ жолчью. — Вѣдь я знаю, кто испортилъ то тебя. Какой-то ссыльный фармазонъ наговорилъ ему три короба чуши, а онъ и уши развѣсилъ. Подумай, какое дѣло ты затѣваешь, чѣмъ ты родню-то свою отблагодарить хочешь за всѣ заботы? Я не родня тебѣ, а мнѣ вчужѣ жалко мать твою становится... Ты, братъ, на церковныя деньги воспитанъ, — долженъ и послужить церкви...

— Однако семинарія-то, какъ видно, тебѣ въ прокъ пошла: вбили, значитъ, въ тебя, что имъ вбить хотѣлось. А жаль, можетъ быть, и человѣкомъ былъ бы.

— А священникъ развѣ не человѣкъ? спросилъ Маевскій, окончательно озлившись. — Эхъ вы, фармазоны! Посмотримъ, какъ-то вы умирать будете. Смерть вѣдь не за плечами... Впрочемъ что-жъ я говорю: время свое возьметъ. Ты, кажется, и теперь ужь книжки-то свои въ сторону отложилъ. Богъ дастъ, и ряску надѣнешь. — А?

— Замолчи, пожалуйста, вскрикнулъ Трепетовъ, выведенный изъ терпѣнья, и проворно поднялся.

— Слушай, я завтра уѣзжаю и мы съ тобой не увидимся долго, — крикнулъ вслѣдъ ему Маевскій.

— Очень радъ, — отвѣтилъ Трепетовъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ радъ, потому что Маевскій въ послѣднее время часто злилъ его.

Этотъ разговоръ заставилъ Николая Васильевича призадуматься и обратиться къ своимъ покинутымъ книгамъ.— „Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, вотъ ужь цѣлая недѣля прошла, а я и не думаю заниматься. Экая, жизнь-то въ самомъ дѣлѣ заманчивая: такъ и тянетъ ко сну да къ лѣни...

Нѣтъ, пустяки, не поддамся, а то не увидишь, какъ и лѣто пройдетъ". — И Трепетовъ торопливо отправился на свою вышку, гдѣ онъ устроилъ себѣ временный кабинетъ.

На другой день Маевскій дѣйствительно уѣхалъ къ своему родственнику, верстъ за сто отъ погоста, а пономарь Иванъ Силычъ съ этой самой минуты началъ испытывать странное томительное безпокойство. Услыхалъ онъ отъ Маевскаго одну новость, которую тотъ просилъ его, до поры, до времени, не разглашать никому, а между тѣмъ, эта новость сосала его утробу и томила ее своею тяжестью. Въ русскомъ человѣкѣ вообще, а въ жителяхъ погоста въ особенности, никакая тайна не можетъ долго оставаться тайной: такъ и хочется выдать ее, и непремѣнно тому, кому особенно не слѣдовало бы знать этой тайны... Долго крѣпился Иванъ Силычъ; наконецъ не вытерпѣлъ, и подъ вечеръ съ таинственнымъ видомъ пробрался въ горницу къ отцу Василію, молча поклонился „батюшкѣ и матушкѣ" и робко оглядѣлся.

— Николай Васильевичъ не у себя? спросилъ онъ.

— Нѣту, а что?

— Хочу тайну одну сообщить,—произнесъ Иванъ Силычъ вполголоса и придвигаясь ближе къ отцу Василію.— Вамъ ничего не сказывалъ Николай Васильичъ на счетъ себя?

— Не говорилъ ничего. А что съ нимъ?...

— Конечно, все воля божья, только вы, батюшка и матушка, поберегите своего сынка, а то уйдетъ онъ отъ васъ, не жилецъ онъ съ нами... вотъ что,—прошепталъ таинственно пономарь, утирая выступившій потъ.

Родители поблѣднѣли. У Катерины Ивановны духъ занялся, и точно жилка какая внутри порвалась.

— Господи, что же это такое? — прошептала она въ ужасѣ.

— Онъ въ свѣтское званіе хочетъ поступить, вотъ что — продолжалъ пономарь, очень довольный тѣмъ, что ему первому удалось сообщить новость. — Для того онъ и книги привезъ съ собой, чтобы по свѣтскому выучиться и потомъ въ академію наукъ поступить. Мнѣ это племянникъ сказывалъ.

— Чего-жъ онъ тамъ не видалъ въ свѣтскихъ-то?... Да неушто такъ и будетъ? Гдѣ онъ, мой голубчикъ? заговорила Катерина Ивановна, торопливо вставая.

— Молчи, мать, мы все это обсудимъ потомъ, замѣтилъ ей внушительно отецъ Василій.—Сказывай, Силычъ, какъ было дѣло?

— Что-жъ сказывать? Все тутъ сказано. Извѣстно, въ городѣ живши, всякіе люди бываютъ,—ну, и ему, значитъ, наговорили всего... Вы только глядите въ оба.

— Не даромъ я сны-то страшные вижу все.

— Молчи, мать... А тебѣ, Силычъ, спасибо за дружбу. Я тебя самъ всегда выручалъ... помнишь, при благочинномъ-то? Не хочешь ли рюмочку выпить?

— Я это весьма цѣню-съ, и дай Богъ ему... Я отъ чистаго сердца.

Отецъ Василій налилъ Ивану Силычу рюмку настойки и словоохотливый пономарь пустился въ подробности, разсказывая разные ужасы о свѣтскомъ званіи. Выпивъ вторую

рюмку, онъ круто перешелъ къ богословскимъ вопросамъ. Неизвѣстно, до чего договорился бы Силычъ, если бы въ комнату не вошелъ Николай Васильичъ. Разсказчикъ сразу стихъ и все общество пришло въ замѣшательство.

— Такъ это ты о проведѣніи толкуешь, Силычъ? произнесъ отецъ Василій, стараясь показать сыну, что они просто учеными разговорами съ Силычемъ занимаются.

— Все о провидѣніи... — отвѣтилъ пономарь, наровя, какъ бы удобнѣе ускользнуть; и дѣйствительно, улучивъ удобную минуту, ловко скрылся за дверью.

Наступило тяжелое молчанье. Отецъ началъ ходить по комнатѣ и глаза его торопливо перебѣгали съ предмета на предметъ, стараясь не встрѣтиться съ глазами сына. Мать вздыхала.

— Что такое у васъ случилось? спросилъ Николай Васильичъ, замѣтивъ, что родители его не въ своей тарелкѣ: — умеръ, что ли, родственникъ какой?

— Нѣтъ, слава Богу... мы ничего, отвѣтилъ отецъ.

— Ты, вотъ, сказываютъ... въ свѣтскіе хочешь... произнесла мать чуть слышно и не смотря на сына.

Трепетовъ понялъ, въ чемъ дѣло и въ душѣ проклялъ Маевскаго.

— Это, вѣрно, Силычъ вамъ насплетничалъ? спросилъ онъ.

— Онъ, родной; да вѣдь онъ и вретъ часто съ перепою... заговорила Катерина Ивановна, обрадовавшись своему предположенію. Потомъ она подошла къ сыну и умильно поглядѣла на него.

— Скажи, Николя, правда это, или нѣтъ?...

Николаю Васильичу становилось не по себѣ; онъ предчувствовалъ тяжелую сцену.

— Вотъ что матушка, сказалъ онъ, овладѣвъ собою:— мы объ этомъ когда нибудь послѣ потолкуемъ, а теперь дай-ка намъ поужинать. Ѣсть что-то хочется.

— Это вѣрно, — подхватилъ отецъ, очень довольный тѣмъ, что тяжелое объясненіе отлагается. — Накрывай-ка, мать, ужинать. Утро вечера мудренѣе.

За ужиномъ, однако, плохо ѣла семья. Отецъ Василій, чтобы развлечь общество, началъ было разсказывать анекдоты изъ своей училищной жизни, но анекдоты не клеились, хотя разсказчикъ и старался смѣяться больше всѣхъ. Смѣхъ выходилъ искусственный; всѣхъ томила одна затаенная недосказанная мысль, которую выгнать изъ головы хотѣлось бы; всѣ сознавали, что прежняя безпечность и спокойствіе уже не воротятся скоро, — исчезли куда-то. Даже маленькія сестры Трепетова, и тѣ замѣтили общее уныніе и пріуныли сами. Николай Васильичъ былъ видимо не въ духѣ; онъ постоянно чувствовалъ на себѣ тревожный взглядъ матери, и этотъ взглядъ жегъ его, потому что онъ понималъ его значеніе. Послѣ ужина онъ сейчасъ же ушелъ въ свой мезонинъ. Общество тоже молча разошлось и механически стало укладываться спать.

Крѣпко задумался бѣдный отецъ Василій, завалившись на свою постель. До сихъ поръ ему и въ голову никогда не приходило, чтобы сынъ его могъ измѣнить отцовской дорогѣ, и потому это неожиданное извѣстіе совершенно оза-

дачило старика и поставило его въ тупикъ.—„Что-жъ это такое? какъ же это?“ твердилъ про себя отецъ Василій, стараясь объяснить возможность подобнаго факта; но не придумалъ онъ ничего, и только чувствовалъ жгучую боль въ головѣ своей, давно уже отвыкшей отъ напряженныхъ работъ.—Смутное и нехорошее понятіе имѣлъ онъ о свѣтской жизни вообще, и судилъ объ ней только по тѣмъ немногимъ фактамъ изъ чиновничьяго быта, которые ему приходилось видѣть мимоходомъ въ городѣ или слышать отъ своихъ знакомыхъ. Зналъ онъ только, что *тамъ* живутъ разные чиновники, которые съ утра до ночи корпятъ надъ бумагами, что жалованье у нихъ очень маленькое, а доходовъ меньше, чѣмъ здѣсь, что *тамъ* и одежда другая, и интересы совсѣмъ не тѣ. И не могъ понять бѣдный старикъ, чѣмъ эта жизнь лучше отцовской и чѣмъ могла она заманить Николая Васильича? Страшно, наконецъ, стало ему за своего сына, точно онъ отправлялъ его въ круговсѣтное плаваніе, въ какія-то неизвѣстныя страны, гдѣ на каждомъ шагу ожидаютъ его всевозможныя несчастія.—Нѣтъ, порѣшилъ отецъ, этому не бывать; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, а мнѣ за него отвѣчать придется передъ Богомъ. Пристрою его тутъ гдѣ нибудь, по близости, благо на глазахъ у насъ будетъ.

Долго думалъ отецъ Василій, и не спалось ему: одолѣла тревога. Сталъ онъ молиться—не выходитъ молитва, укутался покрѣпче — въ потъ бросило, а между тѣмъ на дворѣ пѣтухи ужь пѣли. Промаявшись часа четыре, онъ набросилъ на себя подрясникъ и вышелъ на крыльцо. Чуть

свѣтало на небѣ; кругомъ тишина мертвая, только кошка отца Никиты о чемъ-то жалобно мяучитъ. Сверху, изъ оконъ мезонина, сквозь занавѣску, пробивался еще красноватый свѣтъ.—„Неужели не спитъ еще?“ произнесъ отецъ Василій, съ удивленіемъ поглядывая на окно. „Что-жъ онъ тамъ дѣлаетъ до сихъ поръ?“

Простоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, онъ потомъ поднялся въ комнату сына.

Николай Васильичъ сидѣлъ, облокотясь на столъ руками, и внимательно читалъ какую-то книгу. Передъ нимъ на столѣ валялось еще нѣсколько книгъ и листы исписанной и исчерченной карандашомъ бумаги. Трепетовъ тоже изумился, увидѣвъ отца въ такое время.

— Что вы, батюшка? спросилъ онъ, приподнимаясь.

— Сиди, сиди, я ничего... не спится что-то, отвѣтилъ отецъ. — А ты что дѣлаешь?

— Да вотъ читаю книгу.

— Какую?

— Исторію Лоренца.

— Это для тово... для академіи, что ли?

— Для университета.

— Гм!... Ишь, какая толстая,—произнесъ Василій Петровичъ, разсматривая книгу. Не то совсѣмъ хотѣлъ онъ сказать, да ужь такъ вышло. — Ну, занимайся... только глаза не порти! заключилъ онъ и осторожно вышелъ изъ комнаты.

„Уйдетъ! непремѣнно уйдетъ!“ думалъ въ тревогѣ отецъ

Василій, снова укладываясь на свою остывшую постель. — „Я знаю его нравъ, ничѣмъ его не удержишь... Вотъ-те и сынъ... Развѣ мать только что сдѣлаетъ? Бѣда!...“

VI.

Василій Петровичъ и Катерина Ивановна Трепетовы были воспитаны по преданіямъ своихъ предковъ, и потому смотрѣли на дѣтей своихъ такъ, какъ смотрятъ на нихъ всѣ родители патріархальнаго склада. Они знали свои обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ, знали, что имъ придется отвѣчать за судьбу дѣтей своихъ, и что всѣ ошибки дѣтей должны пасть, прежде всего, на ихъ родительскія головы, и, зная это, они считали своимъ долгомъ вмѣшиваться въ образъ жизни дѣтей своихъ, зорко слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и не освобождать ихъ отъ своей опеки до гробовой доски. Усвоивъ отъ своихъ предковъ правила мудрости житейской, выработанныя долголѣтнимъ опытомъ, они, въ свою очередь, старались сообщить эти правила и дѣтямъ, и постепенно направить ихъ на ту дорогу, по которой шли сами. Дѣйствовали они такъ, во-первыхъ, потому, что иныхъ правилъ и иныхъ дорогъ они не знали, да и знать не могли, а во-вторыхъ, — по силѣ кастоваго преданія: „отцы, молъ, наши такъ жили и счастливы были“ и т. п.

Если бы Трепетовы записывали свою генеалогію, то они убѣдились бы, что принадлежатъ къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій, и что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій

они свято сохранили всѣ обычаи и понятія своихъ предковъ въ той неприкосновенности и, пожалуй, на той же степени развитія, какую имѣли ихъ первые родоначальники. Вѣроятно, лѣтъ двѣсти тому назадъ (а можетъ быть и триста, и пятьсотъ — все равно), какой нибудь Иванъ или Петръ Трепетовъ за набожность и скромную жизнь былъ посвященъ въ санъ священника или дьякона въ какой нибудь приходъ и получилъ по этому сану разныя льготы и права. Жить въ этомъ званіи ему, вѣроятно, показалось лучше, чѣмъ во всякомъ другомъ, потому что онъ и сыновей своихъ опредѣлилъ на священническія мѣста. Сыновья тоже, какъ видно, были довольны своимъ положеніемъ, а вслѣдствіе этого, и внуки пресловутаго предка остались въ духовномъ званіи. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, жизнь этой родни начала уже мало по малу обособляться, родня увеличивалась, интересы обобщались, а интересы другихъ сословій дѣлались менѣе понятными, такъ что сыновья этихъ внуковъ уже сами могли мечтать только о поповскихъ мѣстахъ, и своихъ, еще неродившихся, дѣтей обрекали, такимъ образомъ, на ту же дорогу. Съ этихъ поръ судьба точно на рельсы вдвинула весь послѣдующій родъ Трепетовыхъ; а какъ попали они на эти рельсы, такъ и катились во все продолженіе истекшаго времени, наблюдая, чтобы никто изъ родни не соскакивалъ съ рельсовъ. Такъ и до сихъ поръ катятся они, потому что имъ теперь трудно сбиться съ дороги. Озираясь на право и на лѣво, на иную непонятную имъ жизнь, они, однако, скоро замѣчаютъ, что и всѣ другія сословія, стоящія на одной съ

ними степени развитія, тоже выработали себѣ свои рельсы, хотя и другого, непонятнаго имъ устройства, и такъ же, какъ они, мчатся въ будущность по проложенной однажды дорогѣ и общими силами отстаиваютъ свою рутину. Это, конечно, поощряетъ Трепетовыхъ.

Главное, что помогало Трепетовымъ встать и удерживаться на рельсахъ, это патріархальная педагогика, которая удерживала каждое новое поколѣніе на той ступени, на которой стояли родители. Съ самаго рожденія дѣтей родители начинали слѣдить за ними въ оба; гдѣ лаской, гдѣ угрозой, а гдѣ и силой, они мало по малу прививали къ нимъ немудрыя правила своихъ преданій и своего житейскаго опыта, сообщали имъ свои понятія, старались уничтожать въ нихъ неподходящія стремленія, подравнивали, приглаживали, полировали и постепенно вкладывали въ ту, выработанную дѣдами, форму, какая нужна была для счастливой жизни на отцовской дорогѣ и дальнѣйшей пропаганды тѣхъ же правилъ воспитанія. Бурса, конечно, имѣла въ виду ту же цѣль. Такимъ образомъ и шла изъ рода въ родъ эта механическая переработка дѣтскихъ организмовъ въ существа искусственныя, способныя только къ той жизни, на которую предназначили ихъ родители. Сдѣлавшись отцами, эти дѣти припоминали, какъ воспитывали ихъ въ малолѣтствѣ, и уже готовые педагогическіе пріемы прилагали и къ своимъ дѣтямъ. И такъ далѣе; пожалуй, до безконечности.

Весь духъ этой великой ассоціаціи, всѣ ихъ преданія и взглядъ на воспитаніе дѣтей преемственно перешли и на

Василія Петровича съ Катериной Ивановной, и потому они считали своей обязанностью воспитывать дѣтей именно такъ, какъ воспитались сами. Василій Петровичъ былъ вообще холоденъ къ своему сыну и вмѣшивался въ его воспитаніе только на основаніи *долга*, а у Катерины Ивановны къ сознанію долга присоединялось еще чувство безпредѣльной любви къ сыну, и потому ея вліяніе и ея власть надъ сыномъ были сильнѣе, чѣмъ у отца.

Катерина Ивановна съ малолѣтства жила такъ, какъ живутъ всѣ почти сельскія поповны. Жизнь не баловала ее: отецъ у ней былъ суровый и нелюдимый; мать умерла слишкомъ рано; сама она была какая-то хворая, дряблая и слезливая. Отецъ выучилъ ее на мѣдныя деньги читать и писать, да и это оказалось излишнею роскошью и пригодилось только для переписки съ сыномъ, а подъ старость было забыто. Знала она съ дѣтскихъ лѣтъ, что ей предназначено судьбою выйдти замужъ за священника или дьякона, и съ покорностью ждала она своего суженаго; подчасъ мечтала объ немъ; ждала чего-то лучшаго. Подругъ мало было у ней, да и тѣ при встрѣчѣ могли толковать съ нею только о женихахъ-семинаристахъ, о мѣстахъ, да сплетняхъ разныхъ. Скучно и чорство шла ея безсодержательная жизнь; день за днемъ проходилъ въ ожиданіи чего-то новаго, а новаго не было: тотъ же угрюмый отецъ, та же пустота и безлюдье; нечѣмъ было помянуть Катеринѣ Ивановнѣ свою незатѣйливую юность. Наконецъ родитель померъ отъ спинной сухотки; за Катериной Ивановной закрѣпили отцовское мѣсто, а черезъ нѣсколько времени явил-

ся и женихъ, Василій Петровичъ Трепетовъ, уже утвержденный на это мѣсто, со взятіемъ закрѣпленной невѣсты, такъ что и выбора-то у ней не могло быть никакого. Не понравился этотъ женихъ Катеринѣ Ивановнѣ, но бумага была уже подписана,—значитъ, ничего не подѣлаешь. Со слезами обвѣнчалась она съ Василіемъ Петровичемъ, со слезами и прожила съ нимъ до рожденія сына; сама не знала она чего ей хотѣлось, а такъ: слезы сами лились. Съ рожденьемъ сына, жизнь Катерины Ивановны осмыслилась; съ этой минуты она цѣльно и страстно привязалась къ своему первенцу и сосредоточила на немъ всѣ силы любви своей, нерастраченныя еще ни на отца, ни на мужа. Теперь только она поняла, что ей просто любить хотѣлось, и что легче ей жить стало, когда нашелся исходъ для ея любви. Она боготворила своего Николю, слѣдила за его дыханьемъ, за каждымъ глоткомъ его пищи, за каждымъ словомъ любимца. Ребенокъ тоже привязался къ ней и ея ласкамъ, но онъ вполнѣ оцѣнилъ эти ласки только тогда, когда поступилъ въ училище. Тогда онъ уже сознательно почувствовалъ всю силу своей привязанности къ матери, и мы ужь видѣли, какое огромное вліяніе она имѣла на него во все время его училищной жизни. Конечно, Катерина Ивановна не могла дать сыну ничего, кромѣ своей любви, ласки, но она слѣпо вѣрила, что сынъ никогда не выйдетъ изъ подъ ея вліянія и не сдѣлаетъ ничего, не посовѣтовавшись съ нею. Но вышло иначе. Время летѣло; отшатнувшись отъ интересовъ бурсы, Николай Васильевичъ долженъ былъ вести жизнь сосредоточенную, одинокую; за недостаткомъ денегъ, онъ

не могъ часто ѣздить на погостъ и подновлять свои дѣтскія впечатлѣнія; сталъ онъ видѣться съ матерью рѣже и рѣже, а натура отыскала развлеченье въ книгахъ, и всѣ привязанности его, такимъ образомъ, перешли на книги. Книги расшевелили мысль, и Трепетовъ испыталъ наслажденіе отъ новой, прежде незнакомой ему, мысленной дѣятельности,—толчокъ былъ данъ и работа закипѣла. Встрѣча съ Березинымъ довершила остальное и въ результатѣ вышелъ полный, непримиримый разладъ между его потребностями и рутиной его родителей. Трепетовъ, однако, до сихъ поръ еще не осмѣливался вникнуть во всю глубину этого разлада и тѣшился мыслью, что теперь *онъ* будетъ вліять на родителей и заставитъ ихъ полюбить ту жизнь, о которой мечталъ онъ.

Конечно, ничего этого добродушная Катерина Ивановна и представить себѣ не могла; она поняла только, что сынъ ея не хочетъ жить съ ними и поступаетъ въ свѣтское званіе, которое она хоть и не знала, но отъ души теперь ненавидѣла. Съ давнихъ поръ, ея любимою и постоянною мечтою было пристроить сына на одномъ изъ ближайшихъ погостовъ, чтобы они могли видѣться, какъ можно чаще, чтобы дальнѣйшая жизнь сына проходила у нея на глазахъ: „въ гости бы другъ къ дружкѣ ѣздили“, мечтала она, „дѣтей бы я у него крестила, а если заболѣетъ, али что, я бы ходила за нимъ, а то какъ безъ меня-то?“ И вдругъ теперь всѣ эти результаты долгихъ заботъ и размышленій готовы рухнуться на ея глазахъ.—„Чего онъ хочетъ тамъ?“ недоумѣвала она, какъ и отецъ Василій; „неужели лучше

свѣтскимъ-то быть? Голодомъ насидится: вѣдь ни земли, ни двора, ни кола своего не будетъ"... Изъ всей родни Катерины Ивановны не было никого въ свѣтскомъ званіи, и вся родня ея смотрѣла на свѣтскихъ съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ на дармоѣдовъ и баръ. Правда, ея двоюродный братъ, исключенный изъ семинаріи, поступилъ-было чиновникомъ въ консисторію (да и то противъ воли родительской), но потомъ спился съ кругу и умеръ въ бѣлой горячкѣ. Теперь такъ и представилась Катеринѣ Ивановнѣ обезображенная пьянствомъ фигура этого родственника, въ какихъ-то лохмотьяхъ, съ жолтымъ, помертвѣлымъ лицомъ и болѣзненной икотой, и ее съ ужасомъ коробило отъ этой картины. Она считала это частое воспоминаніе родственника дурнымъ предзнаменованіемъ, и потому рѣшилась во что бы то ни стало спасти сына и, въ случаѣ чего, даже и насиліе употребить, потому что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и все это порча, да напущеніе на него нашло. — „Не позволю я этакому красавцу въ консисторію пойдти; ему только и быть священникомъ, на то онъ и аттестатъ въ наукахъ имѣетъ"... Она теперь настойчиво обдумывала, какъ бы лучше ей вразумить сына, и хотя была увѣрена, что онъ не откажетъ ей, но... все-таки ей почему-то плакать хотѣлось.

Такимъ образомъ, добродушная Катерина Ивановна стала поперегъ дороги своего сына и повела противъ него свою атаку. Винить ли ее за это? Нѣтъ, она дѣйствовала такъ изъ одной только любви, она искренно желала сыну того счастья, выше котораго она представить себѣ не могла:

счастья жить съ нею и съ родными; ей вѣрилось, что въ присутствіи ея ничего худого съ сыномъ не случится, а за глазами ея онъ пропадетъ. Не понять ей, что своей ласковой, обезоруживающей опекой она можетъ заглушить въ сынѣ всѣ талантливыя стороны его натуры, что она можетъ лишить его тысячи высокихъ, незнакомыхъ ей наслажденій отъ другой, хотя болѣе трудной, но за то болѣе сообразной съ его натурою дѣятельности...

На другой день послѣ того, какъ Иванъ Силычъ сообщилъ Трепетовымъ печальную для нихъ новость, Катерина Ивановна вошла въ комнату сына и робко присѣла около стола, заваленнаго книгами. Ей, очевидно, хотѣлось поговорить съ нимъ, но она не знала, какъ приступить къ дѣлу. Николаю Васильичу жаль стало ее.

— Ты все тревожишься, матушка? спросилъ онъ ласково.

— Какъ не тревожиться мнѣ... Я только все понять не могу, неужели ты взаправду въ свѣтскіе хочешь?

— Да, я думаю еще поучиться немного... Горевать-то тебѣ здѣсь не о чемъ, матушка; ты вообрази только, что я еще не кончилъ курса, и что осенью мои каникулы кончатся — вотъ и все.

— Вообразишь тутъ!

— Дѣло пойдетъ совершенно по старому; я къ вамъ пріѣзжать буду на лѣто... Чего-жъ тутъ горевать?...

— Это ты въ академію?

— Въ университетъ.

— Чего-жъ ты не видалъ-то тамъ? Не надоѣло, что-ли, учиться-то?

Катерина Ивановна глубоко вздохнула.

— Скажи, Бога ради, Николя, —начала она опять,— чѣмъ тебѣ не нравится наше-то житье? Развѣ лучше по свѣтскому жить? а? Экая радость, подумаешь, чиновникомъ-то быть...

— Да я совсѣмъ не въ чиновники иду.

— Куда-же? въ купцы, что-ли?.. Или въ военную службу поступишь?—добавила она, сама испугавшись своихъ словъ.

— Ахъ, пойми же ты наконецъ, что я просто учиться хочу и чувствую себя неспособнымъ къ духовному званію. Ну, какъ я буду требы ваши править или проповѣди говорить, когда у меня совсѣмъ не тѣмъ голова занята?

— Ну, объ этомъ не тревожься: проповѣди въ книжкахъ напечатаны; наши сами списываютъ всякій разъ... это дѣло не Богъ вѣсть какое. А требы и другой священникъ справить можетъ, а то къ намъ посылай съ требами, отецъ Василій отслужитъ.

Трепетовъ призадумался. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить матери, чего ему хочется, когда и самъ онъ вполнѣ не можетъ уяснить себѣ своихъ потребностей и чувствуетъ только, что здѣшняя жизнь ему вовсе не по сердцу? Не пойметъ этого.

— Что-жъ ты молчишь, Николя? спросила мать.

— Вотъ что, матушка, отвѣтилъ сынъ, придумывая, какъ бы сказать ей яснѣе. — Видишь-ли, въ чемъ дѣло... У меня въ городѣ есть много хорошихъ знакомыхъ, а эти знакомые сказали мнѣ, что въ столицахъ живутъ люди не по нашему, и что если кончить курсъ въ университетѣ, то...

тогда можно будетъ мѣсто хорошее получить и... богачомъ сдѣлаться, — закончилъ онъ.

— А ты имъ, небось, и повѣрилъ? — Врутъ они все, только чтобъ сбить съ толку человѣка.

— Послушай, матушка, я тебѣ наконецъ все разскажу откровенно, а ты только не перебивай меня. И Трепетовъ подробно началъ разсказывать матери все, что онъ пережилъ въ семинаріи за послѣднее время, всѣ свои мечты и думы, встрѣчу съ Березинымъ и послѣдствія этой встрѣчи. Онъ самъ радъ былъ случаю поговорить откровенно и припомнить свои лучшія впечатлѣнія. Раскрылъ онъ ей свои будущіе планы о дѣятельности широкой и полезной; сказалъ, что онъ много хорошихъ дѣлъ сдѣлаетъ; что его занимаютъ теперь такіе вопросы, для разрѣшенія которыхъ ему надо много еще учиться, и проч., и проч.

Катерина Ивановна сначала слушала его очень внимательно, потомъ сдѣлалась разсѣяннѣе, а наконецъ и совсѣмъ повѣсила голову. Не добрымъ знакомъ казалось ей это увлеченіе сына и жаръ, съ которымъ говорилъ онъ.

— Все это такъ, Николя, сказала она, — а все-таки по моему не зачѣмъ уѣзжать. Развѣ не можешь ты здѣсь учиться, если ужь тебѣ такая охота пришла? Мы бы и книгъ тебѣ купили, да вотъ и у помѣщика нашего этихъ книгъ видимо-невидимо,—можетъ и онъ далъ бы...

Трепетову досадно сдѣлалось отъ этихъ словъ. „Нечего тутъ и толковать“, подумалъ онъ уныло.

— А что, скоро обѣдать будемъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Небось проголодался? Вчера за ужиномъ ничего вѣдь не ѣлъ?

— Да, я поѣлъ бы.

— Сію минуту, родной, я распоряжусь; чай, и отецъ хочетъ, — сказала мать, вставая, и торопливо вышла изъ комнаты. Скоро Николай Васильичъ услышалъ внизу ея хлопотливые крики и звонъ тарелокъ.

Трепетовъ вовсе не чувствовалъ голода, но онъ опять употребилъ съ успѣхомъ этотъ маневръ для того, чтобы занять матушку болѣе существенными заботами и отвлечь ее отъ тяжелой бесѣды. Началъ было онъ читать Ленца, но не могъ имъ увлечься. Ему стало ясно, что теперь интересы его разошлись окончательно съ интересами матери; что они теперь не поймутъ другъ друга и каждый будетъ тянуть въ свою сторону. — „Скверно“, подумалъ онъ, — „хитрить придется, а я хитрить не умѣю. Впрочемъ унывать-то еще пока нечего, и я своего не уступлю“. Трепетовъ захлопнулъ Ленца и сошелъ внизъ.

За обѣдомъ мать нѣсколько разъ принималась заговаривать „на счетъ свѣтскихъ“, но Николай Васильичъ лавировалъ очень искусно, и не давалъ ей слова сказать, занимая общество разными веселыми разсказами. Онъ былъ, что называется, въ ударѣ, и сестры покатывались со смѣху надъ его шутками, такъ что даже и Катерина Ивановна сама будто просвѣтлѣла немного, и раза два даже улыбнулась. Послѣ обѣда Николай Васильичъ взялъ книгу и ушелъ въ лѣсъ поразвлечься и подумать на просторѣ.

Одинъ только Василій Петровичъ за обѣдомъ не при-

нималъ никакого участія въ веселости сына, а если и смѣялся, то вовсе не впопадъ. Онъ по прежнему избѣгалъ взглядовъ Николая Васильича, былъ очень разсѣянъ и, по всѣмъ признакамъ, въ головѣ его происходило нѣчто необычайное и подчасъ выступавшее сквозь лобъ въ видѣ крупнаго пота. Онъ похудѣлъ и осунулся за эту ночь, однако придумалъ кое-что весьма рѣшительное и, по его мнѣнію, спасительное. Сряду послѣ обѣда онъ втихомолку запрегъ свою сивку въ одноколку и надѣлъ новую ряску.

— Куда ты, отецъ? спросила его Катерина Ивановна.

— А тутъ окрестить младенца надо; въ деревню звали, отвѣтилъ онъ и тронулъ лошадь. Однако онъ поѣхалъ вовсе не въ деревню, а, обогнувъ емельяновскій холмъ, рысцой направился къ усадьбѣ помѣщика Вихляева. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ онъ услышалъ отъ заѣзжихъ мужиковъ пріятную новость, а именно, что въ имѣніи помѣщика Курдюкова, селѣ Лежинѣ, священникъ померъ,—о чемъ и толковалъ долго весь погостъ. Василій Петровичъ зналъ, что въ Лежинѣ закрѣпленной невѣсты не имѣется, и что выборъ новаго священника зависитъ единственно отъ самого помѣщика Курдюкова. Зналъ онъ также, что Курдюковъ большой пріятель Вихляева, и, сообразивъ все это, предпріимчивый отецъ рѣшился опредѣлить на это мѣсто своего сынка. — Тамъ будь, что будетъ, разсуждалъ онъ, а какъ пристроишь его къ мѣсту, такъ оно и вѣрнѣе будетъ; время-то терять нечего, потому что охотниковъ на мѣста много.—Дорогой, впрочемъ, отца Василія сталъ страхъ забирать: не вышло бы чего, пожалуй еще заартачится Николка? — Э, Богъ

милостивъ, рѣшилъ онъ, все можетъ устроиться, какъ надо быть... И съ этой смутной надеждой онъ приблизился къ барской усадьбѣ Вихляева.

Если бы Николай Васильичъ хоть однимъ глазкомъ могъ видѣть отца въ ту минуту, какъ тотъ выпрашивалъ милости у помѣщика,—онъ не вынесъ бы этого зрѣлища и учинилъ скандалъ. Съ привычнымъ смиреньемъ, съ привычною лестью и съ выраженіемъ полнаго ничтожества своего, кланялся отецъ надутому барину, который вообще терпѣть не могъ священниковъ. Все тутъ было пущено въ ходъ: и слезы, и вѣра въ силу барскую и ея вліяніе надъ нами, плебеями, и похвалы умершему отцу помѣщика, и обѣщанія поминать до гроба его милости. А Вихляевъ доѣдалъ въ это время жаренаго гуся, съ-искоса и съ достоинствомъ поглядывалъ на Василія Петровича и только изрѣдка проговаривалъ: — Все, что могу, батюшка; все, что отъ меня будетъ зависить, я очень доволенъ вами и проч.

Отвернемся лучше отъ этой картины.

. . . . . .

Поздно вечеромъ воротился Николай Васильичъ съ прогулки, усталый и осыпанный сосновыми иглами. Онъ хотѣлъ-было прямо пройдти въ свою комнату, но мать остановила его въ дверяхъ.

— Слушай, Николя,—сказала она, какъ можно мягче.

— Ну?

— Съѣзди ты завтра къ нашему помѣщику Петру Петровичу.

— Зачѣмъ?

— Онъ очень познакомиться съ тобой хочетъ. У него книгъ всякихъ пропасть, самъ радъ будешь. Съѣзди, пожалуйста: я тебя прошу.

— Что вамъ такъ хочется этого?

— Неловко же, коли проситъ, самъ знаешь.

— Хорошо; съѣзжу, пожалуй.

— Ну, вотъ спасибо. Куда-жъ ты торопишься? Посидѣлъ бы съ нами.

— Спать хочу, матушка; голова болитъ.

„Не подвохъ-ли тутъ опять какой нибудь?“ думалъ онъ, укладываясь спать.—„Съ чего это вдругъ помѣщику знакомиться со мной вздумалось? А впрочемъ, посмотримъ, что это за штука“.

— Самъ просить хотѣлъ Курдюкова, шепталъ между тѣмъ от. Василій женѣ.—Можетъ и устроится!

— Дай-то Господи!... искренно произнесла Катерина Ивановна, глядя на образъ.

Новую надежду изобрѣла себѣ патріархальная чета и вслѣдствіе этого, начинала уже чувствовать нѣкоторое благодушество.

VII.

Утромъ Николай Васильевичъ отправился съ визитомъ къ Вихляеву. Онъ до сихъ поръ ни разу не былъ у Вихляева, но давно уже слышалъ, что Петръ Петровичъ—человѣкъ ученѣйшій и умнѣйшій, и потому теперь шелъ къ

нему съ надеждою услышать что нибудь хорошенькое, да кстати и книжекъ попросить.

Внѣшній видъ усадьбы помѣщичьей говорилъ не въ въ пользу хозяина: все запущено, грязно и точно тиной заросло, хотя выстроено на широкую ногу. За усадьбой торчитъ нѣсколько избенокъ, крытыхъ соломой; кое-гдѣ по грязи бродятъ полуживые мужики съ испитыми и избитыми лицами: лѣнь и апатія видна въ каждомъ движеніи обитателей, бѣдность сквозитъ изъ каждой щели. Замѣтно, впрочемъ, что все это когда-то жило полной жизнью и праздничный видъ имѣло, а теперь оно кое-какъ, спустя рукава, перетягиваетъ изо-дня въ день это ненужное, сверхштатное существованіе, и живетъ только потому, что смерть еще не пришла. Еще очень недавно усадьба Вихляевская была центромъ многочисленныхъ собраній; сюда съѣзжались издалека на вечера и рауты, и слава о нихъ гремѣла по всему околодку. Отецъ Вихляева былъ либераломъ александровскаго времени, имѣлъ огромную библіотеку и слѣдилъ за всѣми новостями своего времени. На вечерахъ у него происходили какія-то важныя совѣщанія, полныя таинственности и загадочнаго смысла; поговаривали даже, что онъ принадлежалъ къ числу массоновъ, и имя массона заставляло патріархальныхъ помѣщиковъ смотрѣть на него съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ на таинственнаго рыцаря, а мужиковъ—считать его чѣмъ-то въ родѣ татарина. Теперь не то: усадьба заглохла, кровли мохомъ заросли, на великолѣпныя залы опустился тайный флеръ отъ пыли. Самъ Петръ Петровичъ былъ очень обыкновенный смертный. По

смерти отца онъ скоро повыгналъ изъ дому всѣхъ прежнихъ гостей и поселился съ неизбѣжной ключницей въ двухъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ и устроилъ себѣ тотъ холостой комфортъ, который болѣе подходилъ къ его натурѣ. Однако, имя либерала, какъ фирма какая, по наслѣдству перешла и къ нему, и, по старой памяти, онъ тоже слылъ за умнѣйшаго человѣка, хотя въ сущности умомъ особеннымъ не отличался. Такая хорошая и даровая слава пришлась по сердцу Вихляеву, и онъ часто прикрывался своею почтенною фирмою, какъ хвастливая ворона павлиньими перьями. Жилъ онъ въ своемъ имѣньи безвыходно и зиму, и лѣто, не выходя изъ стараго халата и не выпуская изо рта трубки. Сосѣдямъ шепталъ онъ „по секрету", что находится въ ссылкѣ, и что за какой-то очень либеральный поступокъ ему запрещенъ выѣздъ изъ имѣнія; однако, дѣло было вовсе не въ томъ. Просто на-просто, онъ задолжалъ нѣсколькимъ купцамъ порядочную сумму денегъ, а они подали на него искъ: вотъ онъ теперь и спасается, пока его розыскиваютъ. Розыскиваніе это происходило слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ въ то время порядкомъ. Пріятель Петра Петровича, исправникъ, получивъ первый запросъ изъ губернскаго управленія, увѣдомилъ его, что Вихляевъ выѣхалъ въ Нижній. Губернское правленіе послало запросъ въ Нижній и оттуда черезъ полгода отвѣтили ему, что тамъ по розыску Вихляева не оказалось. Тогда исправникъ увѣдомилъ, что изъ частныхъ писемъ онъ узналъ объ отъѣздѣ Вихляева въ Архангельскъ. Губернское правленіе, тѣмъ же порядкомъ, послало запросъ въ Архангельскъ и

черезъ годъ узнало, что и тамъ Вихляева нѣтъ. Потомъ посылались запросы въ Астрахань, Одессу, Ригу и такъ далѣе, чуть не до самой Камчатки — благо городовъ на Руси много, — а Вихляевъ живетъ себѣ припѣваючи въ своемъ помѣстьи и чувствуетъ только по прежнему сверхъестественную дружбу къ исправнику. Въ своей домашней обстановкѣ Вихляевъ держитъ себя очень просто, до того просто, что ключница его зачастую подтяжками бьетъ, а сынишка ея ему гусара въ носъ запускаетъ; но чуть зайдетъ къ нему кто нибудь посторонній, передъ которымъ выгодно порисоваться своей фирмой, — Петръ Петровичъ совсѣмъ перерождается: и осанка у него становится не та, и смотритъ онъ какъ-то свысока, и говоритъ такія обточенныя, глубокія фразы, что посторонній посѣтитель проникается невольнымъ благоговѣніемъ къ нему и потомъ трубитъ по свѣту: „вотъ голова-то!...“—Впрочемъ, Вихляевъ любилъ пускать пыль въ глаза только при первомъ посѣщеніи незнакомца; со второго онъ становился проще, а съ третьяго посѣщенія начиналъ уже фамильярничать съ гостемъ, потому что переставалъ видѣть въ немъ незнакомца.

Сивый камердинеръ подозрительно поглядѣлъ на незатѣйливый костюмъ Трепетова, но узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ ввелъ его въ переднюю и доложилъ барину, что „съ погосту кутейникъ прибылъ“.

— Ну, и пусть идетъ, коли прибылъ, отвѣтилъ баринъ:—съ нимъ церемониться нечего.

Трепетовъ вошелъ въ барскій кабинетъ. Вихляевъ ле-

жалъ въ халатѣ на диванѣ и наигрывалъ что-то на гитарѣ. Холодно и небрежно посмотрѣлъ онъ на кутейника.

— Отца Василія сынъ что-ли? спросилъ онъ, зѣвая.

— Да, отвѣтилъ Трепетовъ, сбычившись. Ему не понравился такой пріемъ.

— Ну, такъ вотъ вы съ отцомъ молитесь за меня крѣпче. Я вчера видѣлся съ Курдюковымъ и онъ согласенъ просить за васъ. Только съ условіемъ, чтобы вы никогда не вмѣшивались въ его дѣла. — Слышите?

— О чемъ просить? Я васъ не понимаю.

— Какъ о чемъ! Вѣдь вы проситесь къ нему священникомъ?

Трепетовъ началъ понимать, въ чемъ тутъ дѣло, и краска бросилась ему въ лицо.

— Вовсе и не думаю проситься, отвѣтилъ онъ рѣзко.

Вихляевъ приподнялся и съ видимымъ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Трепетова.

— Что же это за мистификація? Теперь, въ свою очередь, я васъ не понимаю,—проговорилъ онъ, тараща глаза и совсѣмъ забывая свою важную роль.—Вчера у меня вашъ отецъ былъ...

— Такъ и есть. Пожалуйста скажите моему отцу, если онъ опять придетъ, что я не желаю быть священникомъ, и что онъ меня не принудитъ къ этому.

Вихляевъ вскочилъ съ дивана.

— Какъ же это?... что же вы-то?

— Очень просто, отвѣтилъ Трепетовъ,—я въ универ-

ситетъ хочу поступить, а онъ не пускаетъ и хлопочетъ тутъ за меня.

— Противъ вашего желанія?

— Конечно!

— Э!... штука-то какая тутъ выходитъ, — смекнулъ Вихляевъ и захохоталъ во все горло.—Браво, браво! молодой человѣкъ! Это мнѣ нравится; вы только не поддавайтесь. Я люблю студентовъ, добавилъ онъ, и уважаю молодыхъ людей, которые желаютъ получить это блистательное образованіе... Я самъ вѣдь... да вы, впрочемъ, знаете, вѣроятно, мою исторію...

И Вихляевъ въ полголоса началъ разсказывать ему какакую-то таинственную исторію съ либеральнымъ оттѣнкомъ.

Трепетовъ слушалъ очень разсѣянно или, лучше сказать, ничего почти не слыхалъ, что говорилъ Вихляевъ. Ему очень захотѣлось домой пойдти. Онъ поднялся и взялъ фуражку.

— Вы извините, мнѣ домой надо, сказалъ онъ вовсе не впопадъ, позвольте мнѣ зайдти когда нибудь послѣ. У васъ, я слышалъ, библіотека хорошая.

— Сдѣлайте милость, я очень радъ... У меня библіотека лучшая во всей губерніи, такая библіотека... что любитель всѣ пальчики оближетъ, у меня Вольтеръ есть, Дидро, Руссо, Ламартинъ,— все есть, понимаете?

— Я зайду-съ. А теперь, мнѣ домой надо, сказалъ Николай Васильичъ и, раскланявшись, поспѣшилъ удалиться.

„Такъ вотъ оно что; вы хитрить со мной начинаете, мины тайкомъ подводить? Нѣтъ, этимъ вы не заманите

меня“ —жолчно шепталъ Трепетовъ, возвращаясь на погостъ. Глубоко оскорбило его это недовѣріе къ нему родителей, когда онъ не успѣлъ еще вполнѣ объясниться съ ними. Въ этихъ секретныхъ переговорахъ отца съ помѣщикомъ онъ уже видѣлъ насиліе, котораго прежде не замѣчалъ въ отношеніяхъ къ нему родителей; онъ понялъ, что искренности между ними быть уже не можетъ, что послѣ этого отецъ пустится на всевозможныя средства, чтобы удержать его, и что теперь онъ будетъ дѣйствовать не прямо, а разными хитростями.—„А я съ этихъ поръ поведу свое дѣло на чистоту, рѣшилъ Трепетовъ,—и къ барину за милостями мнѣ обращаться будетъ не нужно.“

Смѣло и рѣшительно вошелъ онъ въ комнату, гдѣ съ замираньемъ сердца ожидали его отецъ съ матерью, и прямо объявилъ имъ, что они своими происками ничего не добьются; что онъ рѣшился окончить курсъ въ университетѣ и поступитъ туда во что бы то ни стало, хотя бы это стоило громадныхъ трудовъ.

— Вы такъ и знайте, — добавилъ онъ, — и всѣ свои надежды отложите въ сторону. Это мое послѣднее слово.

— Слушай, Николай, — взмолился отецъ, — вѣдь мѣсто-то тамъ отличное, ты бы хоть ради мѣста-то... Гдѣ-жъ ты найдешь такое?

— А я все-таки не пойду, закончилъ Трепетовъ и вышелъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью.

Родители остались одни и долго молчали, точно ихъ громомъ пришибло...

— Что тутъ дѣлать теперь? спросилъ наконецъ отецъ Василій съ отчаяньемъ.

— Я и сама ума не приложу, — отвѣтила матушка, закрывая лицо руками.

Тяжело было и Трепетову; въ немъ копошилась не-то злость, не-то грусть, а какое-то неопредѣленное, тоскливое чувство. Безсознательно спустился онъ съ холма емельянѣвскаго и пошелъ, куда глаза глядятъ; лишь бы подальше отъ погоста и милыхъ сердцу людей. За холмомъ, недалеко отъ Мокраго лѣса есть лужайка, на которой, бывало, онъ любилъ отдыхать и погружаться въ свои полудѣтскія, безпредметныя думы. Самъ не свой, упалъ онъ на траву, подъ кустарникомъ, потомъ распахнулъ свой сюртукъ и далеко отбросилъ фуражку. Простору хотѣлось ему; истомился онъ за эти два дня. — „Это жизнь начинается, думалъ онъ съ жолчью, — это я на родинѣ, на свободѣ... Столько лѣтъ добивался я свободы; думалъ, что найду ее здѣсь, подъ родною кровлею, а между тѣмъ, опять приходится бороться и отыскивать свободу, только другую, не эту. Та же бурса здѣсь, только въ болѣе мягкихъ формахъ, — пропаганда той же программы.— Тяжело!..“

Вдали на безоблачномъ небѣ ярко бѣлѣлась передъ нимъ родная церковь, рисовались знакомые дома, виднѣлась кровля родительскаго дома, — всѣ тѣ мѣста, къ которымъ онъ, бывало, такъ страстно и задушевно стремился, гдѣ для него были сосредоточены прежде всѣ житейскія радости. И силится теперь Трепетовъ пробудить въ себѣ эти радости, старается по прежнему умилиться, и не выходитъ умиленье,

нѣтъ прежнихъ радостей, чорство и сухо на сердцѣ, точно порвалась та связь, которая приковывала его прежде къ этому мѣсту.

Съ погоста ясно доносится до него могильное пѣніе Захарыча: „къ тихому пристанищу притекъ“,— выводитъ онъ басомъ; ему тоненькимъ голоскомъ подтягиваетъ отецъ Василій: новый пришлецъ, значитъ, сроднился съ холмомъ Емельяновскимъ, и жильцы этого холма встрѣчаютъ его съ почестью. Вотъ Филимонычъ сидитъ на задворкѣ и устроиваетъ изъ тряпокъ и соломы нѣчто странное: это онъ пугало для воробьевъ изобрѣсть хочетъ, и всецѣло занятъ теперь одной только воробьиной политикой. Вотъ жена его бѣлье полощетъ въ лохани и черезъ весь погостъ перекрикивается съ Степанидой Петровной: третій день ужь у нихъ ссора идетъ изъ-за пропавшаго куска мыла. Вотъ многоученый отецъ Никита взгромоздился на крышу своего дома и внимательно разсматриваетъ кадушку, привязанную къ трубѣ: „не течетъ ли, молъ?“ Все это полно заботъ, все занято, точно обряды какіе исполняетъ; но Трепетовъ чувствуетъ уже себя выше этой жизни; ему не хотѣлось бы отдаться вполнѣ такимъ заботамъ и въ нихъ похоронить всѣ интересы свои. „Неужели и мнѣ, думалъ онъ грустно, придется жить когда нибудь такою жизнью?.. А я еще, безумецъ, мечталъ когда-то найдти въ нихъ поддержку и даже пробудить въ нихъ другіе, болѣе человѣческіе интересы... Да и кого будить тутъ? Старики непробудимы: ихъ карьера кончена и, въ силу втягивающей привычки, они приняли общій колоритъ мѣстности; ничего новаго они не

поймутъ. Изъ молодого поколѣнія тутъ есть только двѣ-три дѣвушки на возрастѣ, но и онѣ волей-неволей втягиваются въ колею жизни отеческой; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и онѣ первыя возстанутъ противъ разныхъ нововведеній, и въ ту же колею втянутъ потомъ и дѣтей своихъ, еще пока, къ счастью, неродившихся... Неужели вездѣ такая жизнь и тѣ же препятствія къ осмысленной, свободной дѣятельности? Вѣдь есть же гдѣ нибудь другіе, лучшіе люди, съ которыми можно отвести душу? Хотѣлось бы видѣть этихъ лучшихъ людей и съ ними отвести душу... тяжело это одиночество!..“

На погостѣ ударили въ колоколъ: завтра праздникъ какой-то. По тропинкѣ изъ лѣсу послышались чьи-то шаги, и скоро Николай Васильичъ разглядѣлъ Таню. Она шла съ корзинкой грибовъ; легкая усталость видна была въ ея движеніяхъ, а лицо было по прежнему серьезно и нѣсколько уныло. Трепетовъ давно уже интересовался Таней, какъ личностью, которая рѣзко отличается отъ остальныхъ жильцовъ погоста. Никогда онъ не видѣлъ, чтобы эта дѣвушка улыбалась; вѣчно она серьезна не по лѣтамъ; кажется думаетъ о чемъ-то и живетъ такъ механически, точно заданный урокъ заучиваетъ и боится получить наказаніе. Проходя мимо Трепетова, Таня замѣтила его, вздрогнула и ускорила шаги. Потомъ она пошла тише, поглядывая вскользь на Николая Васильевича, и, наконецъ, совсѣмъ остановилась въ нерѣшимости. Кругомъ не было ни души; съ погоста не могли ее видѣть, и это придало дѣвушкѣ необыкновенную

храбрость. Послѣ небольшого колебанья она подошла къ Трепетову.

— Я у васъ попросить хотѣла... Николай Васильичъ,— начала она, струсивъ.

— Что вамъ, Таня... Татьяна...

— У васъ, говорятъ книжки есть.

— Есть.

— Дайте, пожалуйста, почитать.

— Какую же вамъ дать?

— Какую нибудь, только не проповѣди. Я у Никиты Иваныча всѣ книжки прочитала; у него все проповѣди, а мнѣ хочется другихъ... Я бы очень скоро прочитала...

— Хорошо, я отыщу вамъ что нибудь...

— Пожалуйста,—договорила Таня, перѐводя духъ, и, оглядѣвшись, торопливо вышла на тропинку.

— Только чтобъ никто не видалъ!.. шепнула она, отойдя нѣсколько шаговъ, и затѣмъ быстро побѣжала къ погосту.

„Такъ вотъ отчего она и дурочкой-то зовется: книжки читать любитъ“,—произнесъ Трепетовъ, взглядомъ провожая Таню. Ему вдругъ легче стало, точно онъ нашелъ себѣ товарища.—„Не все еще погибло, думалъ онъ:—не одинъ я значитъ къ книжкамъ пристрастье имѣю.“

Часу въ восьмомъ вечера, Николай Васильичъ воротился на погостъ. Въ это время погостъ бываетъ особенно милъ и представляетъ пріятную картину семейнаго счастья. Дневныя работы кончаются, а ужинать еще рано, вотъ и собираются всѣ обыватели холма у воротъ своихъ домовъ, грѣются на вечернемъ солнышкѣ и мирно толкуютъ, о чемъ придется,

чтобы сократить время до ужина. На крыльцѣ своего дома, по обыкновенію сидѣлъ отецъ Никита и, отъ нечего дѣлать, развлекался стравливаньемъ двухъ захожихъ собакъ. Завидѣвъ Трепетова, онъ немного сконфузился, потому что все еще считалъ его за посторонняго человѣка, передъ которымъ слѣдуетъ выказывать себя только съ умной и серьезной стороны. Они раскланялись.

— Вотъ собакъ травлю,—сказалъ отецъ Никита въ видѣ оправданія,—люблю очень...

Трепетовъ счелъ своимъ долгомъ улыбнуться.

— А что вы, Николай Васильевичъ, никогда въ мою хату не заглянете? А?

— Отчего же не заглянуть? я очень радъ,—отвѣтилъ Трепетовъ, и дѣйствительно это приглашенье было для него очень кстати: онъ разсчитывалъ познакомиться съ положеніемъ Тани въ этомъ семействѣ.

— Ну, такъ милости просимъ,—пригласилъ от. Никита.

Онъ ввелъ гостя въ свою квартиру и усадилъ на диванъ. Квартира была обставлена съ претензіями на роскошь, хотя мало чѣмъ отличалась отъ трепетовской. На стѣнѣ висѣло изображеніе загробныхъ мытарствъ, видъ какого-то монастыря и портретъ какого-то митрополита. У окна, сложа руки на колѣняхъ, сидѣла матушка Дарья Никитична; особа очень полная, съ гостями очень жеманная, но безъ гостей, какъ видно, спуску никому недающая. Въ углу помѣщалась дѣвочка лѣтъ тринадцати съ книжкой.

— Ишь спѣсивый какой, сказала матушка, увидѣвъ

гостя,—ужь ежели въ свѣтскіе идти, такъ и старыхъ знакомыхъ забывать надо?

— Я не забываю, отвѣтилъ Трепетовъ.

Послѣ болтовни, не имѣющей смысла, разговоръ перешелъ на серьезные предметы. Отецъ Никита бился изо-всѣхъ силъ, чтобы щегольнуть передъ гостемъ своею начитанностью и образованностью; сперва онъ заговорилъ о томъ, какъ они въ свое время Канта изучали и писали латинскія разсужденія, а потомъ перешелъ и къ новѣйшей литературѣ.

— Вотъ я нынче по вечерамъ „Воскресное чтеніе" читаю, говорилъ онъ; — и умнѣйшая книга, я вамъ скажу, наипаче ежели изъ міра духовнаго. Геніальный, можно сказать, человѣкъ этотъ Арсеній преосвященнѣйшій.—Вы, конечно, читали его?

— Нѣтъ не читалъ.

— Напрасно, умъ всеобъемлющій, особенно на текстъ „блюдите убо"... Коли желаете, я могу вамъ сообщить.

— Нѣкогда мнѣ, Никита Ивановичъ, читать; надо въ университетъ готовиться.

— Не совѣтую, Николай Васильевичъ, не совѣтую. Противъ воли родительской идти грѣшно; вѣдь вы сами въ писаніи читали, что блаженъ, иже...

— Впрочемъ я больше свѣтскія книги читаю, перебилъ его Трепетовъ, стараясь избѣгнуть нравоученій.

— И это нехорошо. Нынче свѣтскія книги пишутъ все любовныя связи и развратъ разный...

— Что и говорить ужь! неожиданно вмѣшалась Дарья Никитична:—нынче по городамъ такой развратъ пошелъ,

что особливо ежели съ дѣвушками — просто бѣда; и годъ отъ году все хуже и хуже. Толи дѣло наше-то время вспомнишь; бывало и въ банѣ-то вмѣстѣ съ мущинами мылись, и никакая грѣшная мысль не лѣзла въ голову. Соберемся всѣ дѣвицы, и моемся. Войдетъ бывало отецъ благочинный: мы всѣ сейчасъ же къ нему подъ благословеніе, — и ничего... Развѣ пьяный какой бывало залѣзетъ и начнетъ безобразничать. А теперь попробуй-ка въ баню къ мущинамъ съ дочерями-то пойдти, — грѣха-то тутъ не оберешься.

Разговоръ плавно покатился по этой дорогѣ, и пошли разныя воспоминанія о нравственности былого времени. До сихъ поръ все шло, какъ по маслу, но одно печальное приключеніе неожиданно нарушило гармонію вечера и познакомило Трепетова съ будничною жизнью этой семьи. Дѣло въ томъ, что въ это время, не подозрѣвая гостей, въ комнату вбѣжала Таня, растрепанная и съ огромной лоханью въ рукахъ; но замѣтивъ Трепетова, она вдругъ смѣшалась, растерялась и опрометью бросилась назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она вошла опять, но уже причесанная, въ другомъ, чистомъ платьѣ и безъ лохани, сѣла у двери и видимо хотѣла послушать, не разсказываетъ ли чего Николай Васильичъ. Все это не ускользнуло отъ вниманія Дарьи Никитичны.

— А лохань гдѣ? спросила она вполгоса.

— На кухнѣ.

— Отчего на кухнѣ? Развѣ ты забыла, что я велѣла тебѣ простыни смочить?

— Послѣ смочу, тихо отвѣтила дѣвушка.

— Когда это послѣ? въ праздникъ, что-ли, стирать-то будешь? заговорила попадья, возвышая голосъ.

Дѣвушка не отвѣтила и только закусила верхнюю губу. Дарья Никитична не спускала съ нея глазъ.

— Да что ты, мать моя, забарничала сегодня? Чего ты вырядилась-то? А? Праздникъ, что-ли?..

Таня вспыхнула и быстро вышла изъ комнаты. Трепетовъ почувствовалъ нѣкоторую тревогу, однако онъ напрягалъ вниманіе, чтобы понять и отца Никиту, который въ это время спокойно продолжалъ разсказывать ему какой-то случай въ консисторіи. Дарья Никитична, начинала горячиться.

— Сейчасъ же принеси лохань и стирай, слышишь? крикнула она вслѣдъ ей.

Послушная Таня опять внесла грязную лохань и хотѣла было проворно пронести ее въ другую комнату, но при этомъ вышло новое несчастье. Видно, дѣвушка была очень взволнована присутствіемъ Трепетова, потому что руки ея дрожали, лохань расплескалась и обрызгала полъ и ея платье. Таня окончательно растерялась послѣ этого и, кое-какъ поставивъ лохань, снова обратилась въ бѣгство. Трепетовъ сидѣлъ, точно на угольяхъ, и ждалъ новой сцены. Дарья Никитична вышла изъ себя.

— Куда, куда, барыня? изволь подтереть, коли намочила, закричала она. Ишь, модничать задумала, я тебѣ помодничаю... Паша, позови ее?

Дѣвочка весело отбросила книгу и въ припрыжку понеслась исполнить приказаніе, точно и ей было пріятно

досадить Танѣ. Воротившись, она доложила матери, что „Танька не идетъ“.

— Такъ погодижь ты, я тебя усмирю, модница,—прошипѣла попадья, вставая. — Извините меня, Николай Васильичъ, прибавила она, обращаясь къ Трепетову, — вонъ дѣвка у меня съ ума сходитъ,—и затѣмъ она вышла, ворча что-то про себя.

Скоро Трепетовъ услышалъ, какъ она начала кричать на весь дворъ: „ахъ ты, голь копѣечная, ахъ ты, дура неблагодарная“ и т. п.; потомъ былъ слышенъ шумъ какой-то и даже, кажется, побои... такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Трепетову. Паша въ это время фыркнула.

— Ты чего? спросилъ отецъ Никита, оборачиваясь къ дочери.

Та присмирѣла.

— Чего ты, бестія, смѣешься? А? — началъ допрашивать отецъ, вставая.

Трепетовъ не могъ оставаться долѣе и, не сказавъ никому ни слова, отправился домой. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи больше владѣть собою. Проходя мимо отвореннаго сарая, онъ услышалъ чье-то всхлипыванье и, скрѣпя сердце, заглянулъ туда. Тамъ, облокотясь на связку хомутовъ и склонивъ на руки свою растрепанную голову, горько плакала Таня. Отчаянье и глубокая обида слышались Трепетову въ этомъ плачѣ и самъ онъ точно почувствовалъ на себѣ ту же обиду. Злость душила его. „Такъ вотъ ваши старыя, нравственныя правила! И вы еще смѣете глумиться надъ развратомъ городскихъ... Экая низость!“ шепталъ онъ,

стиснувъ зубы, и съ этой минуты возненавидѣлъ отца Никиту и его супругу.

— Что жъ вы рано уходите, посидѣли бы!—крикнула ему Дарья Никитична, показавшись на крыльцѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Домой надо, грубо отвѣтилъ ей Трепетовъ и отправился домой.

Теперь онъ ясно понялъ то тяжелое состояніе, какое приходилось переживать Танѣ.

Послѣ ужина, онъ долго рылся между своими книгами, придумывая, что бы дать прочесть ей, и на первый разъ выбралъ „Бѣдныхъ людей“ Достоевскаго. Потомъ онъ осторожно призвалъ свою сестру Машу и просилъ ее потихоньку передать эту книгу Танѣ.

— Только такъ сдѣлай, чтобы никто этого не видалъ, слышишь? училъ онъ ее.

— Слышу, отвѣтила дѣвочка, съ недоумѣньемъ поглядывая на брата; однако исполнила порученье въ точности.

VIII.

Николай Васильичъ, послѣ впечатлѣній вчерашняго дня сдѣлался очень угрюмъ и съ лихорадочнымъ жаромъ принялся за книги.—„Прогляжу скорѣе, что слѣдуетъ, — думалъ онъ, да и тягу дамъ отсюда; Богъ съ нимъ, съ этимъ емельяновскимъ счастьемъ!“—Цѣлые дни просиживалъ онъ въ своей комнатѣ въ мезонинѣ и зубрилъ до отупѣнія, до боли головы. Конечно схаластическіе учебники того времени,

какъ Кайдановъ, Ободовскій и Рождественскій съ братіею, не могли заинтересовать его собою, и громадное количество вычитанныхъ фактовъ укладывались въ его голову безъ всякой связи и общаго смысла,—но онъ смотрѣлъ на эти занятія, какъ на неизбѣжное условіе поступленія въ университетъ, который, какъ полагалъ онъ, поможетъ осмыслить ему всѣ эти знанія и уяснитъ его безчисленные вопросы. Въ видѣ отдыха, онъ по вечерамъ читалъ журналы и книги для легкаго чтенія, имѣвшіеся у него на лицо, и такимъ образомъ день за днемъ проходилъ у него незамѣтно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по видимому, крѣпла и рѣшимость его покинуть погостъ.

Василій Петровичъ и Катерина Ивановна совсѣмъ пріуныли и только съ отчаяньемъ поглядывали другъ на друга.

— Нашъ-то и сегодня цѣлый день просидѣлъ на вышкѣ,—скажетъ иногда, пригорюнясь, матушка.

— Учится все, уныло отвѣтитъ ей отецъ Василій и вздохнетъ.

Иногда матушка, навздыхавшись вдоволь, не утерпитъ и поднимется на вышку, хоть поглядѣть на сынка. Войдетъ она робко въ его комнату, присядетъ гдѣ нибудь въ сторонѣ и глядитъ на любимца, глазъ не спускаетъ. А тотъ хмурится и продолжаетъ упорно заниматься.

— Ты все книжки читаешь? спроситъ она съ укоромъ.

— Читаю, матушка,—отвѣтитъ тотъ.

— И ты книги, знать, больше меня любишь? Со мной слова сказать не хочешь, а съ ними цѣлые дни...

Сынъ молчитъ.

— Что съ тобой сталось,—ума не приложу... Прежде хорошій такой былъ...

Сынъ опять ни слова. Мать долго сидитъ, пригорюнясь и придумываетъ, что бы еще сказать.

— Ишь ихъ тутъ сколько у тебя, и все жирныя какія... продолжаетъ она, съ глубокимъ отвращеніемъ поглядывая на ненавистныя книги...

— А ты и сегодня не будешь съ нами обѣдать?

— Нѣтъ, матушка, вы опять сюда пришлите.

— Новые порядки стали... Даже и ѣсть съ нами не хочетъ... Какъ знаешь, твоя воля... Насильно милъ не будешь.

Сынъ молчитъ.

— Ну, я пойду, скажетъ она вздыхая, потомъ медленно спустится внизъ, прикурнетъ куда нибудь въ уголокъ, да и не стерпитъ,—расплачется.

Иной разъ такимъ же порядкомъ и отецъ забредетъ къ нему и начнетъ разговоры на ту же тэму. Потомъ, очевидно по порученью родителей, къ нему, ни съ того ни съ сего, началъ приходить дьячокъ Захарычъ. Придетъ, усядется и съ разстановкой сообщаетъ ему свои премудрыя умозрѣнія, только чтобъ отвлечь его отъ этихъ книгъ-то ехидныхъ. Наконецъ эти частые визиты и однообразное нытье на одну тэму начали надоѣдать Трепетову и онъ сталъ запираться на замокъ. И досадно, и грустно становилось юношѣ отъ этого систематическаго преслѣдованія и присматриванья за нимъ, и не разъ появлялась у него без-

законная мысль „удрать развѣ завтра?„ но въ тоже время онъ смутно сознавалъ, что у него не хватаетъ рѣшимости сразу покончить съ родителями, что слезы матери обезоруживаютъ его да и денегъ нѣтъ у него ни копѣйки, а безъ денегъ бѣжать неловко.—Такъ и порѣшилъ онъ: до поры до времени крѣпиться и по немногу готовиться къ экзамену, и все еще поддерживалъ въ себѣ надежду, что авось-либо съ теченьемъ времени родители привыкнутъ къ мысли о разлукѣ съ нимъ, и тогда все устроится съ миромъ и любовью. Этой невѣрной, искусственной надеждой онъ убаюкивалъ себя...

— Просидѣвъ въ заперти нѣсколько дней за напряженными работами, Николай Васильичъ утомился, соскучился и началъ изрѣдка показываться изъ своей засады. По вечерамъ онъ выходилъ на площадку передъ церковью и подсаживался къ кому нибудь изъ дьячковъ, чтобы поболтать о какой нибудь пустяковинѣ. Вокругъ него тотчасъ собиралась кучка слушателей, сбѣгались ребятишки со всего погоста, и онъ вралъ имъ всякую чепуху, отъ которой общество покатывалось со смѣху. Раза два принимался онъ разсказывать имъ что нибудь изъ физики, или изъ исторіи, или просто содержаніе какой нибудь прочитанной повѣсти, и слушатели при этомъ корчили свои физіономіи на серьезный ладъ, слушали съ глубокимъ вниманьемъ и изрѣдка только вставляли свои замѣчанія въ родѣ: „ахъ, шельма, вотъ поддѣлъ-то!“ и т. п. Иной разъ подкрадывалась къ этому кружку и Таня и тоже осторожно прислушивалась къ словамъ Николая Васильича,

но чуть только онъ бывало замѣтитъ ее, она зардѣется вся и старается показать видъ, что зашла сюда невзначай или мимоходомъ. Между тѣмъ, отецъ, съ матерью пользовались прогулками сына для своихъ цѣлей. Какъ только онъ уходилъ изъ дому, они осторожно забирались въ его комнату и тамъ на просторѣ пересматривали до подробностей всѣ его книги, читали его записки, разсматривали замѣтки и при этомъ выводили разныя заключенія. Послѣ тщательнаго осмотра, они, какъ ни въ чемъ не бывало, спускались внизъ и тоже иногда подсаживались къ нему на скамейку. Но Николай Васильичъ въ присутствіи родителей обыкновенно умолкалъ и чувствовалъ себя какъ-то неловко, точно кто дотрогивался до его раны.

Однажды, измучившись надъ рѣшеніемъ какого-то уравненія, Трепетовъ вышелъ изъ комнаты раньше обыкновеннаго. Скучно сдѣлалось ему; занятія не шли въ голову. На погостѣ царила тишина: всѣ работали въ полѣ, хлѣбъ припасали на зиму. Въ воздухѣ было знойно и душно; солнце жгло невыносимо. Николай Васильичъ обогнулъ кладбище и спустился къ рѣкѣ, гдѣ стоялъ развѣсистый кленъ, подъ которымъ онъ любилъ понѣжиться на травѣ. Тамъ, подъ тѣмъ же кленомъ, онъ замѣтилъ Таню. Свѣсивъ голову на руки, она сидѣла на камнѣ и безъ цѣли глядѣла въ даль, на дорогу. Передъ нею стояла корзина съ мокрымъ бѣльемъ, но дѣвушкѣ, очевидно, было не до работы. Трепетовъ осмѣлился подойдти къ ней и она, сверхъ обыкновенія, не убѣжала отъ него, а только инстинктивно оглядѣла себя и поправила волосы.

— Вы все работаете? спросилъ Трепетовъ.

— Да, вотъ бѣлье стирала,—надо снести, а жарко, устала,—отвѣтила Таня.

— Васъ, однако, мучатъ порядочно...

— Что-жъ, надо вѣдь работать... Я прежде еще больше работала, а теперь вотъ что-то... уставать стала... Я скоро, кажется, совсѣмъ захвораю...

— Простудились вѣрно?

— Нѣтъ, такъ... скучно что-то.

Таня произнесла это „скучно“ такъ искренно, что Трепетову жаль стало ея. Онъ не зналъ, что и сказать ей на это.

— А прочитали вы книгу, которую я послалъ вамъ? спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Прочитала.

— Ну, что же? Понравилась?

Таня призадумалась.

— Я не знаю, отвѣтила она,—какіе-жъ они, „бѣдные люди?“ Дѣвушкинъ какой-то странный; вотъ Покровскій развѣ... Впрочемъ я ничего не знаю. Я и книгъ больше читать не буду; право, лучше и не знать, что на свѣтѣ дѣлается; такъ спокойнѣе...

— Неужели спокойнѣе?

— То есть... Нѣтъ, я не знаю.

— Отчего вы никогда не хотите говорить со мною?

— О чемъ же говорить-то? Вы человѣкъ ученый, а я вѣдь ничего не знаю. Прежде, бывало, я много говорила, да отецъ сердился на это: не твое, говоритъ, дѣло разсуж-

дать, надо слушать, что старшіе говорятъ. Вотъ я и слушаю съ тѣхъ поръ, и молчу. Да и говорить-то ни съ кѣмъ не хочется.

— А бываете вы когда-нибудь несогласны съ тѣмъ, что старшіе говорятъ.

— Бываю, а какъ смолчу, такъ и лучше: мое всегда со мной останется. Вы скоро уѣзжаете? спросила она, помолчавъ.

— Да, надо ѣхать.

— Счастливый вы какой, сколько народу-то увидите...

— Вамъ завидно?

— Еще бы!... скучно безъ людей. Я тоже вѣдь прежде въ городѣ жила, хоть и невесело, а все лучше чѣмъ... Однако, что же я, — спохватилась дѣвушка, — скоро коровы придутъ...

— Танька! а Танька!... коровы пришли, — послышался голосъ Дарьи Никитичны.

Таня вздрогнула, проворно схватила корзину и побѣжала къ погосту. За нею слѣдомъ поплелся и Николай Васильичъ; разсѣянно поднялся онъ на вышку, взявъ алгебру и отправился съ нею въ лѣсъ. Тамъ онъ завалился подъ старую сосну и пролежалъ до самой ночи. Но, не алгебра занимала его въ эты минуты.

Отецъ Василій съ Катериной Ивановной, видя что Николай Васильичъ не перестаетъ учиться, стали наконецъ серьезно безпокоиться. Поняли они, что тутъ нечего сидѣть

сложа руки и ждать пока онъ самъ одумается, а надо дѣйствовать и принимать рѣшительныя мѣры. Но какъ тутъ дѣйствовать? что еще предпринимать? Василій Петровичъ ломалъ голову и ничего не могъ придумать. Наконецъ онъ рѣшился просить помощи у сосѣдей и общими силами обсудить это дѣло, а то, пожалуй, въ Лежинѣ займутъ священническое мѣсто и жди опять потомъ, когда откроется новая вакансія.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, воспользовавшись отсутствіемъ Николая Васильича, Василій Петровичъ пригласилъ себѣ отца Никиту, позвалъ дьячковъ Филимоныча и Захарыча, и пономаря Силыча, и просилъ ихъ посовѣтовать ему, чѣмъ помочь горю, потому сынъ выходитъ изъ повиновенія, а урезонить его нечѣмъ. Общество чинно усѣлось для совѣщанія; всѣ понимали, что дѣло это очень важное и, нѣкоторымъ образомъ, касается благосостоянія всего погоста. Послѣ неизбѣжныхъ оханій и жалобъ на нынѣшнія времена, общество приступило къ самому дѣлу.

— Ты самъ, Василій Петровичъ, виноватъ во всемъ,— началъ солидно отецъ Никита.—Зачѣмъ было смолоду баловать сына, вотъ онъ и не повинуется теперь. У меня бы этого не было, я бы ему за каждое супротивное слово такого трезвону задалъ, что шолковый былъ бы. А то какой же ты родитель, ежели тебя даже сынъ не боится?

— Кто-жъ могъ уразумѣть всего, Никита Иванычъ,— отвѣтилъ жалобно отецъ Василій.—Это вотъ все, она баловница, испортила его—добавилъ онъ, указывая на Катерину Ивановну.

— Не тронь ты меня, Василій Петровичъ, я сама все это понимаю.

— Что жъ теперь дѣлать-то, братіе, научите, Христа ради! взмолился отецъ.

Общество на минуту смолкло, и насупилось.

— Молебенъ надо бы отпѣть,—вставилъ нерѣшительно Захарычъ, откашлявшись въ кулакъ. Ему не отвѣтили.

— А то вотъ проѣздомъ мужикъ лѣтось былъ,—произнесъ робко Иванъ Силычъ,— такъ онъ сказывалъ, что въ деревнѣ Сумяткахъ солдатъ отставной живетъ, ну и онъ... этотъ самый солдатъ, я говорю...

Всѣ со вниманіемъ посмотрѣли на Ивана Силыча; онъ это чувствовалъ и терялся.

— Что же? спросилъ отецъ Никита.

— Онъ книжки такія имѣетъ; сказываютъ отъ всѣхъ болѣзней заговариваетъ, ну и если сынъ тоже... примѣрно...

— Ври тамъ больше.

— Я и самъ такъ полагаю,—добавилъ смущенный Силычъ,—и думаю, что лучше всего молебенъ отпѣть....

— Какъ отпѣть-то его? Надо такъ его устроить, что бы Николай не зналъ.

— Все это не то, перебилъ внушительно отецъ Никита. Тутъ надо прямѣе брать. Вы мнѣ растолкуйте, онъ въ университетъ, что ли, приготовляется?

— Да, учится.

— Значитъ, и книги у него съ собой есть?

— Много книгъ.

— Ну, и кончено дѣло. Надо у него эти книги взять

да запрятать куда нибудь, вотъ что. Ежели у него книгъ не будетъ, какъ онъ учиться-то станетъ! А? — спросилъ отецъ Никита, самъ восхищенный своею мыслью.

Общество притихло. Сама Катерина Ивановна стала внимательнѣе.

— Такъ ли я говорю?

— Это вѣрно, замѣтилъ Филимонычъ, ибо ежели книгъ не будетъ, какъ ему заниматься-то?

— Куда-жъ запрятать книги? Гдѣ не спрячешь, отыщетъ вѣдь; я его знаю,—сказала мать.

— Въ писаніи вотъ что сказано: аще око твое соблазняетъ тя, вверзи его въ геенну; поэтому я полагаю, что эти книги лучше всего *сжечь*, — заключилъ отецъ Никита вставая.

— Убиваться больно будетъ, замѣтилъ отецъ Василій.

— А ты объяснить ему умѣй, что убиваться грѣшно; что это для его же пользы сдѣлано.

Все общество одобрило геніальную мысль отца Никиты и сообща порѣшили книги сжечь, но только такъ сжечь, чтобъ объ этомъ Николай Васильичъ ничего не зналъ раньше, а то онъ, пожалуй спасать ихъ начнетъ. Этимъ совѣщаніе кончилось и общество разошлось по своимъ квартирамъ.

Катеринѣ Ивановнѣ такое рѣшеніе пришлось особенно по сердцу, и она задумала не откладывать дѣла въ долгій ящикъ и покончить съ книгами ныньче же ночью. Напрасно усовѣщивалъ ее Василій Петровичъ и пугалъ всякими послѣдствіями: матушка ничего и слушать не хотѣла; она понимала только, что если книги сжечь, то Николя учиться

больше не будетъ, а тамъ, что выйдетъ дальше, про то Господь вѣдаетъ, лишь бы книгъ этихъ проклятыхъ не было.

Долго въ эту ночь она сидѣла на крылечкѣ и все поглядывала скоро ли огонь на вышкѣ потухнетъ. Но долго мелкалъ за занавѣской этотъ огонь, и потухъ только тогда, когда свѣтать стало. Сильно билось сердце у Катерины Ивановны; страхъ забиралъ ее и легкая дрожь ходила по тѣлу, но она все сидѣла и раздумывала. Вотъ ужь заря загорѣлась, вспорхнулъ и залился ранній жаворонокъ, утренній вѣтерокъ прохватилъ дрожью усталое тѣло Катерины Ивановны; она наконецъ приподнялась, запахнулась платкомъ и вошла въ комнату. — „Надо еще съ часикъ подождать, пока заснетъ хорошенько“, подумала она и прилегла на постель. За перегородкой слышался кашель и кряхтѣнье отца Василія; онъ тоже не могъ заснуть отъ тревоги, да и не первую ночь онъ такъ кряхтитъ и кашляетъ. Пробило три часа. Катерина Ивановна встала, затопила печку; потомъ положила три земные поклона передъ образомъ и осторожно подошла къ двери сыновней комнаты. Къ счастью ея дверь оказась незаперта. Николай Васильичъ спалъ, завернувшись съ головою въ старый отцовскій подрясникъ; онъ и не предчувствовалъ конечно, что его лучшіе друзья осуждены на всесожженіе, и что сію минуту приговоръ надъ ними будетъ исполненъ. Катерина Ивановна чуть слышно подкралась къ ненавистнымъ ей книгамъ, захватила ихъ цѣлую охабку и осторожно стащила внизъ; потомъ поднялась на вышку во второй и въ третій разъ, и скоро всѣ книги перешли въ полное ея распоряженіе. А внизу уже

печь трещала и накаливалась, и вотъ полетѣли въ нее одна за другою эти невинныя мученицы, сообранныя Трепетовымъ съ такими трудами и, къ несчастью, попавшіе на этотъ враждебный имъ холмъ. Вотъ вспыхнули томы Карамзина, задымилась ожирѣвшая алгебра, затрещали журналы; долго еще, прижавшись къ сторонкѣ, спасалась отъ общей погибели „Племянница“ Евгеніи Туръ, но потомъ и она вспыхнула, и скоро отъ всѣхъ этихъ плодовъ россійскаго просвѣщенія остался на погостѣ одинъ бурый пепелъ. Окончивъ подвигъ, Катерина Ивановна вдругъ опомнилась и сама испугалась за свое дѣло; мурашки у ней по тѣлу пошли; голова закружилась; и жаль ей стало вдругъ сына, и струсила она за тѣ послѣдствія, какія могутъ выйдти изъ этого дѣла. А младшая дочь ея, Катя, бывшая свидѣтельницей этой сцены, бросилась уже трубить по всему погосту, что у брата Николая мать книги сожгла. Поднялся и заговорилъ весь погостъ объ этой новости, развязались языки, поднялись споры и толки. — „Быть бѣдѣ!“ рѣшилъ Захарычъ, хорошо знавшій характеръ Трепетова, а отецъ Василій съ утра нарочно уѣхалъ куда-то, чтобъ не видѣть скандала.

Бѣды, однако, особенной не вышло. Когда та же Катя утромъ сообщила Трепетову объ истребленіи книгъ, то этотъ фактъ такъ изумилъ его, что онъ совсѣмъ растерялся и долго не могъ придти въ себя. Онъ никогда и представить не могъ себѣ ничего подобнаго, и съ этой стороны нападенія не ожидалъ вовсе. Долго, какъ ошеломленный, сидѣлъ онъ на своей постели, потомъ безсознательно одѣлся, осмотрѣлъ

еще разъ мѣсто, гдѣ лежали книги, и спустился внизъ, въ комнату матери. Хотѣлъ онъ что-то сказать ей, да такъ и не сказалъ ничего, и какъ больной опустился на диванъ. Ни жива, ни мертва сидѣла передъ нимъ Катерина Ивановна; страхъ пронималъ ее, въ душу закрадывалось раскаянье. „Хоть бы обругалъ скорѣе“ — думала она, въ отчаяньи взглядывая на сына: а тотъ молчитъ по прежнему, блѣдный и нахмуренный, и только нижняя губа его судорожно вздрагиваетъ. Наконецъ онъ поднялся.

— Я завтра въ городъ ѣду,—глухо, но отчетливо выговорилъ онъ. — Дадите лошадей — ладно, а не дадите — пѣшкомъ уйду.

Мать такъ и занѣмѣла. Николай Васильичъ быстро направился къ двери.

— Вотъ вы чего добились, бѣжать отъ васъ приходится, — прошепталъ онъ уже въ дверяхъ — Спасибо!... Утѣшили!..

Онъ хлопнулъ дверью. Мать опимнилась, прожгли ее эти слова, и сама не своя бросилась она за нимъ въ погоню. Въ сѣняхъ она остановила сына и, рыдая, повисла на немъ.

— Прости ты меня, глупую,—закричала она, заливаясь слезами,—для твоей же вѣдь пользы...

— Наблудятъ, а потомъ плачутъ... Пустите же меня! крикнулъ Трепетовъ надтреснувшимъ голосомъ и, оттолкнувъ Катерину Ивановну, выбѣжалъ на воздухъ.

А на площадкѣ собрался уже народъ. Всѣ знали, что долженъ выйдти скандалъ, и съ нетерпѣньемъ ждали, чѣмъ

онъ кончится. Изъ оконъ высовывались головы любопытныхъ; ребятишки, притаившись за угломъ, робко слѣдили оттуда за Трепетовымъ. Кто-то изъ нихъ пустилъ въ него комомъ глины... Николай Васильичъ надвинулъ фуражку и пошелъ черезъ погостъ куда глаза глядѣли, безъ всякаго сознанія; ноги шли сами собою прочь съ погоста и хотѣлось ему теперь только запрятаться куда нибудь подальше отъ этихъ сердобольныхъ лицъ, съ ихъ непрошеннымъ сожалѣніемъ и наивной опекой. У моста догналъ его Захарычь. — Послушайте-ка Николай Васильичъ, — кричалъ онъ, запыхавшись.

— Убирайтесь вы къ чорту, отвѣтилъ ему Трепетовъ, не владѣя собою.

— Я только на счетъ тово, что ежели вы въ свѣтскіе...

— Уйдете ли вы? Я ни за что не отвѣчаю.

Захарычъ смолкъ и отсталъ, ворча что-то про себя

Трудно описать, что испытывалъ въ эти минуты Трепетовъ; скажу только, что ощущеніе его было гадкое, болѣзненное, въ немъ ныло и чувство обиды, и безсильной злобы, и даже отчаянья. Кровь била въ голову и мучительно металось сердце, точно надавила его стопудовая гиря; сначала онъ балъ ожесточенъ и готовъ былъ мстить за своихъ погибшихъ друзей, но потомъ это ожесточеніе перешло въ безнадежное уныніе. „Къ кому же теперь обратиться съ своею болью?“ взывалъ онъ горько. „Всѣ противъ меня; даже дѣти ваши въ меня грязью бросаютъ... Спасибо вамъ... Долго шелъ онъ по полямъ и болотамъ, наконецъ обезсилѣлъ и упалъ на траву. На глазахъ его проступили слезы,

жгучія, мучительныя слезы, и онъ зарыдалъ, какъ не рыдалъ никогда. Плачь, милѣйшій Николай Васильичъ, благо никто не видитъ слезъ твоихъ! Мучься больше! Эти горькіе уроки пройдутъ для тебя не безъ пользы. Ты вспомнишь ихъ потомъ не разъ!...

А между тѣмъ, погостъ толковалъ и пересуживалъ дѣло во всѣ рты. Захарычъ объявилъ во всеуслышанье, что *онъ* чуть не убилъ его. Къ Катеринѣ Ивановнѣ собрались разные утѣшители и утѣшительницы, и много упрековъ упало въ эти минуты на голову бѣднаго Николая Васильича. Отецъ Никита рѣшилъ радикально, что слѣдовало бы созвать мужиковъ да выдрать хорошенько этого сорванца разъ пять на конюшнѣ, такъ онъ и смирился бы. Филимонычъ, помня вчерашнее совѣщаніе, началъ упрекать Катерину Ивановну, зачѣмъ она избаловала сына. А матушка слушала всѣ эти рѣчи и пуще надрывалась, плакала. Передъ вечерней пріѣхалъ и отецъ Василій, и, узнавъ, что сынъ завтра хочетъ уѣхать съ погоста, перепугался до нельзя и прежде всего напалъ на жену.—„Говорилъ я тебѣ, что не надо жечь,— кричалъ онъ въ сердцахъ, — ну, вотъ теперь и уйдетъ“. Онъ въ этотъ день даже вышелъ изъ своей обычной смиренной роли и поссорился съ отцемъ Никитой, зачѣмъ тотъ далъ такой совѣтъ. Отецъ Никита тоже вышелъ изъ себя за эти замѣчанія и гнѣвъ его всею тяжестью обрушился на Дарью Никитичну и Таню. Словомъ, миръ и тишина на погостѣ были нарушены...

Наступилъ вечеръ, а Николай Васильичъ все еще не возвращался, и безпокойство Трепетовыхъ росло съ каждымъ

часомъ. Вотъ ужъ и ужинать пора, и столъ работница, по обыкновенію, накрыла на пять приборовъ, оставивъ одинъ для поповича „неравно захочетъ,“ — а его все еще нѣтъ. — „Неужели больше не воротится?“ шепталъ въ раздумьи отецъ Василій, боясь, чтобы жена не угадала его опасеній. — „Нѣтъ, утѣшалъ онъ себя, аттестатъ его еще дома, да и шинель тутъ... А что какъ безъ шинели?“ — и холодный потъ прошибалъ стариковскую голову.

Въ сумерки къ нимъ пришла Степанида Петровна и сообщила новое опасеніе, чтобъ Николай Васильичъ руку на себя не наложилъ, потому что если ужь онъ родителей не почитаетъ, такъ отъ него все станется; при этомъ просвирня разсказала даже, какъ она, „еще въ дѣвушкахъ бывши“, читала одну толстую книжку, и въ этой книжкѣ такая же исторія описана. Трепетовы почти не слушали ея балтовню, а между тѣмъ, у нихъ стала мелкать и эта мысль: „что если померъ?“ Послѣ ужина, от. Василій не перенесъ безпокойства и надѣлъ ряску и шляпу.

— Куда ты? спросила жена.

— Пойду, поищу, можетъ и въ лѣсу гдѣ... кстати прогуляюсь...

Часа два бродилъ онъ по лѣсу и по берегу рѣки, и воротился домой усталый и полубольной. Отъ постоянной нервной тревоги онъ почувствовалъ лихорадочные припадки и, сбросивъ торопливо отсырѣвшую отъ росы ряску, прилегъ на кровать. Разъ десять просыпался онъ въ теченіи ночи и всякій разъ испуганно спрашивалъ себя „гдѣ то онъ теперь? можетъ и не живъ ужь?“...

Но тревожились старики напрасно. На другой день къ вечеру Николай Васильичъ, ко всеобщей радости, воротился на погостъ. Онъ былъ только блѣднѣе обыкновеннаго и сильно осунулся за эту ночь; въ рукахъ у него были три книги въ роскошныхъ переплетахъ... Онъ хотѣлъ незамѣтно пройдти въ свою комнату, но отецъ остановилъ его въ дверяхъ.

— Гдѣ ты былъ, Николай, говори, Бога ради?

— Гдѣ-жъ мнѣ быть? У Вихляева былъ.

— А ты какъ... здоровъ?

— Не совсѣмъ. Я пойду, полежу немного, а вы мнѣ не мѣшайте.

Трепетовъ поднялся на свою вышку и легъ: лихорадка и его забрала; организмъ не выдержалъ такой передряги. Голова отупѣла, въ ней туманъ какой-то, а между тѣмъ, все еще сверлятъ голову жгучіе вопросы: какъ быть? гдѣ выходъ? время вѣдь не терпитъ... Онъ рѣшился было убѣжать отсюда, да нѣтъ, силъ все еще не хватаетъ, да и Вихляевъ тоже совѣтуетъ подождать. Долго Трепетовъ напрягалъ голову чтобы обдумать свое настоящее положеніе, но ничего не выдумалъ и болѣзненно зѣвнулъ. Апатія напала на него... Передъ ужиномъ къ нему вошла сестра его Маша.

— Матушка спрашиваетъ, не хочешь ли ты ѣсть? сказала она.

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтилъ онъ ей.

— И молока не хочешь?

— И молока не хочу.

Маша, однако, не уходила и, боязливо посматривая на брата, искала чего-то въ карманѣ.

— Что ты, Маша?

— Танюша велѣла тебѣ бумагу отдать, да тебя дома не было — сказала она, подавая брату смятый клочокъ бумаги. На этомъ клочкѣ наскоро было написано карандашомъ: „Сію минуту я услышала, что Никита Иванычъ говорилъ, что ваши книги жечь будутъ, и потому вы ихъ спрячьте, а то учиться нельзя будетъ. Т.“

— Когда она дала тебѣ это?

— Еще позавчерась.

— Ну, смотри, Маша, никому не сказывай.

— Я нескажу, Танюша тоже просила.

Маша ушла. Николай Васильичъ еще разъ перечиталъ письмо и пожалѣлъ, что получилъ его слишкомъ поздно. Сталъ онъ вдумываться потомъ въ тѣ побужденія, которыя руководили Таней при этомъ письмѣ, и убѣдился, что тутъ главную роль играло одно безрасчетное, теплое сочувствіе къ нему. Значитъ, понимала добренькая Таня, какъ трудно было для Трепетова потерять книги. „Чужая поняла меня“, думалъ онъ и чувствовалъ, что съ этой минуты она стала ему не чужая.

Утромъ Николай Васильичъ сошелъ внизъ и, отъ нечего дѣлать, спросилъ поѣсть. Катерина Ивановна съ радостью наставила ему цѣлый столъ разныхъ кушаньевъ, но онъ только дотрогивался до нихъ, а ѣсть не могъ. Мать съ перваго взгляду замѣтила, что сынъ ея нездоровъ, что глаза у него мутные и лицо, какъ у покойника.

— Дай, Николя, я тебѣ примочку на голову положу, да бузины напейся,—сказала она какъ можно ласковѣе.— Вѣдь ты совсѣмъ болѣнъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, матушка, мнѣ что-то нездоровится; полечика меня.

Катерина Ивановна уложила сына, обклеила его голову мокрыми тряпками и напоила бузиной. Кто можетъ лучше матери ухаживать за больнымъ сыномъ? Трепетовъ понялъ это и, прощаясь съ матерью передъ сномъ, крѣпко пожалъ ея руку.

— Спасибо тебѣ, матушка прошепталъ онъ.

— То-то, глупый, отвѣтила та, цѣлуя голову сына, ты думаешь, что мать тебѣ зла желаетъ? Ну, кто въ свѣтскихъ-то будетъ ухаживать такъ за тобой?

— А все-таки не удержишь меня. Уѣду...

— Опять ѣхать? Господи, да что-жъ это такое?..

— Надо, родная, надо ѣхать,—и самъ не выдержалъ, зарыдалъ...

IX.

Прошло еще нѣсколько дней. Катерина Ивановна, замѣтивъ, что сынъ начинаетъ опять разговаривать съ нею и сдѣлался какъ-будто ласковѣе,—совсѣмъ было ожила; въ ней проснулась надежда, что, можетъ быть, онъ одумался, и, вслѣдствіе этого, съ новымъ жаромъ возобновила она прежнія упрашиванья, ухаживанья и упреки. Опять пошли разныя непріятныя сцены, которыя болѣе и болѣе тяготили

Трепетова. Наконецъ, желая вовсе прекратить эти сцены, онъ объявилъ матери, что если она вздумаетъ еще разъ плакать и ныть передъ нимъ, онъ сейчасъ же уѣдетъ съ погоста. Послѣ этого все смолкло въ семьѣ и принимало въ присутствіи Николая Васильича какой-то напряженно-спокойный видъ, хотя никому не чувствовалось легче отъ этого фальшиваго, мучительнаго спокойствія.

Положеніе нашего героя было очень невеселое. Онъ все еще крѣпился и не отступалъ отъ своего намѣренья, но и не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Трепетовъ теперь убѣдился окончательно, что мать добровольно никогда не согласится отпустить его въ университетъ, убѣдился и въ томъ, что если онъ уѣдетъ безъ ея согласія, то это убьетъ ее и надолго, можетъ быть навсегда, разстроитъ счастье родной семьи. А это пугало Трепетова. По привычкамъ дѣтства, онъ все еще любилъ свою мать, считалъ себя обязаннымъ ей, цѣнилъ ея прежнія ласки; ему хотѣлось бы по прежнему дѣлить съ нею свое горе и радости, и считать своимъ другомъ до самой смерти; кромѣ того, онъ все еще сознавалъ на себѣ тяготѣніе какого-то нравственнаго долга, въ силу котораго считалъ себя не въ правѣ ссориться съ семьею, оскорблять ее и поступать противъ ея желанія. Для того, чтобы исполнить этотъ долгъ и сохранить любовь семьи, надо было отказаться отъ тѣхъ задушевныхъ плановъ, съ которыми давно сроднилась его натура, но такая жертва, казалось, была не по силамъ ему, потому что кто видѣлъ хоть частицу свѣта, тому не хочется, да и трудно оставаться въ потьмахъ. И вотъ сталъ Нико-

лай Васильичъ на распутьи, и напрасно напрягалъ онъ свой усталый мозгъ, чтобы найдти выходъ, безобидный для себя и для семьи,—выхода не было, а между тѣмъ, и такъ жить становилось невыносимо.

Трепетовъ замѣтилъ, что въ послѣднее время весь погостъ точно отшатнулся отъ него. Идетъ ли онъ по площадкѣ, все пялитъ на него глаза съ обиднымъ сожалѣніемъ, какъ на помѣшаннаго; заговоритъ ли съ кѣмъ, всякій наровитъ образумить его и прельстить красотами сельской жизни. Даже дѣти при его появленіи умолкали, слѣдили за нимъ съ искреннимъ любопытствомъ, и не разъ Трепетову слышалось брошенное вслѣдъ ему слово „свѣтскій“ съ какимъ-то ругательнымъ оттѣнкомъ. Да оно и естественно: всѣмъ жильцамъ погоста, конечно, понятнѣе было состояніе отца Василія съ женою, чѣмъ ихъ сына, и потому они болѣе сочувствовали имъ, чѣмъ ему, а при такомъ сочувствіи старались общими силами смирить еретика и обратить его на путь истинный. Дома тоже утѣшенья немного: тамъ всѣ сидятъ молча, повѣсивъ головы: отецъ похудѣлъ и бродитъ самъ не свой по комнатѣ съ убитой встревоженной миной; онъ и пчелъ своихъ забылъ совсѣмъ и на требы пересталъ ѣздить. Мать сидитъ гдѣ нибудь въ углу, и хотя не плачетъ при сынѣ, но видно, что слезы у нея всегда на готовѣ. Обрядовая сторона жизни остается таже, но не тотъ въ ней смыслъ; нѣтъ прежняго спокойствія и оттѣнка самодовольной домовитости, которая видѣлась прежде въ каждомъ обрядѣ. Такъ же всѣ ложатся спать, но не спятъ, ходятъ на работу, но не спорится ра-

бота, столъ накрываютъ; но рѣдко кто проглотитъ нѣсколько глотковъ супу, и только всѣ спрашиваютъ другъ друга, „отчего ты не ѣшь?“ хотя и понимаютъ причину. Только двѣ младшія сестры Трепетова живутъ по прежнему полною жизнью и ѣдятъ съ аппетитомъ, потому что у нихъ *свой* міръ и свои ребячьи интересы. Иногда, чтобы разсѣять думы родителей, Николай Васильичъ начинаетъ разговаривать съ ними о чемъ нибудь постороннемъ, но разговоры выходятъ искусственные, смѣхъ болѣзненный, отъ котораго еще тяжелѣе становится, и разсказчикъ самъ начинаетъ понимать, что этимъ онъ не устранитъ катастрофы и не примирится съ родней. Сидитъ съ ними долго Николай Васильичъ, наконецъ его самого одурь возметъ и тяжело сдѣлается; инстинктивно, идетъ онъ на свѣжій воздухъ и ищетъ, на чемъ бы успокоиться, чѣмъ бы развлечься. А тамъ опять окружаютъ его разные Захарычи и Силычи съ сердобольными лицами и непрошеннымъ участьемъ.

Этотъ разладъ съ окружающей обстановкой, это давящее чувство полнаго одиночества и отсутствіе всякой внѣшней поддержки — сильно и разрушительно дѣйствовали на неустановившуюся еще натуру нашего героя. Ежедневныя ссоры и непріятности сначала раздражали и сердили его, а потомъ это ожесточеніе перешло въ одну постоянную, вѣчно-ноющую боль, которая съ каждымъ днемъ сильнѣе томила его. Особенно сильно начало мучить его сознаніе, что онъ разстроилъ счастье своей семьи, что заставляетъ страдать свою матушку, которая сдѣлала для него такъ много и ожидала отъ него одной только любви и утѣ-

шенья, — а онъ чѣмъ отплатилъ ей за это? Онъ видѣлъ, что его родители томятся, худѣютъ, больны совсѣмъ, и онъ одинъ главный виновникъ ихъ тревоги. Что-жъ тутъ дѣлать? Столковаться съ ними нѣтъ надежды, тянуть далѣе это положеніе — силъ нѣтъ, съ ума сойдешь; значитъ надо рѣшить немедленно; быть или не быть? а это вопросъ слишкомъ важный—вопросъ жизни и смерти. Приходилось взвѣсить всѣ шансы и смѣло, съ глубокимъ анализомъ ощупать свои личныя привязанности, чтобы узнать, что для него выше: потребность ли знанія и другой свободной жизни и дѣятельности, или ласки родителей, ихъ любовь и ухаживатье?.. Но какъ тутъ узнаешь это, когда измученная голова совсѣмъ отказывается работать и нервы просятъ отдыха?

Утомился Трепетовъ отъ этой непосильной борьбы. Въ головѣ его стоялъ туманъ, хотѣлось выйдти какъ нибудь изъ этого положенія, чтобы окончательно не сойдти съ ума, и не было вокругъ его никого, кто бы могъ указать ему этотъ выходъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ гнетущей тоски, у него начала даже иногда являться отчаянная мысль объ уступкѣ. „Остаться развѣ?“ думалъ онъ. „Вѣдь и тутъ можно книгъ накупить и прожить не безъ пользы! Можно понемногу изучать условія мѣстной жизни, помогать прихожанамъ по мѣрѣ возможности: заведу школу, въ проповѣдяхъ моихъ жизненный смыслъ будетъ, а потомъ... Что, потомъ?.. Далѣе уже ничего нѣтъ. Да и что, если эта жизнь вдругъ не понравится? вѣдь перемѣны никакой быть уже не можетъ, и рясы не бросишь?.. такъ и

придется перебиваться изо дня въ день до гробовой доски? А между тѣмъ, каждый сосѣдъ, каждая былинка и козявка, и весь складъ окружающей жизни будетъ незамѣтно втягивать въ извѣстную колею, потомъ постепенно замрутъ вопросы и желанія, и лѣтъ черезъ пятокъ—самъ не узнаешь себя... Такъ думалъ Трепетовъ и сознавалъ, что мысль объ этой уступкѣ — уже измѣна прежнимъ стремленіямъ, что пройдетъ еще нѣсколько дней, и эта чуждая ему жизнь можетъ охватить его со всѣхъ сторонъ и увлечь въ свой коловоротъ...—„Помогите!“ взывалъ онъ въ отчаяньи всему міру. — „Помогите, — падаю!..“

Время, между тѣмъ, проходило безплодно, а Трепетовъ все еще не пріискалъ себѣ выхода и только путался больше. Наконецъ, онъ рукой на все махнулъ и сталъ переживать день за днемъ въ полнѣйшемъ безсмысліи и бездѣйствіи, точно ждалъ какого то чуда, которое устроитъ ему развязку. На него напала полная апатія: тупо глядѣлъ онъ на ходъ жизни на погостѣ, на взходи матери и уныніе отца: ляжетъ на диванъ и лежитъ, какъ пластъ, или бродитъ гдѣ нибудь безъ цѣли, а сердце у него все червякъ какой-то сосетъ, злой червякъ, которому, однако, онъ и имени не придумалъ. Если ужь слишкомъ тяжело дома сдѣлается, онъ уйдетъ къ Вихляеву и играетъ съ нимъ въ шахматы или корпитъ въ его библіотекѣ. Онъ думалъ забыться въ чтеніи и пробудить въ себѣ остывшій жаръ къ занятіямъ, но странно, даже такія книги, за которыя прежде онъ полжизни отдалъ бы, и онѣ теперь не могли заинтересовать его; глядѣлъ онъ въ нихъ и ничего не видѣлъ,

точно на глазахъ у него сѣтка какая, а на мозгѣ непроницаемая плева паросла. Разговоры Вихляева не занимали его, плоскія шутки помѣщика нагоняли на него зѣвоту. Пробовалъ онъ разъ какъ-то поговорить съ нимъ откровенно о своемъ положеніи, но помѣщикъ отвѣтилъ ему, что въ университетѣ очень хорошо, но что и священникомъ тоже очень хорошо, особенно въ сосѣдствѣ съ нимъ, Вихляевымъ; и, во всякомъ случаѣ, онъ совѣтовалъ ему прежде всего отдохнуть и полечиться немного. — Хорошо, — отвѣчалъ ему Трепетовъ и возвращался домой искать утѣшенія, а тамъ его встрѣчали опять тѣ же печальныя лица, то же тяжелое безмолвіе.

Однажды, послѣ щекотливаго объясненія съ матерью, Трепетовъ ушолъ изъ дому и трое сутокъ спасался у Вихляева. Наконецъ безпокойство о домашнихъ овладѣло имъ и онъ рѣшился воротиться. На дорогѣ встрѣтилъ его отецъ, блѣдный и особенно чѣмъ-то взволнованный.

— Я за тобой, сказалъ онъ сыну.

— Что случилось?

— Мать больна, и боюсь, чтобъ тово... не вышло бы худо. Она и то ужь...

Отецъ говорилъ неровно и глухо.

— Послушай, Николай, вѣдь это все изъ-за тебя, неблагодарный!.. Пожалѣй ты ее!.. Притворись ужь лучше, все легче ей будетъ, а то... Слушай, тебѣ вѣдь это все одно, а я-то какъ же останусь? Мнѣ безъ нея не сдобровать...

Голосъ старика дрогнулъ и нижняя губа задрожала.

— Чѣмъ же я-то виноватъ, батюшка? Вы думаете мнѣ самому легко? тихо сказалъ Трепетовъ.

— Уѣзжай ужь ты скорѣе... безъ тебя легче было... право — произнесъ отецъ, утирая скатившуюся слезы... Ты и меня плакать заставилъ, а я двадцать лѣтъ не плакалъ... Вотъ что ты сдѣлалъ...

— Успокойтесь, ради Бога, — шепталъ растерявшійся Николай Васильевичъ и торопилъ отца домой.

Они вмѣстѣ вошли въ комнату, гдѣ на кровати лежала Катерина Ивановна, обвязанная разными тряпками. Въ комнатѣ пахло уксусомъ. Подлѣ больной хлопала Степанида Петровна и прикладывала къ головѣ ея мокрыя полотенца. Съ Катериной Ивановной въ послѣднее время довольно часто начали дѣлаться нервные припадки: проживъ спокойно столько лѣтъ, она, конечно, не могла перенесть всей этой передряги, а послѣ того, какъ Николай Васильичъ на трое сутокъ пропалъ куда-то, она совсѣмъ слегла. Сжалось сердце Трепетова, когда онъ подошолъ къ больной, и тяжело было ему видѣть ея страданія, причину которыхъ онъ зналъ хорошо. „Неблагодарный“! слышались ему слова отца, отъ котораго онъ никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Значитъ, сильно было ихъ горе, что даже кроткій отецъ рѣшился произнесть это слово. „Когда-жъ наконецъ, и чѣмъ все это кончится“? подумалъ юноша, теряя всякую рѣшимость.

— Матушка, что-жъ мнѣ дѣлать-то? спросилъ онъ, наклоняясь надъ матерью.

— Что хочешь, сынъ, твоя воля, не уходи ты только отъ меня,—слабо отвѣчала Катерина Ивановна.

— Ну, хорошо, такъ и быть, я еще мѣсяца три проживу съ вами, а тамъ какъ нибудь столкуемся.

Мать не отвѣтила ему и заплакала. Степанида Петровна тоже не выдержала наконецъ.

— Бога ты не боишься, тиранъ ты эдакой, варваръ жестокій, закричала она.—Хоть бы креста-то ты побоялся, фармазонъ ты окаянный, и т. п.

— Оставь его, Степанида Петровна,—замѣтила мать, всхлипывая, но просвирня ужь если начала ругаться, то остановить ее было трудно. Долго она причитывала надъ Катериной Ивановной, обращаясь съ разными упреками „къ тирану“, но Николай Васильичъ не слушалъ ея; на него точно столбнякъ нашолъ, и онъ до поздней ночи просидѣлъ неподвижно въ ногахъ у больной матери.

Бываютъ минуты, что умереть хочется, что окружающія невзгоды отравляютъ самую любовь къ жизни. Страшны эти моменты одуряющаго и мертвящаго отчаянья, потому что тогда человѣкъ очень близокъ къ помѣшательству. Ихъ переживалъ теперь Трепетовъ...

На другой день къ вечеру, мужикъ принесъ отъ Вихляева письмо, адресованное на имя отца Василія. Въ этомъ письмѣ помѣщикъ увѣдомлялъ „батюшку“ что на лежинскую священническую вакансію просятся очень многіе, и потому просилъ его къ завтрешнему дню сообщить ему, Вихляеву, окончательный отвѣтъ: согласенъ ли Николай Васильичъ занять это мѣсто, или нѣтъ? Неизвѣстно, ради

какихъ побужденій писалъ это Вихляевъ, зная очень хорошо намѣренія Трепетова, но, какъ бы то ни было, письмо произвело свое дѣйствіе, и у отца Василія совсѣмъ руки опустились.

Николай Васильичъ тотчасъ узналъ о содержаніи этого письма отъ своей сестры Маши, выругалъ отъ души помѣщика, однако не рѣшился спуститься внизъ. Онъ понялъ, что рѣшительное объясненіе теперь неизбѣжно, и боялся за себя и за свою твердость. Въ томительномъ ожиданіи началъ онъ перелистывать какую-то книгу, а самъ думалъ со страхомъ: „вотъ-вотъ сейчасъ отворится дверь и войдетъ отецъ. Какъ отвѣтить ему“?

Однако черезъ нѣсколько минутъ вошелъ не отецъ, а сама Катерина Ивановна. Слабая, блѣдная и тяжело переводя духъ, остановилась она въ дверяхъ... Николай Васильичъ никакъ не ожидалъ увидѣть мать, потому что она до сихъ поръ все еще не сходила съ постели.

— Матушка, что вы это? произнесъ онъ, подбѣжавъ къ ней и поддерживая ее.

— Вотъ я больная совсѣмъ, а притащилась къ тебѣ, прошептала та, опускаясь на стулъ.—Дѣло очень важное... Вотъ читай письмо...

— Я знаю его, сказалъ Николай Васильичъ, бѣгло проглядѣвъ письмо. — Вотъ что, матушка, ради Бога не будемъ говорить объ этомъ. Ты теперь больна, а поправишься, — мы и потолкуемъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ дашь сегодня послѣдній отвѣтъ... Я не уйду иначе. Пожалѣй же ты меня наконецъ, Николя!

Вѣдь я только и жила для тебя... всѣ мои заботы только о тебѣ одномъ... Николя... я и умру, можетъ, скоро... такъ ты ради смерти-то хоть...

Катерина Ивановна не могла продолжать. Важность этого момента отняла у ней послѣднія силы; она понимала, что отъ послѣдняго отвѣта сына зависитъ все ея будущее счастье. Откажись онъ теперь, и завтра же займутъ мѣсто, и тогда исчезнетъ ея послѣдняя надежда. Она съ судорожнымъ рыданьемъ припала къ сыну на грудь и ухватилась за него, точно боялась, что онъ уйдетъ.

— Николя... вѣдь ты одинъ у меня, заговорила она перерывисто. — Ну, помри отецъ, на кого мы всѣ останемся? Вѣдь я изболѣю совсѣмъ за тебя, и такъ ужь я изболѣла... За каждый шагъ твой боялась... сколько ночей не спала, все Богу молилась, все худое бывало лѣзетъ въ голову... И вотъ, думала, теперь успокоюсь... Николя, родной мой, да неужели жь ты промѣняешь на кого мать свою?.. Вѣдь, право, хоронить тебя было бы легче...

— Матушка, не мучьте вы меня, — могъ только произнесть Трепетовъ.

— Ты не любишь твою мать, тебѣ каждая книга дороже... А я-то, глупая, думала... Нѣтъ, Николя, ты не сдѣлаешь этого... Послушай меня, сынъ мой, другъ ты мой, пойми же ты наконецъ, что мать никогда тебѣ зла не желаетъ... Помнишь, какъ мы жили прежде съ тобой? а теперь что?.. Испортили тебя злые люди... не такой былъ прежде...

Николай Васильичъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ на

руку голову свою. Каждое слово матери отзывалось въ немъ болью, но онъ молчалъ; онъ не могъ говорить и только чувствовалъ, что самъ готовъ разрыдаться. Катерина Ивановна молча и перерывисто всхлипывала и сквозь слезы долго шептала ему слова любви и упрека; потомъ она точно опомнилась, отерла слезы и пристально поглядѣла на сына,

— Ну, что же ты? спросила она довольно твердо, — надо вѣдь отвѣчать сегодня... Ну, какой отвѣтъ дать? будь, что будетъ... Все небось, къ свѣтскимъ хочешь?..

Сынъ по прежнему молчалъ, блѣдный, какъ въ пыткѣ. Катерина Ивановна сама поблѣднѣла, не спуская глазъ съ сына. Ужасъ овладѣлъ ею.

— Нѣтъ, нѣтъ, коли ужь ты не хочешь, — не говори лучше! Пусть хоть надежда какая останется... Господи, помоги ты мнѣ! крикнула она и опять залилась слезами.

— Тяжело наконецъ это, — простоналъ Николай Васильичъ и машинально поднялся.

— Не уходи, Бога ради! въ испугѣ сказала мать и тоже поднялась.

— Не убѣгу, не бойтесь, прошепталъ сынъ.

— Ну, такъ говори же послѣдній отвѣтъ, писать вѣдь надо... Говори что нибудь, не мучь только... Николя, больно вѣдь; пожалѣй мать больную... — произнесла она съ такимъ понятнымъ ему страхомъ, что Николай Васильичъ не могъ больше владѣть собою. Онъ бросился къ ней на грудь и самъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Твой я, матушка! не могу я больше мучить тебя!

Дѣлай со мной, что хочешь!.. прошепталъ онъ ей, не помня самъ себя...

. . . . . .

Въ тотъ же вечеръ отецъ Василій сочинилъ письмо къ Вихляеву, что сынъ его, Николай, изъявилъ желаніе поступить священникомъ въ село Лежино, помѣщика Курдюкова.

Возликовалъ весь погостъ емельяновскій. Радостная вѣсть „согласился“ облетѣла всѣ уголки его мирныхъ обителей; всѣ ожили, заговорили о предстоящихъ празднествахъ и радовались, что скоро опять водворится на погостѣ прерванный покой и тишина. Во многихъ окнахъ далеко за полночь все еще свѣтились огни, точно пасха вторая настала.

X.

Квартира Трепетовыхъ снова сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ обитателей погоста, и съ утра до вечера идутъ въ ней рьяные толки и хлопоты. Сама Катерина Ивановна точно никогда и больна не была и мечется цѣлые дни изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая. Дѣло въ томъ, что теперь, по уставу, слѣдовало женить Николая Васильича на комъ бы то ни было, и женить какъ можно скорѣе. Надо было въ теченіе нѣсколькихъ дней отыскать ему „подругу сердца“, и притомъ такую, чтобы и лицомъ подходящая была, и достатки кое-какіе имѣла, а главное, чтобъ не тощая да не хворая, потому что „ежели моло-

дой, грѣхомъ, овдовѣетъ, такъ ему другой жены не дадутъ: надо, чтобъ на всю жизнь ему хватила".

И вотъ впопыхахъ они перебираютъ теперь по косточкамъ всѣхъ окрестныхъ дѣвицъ; каждый ломаетъ свою голову, чтобы припомнить всевозможные слухи и сплетни о жизни сосѣднихъ приходовъ: у кого какіе доходы, и кто сколько приданаго дать можетъ, и каковы сами родители,—словомъ, все, что до сихъ поръ пропускалось мимо ушей и обсуждалось только отъ нечего дѣлать,—теперь въ ходъ пошло и подверглось строгому разбору.

А женихъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ углу, повѣся голову, и съ полнѣйшей апатіей глядѣлъ на всю эту кутерьму, точно дѣло вовсе его не касалось. Онъ ужь успѣлъ одуматься и хотѣлось бы ему воротить назадъ вырванное у него согласіе,—да какъ теперь воротишь его? Точно волна какая охватила его эта услужливая толпа сердобольныхъ опекуновъ и дружно тащила въ свой омутъ темный и неприглядный. Онъ впрочемъ и не сопротивлялся больше; только когда мать и гости начали обращаться къ нему за совѣтомъ и мнѣніемъ, онъ отвѣтилъ имъ рѣзко, что ему теперь все равно, па комъ ни жениться и гдѣ ни жить, и что онъ вполнѣ полагается на ихъ выборъ и опытность. Такая апатія жениха къ выбору „подруги сердца", признаться, и не удивила никого особенно, потому что всѣ считали невѣсту—дѣломъ второстепеннымъ и придаточнымъ: „было бы мѣсто, а невѣста найдется"—толковали они. И невѣста, какъ увидимъ, дѣйствительно нашлась.

Порѣшили на первый разъ ѣхать смотрѣть невѣсту къ

лежинскому дьякону, на томъ основаніи, что у него дочь образованная, съ виду очень на барыню походитъ и притомъ за ней рублей триста чистыми дадутъ. — „Правда, мать у ней очень эхидная, — замѣтила при этомъ Степанида Петровна: — да вѣдь не съ матерью ему вѣнчаться-то“.—Съ этимъ всѣ согласились.

— Такъ вотъ, Николя, сказала Катерина Ивановна, подсаживаясь къ сыну,—невѣста будетъ тебѣ по сердцу: и красивая, и ученая, да и деньги есть. Мы въ воскресенье вмѣстѣ и отправимся къ нимъ. Тамъ кстати праздникъ храмовой будетъ, — повеселишься. Согласенъ, что ли?

— Я сказалъ тебѣ, матушка, что не спрашивай меня и вези, куда хочешь, хоть въ лѣсъ, хоть въ болото.

— Да ты не сердись, Николя, надо вѣдь, чтобъ и тебѣ невѣста понравилась.

— Мнѣ все равно.

— Ну, и ладно.

И всѣмъ погостомъ рѣшено было тоже, что женихъ вмѣстѣ съ родителями долженъ отправиться въ Лежино,—будто ради праздника только...

А между тѣмъ, въ Лежинѣ тоже шла не малая тревога, особенно въ семействѣ дьякона.—Неизвѣстно, какими путями перелетаютъ новости съ погоста на погостъ, и не виноватъ ли тутъ Силычъ почтенный, успѣвшій мимоходомъ побывать у знакомаго лежинскаго дьячка, но только тамъ еще наканунѣ праздника знали, что Трепетовы пріѣдутъ къ нимъ „смотрѣть невѣсту“. По этому случаю дьяконица вечеркомъ позвала къ себѣ свою старшую дочь, Катю, и

строго внушила ей, чтобы она ухаживала за такимъ женихомъ и старалась понравиться его родителямъ, потому что не вѣкъ же ей въ „дѣвкахъ сидѣть“. На это дочь рѣзко отвѣтила ей: „ужь, пожалуйста, не учите; сама знаю, что дѣлать; я не какая нибудь“.

Дѣйствительно, Катя была „не какая нибудь“; она между всѣмъ окрестнымъ духовенствомъ слыла за „барыню“, и нѣкоторые поповны смотрѣли на нее съ непритворною завистью и даже брали съ нея примѣръ. Дѣло въ томъ. что она чуть не съ малолѣтства ходила въ гости къ помѣщику Курдюкову и считала себя подругой его единственной дочери. Съ нею вмѣстѣ она играла сначала въ куклы, а потомъ ѣздила гулять; читала романы, помогала одѣваться,— словомъ, играла роль ея компаньонки, „чтобъ барышнѣ не было скучно“. Удостоившись чести быть подругой *барышни*, Катя, какъ дѣвушка переимчивая, захотѣла сама быть барышней. И вотъ нахваталась она отъ помѣщиковъ внѣшняго лоску, заучила нѣсколько красивыхъ словъ, усвоила нехитрые пріемы кокетства и скоро въ самомъ дѣлѣ стала походить на барышню. Съ теченьемъ времени, она до того привыкла къ барскому образу жизни, что дома ей становилось скучно; она капризничала, работать ничего не хотѣла, да и не могла, любила читать Польде-Кока и мечтала о какихъ-то фантастическихъ офицерахъ. Курдюковы, конечно, не считали ее ровнею, третировали ее свысока, особенно при гостяхъ, и вышла наша Катя, такимъ образомъ, ни пава, ни ворона: отъ своихъ отстала, къ чужимъ не пристала. Потомъ ея подруга-барышня вышла замужъ и уѣхала куда-

то. Катѣ тоже замужъ захотѣлось, а такъ какъ офицеровъ въ наличности не было, то и принялась она кокетничать съ семинаристами. Нѣтъ ничего скучнѣе этихъ изуродованныхъ барствомъ сельскихъ дѣвушекъ, и на нихъ всего рельефнѣе и рѣзче отражается та прикрытая внѣшнимъ лоскомъ пустота, которая царитъ въ семейной жизни нашихъ помѣщиковъ. Бурсаки-жинихи смотрятъ на этихъ барышень съ нѣкоторымъ страхомъ, и рѣдкій осмѣлится жениться на такой, чтобы не наплакаться послѣ. Ее-то избрала невѣстой своему сыну сообразительная Катерина Ивановна, на томъ основаніи, что „ежели онъ любитъ свѣтскихъ, такъ чего-жъ ему лучше?“

Катѣ тоже очень захотѣлось выйдти замужъ за Трепетова, про котораго она слыхала, что онъ мужчина красивый и, главное, „свѣцкій“, и, ложась спать наканунѣ праздника, она долго соображала, какое лучше ей платье завтра надѣть и въ какомъ мѣстѣ бантъ пришпилить, и о чемъ завести разговоры, чтобъ пустить ему пыль въ глаза. Хитрая была дѣвица.

Насталъ наконецъ и праздникъ.

— Батюшки, народу-то у васъ сегодня,—сказала Катерина Ивановна, вваливаясь въ комнату и здороваясь съ дьяконицей.—Вотъ и мы кстати.

— Милости просимъ, матушка; еще бы вы и въ праздникъ не пріѣхали, и то въ кои вѣки... отвѣтила дьяконица, чинно раскланиваясь и усаживая гостей.

Народу дѣйствительно было много. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ жизнью сельскаго духовенства, тотъ знаетъ, ка-

кое важное значеніе имѣютъ здѣсь храмовые праздники. Эти праздники на перечетѣ у всѣхъ сосѣднихъ приходовъ; ихъ ждутъ съ нетерпѣньемъ, какъ пріятнаго развлеченья, ими время опредѣляютъ. Не говоря уже о сытныхъ обѣдахъ и закускахъ, которые по праздникамъ съ утра до ночи не убираются со стола, въ эти дни духовенство покидаетъ свои захолустья для общаго пріятельскаго свиданья; тутъ идетъ дружный обмѣнъ интересовъ, и многіе здѣсь запасаютея разговорами чуть не на цѣлый годъ. Вотъ и теперь къ лежинскому дьякону съѣхались съ окрестныхъ приходовъ всѣ почти причты; тутъ были и священники, и дьяконы, и дьячки съ своими семействами, были семинаристы и даже одинъ *академистъ* *), на которыхъ, какъ извѣстно, сельское духовенство смотритъ съ благоговѣніемъ, какъ на „палаты ума и учености". Этотъ академистъ былъ впрочемъ не особенно хищный; онъ молча сидѣлъ въ углу, бросая кругомъ гордые, самоувѣренные взгляды, и только изрѣдка отпускалъ фразы, въ которыхъ рѣзко звучали слова: *я* да *мы*. Дѣвицы, сложа руки, чинно сидѣли вдоль стѣнки, перешоптывались между собою и хихикали. Какой-то священникъ громко разсказывалъ, какъ у нихъ архіерей проѣздомъ былъ и что онъ говорить изволилъ, и общество слушало его очень серьезно, вполнѣ сознавая всю важность подобнаго факта; потомъ поднялся оживленный споръ о томъ, имѣетъ ли отецъ Петръ набедренникъ, или не имѣетъ? Хозяйка, залитая потомъ, бѣгала въ суматохѣ по комнатѣ и приглашала гостей то

*) Студентъ духовной академіи.

закусить, то выпить. Николай Васильичъ усѣлся около двери и исподлобья разглядывалъ собравшееся общество. Къ нему осторожно подошла Катерина Ивановна.

— Что ты сидишь такъ, Николя, шепнула она ему на ухо: — поди познакомся съ невѣстой-то; вонъ она напротивъ сидитъ.

— Пустъ она сама придетъ, коли ей хочется, а я не пойду, — рѣзко отвѣтилъ тотъ.

— Для меня хоть ты сдѣлай это, Николя...

— Ахъ, матушка, ей богу мнѣ и безъ нея весело.

Мать пожала плечами и отошла. Вслѣдъ за нею, съ подобострастной улыбкой приблизился къ нему самъ хозяинъ.

— Весьма измѣнились вы, Николай Васильевичъ, заговорилъ онъ, усаживаясь возлѣ:—я васъ еще махонькимъ помню, а теперь вотъ вы іереемъ у насъ удостоитесь...

— Я былъ здѣсь три года назадъ, тоже на праздникѣ.

— Какже, и я часто воспоминаю, какъ вы у насъ хлѣбъ-соль изволили кушать... Осмѣливаюсь спросить: у васъ нынѣшній отецъ ректоръ, я слыхалъ, мужъ весьма просвѣщенный и любомудрый...

— Да, любомудрый.

— Гмъ! А я всегда съ не малою завистью гляжу на молодыхъ студентовъ, — произнесъ дьяконъ послѣ небольшого замѣшательства и проворно свелъ разговоръ на свои личныя семинарскія воспоминанія, которыя въ подобныхъ случаяхъ всегда выручаютъ, потому что не требуютъ глубокихъ соображеній. Николай Васильичъ, отъ нечего дѣ-

лать, сталъ поддерживать разговоръ, а самъ, между тѣмъ, пристально разглядывалъ свою будущую невѣсту. Она сидѣла напротивъ него въ нарядномъ платьѣ, какъ видно, съ барскихъ плечъ, перекидывалась словами съ подругами и кокетливо щурила глазки. Трепетова очень занимало, какъ она постепенно приходила въ замѣшательство отъ его пристальнаго взгляда, какъ старалась казаться спокойной и даже небрежной, а между тѣмъ, во всѣхъ ея движеньяхъ, въ разговорѣ на распѣвъ, въ разсѣянности — было замѣтно, что она чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и что вполнѣ имъ довольна. Она какъ-то неестественно поводила глазами, кусала губы и однажды, подслушавъ остроту сосѣда-семинариста, захохотала такъ принужденнно, что всѣ обратили на нее вниманіе. Катя окончательно смѣшалась и, шепнувъ что-то подругамъ, вышла съ ними на крыльцо. Проходя мимо Трепетова, она будто нечаянно задѣла его платьемъ и на распѣвъ прошептала: „пардонъ“. Николай Васильичъ слышалъ, какъ въ сѣняхъ ее остановила мать и заставляла вернуться въ комнату на что Катя съ достоинствомъ просила ее не мѣшаться не въ свое дѣло.

— Не желаете ли рюмочку чего употребить? спросилъ хозяинъ, замѣтивъ, что отъ его бесѣды мало проку.

— Отчего-жъ не выпить, отвѣтилъ Трепетовъ.

Дьяконъ исчезъ и черезъ минуту явился съ подносомъ, на которомъ стояла рюмка вина. За нимъ дьяконица внесла двѣ тарелки съ колбасой и солеными грибами. Очевидно, за Трепетовымъ ухаживали, какъ за будущимъ священникомъ и женихомъ дочери. Особенно мѣстный дьячекъ все

время глазъ съ него не спускалъ и соображалъ что-то. Когда Трепетовъ выпилъ, лицо дьячка просіяло; онъ широко улыбнулся и самъ попросилъ себѣ рюмочку.

Скоро по селу въ полсотни бабьихъ голосовъ завизжала хоровая пѣсня, и разряженная толпа крестьянокъ гуськомъ тронулась вдоль по улицѣ, идущей мимо церкви. Въ ту же минуту въ комнату вошелъ старый пономарь, съ сѣдой косичкой, и принесъ съ собою гитару. Это былъ безсмѣнный музыкантъ на всѣхъ церковныхъ вечеринкахъ, и давно уже мѣстная молодежь пляшетъ подъ звуки его *чижика*. За нимъ толпою ввалились барышни и окружили пономаря, какъ своего благодѣтеля. Старикъ ухмылялся и подмигивалъ.

— Сыграть, что ли, кадрельку-то? спросилъ онъ вкрадчиво.

— Сыграй, дѣдушка, заговорили въ одинъ голосъ дѣвицы.

— Ну, такъ пляшите съ богомъ, рюмка за вами...

И онъ вывелъ на гитарѣ пресловутаго „чижика“.

Общество закопошилось; солидное духовенство сочло нужнымъ удалиться въ другую комнату, гдѣ у нихъ дружно пошла *круговая;* начинали устроиваться пары. Невѣста долго отказывала приглашавшимъ ее на танецъ кавалерамъ и бросала выразительные взгляды на Николая Васильича, но видя, что онъ не трогается съ мѣста, скрѣпя сердце, отдала руку академисту. И пошелъ плясъ всеобщій подъ игривое тринканье „чижика“. Пономарь бился изъ силъ, чтобы раззадорить пляшущихъ: онъ и ногою въ тактъ при-

стукивалъ, и старался голосомъ представить, какъ чижикъ поетъ, а пляшущіе, въ свою очередь, выходили изъ себя, чтобы показать свою грацію: половицы затрещали, стекла зазвенѣли, стулья запрыгали... Николай Васильичъ вышелъ на крыльцо. Свѣжимъ и вольнымъ воздухомъ пахнуло на него съ улицы, но и тамъ народъ бѣсновался и визжалъ во всѣ рты. Съ визгомъ летали надъ селомъ вопли бабьи, съ поля откуда-то грянула хоровая „во-лузяхъ", сзади изъ комнаты слышалось „волною морскою", и все это сливалось съ звуками „чижика" и топаньемъ пляшущихъ. — Вотъ такъ праздникъ! подумалъ Трепетовъ и улыбнулся, жолчно улыбнулся. Скучно было ему; видъ общаго веселья только раздражалъ его болѣе, и онъ раскаивался, что поѣхалъ на праздникъ. Прислонясь къ дверному косяку, сталъ онъ тоскливо разсматривать село, въ которомъ, быть можетъ, придется ему поселиться на вѣки вѣчные и, не мудрено, что село ему не понравилось, сосѣди показались глупые, а о невѣстѣ и думать нехотѣлось. А между тѣмъ, матушки втихомолку не спускали глазъ съ жениха и неутомимо слѣдили за каждымъ шагомъ его. Не успѣлъ Николай Васильичъ и десяти минутъ постоять на свободѣ, какъ около него появилась дьяконица-хозяйка.

— Что-жъ вы, молодой человѣкъ, не протанцуете кадрель съ дѣвицами? спросила она.

— Да я не умѣю.

— Не врите, пожалуйста, понапрасну: — кому-жъ и умѣть послѣ этого, какъ не свѣцкимъ кавалерамъ? Мы вѣдь

все понимаемъ, подмигнула она. Да что-жъ вы стоите тутъ: пожалуйте въ залу.

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Какъ можно, что вы! въ залѣ теперь всѣ гости, тамъ и дѣвицы всѣ. Пожалуйте.

И не отстала дьяконица до тѣхъ поръ, пока Трепетовъ не вошелъ въ залу. Дѣлать нечего, надо было повиноваться; онъ занялъ прежнее мѣсто, около двери, и сидѣлъ, какъ автоматъ, сбычившись и съ упорнымъ молчаньемъ. Танецъ кончился, и Катя, будто нечаянно, опустилась на стулъ возлѣ него.

— Ахъ, извините, я, кажется, помѣшала вамъ,—произнесла она, кокетливо обмахиваясь платкомъ.

— Нѣтъ, ничего-съ,—отвѣтилъ Трепетовъ, нѣсколько отодвигаясь.

— Какъ жарко сегодня... Я чувствую ужасную ажитацію.

— Какъ-съ?

— Устала очень... Я ужасно люблю танцовать: это моя страсть... А вы такой гордый и не хотите съ нами.

— Я не люблю танцевъ.

— Я сама не люблю, особенно если очень тѣсно и кавалеровъ хорошихъ нѣтъ. А у насъ какіе кавалеры? Все мове.

Трепетовъ посмотрѣлъ на нее съискоса и промолчалъ.

— Скажите что нибудь,—проговорила Катя жеманно.

— Что же вамъ сказать?

— Что нибудь... Вы знаете какіе нибудь стихи?

— Нѣтъ, не знаю. А вы любите стихи?

— Ужасно люблю.

— Какіе же?

— Всякіе... особенно я люблю печальные и гдѣ говорится про поэзію, про любовь... Я и романы читаю...

— Значитъ, вы любите заниматься чтеніемъ?

— Еще бы! Такъ скучно вѣдь.

Трепетовъ невольно вспомнилъ при этомъ то „скучно", въ которомъ призналась ему Таня, и невольно провелъ параллель между этими двумя дѣвушками.

— Неужели и вы скучаете когда нибудь? спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ Катю.

— Ужасно скучаю. Да и какое-жъ тутъ можетъ быть веселье? Родственники все такіе невѣжи и необразованные, семинаристы пріѣзжаютъ только лѣтомъ, а зимой нѣтъ ни кавалеровъ, ни общества. Вотъ только и отдыхаю у Курдюковыхъ.

Въ этомъ родѣ разговоръ завязался на долго. Катя то старалась щегольнуть своею свѣтскостью, то свести разговоръ на интимный тонъ; она жаловалась на свое одиночество, критиковола знакомыхъ жениховъ-семинаристовъ и довольно ясно намекала Трепетову, что ей нуженъ именно такой женихъ, какъ онъ, Трепетовъ. И не знала эта барышня, что своими разговорами она окончательно роняетъ себя въ глазахъ нашего героя, что въ этихъ разговорахъ онъ читаетъ все ея незавидное прошлое и будущее, и все еще хочется ей объяснить въ свою пользу его ироническую улыбку и грустную задумчивость. А обѣ матушки съ умилень-

емъ наблюдаютъ изъ-за угла за бесѣдою молодыхъ людей и торопятся вывести благопріятныя заключенія; дѣвицы тоже переглядываются и перешоптываются; на физіономіяхъ матушекъ другихъ приходовъ ясно выражено, что „мы все это понимаемъ“.

Неожиданный случай выручилъ Трепетова изъ непріятнаго положенія. Въ сосѣдней комнатѣ кто-то съ грохотомъ опрокинулъ бутыль съ водкой, и общество съ хохотомъ бросилось туда узнавать обстоятельства дѣла. Николай Васильичъ воспользовался этой суматохой и ускользнулъ въ садъ, гдѣ болѣе солидные гости занимались игрою въ трилистика и свои козыри.

Этотъ случай оживилъ монотонность праздника, и веселье стало выражаться въ болѣе свободныхъ формахъ. Новая бутыль съ водкой явилась уже въ главной залѣ, языки у гостей развязались, пошли разныя шуточки, то здѣсь, то тамъ, начались обниманья, цѣлованья и другіе подобные обряды. У всѣхъ и походка точно измѣнилась: никто не пройдетъ спроста, а всякій старается пристукнуть ногой, двинуть плечомъ и чувствуетъ во всемъ тѣлѣ сладкое подергиванье. Старый пономарь скоро былъ уже не въ силахъ наигрывать чижика; вмѣсто гитары, образовался цѣлый хоръ любителей, который съ азартомъ принялся отхватывать: „ахъ вы сѣни, мои сѣни“, и подъ этотъ праздничный гимнъ кадриль пошла такъ рьяно, что самъ суровый Захарычъ не могъ больше сдерживать своей удали и силился вставить среди танцующихъ какое-то особенное *па*. Съ присвистомъ, съ прищолкиваньемъ и какимъ-то завы-

ваньемъ отламывали пляшущіе разныя колѣнца; кто-то грохнулся съ взрывомъ общаго хохота, и потомъ пошелъ уже такой грохотъ и гвалтъ, такое судорожное коверканье человѣческихъ членовъ, что люди слабонервные, заткнувъ уши, поспѣшили удалиться изъ залы. Если бы та умная голова, которая ухитрилась изобрѣсть кадриль, могла заглянуть на лежинскіе танцы,—что бы подумала эта умная голова?...

Барышня-невѣста больше не танцовала и сидѣла поодаль отъ подругъ и пирующихъ. Рядомъ съ нею помѣстился академистъ и громко доказывалъ ей, что-то „таится во мракѣ молчанія и невѣденія, ибо Амвросій Медіоланскій и даже самъ великій Кантъ говоритъ, что“ и т. д. Катя слушала его очень разсѣянно, о чемъ-то тревожно думала, и только когда замѣчала на себѣ взглядъ Николая Васильича, старалась хохотать и казаться веселой, что очень изумляло академиста и ставило его въ тупикъ.

Въ сумерки Трепетовъ окончательно соскучился и упросилъ мать ѣхать домой. Хозяева переполошились, засуетились, стали упрашивать закусить-на дорогу, но Николай Васильичъ извинился нездоровьемъ и первый сѣлъ въ телѣгу. Невѣста впопыхахъ выбѣжала на крыльцо и мѣшаясь, проговорила, что надѣется еще разъ видѣть его у себя. Трепетовъ отвѣтилъ, что сочтетъ первымъ долгомъ, и Катя просіяла.—Долго еще о чемъ-то шептались матушки на прощаньи, и Трепетовъ могъ услышать только послѣднія слова дьяконицы: „больше четырехсотъ не можемъ“.

— А это для васъ, Николай Васильичъ, — сказала

хозяйка, подавая жениху какой-то пакетъ.—Спрячьте въ карманъ.

— Что это такое?

— А ужо дома прочтете и подумаете.

Телѣга тронулась по селу, мимо хороводовъ и полупьяныхъ крестьянъ. Стонъ стоялъ надъ селомъ и въ полной силѣ звучалъ еще праздникъ. На крыльцѣ дьяконскаго дома все еще стояли гости, и между ними Трепетовъ отличилъ фигуру Кати: она махала платкомъ. Потомъ телѣга обогнула село и черезъ огороды выѣхала на знакомую дорожку къ холму емельяновскому.

Трепетовъ вспомнилъ о пакетѣ и вскрылъ его. Тамъ на листѣ бумаги онъ прочелъ слѣдующее: „Роспись приданова невѣсты Екатерины Петровой. 1—Божіе милосердіе большое въ серебряномъ окладѣ съ позолотой; 2—Божіе милосердіе поменѣ въ серебряномъ окладѣ безъ позолоты; 3—Салопъ лисій крытый градедамомъ, съ воротникомъ куніимъ“ и т. д. Всего было до сорока параграфовъ, въ составъ которыхъ вошли и юбки, и чулки, и посуда, и всѣ принадлежности невѣсты съ самымъ подробнымъ описаніемъ. Катерина Ивановна не сводила глазъ съ сына. Тотъ улыбнулся и спряталъ бумагу.

— Вы ужь порѣшили съ ними? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, какъ можно, ты самъ долженъ порѣшить.

— Такъ вотъ что, матушка: мнѣ эта невѣста не нравится. Если ужь непремѣнно мнѣ надо жениться, такъ позвольте мнѣ лучше Таню взять.

— Таню? Какую-жь это Таню, я что-то и не пойму сразу?

— Да вотъ что у отца Никиты живетъ...

— Что ты, Богъ съ тобой! вскрикнула Катерина Ивановна, испугавшись, — это нашу-то Таньку глупую?

— По моему она лучше, чѣмъ эта.

— Да вѣдь за ней ничего нѣту! И чего тебѣ срамиться-то — эдакую голь брать? Развѣ нѣтъ невѣстъ получше? Эта не понравилась, такъ другую найдемъ, а то Таньку... Да и что здѣсь-то скажутъ, вѣдь срамъ!

— Матушка! дайте мнѣ хоть въ этомъ-то волю! И то ужь...

— Ну, ладно-ладно, тамъ ужо потолкуемъ, перебила его встревоженная Катерина Ивановна.

Они замолчали и всю дорогу не говорили больше ни слова. Послѣ ужина Катерина Ивановна глубоко задумалась надъ вопросомъ: какъ бы вымаклачить у скупого отца Никиты что нибудь въ приданое Танѣ? Хотѣла—было она посовѣтоваться объ этомъ съ Василіемъ Петровичемъ, но старикъ подкутилъ съ радости, что дѣло съ сыномъ пошло на ладъ.

А у лежинскаго дьякона праздникъ продолжался до поздней ночи, такъ что больше половины гостей были не въ состояніи разъѣхаться по домамъ и развалились въ повалку на большомъ дьяконскомъ сѣновалѣ. Мать-дьяконица тайкомъ сообщила Катѣ, что „есть надежда“, и Катя, лежа

въ постели и сладко потягиваясь, долго шепталась съ своей подругой. Разговоръ шелъ, конечно, по секрету.

— Паша, душка, посовѣтуй, какъ мнѣ быть? спрашивала Катя подругу.

— А что такое?

— Мнѣ недавно Петръ Иванычъ потихоньку признался въ любви, а Николай Васильичъ тоже, кажется, влюбленъ въ меня; по крайней мѣрѣ, онъ сегодня такъ смотрѣлъ, такъ смотрѣлъ на меня, что я не знала, куда и дѣваться.

— Счастливая!..

— Я теперь ужь и не знаю, за котораго мнѣ выйдти замужъ. Какъ ты думаешь? А?

— А который тебѣ больше нравится?

— Да мнѣ оба нравятся; ужь просто... Я думаю, что Николай Васильичъ будетъ священникомъ красивѣе, чѣмъ Петръ Иванычъ; ряса ему больше пойдетъ. Ты замѣтила: у Петра Иваныча волосы очень рѣдки? Что за красота— длинные, прямые, какъ мочала, и рѣдкіе... фи!..

— А у Николая Васильича борода не ростетъ, а священникъ безъ бороды...

— Пустяки-съ; ему всего только 21 годъ.

— А онъ съ училища брѣется.

— Это откуда ты знаешь.

— Слышала.

— Неправда; это ты нарочно, чтобъ отбить... А онъ сегодня даже ни разу и не поглядѣлъ на тебя...

И споры шопотомъ тянутся до свѣту: обѣ взволнованы

и обѣ успѣли гдѣ-то разузнать множество разныхъ подробностей о двухъ женихахъ... Въ перемѣжкахъ слышатся вздохи и слова: „ужь не знаю, какъ и быть“...

XI.

Между обитателями холма емельяновскаго Таня занимала чуть ли не послѣднее мѣсто. Всѣ смотрѣли на нее, какъ на постороннюю, ничего незначущую личность, живущую на погостѣ только изъ милости; каждый считалъ своимъ долгомъ третировать ее, какъ „нищій и убогій, сосудъ скудѣльный“, предаваться по поводу ея сердобольнымъ размышленіямъ и смотрѣть на нее свысока. Никому, конечно, и въ голову не приходило никогда, что Таня можетъ быть невѣстой Трепетова, и потому можно представить себѣ то общее изумленье, когда погостъ услышалъ объ этой новости.

Таня тоже не мечтала о такомъ счастьи. Привыкнувъ къ своей пассивной роли, всѣми отверженная, она и сама смотрѣла на жильцовъ погоста, какъ на людей постороннихъ, и мало интересовалась ихъ толками и сплетнями. Слышала она мелькомъ, что Николай Васильичъ поѣхалъ смотрѣть невѣсту въ Лежино, и считала дѣло его поконченнымъ. Правда, въ этотъ день она тайкомъ положила три земныхъ поклона передъ образомъ и усердно молилась, чтобы Богъ послалъ ему счастье и успокоилъ его,—но эта молитва была ея тайной, такъ же какъ были вѣчной тайной для погоста многія ея думы.

На другой день послѣ лежинскаго праздника, вечеромъ, Дарья Никитична кликнула ее. Таня бросила работу и выглянула изъ сарая съ грязной тряпкой въ рукахъ.

— Чего вамъ? спросила она, утираясь передникомъ.

— Поди, дура, одѣнься поскорѣй: Николай Васильичъ свататься пришелъ! крикнула та черезъ дворъ.

Таня остановилась и недовѣрчиво поглядѣла на тетку.

— Что-жъ ты стала-то? Ишь, не вѣрится даже счастью такому. Замолила, знать, Бога, что польстился на тебя, дуру.

— Николай Васильичъ?.. выговорила Таня, задыхаясь и прислонившись невольно къ двери.

— Да иди же, говорятъ тебѣ! Ждутъ вѣдь.

Дарья Никитична торопливо ушла. Таня простояла нѣсколько секундъ точно въ обморокѣ, потомъ очнулась и въ испугѣ бросилась бѣжать въ свою комнату. Долго въ нерѣшимости стояла она потомъ у двери „въ залу“ и прислушивалась къ знакомымъ голосамъ: сильно стучало въ ней сердце... Наконецъ она преодолѣла себя и отворила дверь. Ей представилась слѣдующая странная картина. Всѣ Трепетовы сидѣли чинно на диванѣ, а Дарья Никитична раскладывала предъ ними разныя принадлежности туалета Тани, ея платья, кофты и т. п. и все это расхваливала она передъ Николаемъ Васильичемъ, точно онъ былъ на рынкѣ, а не на смотринахъ. Трепетовъ терялся и старался отклонить эти объясненія, отецъ Никита равнодушно сидѣлъ въ углу и только изрѣдка дѣлалъ разныя замѣчанія, а въ дверяхъ, между тѣмъ, виднѣлось нѣсколько постороннихъ

головъ, съ любопытствомъ слѣдившихъ за сценой. Таня обомлѣла.

— Только деньгами, ужь вы не обидьтесь, ничего дать не можемъ, — толковала Дарья Никитична; — сами вѣдь вы знаете, достатки-то наши...

— Знаемъ мы, матушка, и сотенку-другую не грѣхъ было бы прикинуть, — торговалась Катерина Ивановна.

— Какія у насъ сотенки, что вы? Что и имѣемъ, такъ надо про своихъ поберечь: вѣдь у насъ двѣ свои дочери ростутъ, а Танька-то намъ почти что и не родня. Платьица два сдѣлаемъ, образъ дадимъ, и будетъ матушка. Да у ней и такъ скрабу всякаго довольно, и бѣлье все новехонько. Вотъ я сейчасъ принесу...

— Тетенька, ради Бога, не надо! — вскрикнула въ испугѣ Таня, стараясь удержать ее.

— Что ты, глупая, да вѣдь надо же жениху знать, что у тебя есть!

— Въ самомъ дѣлѣ, Дарья Никитична, — вмѣшался Трепетовъ, — объ этомъ вы послѣ потолкуете съ моей матушкой. Я въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслю.

— Онъ всталъ и подошелъ къ Танѣ. Дѣвушка обмерла ссвсѣмъ и боялась даже вглянуть на жениха.

— Будемте жить вмѣстѣ, Татьяна Николаевна; будьте моей невѣстой, — произнесъ онъ полушопотомъ, протягивая Танѣ руку. Та отъ волненья ничего не могла отвѣтить; губы ея задрожали... Свѣтло и ясно взглянула она на Трепетова, потомъ схватила его руку, крѣпко сжала ее и, не владѣя больше собою, выбѣжала изъ комнаты. Все это

произошло такъ быстро, что присутствующіе, занятые торгомъ, не могли замѣтить; что именно произошло между женихомъ и невѣстой. Николай Васильичъ подошелъ къ матери и сталъ безсознательно слушать ея споръ о чемъ-то съ Дарьей Никитичной. Долго еще новые друзья толковали о приданомъ, долго Катерина Ивановна выпрашивала денегъ, но отецъ Никита былъ упоренъ и только въ видѣ особенной милости рѣшился дать чистыми 25 рублей, на первое обзаведенье.

— Только чтобъ это было вѣрно, Николай Васильичъ, заключилъ онъ, — а то пожалуй вы, какъ въ Лежинѣ...

— Нѣтъ, ужь это рѣшенное дѣло, — успокоилъ его женихъ.

— А чтобы дѣло было еще прочнѣе, такъ мы васъ завтра же и обручимъ. Не такъ ли?

— Безпремѣнно завтра, вмѣшалась Дарья Никитична, — вы такъ ужь и приготовьтесь.

Затѣмъ ударили по рукамъ: отецъ Никита позвалъ Таню, снялъ со стѣны образъ и тутъ же, безъ дальнихъ околичностей, и благословилъ жениха съ невѣстой. Потомъ словно изъ земли выросъ передъ ними дьячокъ Филимонычъ съ проздравленьемъ; по погосту заговорили, что недурно было отпраздновать помолвку, а Силычъ, въ тотъ же вечеръ, сломя голову, поскакалъ въ Лежино: ему хотѣлось первому сообщить Катѣ печальную новость...

— Чего же ты плачешь-то, Танька? — спрашивала передъ ужиномъ Дарья Никитична, заглядывая въ спальную,

гдѣ, прижавшись въ уголъ, сидѣла дѣвушка. — Нерада, что ли?

— Сама не знаю, что со мной дѣлается, отвѣтила та утирая глаза, никакъ не могу слезъ унять... Ахъ, тетенька, мнѣ не вѣрится даже... и сама не помня себя, дѣвушка бросилась на грудь тетки. Она въ эту минуту забыла всѣ прежнія оскорбленія: ей всѣхъ любить хотѣлось, со всѣми дѣлиться своимъ счастьемъ. Эта искренность тронула чорствую Дарью Никитичну, и въ первый разъ она поняла, что „Танька тоже чувствовать можетъ“.

— Ишь ты, расплакалась какъ; слезы-то у васъ дешовы больно,—заговорила она, смягчая голосъ.—Ну, полно же, полно!..

— Счастливая какая я, право!.. Вѣдь и не думала никогда...

— То-то же; теперь гляди въ оба, а то этотъ женихъ какъ разъ увильнетъ. Приданаго у тебя нѣту, красота твоя не Богъ вѣсть какая; изъ милости, чай, беретъ, потому — сироту жалко. А мать у него очень до денегъ-то эхидная... Смотри, Танька, ты его не выпусти, а то кто-жъ тебя больше возьметъ? Такъ и поколѣешь въ дѣвкахъ. А мнѣ вотъ горе безъ тебя: работницу нанимать надо. Кабы здѣсь жила, все ничего: помогала бы, а то вѣдь Лежино-то не близко...

Дарья Никитична увлеклась своими личными разсчетами и мимоходомъ высказала Танѣ много горькихъ попрековъ своими благодѣяніями и постоянными заботами о ея счастьи. Искренность и ей развязала языкъ, но только не

на радость Танѣ, такъ что, если бы дѣвушка не была въ такомъ счастливомъ настроеніи духа, она еще больше возненавидѣла бы свою благодѣтельницу.

Въ эту ночь Таня долго не могла заснуть. Когда от. Никита съ женою успокоились на своемъ супружескомъ ложѣ, она осторожно встала съ постели, вышла въ залу, отворила окно и начала безсознательно смотрѣть на знакомые виды. Ей подумать хотѣлось на просторѣ и вполнѣ насладиться тѣмъ сладкимъ спокойствіемъ, какого давно она не испытывала. Мѣсяцъ былъ видѣнъ на небѣ; дулъ прохладный и мягкій вѣтеръ на раскраснѣвшееся лицо дѣвушки; спалъ погостъ, спало кладбище, и нависшія надъ могилами березы чуть только порой вздрагивали и шелестили листьями. Пейзажъ ей знакомый и самъ по себѣ очень скучный, а между тѣмъ, онъ доставлялъ ей теперь высокое наслажденье, и не хотѣлось ей отходить отъ окна. Грудь дышетъ легко и свободно, и смѣяться, и плакать хочется, и летѣть куда нибудь далеко, въ иной міръ, къ инымъ людямъ,— лишь бы не возвращаться опять къ этимъ жалкимъ, обыденнымъ заботамъ. Не идиллія тутъ праздная, а простое, сладкое ощущеніе свободы и новой жизни, сладкое сознаніе, что цѣпи свалились съ рукъ и ногъ, что окончилось подневольное одиночество и нашелся другъ, съ которымъ рука объ руку смѣло можно идти по новой дорогѣ.

Слишкомъ важный фактъ переживала теперь Таня. Въ ея жизни совершался переломъ къ лучшему и за нимъ заманчиво раскрывалось передъ нею новое, свѣтлое будущее. Таня принадлежала къ числу тѣхъ способныхъ натуръ, у

которыхъ слишкомъ рано пробуждаются потребности знанія и лучшей жизни. При хорошихъ условіяхъ, Таня могла бы развиться прекрасно и имѣть благотворное вліяніе на окружающую ее грязь; но злую шутку сыграла надъ нею судьба. Отецъ ея, городской священникъ, былъ человѣкъ съ норовомъ; самъ онъ любилъ покутить и повеселиться, а дѣтей, напротивъ, старался воспитать по правиламъ строгой нравственности, то есть, внушалъ имъ почтеніе къ старшимъ и начальству, заставлялъ учить наизустъ евангеліе, ходить каждую службу въ церковь, подавать нищимъ и т. п. На несчастье Тани, всѣ ея братья и сестры померли очень рано, такъ что отецъ надъ нею только могъ изощрять свои педагогическія способности, тѣмъ болѣе, что очень любилъ ее. „Самъ я человѣкъ, можетъ быть, и пропащій, — говорилъ онъ,—но дочь свою такъ воспитаю, что на нее пальцами указывать будутъ.“ И вотъ онъ по начаткамъ и катехизису создалъ себѣ идеалъ человѣка смиреннаго, высоконравственнаго, набожнаго и милосердаго, и къ этому идеалу старался пригнать свою дочь. За нею учредили строгій надзоръ, окружили ее назидательными книгами и запирали даже въ особую комнату, когда къ нимъ сходились гости для пирушекъ и картежной игры. Мать Тани была особа безцвѣтная, вѣчно хворая и нервная, которая съ первыхъ же дней замужства вся отдалась своему мужу и была полнымъ его отголоскомъ. Такимъ образомъ, для Тани съ малолѣтства были отрѣзаны всѣ пути къ правильному развитію. Чутко приглядывалась она къ тѣмъ немногимъ фактамъ, которые удавалось видѣть ей внѣ родительской семьи или

которые подчасъ дома прорывались передъ нею изъ подъ парадной прикрышки; и много копошилось въ ея головкѣ вопросовъ на которые не хотѣли, да и не могли отвѣчать ея родители. Общественную жизнь наблюдала Таня только въ церкви и изъ окна своей комнаты, а полупьяные чиновники, пѣвчіе и прочіе любители даровой выпивки, которыхъ она видѣла въ комнатѣ отца сквозь замочную скважину, дали ей плохое понятіе о человѣчествѣ вообще. „Неужели всѣ такіе? думала она,—неужели для взрослыхъ людей нѣтъ другихъ удовольствій, кромѣ вина и каргъ?“ и ей досадно становилось на этихъ гостей. Какъ-то случайно попалъ ей въ руки свѣтскій романъ; она съ жаромъ прочла его и съ тѣхъ поръ пристрастилась къ чтенію свѣтскихъ книгъ. Отецъ замѣтилъ это и удвоилъ надзоръ; у нея стали дѣлать обыски, отбирали всѣ книги, кромѣ религіозныхъ, и это заставило Таню кривить душою, прятать изрѣдка достававшіяся ей книги на сѣнникѣ или за дровами и наслаждаться ими урывками и по секрету. Когда умерла ея мать, отецъ закутилъ еще болѣе, но онъ страстно привязался къ дочери, какъ единственному существу, которое уцѣлѣло отъ его семьи. Онъ не позволялъ себѣ оскорбить ее ни однимъ словомъ и даже подчасъ какъ-будто стыдился передъ нею за свою жизнь.—„Гадкій у тебя отецъ, Таня,—говорилъ онъ ей въ минуты раскаянья,—не смотри ты на него, будь только сама добрая да честная—и Богъ тебя не оставитъ, счастлива будешь!..

Но не сбылось предсказаніе отца. Онъ скоро уходилъ себя окончательно, и Таня осталась кругомъ сиротою. Ей

тогда было всего 15 лѣтъ, значитъ, мѣсто за нею закрѣпить было нельзя, да и кто бы сталъ хлопотать за сироту: она точно сразу лишена была правъ гражданскихъ, точно кто превратилъ ее вдругъ въ ничтожество. Знакомые чиновники, однако, выхлопотали ей отъ церкви пенсіонъ въ 20 р. въ годъ, и тогда только единственный ея родственникъ дальній, от. Никита, рѣшился перетащить ее на погостъ емельяновскій и пристроить у себя въ качествѣ нахлѣбницы. Съ этихъ поръ Тани настала другая пора жизни, и, на горе свое, узнала она другихъ людей, другую опеку.

Дарья Никитична сразу порѣшила, что теперь съ нею нечего церемониться и спѣсь городскую слѣдуетъ посбить, чтобъ не чванилась; и вотъ круто и рѣзко стала она осаживать бѣдняжку и вдавливать ее въ ту тяжелую колею, на которую осудили ее обстоятельства. Одѣли Таню въ рубище, завалили ее чорными работами, стали кричать на нее, какъ на работницу. Таня, неслыхавшая никогда оскорбленій, въ ужасѣ искала защиты у сосѣдей, противилась, плакала, но благодѣтели сознавали вполнѣ свое великое *право*, и сосѣди не могли мѣшаться въ ея дѣло. Всѣ, напротивъ, вмѣстѣ съ отцомъ Никитой соглашались, что „сиротѣ слѣдуетъ смириться и почитать своихъ благодѣтелей; что безъ нихъ она съ голоду умерла бы“ и т. п. Одинъ только Василій Петровичъ высказывалъ иногда, что „по человѣчеству“ ему жалко Таню, но что могъ сдѣлать такой агнецъ, какъ от. Василій?

Много тяжелыхъ, адски-мучительныхъ дней пережила

Таня въ это время, и ей ли, слабой, было бороться съ цѣлымъ погостомъ! До сихъ поръ несчастная дѣвушка съ ужасомъ вспоминаетъ ту роковую минуту, когда она за какой-то промахъ получила отъ Дарьи Никитичны первую пощечину, и до сихъ поръ она понять не можетъ, какъ не умерла въ тотъ день отъ стыда и безсильной злобы!.. Потомъ это стало повторяться чаще и чаще; сталъ бить ее и от. Никита, стали бить ее даже дѣти ихъ,—и пришлось покориться, пришлось цѣловать руки благодѣтельскія, говорить, что она обязана имъ, и жить среди вѣчныхъ попрековъ и тяжелыхъ, никѣмъ нецѣнимыхъ работъ. Боясь напрасныхъ оскорбленій и побоевъ, она выбивалась изъ силъ, чтобы угодить благодѣтелямъ, и старательно справляла свою обязательную работу, какъ каторжникъ, работающій изъ подъ палки, съ тѣмъ только различіемъ, что у Тани не было надежды на освобожденіе и она не знала, за что осуждена на такую каторгу. Съ теченьемъ времени, она переломила себя, скрыла отъ постороннихъ наблюденій свои боли, ушла въ глубь себя, но не легче ей стало отъ этого. Вѣчно задумчивая, сосредоточенная, упавшая духомъ, она безнадежно глядѣла въ свое будущее и не видѣла и впереди никакого облегченья. Не разъ передъ иконой, висѣвшей надъ ея постелью, она молилась о смерти, просила превратить ее въ дерево или статую, чтобы не чувствовать болѣе никакой обиды... Эта икона была ея лучшимъ и единственнымъ другомъ, потому что только передъ нею она могла свободно выплакаться и украдкой, да

озираясь, пожаловаться на тѣ обиды, которыя вынесла она въ теченіи дня.

Николай Васильичъ произвелъ на Таню, сильное впечатлѣніе. Украдкой заглядываясь на него или слушая его разговоры, она скоро замѣтила, что онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ приходилось ей видѣть въ жизни, и Таня съ первыхъ же дней почувствовала къ нему глубокое уваженіе. Онъ первый внушалъ ей полное довѣріе къ себѣ, первый посмотрѣлъ на нее съ сочувствіемъ и, казалось, понялъ ея тревогу и боли; и очень хотѣлось дѣвушкѣ поговорить съ нимъ, поучиться у него, довѣриться ему вполнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ такъ же ненавидѣлъ погостъ, какъ и она. И не рѣшалась робкая Таня глубже вдуматься въ тѣ болѣе простыя причины, которыя ее заставляли, въ присутствіи Трепетова, чувствовать особенное волненье и слишкомъ принимать къ сердцу всѣ его удачи и не удачи. Правда, порой она сама замѣчала, что при встрѣчѣ съ нимъ краска бросается ей въ лицо, но вѣдь она была молода, ей такъ жить хотѣлось... Конечно, она и думать боялась о томъ, что Трепетовъ можетъ жениться на ней. — „Гдѣ намъ до такихъ, разсуждала она: — намъ дьячекъ-пьяница или бурсакъ исключенный, такъ и то счастье, а онъ такой умный, ученый!..“ И вдругъ теперь...

Да, важное значеніе имѣлъ этотъ день въ жизни Тани, и она потомъ будетъ долго вспоминать его. Такъ пусть же она наслаждается теперь своимъ счасчьемъ: пусть дольше тянутся для нея минуты этого свѣтлаго спокойствія. Много Таней то-

мится по нашимъ захолустьямъ, но не каждой изъ нихъ выпадаетъ на долю и такой день. Другія и этого не имѣютъ...

XII.

Уже во время обрученья Таня замѣтила, что Трепетовъ хоть и старается казаться веселымъ, но въ немъ подчасъ рѣзко замѣтна худоскрытая тревога и унылость. Таня не знала, радоваться ли ей своему обрученью, и каждый взглядъ на жениха отравлялъ ея веселость, заставлялъ невольно вздыхать и задумываться. Эту невеселость жениха замѣтила и просвирня, не спускавшая глазъ съ молодыхъ во все время обряда, и тутъ же она вывела заключеніе, что это „не къ добру". Остальнымъ гостямъ, конечно, не было дѣла до думъ жениха; они помнили только, что сегодня обрученье и, слѣдовательно, кутить надо,— ну, и кутили до положенія ризъ.

Въ самомъ дѣлѣ, веселиться Трепетову было не изъ чего. Онъ переживалъ теперь критическое положеніе человѣка, который, сдѣлавъ важный промахъ, очертя голову, идетъ дальше и дальше ко всѣмъ послѣдствіямъ этого промаха. На всѣ событія послѣднихъ дней онъ смотрѣлъ точно сквозь туманъ какой-то и механически исполнялъ все, что прикажутъ ему. Порой онъ приходилъ въ себя и съ ужасомъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что такими вещами шутить нельзя,, и тогда въ отчаяньи онъ прини-

мался кривить душою, старался искусственно настроить себя на новый ладъ и отыскать заманчивыя стороны на новой дорогѣ, — и не могъ, конечно. Какъ упреки совѣсти, все чаще и чаще возставали передъ нимъ прежніе планы и думы, ныла грудь отъ тоски, но онъ настойчиво гналъ эти думы, старался съ корнемъ вырвать ихъ изъ головы своей, сознавая, что теперь онѣ ненужны ему. Чтобы примириться съ новой дорогой, ему слѣдовало забыть все то, чѣмъ жилъ и къ чему стремился онъ до сихъ поръ. Это былъ единственный исходъ для него; и вотъ Трепетовъ пересталъ анализировать встрѣчныя явленія, силился поглупѣть и шелъ впередъ, махнувъ на все рукою и точно съ завязанными глазами.

Есть такія шаткія и, по правдѣ сказать, незавидныя натуры, которыя подобнымъ путемъ очень легко сламываютъ себя и принаравливаются къ образу жизни и мнѣніямъ того кружка, куда втискиваетъ ихъ судьба; но для Трепетова подобный дуализмъ былъ невыносимо тяжелъ, и чѣмъ больше онъ давилъ въ себѣ хорошіе порывы, тѣмъ только больше мучилъ себя. Конечно, путемъ долгаго и настойчиваго самообладанія, удаливъ отъ себя искусственно всѣ средства къ развитію, онъ могъ бы отупѣть и жить, скрѣпя сердце, такъ же, какъ и его сосѣди, но онъ никогда не примирился бы съ ними и навѣчно отравилъ свою жизнь. Впослѣдствіи Трепетовъ безпощадно бранилъ себя за эту попытку къ умственному самоубійству и невольно краснѣлъ при воспоминаніи объ этомъ двоедушномъ періодѣ своей дѣятельности. Да и слѣдовало.

Какъ бы то ни было, но Трепетову въ настоящее время было очень не легко, и мать, главная виновница его мученій, скоро замѣтила, что сынъ ея опять ходитъ точно въ воду опущенный. Это заставило ее на время забыть свои свадебныя хлопоты и понемногу разузнавать, что дѣлается съ Николей и не задумалъ ли онъ опять чего нехорошаго. Она по прежнему начала вкрадчиво заговаривать съ нимъ, подсаживаться къ нему и вздыхать. Но Николя былъ съ нею нѣмъ, какъ рыба; онъ зналъ, что мать не поможетъ ему.

— О чемъ ты, Николя, думаешь все? спрашиваетъ она его подъ часъ. Свадьба на дворѣ, а онъ носъ повѣсилъ. Невѣста, что ли, не нравится? такъ новую найдемъ: этого-то товару у насъ, слава Богу, довольно.

— Нѣтъ, мнѣ Таня нравится, матушка.

— Такъ чего-жъ тебѣ еще надо?

— Ничего мнѣ не надо.

— Такъ будь, пожалуйста, повеселѣе, а то все молчишь да думаешь. И меня-то ныньче точно за чужую считаешь; хоть бы поговорилъ о чемъ когда.

— Не о чемъ говорить, матушка; мы ужь все съ тобой переговорили. Вотъ ужо я къ Вихляеву схожу, книгъ у него наберу и посмотри, какимъ молодцомъ буду.

— Опять книги! Не читай ты ихъ много пожалуйста; ужасно я боюсь этихъ книгъ.

Николай Васильичъ промолчитъ, а мать смотритъ на него пристально и тоскуетъ. Хотѣлось бы ей видѣть своего

сына веселымъ, да она не знаетъ, что тутъ подѣлать, за что взяться.

— Ты помолился бы хорошенько, Николя, все легче было бы,—заговоритъ она опять вкрадчиво:—ты ныньче ужь и не молишься совсѣмъ, а это нехорошо вѣдь, другъ мой...

— Я ужо помолюсь.

— Вѣрно опять у тебя свѣтскія затѣи въ головѣ. Подумай, глупый, о чемъ тебѣ печалиться: мѣсто у тебя теперь отличное; вѣчный кусокъ хлѣба будетъ, земля своя, домъ свой... а почетъ-то какой: всѣ кланяться начнутъ, руки цѣловать будутъ... вѣдь этого и генералъ не всякій добьется. А то куда бы ты пошелъ въ чужую сторону, да безъ копѣйки денегъ?

— Я очень доволенъ, матушка, отвѣтитъ сынъ, и, чтобы закончить бесѣду, пойдетъ въ сарай рубить дрова или начнетъ на огородѣ гряды копать, и работаетъ до изнеможенья. Этимъ онъ старается отвлечь себя отъ упрековъ совѣсти и думъ тяжелыхъ.

Только съ одной Таней любилъ говорить Трепетовъ, и то потому, что видѣлъ въ ней полное довѣріе и сочувствіе къ своимъ думамъ и дорожилъ ея привязанностью. Впрочемъ онъ больше сожалѣлъ, чѣмъ любилъ „добренькую Таню“, и былъ радъ отъ души, что ему придется, освободить ее отъ благодѣтелей. Онъ замѣтилъ, что и теперь уже ее одѣваютъ лучше прежняго и меньше заставляютъ работать, и что весь погостъ смотритъ на Таню съ уваженіемъ,—и это радовало жениха. „Я дамъ ей возможность развиться“ думалъ онъ гордо: „у ней есть прекрасные за-

датки, будемъ мы вмѣстѣ учиться и проживемъ не безъ пользы". Съ этой цѣлью сходилъ онъ къ Вихляеву, выбралъ у него нѣсколько книгъ и по вечерамъ читалъ Танѣ вслухъ романы Ж. Занда или В. Скотта. Часто сходились они вдвоемъ подъ тѣнью широкаго клена у рѣчки Глыбовки; этотъ кленъ особенно любила Таня, потому что здѣсь она имѣла возможность говорить съ женихомъ безъ присмотра и опеки благодѣтельской. Николай Васильичъ читалъ съ большимъ увлеченьемъ, и глубокія, свѣтлыя мысли Ж. Занда заставляли его не разъ прерывать чтеніе и задумываться. Не фантазіей увлекался онъ, а главной мыслью романа, и изъ положеній дѣйствующихъ лицъ старался сдѣлать для себя практическій выводъ. А Таня въ это время не спускала глазъ съ жениха; и Богъ знаетъ, — многое ли слышала она и способна ли была мыслить въ эти минуты. Въ другое время, это чтеніе заинтересовало бы ее и дало бы значительный толчокъ ея мысли, а теперь ее, въ большинствѣ случаевъ, всю наполняло одно сладкое сознаніе, что она *невѣста* и рядомъ съ нею сидитъ ея *женихъ*, и это сознаніе отвлекало ее отъ книги.

— Какіе глаза у васъ славные, прервала Таня однажды чтеніе, вглядываясь въ глаза жениха, когда въ нихъ еще искрились признаки головной работы и увлеченья.

Трепетовъ оставилъ книгу и съ недоумѣньемъ посмотрѣлъ на Таню.

— Вы вѣрно, устали слушать? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, читайте, пожалуста, — отвѣтила дѣвушка, смѣшавшись и чувствуя, что краска бросилась ей въ лицо.

— Довольно на этотъ разъ, сказалъ Трепетовъ;—отдохнемъ и потолкуемъ о чемъ нибудь.

Онъ закрылъ книгу и склонился на траву. Вечерѣло. Вдали по дорогѣ тянулось съ поля стадо коровъ, за стадомъ шелъ пастухъ съ длинной хворостиной.

— Замѣчаете ли вы, Татьяна Николаевна,—произнесъ Трепетовъ съ желчной улыбкой,—что у этого пастуха выраженье лица точно такое же, какъ и у коровъ? не даромъ они одинаковую жизнь ведутъ.

Таня засмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, они похожи. Я даже убѣжденъ, что у этого пастуха не только мысли коровьи, но что нѣкоторыя коровы положительно умнѣе его, по крайней-мѣрѣ морды у нихъ осмысленнѣе и выразительнѣе. И это очень понятно. Коровы живутъ вполнѣ по своимъ потребностямъ, а пастухъ—человѣкомъ называется и, между тѣмъ, долженъ жить по коровьи. Тутъ нетрудно поглупѣть.

— А все-таки онъ ихъ начальникъ, замѣтила Таня.

— Такъ что же? Онъ только оттого и начальникъ, что въ рукахъ у него палка, а коровы, какъ извѣстно, народъ очень несообразительный. Онѣ никакъ понять не могутъ, что вся сила на ихъ сторонѣ; вотъ пастухъ и пользуется ихъ глупостью, и бьетъ, кого вздумаетъ. Неправда ли, это очень поучительно?

Таня не отвѣтила и только улыбнулась.

— А вонъ, поглядите, мужикъ покойника везетъ къ намъ; кляча у него еле ноги волочетъ, да и самъ онъ не

лучше ея. Какъ вы думаете, кто изъ нихъ больше наслаждается жизнью?

— Не знаю, отвѣтила Таня съ улыбкой.

— Теперь онъ хлещетъ свою клячу, а вечеромъ, можетъ быть, его хлестать будутъ. И труды, и потребности, и наслажденія у нихъ общіе, и въ глазахъ барина этотъ мужикъ таже кляча. Онъ и покойника-то своего везетъ съ полной апатіей, точно сѣно какое.—А нашъ отецъ Никита теперь радъ-радехонекъ, что мужикъ ему покойника везетъ. Этотъ покойникъ ему хлѣба дастъ на цѣлыя сутки, изъ этихъ покойниковъ онъ вамъ платье сошьетъ...

— Да вѣдь и вы такой же будете?

— И я такой же буду, рѣзко отвѣтилъ Трепетовъ съ худо скрытой досадой.

Таня призадумалась и вздохнула.

— Отчего это, Николай Васильичъ, на свѣтѣ больше злого бываетъ, чѣмъ добраго? — спросила она, помолчавъ. Я часто думаю, что есть гдѣ нибудь такія книги, гдѣ все это описано?

— Можетъ быть, и есть гдѣ нибудь, да не у насъ только,—отвѣтилъ Трепетовъ съ оттѣнкомъ жолчи.—Признаться, съ сомнѣньемъ смотрю я на всѣ наши книги. Я написалъ однажды статейку, о которой до сихъ поръ стыдно вспомнить, — такъ плоха она была, а ее напечатали; потомъ я написалъ другую, хорошую статью, въ которой было много правдиваго, — и мнѣ сказали, что ее печатать нельзя. Теперь мнѣ все кажется, что въ нашихъ книгахъ могутъ печататься только безцвѣтныя и, въ сущности, пу-

стыя статьи, и что много, можетъ быть, есть хорошихъ книгъ и статей, которыхъ мы не знаемъ и не узнаемъ никогда. Гдѣ-жъ послѣ этого узнать правду, въ какихъ книгахъ и какими путями?.. Эхъ, Татьяна Николаевна, много есть у меня вопросовъ, которые неотступно пилятъ голову и требуютъ яснаго отвѣта! и когда все это разрѣшится, да и разрѣшится ли? Учиться мнѣ надо, вотъ что.

— Вы, кажется, и то ужь все знаете.

— Ничего я не знаю и убѣждаюсь въ этомъ съ каждымъ днемъ. Такое скверное и глупое состоянiе: то зависть беретъ, на другихъ людей глядя, то ненавидѣть ихъ хочется... Когда же конецъ этому будетъ?.. Впрочемъ... что-жъ объ этомъ толковать, только мучить себя понапрасну.— Ну, вы отдохнули, Татьяна Николаевна? Давайте читать, что ли?

— Читайте.

И Трепетовъ опять началъ читать книгу, стараясь разсѣяться и успокоиться. Таня тоже слушала разсѣянно, и въ эти минуты даромъ улетали въ воздухъ мысли Ж. Занда, не затронувъ читателей.

И часто Трепетову въ разговорахъ съ Таней приходилось затрогивать свои вопросы и задумываться надъ собою, и потомъ долгихъ усилiй стоило ему, чтобы возстановить опять, то искусственное спокойствiе, въ которомъ онъ насильно старался поддерживать себя. Скоро, однако, эти бесѣды и чтенiе наединѣ съ Таней прекратились. Дарья Никитична рѣшила, что „зазорно жениху съ невѣстой оставаться до свадьбы, безъ всякаго присмотра; люди они мо-

лодые, грѣхъ какой, пожалуй, случиться можетъ, а это ляжетъ на моей совѣсти“, — и она учредила надъ Таней строгій надзоръ. Къ этому поощрила ее и Катерина Ивановна, замѣчавшая, что сынъ ея послѣ разговоровъ съ Таней становится печаленъ. — „Какъ рясу надѣнетъ, такъ пусть дѣлаетъ, что хочетъ, а теперь боюсь, чтобъ не надумалъ онъ чего съ этими книгами проклятыми.“ Николай Васильичъ еще болѣе возненавидѣлъ погостъ.

Между тѣмъ, время шло. Василій Петровичъ, собравъ остатки долгокопленнаго капитала, отправился въ городъ хлопотать по консисторіямъ, на что онъ самъ вызвался, какъ человѣкъ опытный. На погостѣ, въ ожиданіи свадьбы, мало по малу воцарялась та блаженная тишина, о которой давно уже мечтали всѣ обитатели холма емельяновскаго. Жизнь вошла въ обычную будничную колею. Наступали осенніе дни; полевыя работы кончились; хлѣбъ сжатъ, озими посѣяны, больше нечего ни сѣять, ни жать; и вотъ жильцы погоста, какъ трудолюбивыя пчелы, заперлись въ свои кельи, чтобы предаться исключительно радостямъ семейнаго и домашняго счастья. Если бы всѣ они теперь, подобно нѣкоторымъ насѣкомымъ, могли заснуть на всю зиму, то, право, результатъ былъ бы такой же, какъ и въ ежедневномъ бодрствованьи ихъ. Но все-таки они бодрствовали, дѣлали видъ, что чѣмъ-то заняты, что-то работаютъ, и только одинъ откровенный пономарь, Силычъ спалъ, „отъ нечего дѣлать“, большую часть дня и ночи, и просыпался только затѣмъ, чтобы подкрѣпить себя пищею или справить какую мелкую требу. Этотъ періодъ домашняго сча-

стья—самое скучное время на погостѣ; свободнаго времени у всѣхъ до того много, что не знаютъ, какъ провести его и чѣмъ наполнить эту жизненную пустоту. Надо же что нибудь дѣлать, чтобы окончательно не походить на спящихъ насѣкомыхъ, и вотъ они придумываютъ себѣ разныя занятія. От. Никита, напримѣръ, по цѣлымъ днямъ ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину, и все смотритъ: къ чему бы придраться, за что бы распечь кого, и все это онъ дѣлаетъ вовсе не потому, что злой характеръ имѣетъ, а потому, что онъ отъ скуки развлеченья ищетъ. Всему погосту извѣстно, что зимой и осенью у от. Никиты вѣчныя ссоры съ женою; причемъ каждый изъ сорящихся горячится и выходитъ изъ себя, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нѣчто серьезное дѣлаетъ, а не развлекается только. Сколько посуды одной перебьетъ от. Никита за зиму, сколько платьевъ жениныхъ перерветъ, лишь бы вывести изъ терпѣнья Дарью Никитичну; а та, въ свою очередь, чтобы досадить мужу, пачкаетъ его книги и бѣлье—и оба довольны. Потомъ, во время перемирія, все это исправляется, починивается или покупается вновь,—и опять время занято. Дьячокъ Филимонычъ постоянно дѣлаетъ видъ, что работаетъ для хозяйства: то онъ колышекъ какой обтачиваетъ цѣлые дни, чтобы заткнуть бочку, ежели когда нибудь въ ней дыра покажется, то пойдетъ въ лѣсъ, вырубитъ тамъ столѣтнюю березу и дѣлаетъ изъ нея лопату, „неравно, ежели старая изломается“. Могъ бы онъ и на продажу что нибудь сдѣладь, но это на погостѣ не принято. Захарычъ, какъ истинный стоикъ, способенъ просидѣть на лавкѣ цѣлую зиму,

не говоря ни слова, и не только не чувствуетъ скуки, но даже очень доволенъ, что „теперь отдохнуть можно“. Иногда, отъ скуки, они всѣ съобща придумываютъ себѣ разныя развлеченья, устроиваютъ поминки, заводятъ ссоры съ мужиками или другъ про друга сочиняютъ разныя сплетни и колкости, и это опять вовсе не потому, что хотятъ ссориться, а потому, что надо же потолковать о чемъ нибудь. И какъ рады всѣ бываютъ, когда какой нибудь особенный случай дастъ имъ возможность раскрыть рты и развлечься толками! Такихъ случаевъ въ присутствіи Трепетова было два. Однажды въ простое воскресенье вздумалъ пріѣхать на погостъ помѣщикъ Вихляевъ, былъ у обѣдни и похвалилъ даже пѣніе дьячка Фелимоныча. Случай, какъ видите, очень неважный, но погостъ онъ занялъ чуть не на цѣлую недѣлю; всѣ дивились его посѣщенью придумывали причины, боялись, нѣтъ ли тутъ какого замысла и проч. Особенно пришелъ въ азартъ, хваленый помѣщикомъ, Филимонычъ: онъ цѣлые дни во все горло оралъ „лучинушку“ и и увѣрялъ сосѣдей, что ему, „по настоящему“, надо бы на театрѣ пѣть, и что, въ дьячкахъ будучи, загубилъ онъ свой настоящій талантъ.—Другой случай былъ болѣе сложный. У отца Никиты околѣла дворовая собака, сидѣвшая на цѣпи чуть не двадцать лѣтъ. Дѣлать нечего; схоронили старую собаку и на мѣсто ея достали изъ деревни новую. Только новая собака оказалась весьма незлобиваго свойства, лаять ни на кого не хотѣла и, не смотря на всеобщія желанія раздразнить ее, только виляла хвостомъ и, повидимому, даже наслаждалась общимъ вниманьемъ. И вотъ

задумались умныя головы, чѣмъ разозлить собаку и какъ заставить ее лаять; дѣлали чучелы изъ рогожъ, отнимали у собаки кости, а Захарыхъ съ непонятнымъ терпѣньемъ трое сутокъ ходилъ вокругъ забора поповскаго и въ щели лаялъ по сабачьи на новую гостью. Такъ и пришлось помириться съ ея незлобіемъ.

И Трепетовъ, вмѣстѣ съ прочими обитателями погоста, искалъ развлеченія и тоже радовался всякому скандалу, который могъ бы взволновать это болото. Изъ міра живого не залетало сюда ни единаго слуха, ни одной строки печатной, точно и не было ничего на свѣтѣ, кромѣ холма емельяновскаго и селъ, его окружающихъ. Знали впрочемъ попы отъ мужиковъ, что гдѣ-то подъ Севастополемъ война съ французами и турками идетъ, и знали только потому, что мужиковъ въ ратники набирали и всѣ сосѣднія деревни волкомъ выли. Объ этой войнѣ судили здѣсь такъ же спокойно и апатично, какъ-будто дѣло шло о войнѣ мышей съ лягушками, потому что это дѣло вовсе ихъ не касалось; правда, от. Никита, по русской привычкѣ, высказалъ однажды, что „гдѣ имъ противъ *насъ*, и не такихъ побѣждали“, но высказавъ такъ безсознательно, точно урокъ отвѣтилъ изъ катехизиса. Пробовалъ было однажды Николай Васильичъ заговорить съ нимъ о какомъ-то ученомъ вопросѣ, съ цѣлью расшевелить и завлечь, его, но отца Никиту одолѣла такая зѣвота, что Николай Васильичъ счелъ своимъ долгомъ замолчать. Видно вспомнилъ при этомъ от. Никита какой нибудь семинарскій

учебникъ, который навсегда оттолкнулъ его отъ науки и заставляетъ зѣвать отъ каждой ученой фразы.

Переживая день за днемъ среди такихъ существъ и ихъ интересовъ, при полномъ отсутствіи умственной дѣятельности и всего освѣжающаго, Трепетовъ чувствовалъ уже, что и онъ замѣтно тупѣетъ и что погостъ успѣлъ уже наложить на него клеймо свое. Дѣлать ему ничего не хочется, въ головѣ мгла и чуть копышатся въ немъ порою остатки прежнихъ задавленныхъ порывовъ, которые онъ настойчиво сдерживаетъ. Чувство самосохраненія, однако, еще сильно въ немъ; ему подчасъ страшно дѣлается, и онъ тогда, какъ замерзающій, начинаетъ бороться противъ одолѣвающаго его сна, потому что если заснешь — не проснешься болѣе. Тѣмъ-то и ядовита эта механическая жизнь, что она окружена полнымъ довольствомъ, что здѣсь ни о чемъ и думать не приходится, потому что все уже достигнуто и придумано отцами, и нѣтъ ничего такого, что могло бы вызвать протестъ и заставило пожелать лучшаго. Въ бурсѣ труднѣе было погибнуть Трепетову, чѣмъ здѣсь, потому что открытое безобразіе бурсацкой жизни съ перваго взгляда внушило ему отвращеніе, а дикія строгости начальства заставили сразу возненавидѣть его. Тамъ было на виду то зло, противъ котораго слѣдовало бороться, а здѣсь же, напротивъ, все приглажено, все заманчиво, на всемъ отпечатокъ ласковой домовидости, всѣ сыты, довольны и благодушествуютъ, какъ умѣютъ. — „Что же заставляетъ меня жить здѣсь и губить себя?“ думалъ Трепетовъ однажды: „что это за сила такая удерживаетъ

меня здѣсь?“ Онъ началъ вдумываться и скоро нашелъ, что это—сила любви и ласки материнской. Эта страшная сила заставила его пріѣхать на погостъ, отняла у него книги, принудила идти не по той дорогѣ, по какой хотѣлось ему, сдѣлала въ немъ переворотъ, котораго онъ и не ожидалъ никогда; заставила мучиться и кривить душою и деспотически ведетъ его дальше, къ полному перерожденью... Деспотизмъ ласки родительской страшнѣе, нежели деспотизмъ палки, потому что ласка заставляетъ подчиняться не изъ страха, а изъ любви; что она обезоруживаетъ человѣка, затрогивая самыя дорогія стороны его натуры. Трудно бороться противъ этой вкрадчивой, неотразимой силы, и счастливъ тотъ, кто подъ вліяніемъ этой силы не потеряетъ своей самостоятельности и способности честнаго анализа, безъ чего человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ и становится вещью... Еще болѣе счастливъ тотъ, кого эта сила не сдерживаетъ, но поощряетъ и направляетъ въ хорошую сторону! Трепетовъ не былъ такъ счастливъ.

„Значитъ, мать для меня—тоже начальство:“ съ изумленьемъ думалъ онъ, анализируя себя. — Начальство мнѣ приказывало и било меня, а мать проситъ и ласкаетъ, но результаты дѣла одни и тѣ же... Даже болѣе: мать для своего личнаго счастья требуетъ отъ меня цѣлой жизни! Она любитъ меня и ей дѣйствительно, можетъ быть, пріятно видѣть меня; а меня вознаградитъ ли ея присутствіе за ту жертву, которую я хочу принести ей?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!“ рѣшилъ Трепетовъ и съ этихъ поръ иногда онъ

снова сталъ подумывать, нельзя ли ему тягу дать съ погоста.

Черезъ двѣ недѣли Василій Петровичъ воротился изъ города и объявилъ, что дѣло идетъ на ладъ и что черезъ недѣльку знакомый чиновникъ привезетъ Николаю Васильичу билетъ на женитьбу и тогда сейчасъ же и свадьбу отпраздновать можно. Женихъ не порадовался этому извѣстію, что очень удивило отца Василія, который надѣялся пріятно изумить его.

XIII.

На погостъ послѣ долгихъ странствованій, воротился наконецъ и Маевскій. Свиданье двухъ товарищей было очень щекотливо для Трепетова, но Маевскій на этотъ разъ не билъ прямо въ рану; онъ только улыбался очень ядовито и въ шутку называлъ Трепетова „ваше благословенье“.

— А я все это время по невѣстамъ шлялся и обошелъ всѣхъ красавицъ верстъ на полсотни кругомъ, — говорилъ ему Маевскій, разсказывая свои похожденья. — Теперь я вижу, что женихомъ-то быть — не житье, а масляница.

— Что такъ?

— Да ужь больно хорошо принимаютъ и угощаютъ; не знаютъ, куда усадить, что подать на столъ, просто ѣшь до отвалу,—ну, я и не церемонился. Что на нихъ глядѣть-то!

Былъ я и у твоей—въ Лежинѣ; ну, братъ, какъ тебя тамъ ругаютъ, какія сплетни пущаютъ—страсть.

— Что-жъ ты нашелъ ли себѣ мѣсто?

— А еще бы! Вотъ въ Зарайскій погостъ дьякономъ хочу поступить, тамъ и невѣста закрѣпленная есть; корга ужасная, да ничего, женюсь. Она ужь, говорятъ, двадцать лѣтъ въ невѣстахъ сидѣла, все меня поджидала, — и вотъ встрѣтились таки наконецъ. Рыломъ-то ужь больно неприлична, а мнѣ это наплевать: вѣдь не цѣловаться же съ нею.

— И для этой-то невѣсты ты полжизни учился и 29 наукъ вызубрилъ? Гдѣ же мечты твои прежнія?

— А гдѣ твои мечты прежнія? спрошу я тебя. Мы, кажись, теперь другъ друга больше понимаемъ, чѣмъ прежде, такъ нечего намъ съ тобой и толковать объ этомъ. Хорошо, что у тебя мѣсто *чистое* и невѣста съ *воли*, а мнѣ съ голоду закрѣпленную брать приходится.

— Какъ же ты будешь жить съ нею?

— А какъ? Согну ее, шельму, въ три короба, чтобъ работницей у меня была, а заупрямится, такъ у меня кулаки-те здоровые...

Трепетова покоробило, но онъ промолчалъ.

— А кстати, чуть было не забылъ: — я тебѣ письмо привезъ; мужикъ по дорогѣ встрѣтился, такъ отдать просилъ.

— Какой мужикъ?

— Богъ его знаетъ какой: узналъ, что я сюда ѣду, такъ и просилъ передать: мнѣ, говоритъ, не по пути къ вамъ. На вотъ наслаждайся, а я обѣдать пойду.

Маевскій отдалъ Трепетову измятое и испачканное письмо и удалился. Трепетовъ съ недоумѣньемъ прочелъ адресъ и, убѣдившись, что письмо дѣйствительно къ нему, вскрылъ пакетъ и прочелъ слѣдующее:

„Пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ, Николай Васильевичъ. Среди новой жизни и разныхъ домашнихъ радостей, вы, вѣроятно, успѣли забыть вашего друга, съ которымъ одно время жили душа въ душу. Что бы хоть строчкой одной потѣшить когда меня, съ вѣрнымъ человѣкомъ! Я слышалъ здѣсь отъ кого-то, что вы будто бы поступаете священникомъ въ село Лежино, и, признаюсь, все еще не рѣшаюсь повѣрить этому. Если это правда, то, значитъ, вы очень перемѣнились за послѣднее время, потому что я хорошо помню вашъ прежній взглядъ на жизнь. Мнѣ въ высшей степени интересно знать ваши настоящія планы, потому что я твердо расчитывалъ на васъ, былъ увѣренъ, что вы не остановитесь на университетскомъ воспитаніи, пойдете дальше и внесете въ жизнь тѣ великія сѣмена, за которыя когда-то мы жизнью своей рисковали. А кажется, время хорошее скоро наступитъ, и я восторженно радуюсь и мечтаю. Не удивляйтесь этому: я все тотъ же, живу тѣми же надеждами и по прежнему усиливаюсь вѣрить, что мнѣ своими глазами придется увидѣть то, о чемъ я смѣлъ только думать или украдкой шептаться съ своими друзьями.— Если будете въ городѣ, заходите ко мнѣ: слишкомъ много накопилось новостей, о которыхъ поговорить съ вами хотѣлось бы.

„По прежнему преданный вамъ, В. Березинъ“.

Трепетова въ жаръ бросило отъ этого письма: точно какой-то свѣтлый лучъ ворвался въ него „изъ міра живого“ и поднялъ въ немъ прежнія полузадавленныя желанія. Онъ еще разъ прочиталъ письмо и ему такъ живо представилась фигура прежняго друга и его разговоры, что онъ на минуту забылъ даже о погостѣ. Между тѣмъ, Катерина Ивановна успѣла уже узнать, что Николай Васильичъ письмо получилъ, и по первому взгляду на сына догадалась, что письмо очень важное.

— Что пишутъ? спросила она, испугавшись.

— Ничего... товарищъ одинъ померъ, хорошій человѣкъ.

— Ахъ, ты Господи, вскрикнула было Катерина Ивановна, всплеснувъ руками, но потомъ остановилась и недовѣрчиво посмотрѣла на сына.

— Да полно, померъ ли?

— Право померъ, матушка, отвѣтилъ Трепетовъ и, чтобы избѣгнуть отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, поспѣшилъ уйдти въ поле.

Катерина Ивановна проводила его глазами и съ сомнѣньемъ покачала головой. „Не къ добру все это“,—подумала она:—„опять онъ что-то нехорошее, кажется, затѣваетъ, а то зачѣмъ бы ему скрываться отъ матери?“

А Трепетовъ самъ не свой шелъ по полю. Имъ овладѣло какое-то лихорадочное состояніе, и только теперь онъ до осязательности ясно могъ понять, какъ страшно измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ Березинымъ, и что сдѣлалъ изъ него погостъ за это время.

— Но что же дѣлать мнѣ, что дѣлать? взывалъ онъ

въ отчаяньи,—я зашелъ уже слишкомъ далеко и воротиться, кажется, уже нѣтъ возможности. Приди письмо раньше, я былъ бы спасенъ, а теперь... Или послать все къ чорту и бѣжать, куда глаза глядятъ, лишь бы подальше отъ этой страшной опеки?.. Но я самъ связалъ себя по рукамъ и ногамъ, я запуталъ въ свое дѣло бѣдную Таню, и совѣсть замучитъ меня, если я покину ее... Что же дѣлать, на что рѣшиться?..

Нѣсколько часовъ провелъ онъ въ этомъ лихорадочномъ раздумьи, потомъ торопливо воротился на погостъ, отыскалъ свою невѣсту и, улучивъ минуту, когда она была одна, далъ ей прочитать письмо Березина. Таня прочла его внимательно, хотя руки ея замѣтно дрожали во время чтенія; потомъ она вопросительно взглянула на жениха.

— Что вы отвѣчать ему станете? спросила она, понизивъ голосъ.

— Я самъ не знаю, что отвѣтить; посовѣтуйте мнѣ что нибудь... право, у меня голова кругомъ идетъ.

Таня нѣсколько минутъ подумала, потомъ надтреснувшимъ голосомъ и съ усиліемъ прошептала:

— Оставьте все это, Николай Васильичъ. Богъ съ ними, пусть живутъ сами, какъ хотятъ! Развѣ худо священникомъ быть, что они такъ странно пишутъ?..

— Что же будетъ дальше? Вѣдь не вынесу, наконецъ: я съ ума сойду, потому что нѣтъ силъ передѣлать себя... Совѣсть вѣчно будетъ мучить меня.

— Не будетъ мучить, повѣрьте мнѣ, продолжала Таня

сквозь слезы:—мы будемъ любить другъ друга крѣпко, свое хозяйство у насъ будетъ, книгъ купимъ...

— Богъ знаетъ, принесу ли еще я вамъ счастье...

Таня поблѣднѣла и слезы задрожали у ней на рѣсницахъ.

— Теперь ужь нельзя бросить, прошептала она:—что скажутъ... Я думаю, ужь и архирей подписалъ...

И дѣвушка не могла крѣпиться больше и зарыдала; она боялась, что и это еще, пожалуй, не препятствія. Николай Васильичъ не могъ равнодушно видѣть эти слезы.

— Что же вы плачете, Таня? спросилъ онъ ласково:— вѣдь я еще не покидаю васъ, я обрученъ съ вами.

— И не бросите меня?

— Въ томъ-то и дѣло, что мнѣ страшно подумать объ этомъ. Таня, Таня, вы право лучшая привязанность моя здѣсь; изъ-за васъ, только я, кажется, не рѣшусь покинуть погостъ. Я самъ выбралъ васъ своей невѣстой, обнадѣжилъ васъ и долженъ сдержать свое слово. Будь, что будетъ!

— Спасибо вамъ, прошептала дѣвушка и невольно, сама не владѣя собою, склонилась на грудь жениха.— Право, мы счастливы будемъ, шептала она, я по ночамъ буду молиться и Богъ намъ поможетъ... Мы вмѣстѣ молиться будемъ; не правда ли?

— Будемъ, отвѣтилъ Николай Васильичъ, стараясь утѣшить дорогую для него дѣвушку. И опять онъ обманывалъ себя и не хотѣлъ понять, что любовь къ знанію и свободѣ для него теперь выше всякой другой любви.

Опять онъ необдуманно затягивалъ новый узелъ, который придется ему распутывать, и тѣмъ дальше отстранялъ свою свободу. Слишкомъ еще цѣльно увлекался юноша впечатлѣніями минуты; да и трудно не увлекаться и выработать въ себѣ самостоятельную стойкость въ двадцать лѣтъ отъ роду. Въ ту же ночь опять онъ боролся съ собою и гналъ безотвязныя думы объ иной, лучшей жизни. Опять нѣсколько дней онъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски.

Неожиданный случай рѣшилъ его дѣло.

На погостъ для обычной ревизіи пріѣхалъ мѣстный благочинный. Это былъ уже не тотъ почтенный пастырь, въ котораго Трепетовъ пустилъ когда-то комомъ земли. Нынѣшній благочинный былъ старикъ сварливый и сердитый; онъ возвелъ свое начальническое право въ перлъ созданія, любилъ повелѣвать и требовалъ отъ подчиненныхъ безпрекословнаго повиновенія. Высыпали жильцы погоста на площадку встрѣчать свое начальство; священники повытащили свои новыя ряски, расчесали косы и съ подобострастными физіономіями повели начальство въ церковь. Николай Васильичъ въ это время сидѣлъ въ комнатѣ съ матерью и, съ помощью лексикона, слово за словомъ переводилъ Руссо. Вдругъ въ комнату впопыхахъ вбѣжалъ растерявшійся Василій Петровичъ и закричалъ, чтобы „мать" чаю скорѣй приготовила, потому что благочинный захотѣлъ чаю и обѣщался придти къ нимъ пить. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ вошелъ самъ начальникъ, въ шолковой рясѣ, съ крестомъ на шеѣ. За нимъ робко вползъ от. Ва-

силій и дрожалъ, какъ осиновый листъ: по привычкѣ, не могъ онъ не дрожать при видѣ начальства.

— Ну-ка, покажи сына-то, покажи, — скороговоркой прошамшилъ благочинный.

— А вотъ онъ, ваше высокоблагословеніе. — Николай, тебя отецъ благочинный видѣть желаетъ.

Николай Васильичъ привсталъ и раскланялся. Благочинный нахмурился.

— Вѣдь это тотъ самый, что въ университетъ-то хотѣлъ идти? спросилъ онъ у отца Василія.

— Тотъ самый, ваше выс—ніе; надо признаться, что былъ грѣхъ, но теперь Богъ помиловалъ.

— Узнаю его. Ну, смотри, молодецъ, у меня всѣ эти свѣтскости надо бросить, потому—я не люблю, кто свѣтское съ священствомъ сопрягаетъ, и если ты возжелалъ въ духовное званіе, то и живи въ страхѣ божьемъ и смиреніи. Слышишь? Какъ его звать-то?

— Николай Васильевъ...

— Такъ вотъ, Николай Васильичъ, ты и заруби это себѣ на носу и помни, что за тобой у меня будетъ строгій надзоръ.

Трепетова передернуло отъ этого тона. Ему почему-то вдругъ представилось, что онъ въ училищѣ и имѣетъ дѣло съ своимъ врагомъ, смотрителемъ.

— Я самъ знаю, какъ надо жить,—произнесъ онъ довольно рѣзко.

— А ты самъ не умничай, а живи такъ, какъ прикажутъ тебѣ. Я, братъ, всю твою исторію слышалъ и давно

хотѣлъ вразумить тебя. Ты, еще въ городѣ живши, съ волтерьянцами знался, оттого и вышелъ такой...

— Какой?

— Невѣжа вышелъ, дуракъ вышелъ, вотъ какой, — закричалъ благочинный, выходя изъ себя отъ дерзости Трепетова. — Если бы ты не знался съ фармазонами, ты бы прежде всего подъ благословеніе ко мнѣ подошелъ, а ты и не подумалъ даже.

Трепетовъ улыбнулся и не отвѣтилъ. Василій Петровичъ поблѣднѣлъ и переминался съ ноги на ногу, бросая умоляющіе взгляды на сына; Катерину Ивановну въ потъ бросило..

— Что ты читаешь? спросилъ благочинный.

— Книгу.

— Вижу, что книгу, да какую? покажи-ка мнѣ!

Трепетовъ подалъ. Благочинный осмотрѣлъ ее внимательно.

— Да это не русская; по каковски здѣсь писано? а?

— Это французское евангеліе.

— А отчего ты по славянски евангеліе не читаешь? а? Развѣ ты не знаешь, что тутъ латынская ересь есть? Это ты приходъ свой развращать станешь? а?..

Николай Васильичъ не вытерпѣлъ наконецъ и, не отвѣтивъ ни слова, вышелъ изъ комнаты. Отецъ и мать бросились было за нимъ въ погоню, но онъ сказалъ имъ на прямикъ, что ни за что не пойдетъ къ благочинному, и заперся въ своей комнатѣ. Долго потомъ слушалъ онъ, какъ от. Василій старался умилостивить расходившагося старика, какъ просилъ прощенья за сына и увѣрялъ, что сынъ у него теперь еще очень глупъ, но потомъ непремѣнно поум-

нѣетъ. Благочинный сердился, ругалъ Василія Петровича, зачѣмъ онъ избаловалъ сына, и потомъ уѣхалъ съ погоста, не допивъ даже второго стакана чаю. Слухъ о новомъ скандалѣ напугалъ весь погостъ, потому что никто и подумать не смѣлъ, что съ начальникомъ можно говорить такъ дерзко; ждали разныхъ несчастій и жалѣли бѣднаго Василія Петровича. Опять вышло у Николая Васильича тяжелое объясненіе съ родителями; опять въ ужасѣ они упрашивали сына смириться, не погубить ихъ на старости лѣтъ, потому что этотъ начальникъ всякую пакость сдѣлать имъ можетъ, и проч.

Этотъ случай окончательно потрясъ Трепетова и убѣдилъ его, что оставаться ему на погостѣ больше нельзя. Терпѣнье его наконецъ лопнуло, прежнія силы проснулись въ немъ. Еще въ бурсѣ онъ воспиталъ въ себѣ глубокую ненависть къ начальству - ненавидѣлъ его, конечно, не по принципу, а по личному опыту и наблюденію. И вотъ онъ увидѣлъ теперь, что, кромѣ родительской опеки, надъ нимъ будетъ тяготѣть еще опека такого начальства, какъ благочинный, въ которомъ онъ нажилъ себѣ вѣчнаго врага.—Приходилось ему или смириться, или бѣжать,—другого выхода не было. „Нѣтъ, врешь, порѣшилъ онъ, я не смирюсь; довольно вамъ тѣшиться надо мною!.. Я жить, наконецъ, хочу, чортъ возьми! и безъ опеки вашей найду себѣ дорогу“... Трепетовъ злился; онъ забылъ теперь и Таню, и отцовскія хлопоты въ консисторіи, и хотѣлъ даже порѣшить съ погостомъ въ эту же ночь, но остановился только потому, что денегъ у него ни копѣйки не было, а дорогой христа ради ему кормиться не хотѣлось. Призадумался Николай Васильичъ, гдѣ бы ему

денегъ достать на хлѣбъ, и притомъ такъ, чтобы родня объ этомъ не знала, и на первый разъ собрался пойдти къ Вихляеву, кстати и книги ему отнесть. — „Попытаюсь, думалъ онъ, а не достану, такъ вѣдь это помѣха не особенная. И безъ денегъ до города добѣгу...“

Вихляевъ принялъ его, какъ стараго знакомаго.

— Вотъ что, Петръ Петровичъ: — дайте мнѣ возможность заработать у васъ денжонокъ.

— У меня, моншеръ, денегъ никогда нѣту, — сказалъ помѣщикъ; — да зачѣмъ вамъ деньги понадобились? У вашихъ поповъ, чай, и безъ того сундуки трещатъ?

— Мнѣ немного надо. Поручите мнѣ, напримѣръ, вашу библіотеку въ порядокъ привести. Я вамъ каталогъ отличный составлю.

— А зачѣмъ, спрашивается, мнѣ этотъ каталогъ?

— Да какже? Вы тогда и сами будете знать, какія у васъ книги есть, да и передъ пріятелями при случаѣ можно будетъ похвастаться такой библіотекой. Притомъ не пропадетъ ничего никогда.

Вихляевъ подумалъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, мысль ваша недурная, — сказалъ онъ, потирая руки; — только вы, чай, дорого возьмете?

— Да рубля два бы...

— Ха-ха-ха! я думалъ Богъ знаетъ что, — захохоталъ помѣщикъ. — Ну, идетъ; я, пожалуй, гривенникъ на водку прибавлю.

И вотъ Трепетовъ засѣлъ въ библіотекѣ Вихляевской и въ два дня составилъ ему каталогъ чуть не на тысячу

книгъ. Два рубля очутились у него въ карманѣ. Потомъ Трепетовъ сходилъ въ село Звучное и продалъ тамъ знакомому мужику свои новые личные сапоги за 1 рубль и взялъ у него лапти въ придачу. И того оброзовалось у нашего героя капиталу три цѣлковыхъ. „А съ такимъ капиталомъ и до Питера дойдти можно“, думалъ онъ, пересчитывая свою казну.

Теперь все было готово къ побѣгу, и Трепетовъ въ послѣдній разъ засматривался на знакомыя лица и картины, на весь безмятежно-покойный и лѣнивый ходъ жизни на погостѣ. Надо признаться, что онъ провелъ этотъ послѣдній день съ оттѣнкомъ невольной грусти, что въ немъ не безъ боли отрывались прежнія привязанности, когда-то дорогія ему, и жалко было ему покинуть тѣ мѣста и лица, съ которыми протекло его дѣтство. Говорятъ, и ссыльные не безъ грусти осматриваютъ въ послѣдній разъ мѣста своего заточенья, и бурсакъ не безъ грусти покидаетъ ненавистную бурсу. Такова втягивающая сила привычки къ насиженному мѣсту и впечатлѣніямъ извѣстнаго рода. Трепетовъ тоже платилъ эту дань привычкѣ; ему тяжело было смотрѣть на безпечныя хлопоты матери и спокойствіе отца, неподозрѣвавшихъ, что имъ готовится такой страшный ударъ; Николай Васильичъ невольно жалѣлъ ихъ, хотя и сознавалъ, что у него нѣтъ прежней любви къ нимъ и что эта любовь постепенно замирала въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ они перестали понимать другъ друга. Одна только жгучая боль томила его особенно: ему страшно было за Таню и за ея будущее. Зналъ Николай Васильичъ, что единственно отъ

него зависитъ теперь все счастье дѣвушки, въ немъ сосредоточены всѣ ея надежды и что онъ самъ вызвалъ въ ней эти надежды. Совѣсть и раскаянье за прошлое душили его: ему хотѣлось бы облегчить для нея тяжесть разлуки и дать ей хорошіе совѣты, но что онъ могъ хорошаго посовѣтовать ей на прощанье?!. Ей бы тоже слѣдовало бѣжать отсюда, но гдѣ ей, такой слабой, забитой и неподготовленной къ самостоятельной жизни, рѣшиться на такой подвигъ? Да и нѣтъ еще въ нашемъ обществѣ пріютовъ для такихъ бѣглянокъ; ее безпощадно осудитъ наше общество; ей нѣтъ, значитъ, спасенья, и должна она погибнуть, какъ гибнутъ и чахнутъ въ вѣчной истомѣ тысячи подобныхъ существъ. Трепетовъ пробьетъ себѣ дорогу: ему всѣ пути открыты, была бы только сила воли да свобода отъ предразсудковъ, — но окованныя вѣчной опекой Тани все еще ждутъ отъ общества защиты и помощи, ждутъ разсвѣта, и скоро ли онѣ дождутся его — неизвѣстно.

Трепетовъ пошелъ въ послѣдній разъ повидаться съ Таней и проститься съ нею, какъ прощаются съ безнадежно-больными, которые еще не знаютъ, что ихъ минуты сосчитаны. Онъ отыскалъ ее въ сараѣ от. Никиты за кройкой бѣлья. Съ улыбкой встрѣтила она жениха.

— Это я приданое себѣ дѣлаю, сказала она, указывая на свою работу.

Трепетовъ не отвѣчалъ. Таня замѣтила, что сегодня онъ опять невеселъ, и тихонько вздохнула.

— Отвѣтили вы на то письмо? спросила она.

— Нѣтъ еще, да я и не думаю отвѣчать.

— И прекрасно... Ахъ, право, скорѣй бы ваши бумаги пришли... Меня все страхъ какой-то беретъ... Зачѣмъ вы съ благочиннымъ поссорились?..

— Не обвиняйте меня, Таня... Все, что я дѣлаю, — я не могу не дѣлать, не умѣю я сдерживаться: такая ужь у меня натура. Не обращайте на это вниманія; кто знаетъ, можетъ быть, много еще горя принесу я вамъ, но не вините меня, пожалуйста... Я жалѣю, что именно *мнѣ*, съ моимъ характеромъ, пришлось стать на вашей дорогѣ...

— Зачѣмъ вы все это говорите? спросила дѣвушка, постепенно блѣднѣя.

— Оттого, что мнѣ скучно сегодня. Хотѣлось бы поговорить съ вами откровенно, да и страшно...

— Нѣтъ, ужь не говорите лучше... и безъ того я столько передумала за эти дни. Мнѣ самой страшно дѣлается; утѣшьте меня лучше, скажите что нибудь веселое. А то, право, вы и на жениха совсѣмъ непохожи.

— Эхъ, Таня, мало еще вы понимаете меня!

Они замолчали. У Трепетова не хватило силъ разсказать Танѣ о своихъ намѣреніяхъ, да и боялся онъ отчасти, чтобъ объ этихъ намѣреніяхъ не узнали на погостѣ и не помѣшали ему. Таню позвала зачѣмъ-то Дарья Никитична, и дѣвушка, уходя, долго смотрѣла на жениха, улыбалась ему и качала головой, точно просила его не падать духомъ. — „Прощайте!“ крикнулъ онъ вслѣдъ ей, но дѣвушка ничего не отвѣтила ему на это прощанье, — не слыхала, должно быть.

Дома накрывали на столъ ужинать. Василій Петровичъ

и Катерина Ивановна все еще толковали о благочинномъ и боялись, какъ бы онъ не испортилъ дѣла.

— Я вотъ что придумалъ, Николай, — сказалъ Василій Петровичъ, обращаясь къ сыну. — Тебѣ бы слѣдовало съ невѣстой-то къ Курдюкову съѣздить. Онъ, можетъ статься, васъ захочетъ образомъ благословить, да и познакомиться вообще не мѣшаетъ, — все же баринъ вѣдь и отъ него зависитъ многое.

— Его даже и отцомъ посажонымъ можно будетъ просить для Тани, — вставила мать.

— Что-жъ, я не прочь, какъ хотите, произнесъ Николай Васильичъ.

— Ну, такъ завтра возьми невѣсту и съ Богомъ. И я съ вами, пожалуй, поѣду — тоже потолкую потомъ.

— И кланяться опять будете?

— А что-жъ дѣлать, сынокъ? Смиреннымъ Богъ благодать даетъ, говоритъ писаніе. Поклоны-то они любятъ. — Послѣ ужина Николай Васильичъ поднялся на свою вышку. Тамъ онъ полежалъ часа два на своей постели, потомъ пособралъ кое-какія бумаги и вещи и связалъ все это въ узелокъ. Сильно билось въ немъ сердце отъ невольной тревоги. Онъ подошелъ къ окну и раскрылъ его. Ночь темная, пасмурная, дуетъ осенній порывистый ветеръ, небо тучами заволокло. На погостѣ тишина: спятъ живые и мертвые, гдѣ-то ставня хлопаетъ и смутно, будто водопадъ далекій, шумятъ березы на кладбищѣ. Трепетовъ началъ обдумывать свое будущее: оно пока еще темно и не совсѣмъ утѣшительно. „Много надо будетъ бороться, чтобы

проложить себѣ новую дорогу, — разсуждалъ юноша, — и къ чему приду я, гдѣ успокоюсь? ничего неизвѣстно. Благо вырвусь изъ подъ этой несносной опеки, а на свободѣ и работается легко, и силъ у меня хватитъ на работу...“

— Однако, время терять нечего, дорога-то вѣдь не малая, произнесъ онъ и торопливо взялъ свой узелокъ, надѣлъ лапти и спустился внизъ. Тихо обогнулъ онъ кладбище, прошелъ мимо знакомаго клена и вышелъ на большую дорогу по направленью къ городу. Дойдя до лѣса, онъ еще разъ посмотрѣлъ на знакомыя мѣста — и услышалъ даже пѣнье пѣтуховъ знакомыхъ... „Что-то завтра тамъ будетъ?“ подумалъ онъ, вздохнувъ; потомъ привязалъ къ спинѣ покрѣпче свою тощую котомку и зашагалъ быстро... Скоро дорога повернула въ лѣсъ, и деревья навсегда закрыли для него холмъ емельяновскій...

Разсказывать ли, что вышло на другой день на погостѣ?

Въ комнатѣ Николая Васильича, на столѣ, нашли письмо, набросанное карандашомъ, очевидно, на скорую руку. На письмѣ лежало обручальное кольцо Тани, а въ письмѣ значилось слѣдующее:

„Не судите меня за мое бѣгство, я не могъ поступить иначе. Всего два мѣсяца прожилъ я съ вами — и сколько горя принесъ я вамъ, сколько самъ вытерпѣлъ горя. Въ эти два мѣсяца я передумалъ слишкомъ много, взвѣсилъ все, что я теряю и что ожидаетъ меня впереди, и рѣшилъ,

что намъ лучше всего разстаться. Наши интересы разошлись; мы никогда не поняли бы другъ друга и вся наша дальнѣйшая жизнь была бы рядомъ постоянныхъ недоразумѣній. Я бы измучилъ себя и зачахъ съ тоски, еслибъ послушался васъ, и, вѣроятно, вы сами не желаете, чтобы я погибъ черезъ васъ. Простите же меня, это будетъ послѣдняя и самая важная моя просьба къ вамъ; я умеръ теперь для васъ, а мертвымъ все прощаютъ. Бѣгу учиться; меня мучитъ мое невѣжество; не знаю, что дѣлать съ головой своей... Не ищите меня, потому что я самъ еще не знаю, куда пойду, — въ Москву или въ Петербургъ, въ Кіевъ, въ Казань, словомъ, куда нибудь, гдѣ есть университетъ. Можетъ быть, и встрѣтимся когда нибудь, но не скоро... Прощайте!

Вашъ непокорный сынъ, Н. Трепетовъ".

„Передайте милой и доброй Танѣ, что я желаю ей всевозможнаго счастья и что передъ нею чувствую себя виноватымъ болѣе, чѣмъ передъ всѣми другими. Не на радость она встрѣтилась со мною, къ счастью, можетъ быть, разстается. Богъ знаетъ, съумѣлъ ли бы я составить ея счастье, когда и себѣ не могу составить его! Пусть она скорѣе забудетъ меня!"

— Лошадь скорѣй давайте! Этого быть не можетъ, закричалъ оторопѣвшій отецъ. Это все ты!.. съ горькимъ упрекомъ обратился онъ къ обезумѣвшей женѣ и, не помня себя, бросился въ телѣгу. Никогда еще сивка не получала столько побоевъ, какъ въ этотъ день; но слѣды бѣглеца были скрыты такъ искусно, что не было никакой возможности отыскать

ихъ. Погостъ взволновался, заговорилъ, пустился на розыски, и неожиданность этого факта до того изумила всѣхъ, что никому не пришло въ голову даже обругать хорошенько Николая Васильича.

Особенно озадачилъ этотъ фактъ отца Никиту. Онъ совсѣмъ ошалѣлъ, и когда извѣстіе о бѣгствѣ жениха подтвердилось,—онъ, какъ безумный, ни съ того, ни съ сего, принялся ругать и жену, и Таню, бушевалъ долго, пока не умаялся, и только тогда изъ глазъ его просочились слезы, недобрыя слезы.

— На колѣни! закричалъ онъ неистово своему семейству. — Сейчасъ на колѣни! молитесь Богу!.. Только Богъ одинъ можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ...

— Молитесь же! крикнулъ онъ опять не своимъ голосомъ. — Господи, за что же срамъ-то этакой?.. Опозорилъ онъ мое семейство, посмѣялся надо мной...

Таня истерично упала на колѣни передъ образомъ: губы ея дрожали, не произносилась молитва и горько зарыдала бѣдняжка, какъ никогда она не рыдала. И долго въ отупѣвшей отъ горя семьѣ слышались только судорожныя, душу рвущія рыданья дѣвушки... Даже отецъ Никита не могъ вынести этой сцены и вышелъ изъ комнаты. Ему стыдно было расплакаться среди семейства.

— Ну, вставай, дурища,—закричала, по уходѣ мужа, Дарья Никитична, толкая ногой Таню. — Не умѣла, дура, удержать жениха, такъ и пеняй на себя; теперь ты и сгніешь у меня въ дѣвкахъ... Вставай же, говорятъ тебѣ! Платье-то долой, полно барыней быть, за работу пора... Слышишь?

Таня не могла ей отвѣтить.

А между тѣмъ, Трепетовъ былъ уже далеко. Но не легко и ему было. Огромной цѣной покупалъ онъ себѣ свое будущее...

Побѣгъ Трепетова имѣлъ важное значеніе только для одной Тани; она теперь должна неминуемо погибнуть за тяжкой работой и суровымъ присмотромъ Дарьи Никитичны,— тогда какъ съ Трепетовымъ она могла бы вздохнуть свободно. Но не жертвовать же было Трепетову всей своей жизнью для счастья простой, хотя и милой дѣвушки,—тѣмъ болѣе, что это счастье не могло быть обоюднымъ! Катерина Ивановна, конечно, долго станетъ убиваться, можетъ быть, похвораетъ, а потомъ, навѣрное, она будетъ раскаиваться, что *сама* не отпустила его въ университетъ и „не благословила его.“ Плавное теченіе ея жизни нисколько не измѣнится, видимыхъ потерь никакихъ она отъ этого не понесетъ и слезы ея постепенно осушатся, какъ осушаются всякія слезы. И пойдетъ опять на погостѣ, тѣмъ же порядкомъ, знакомая намъ жизнь; даже легче будетъ имъ жить безъ Трепетова, потому что онъ постоянно нарушалъ ихъ покой вожделѣнный. Пройдутъ потомъ десятки и даже, можетъ быть, сотни лѣтъ, переживутъ на погостѣ многія поколѣнія новыхъ лицъ, но внѣшность, порядокъ и самый смыслъ жизни здѣсь останется тотъ же, какъ останется онъ и на другихъ укромныхъ уголкахъ нашей родины и разныхъ захолустьяхъ, оторванныхъ воспитаньемъ и семейнымъ гнетомъ отъ жизни общественной. На холмахъ емельяновскихъ жизнь сложилась въ законченныя формы, которыя уже труд-

но измѣнить; надъ сооруженіемъ этихъ формъ преемственно трудились тысячи разныхъ опекъ, и потому здѣсь царитъ еще тьма непроглядная и спитъ человѣчество въ ожиданіи разсвѣта.

Скучно съ ними и съ ихъ мелкою жизнью. Все пробудившееся торопится уйдти изъ этой тьмы и ищетъ свѣта. Уйдемъ же и мы отсюда, вмѣстѣ съ Трепетовымъ. Пусть ихъ живутъ съ міромъ; не тревожьте ихъ!...

Невинныя забавы.

(Отрывокъ изъ романа: „Передъ разсвѣтомъ.“)

I.

Некрасивъ Петербургъ въ то несчастное время, когда на него повѣетъ „первое дуновеніе весны“. Некрасивъ онъ при этомъ дуновеніи особенно вечеромъ. Вѣтеръ порывистый воетъ по улицамъ, обдавая ѣдкою и вонючею сыростью снующее по улицамъ, полубольное человѣчество. Каменныя громады тѣсно сплоченныхъ и вытянутыхъ въ линію зданій стоятъ, точно оспой покрытыя, и въ этихъ громадахъ за двойными рамами прячется отъ столичной весны служащее и торгующее населеніе, волей-неволей прикованное къ этому гнилому уголку русской природы. Неровно мелькаютъ забрызганные дождемъ фонари; дрожатъ и бороздятся на мокрыхъ тротуарахъ полосы свѣта, вырывающагося изъ оконъ и дверей магазиновъ. А на улицахъ въ чаду ядовитаго и гнилого тумана жизнь кипитъ безъ перерыва; шумъ и грохотъ не умолкаетъ. Слышно, какъ хлябаютъ по лужамъ скорчившіеся и отсырѣвшіе пѣшеходы; слышно, какъ взрѣзываютъ полозья саней разрыхлѣвшій бурый снѣгъ и

визжитъ желѣзо по скользкому камню; слышно, какъ хлещутъ кнутами и дубинами изморенныхъ лошадей, везущихъ куда-то никому ненужныя груды гніющаго мусора. Перемѣшались и сани и дрожки; кругомъ все трещитъ, скрыпитъ, стонетъ, разлагается; болѣзни въ полномъ разгарѣ, въ больницахъ мѣстъ не хватаетъ, и ярче обыкновеннаго сіяютъ окна аптекъ. Непривѣтливо смотритъ сверху на это разложеніе узкая полоса темно-сѣраго неба, единственный клочокъ природы, нетронутый столичнымъ искусствомъ, и можетъ быть видитъ теперь гдѣ нибудь это непривѣтливое небо—весну настоящую, время возрожденья, новой жизни и новыхъ радостей,—но это гдѣ-то очень далеко, гдѣ насъ нѣтъ, и о чемъ Петербургъ только въ книгахъ читаетъ...

Да, счастливъ тотъ, кто имѣетъ здѣсь свой теплый и свѣтлый уютъ кто и, подъ вой петербургской вьюги и бури, можетъ спокойно наслаждаться благодатнымъ комфортомъ и не обращать никакого вниманія на то, что дѣлается за стѣнами дома и двойными рамами оконъ.

Но мы перенесемтесь подальше отъ этой массы залитыхъ грязью каменныхъ громадъ съ ихъ роскошнымъ уютомъ и избалованными жильцами; — перенесемтесь въ тѣ глухія мѣста столицы, гдѣ дома напоминаютъ провинцію, гдѣ шире надъ головою полоса неба и свободнѣе брызжетъ съ него безконечная сырость на полумощенныя улицы. Тутъ меньше шума, меньше свѣта, меньше движенья; въ домахъ ставни плотно заперты, не видно въ нихъ ни искорки, точно въ одѣяло закутались они вмѣстѣ съ своими жильцами. Изрѣдка, закрывшись дырявой полостью, проѣдетъ по ули-

цѣ спящій извощикъ; въ мелочной лавочкѣ, при свѣтѣ сальнаго огарка, давно уже дремлетъ за прилавкомъ прикащикъ; кое-гдѣ на перекресткѣ, прижавшись къ косяку дома, стоитъ городовой; онъ самъ сознаетъ свою безполезность и потому съ головою закутался въ овчинную шубу; некого ему вразумлять, нечего приводить въ порядокъ, все и безъ того въ порядкѣ... Это ты пресловутая Петербургская сторона, пріютъ неизбалованнаго жизнью, но высокодумнаго студенчества! Въ этихъ-то укромныхъ домикахъ съ жаромъ и увлеченіемъ молодости рѣшаетъ оно міровые вопросы, ведетъ горячіе споры, здѣсь оно мечтаетъ, жуируетъ и вооружается знаніями для будущей дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ отъ города переулковъ стоитъ старый одноэтажный домъ. Фигура его очень неприглядная, кровля поистлѣла и почернѣла, ворота покосились, однако сквозь щелистыя ставни пробивается слабый свѣтъ, и порой слышится оттуда громкій говоръ, смѣхъ и крики: значитъ, живутъ студенты.

Въ низкой и грязной комнатѣ этого дома, собралось теперь человѣкъ пять студентовъ. Комната у нихъ весьма убогая; пахнетъ сыростью и гнилью; по стѣнамъ покоробились и лопнули старые обои съ зелеными цвѣтами, выказывая по мѣстамъ почернѣлую штукатурку, и изъ этихъ прорѣхъ, какъ изъ лишаевъ какихъ, сочится по обоямъ какая-то мутная жидкость. Подъ потолкомъ, въ углахъ свѣтится бѣловатая плесень; холодомъ и сыростью вѣетъ изъ широкихъ щелей пола; на столѣ тускло, какъ въ погребѣ, мерцаетъ свѣча... Казалось бы, что не для жилья

человѣческаго устроена такая хоромина, и человѣку, берегущему свое здоровье, слѣдовало бы бѣжать отсюда безъ оглядки, однако жильцы этого дома не только не унываютъ, но повидимому свыклись вполнѣ съ безобразіемъ обстановки, приноровились къ ней и навѣрное даже подъ старость будутъ потомъ вспоминать о ней не безъ сожалѣнья. Кромѣ того, эта убогая комната часто служитъ еще притягивающимъ центромъ для многихъ постороннихъ студентовъ. Причина тому та, что хозяинъ комнаты — человѣкъ очень хорошій.

И уже съ перваго взгляда видѣнъ здѣсь отпечатокъ студенчества. Книги и записки грудами разбросаны по стульямъ и искалѣченной этажеркѣ; на окнѣ нѣсколько склянокъ съ разными кислотами; тутъ же табакъ и остатки убогаго обѣда на давно немытыхъ тарелкахъ; вдоль стѣнъ какое-то подобіе мебели,—зато надъ диваномъ булавками пришпилены къ обоямъ нѣсколько портретовъ тѣхъ великихъ двигателей прогресса, передъ которымъ такъ благоговѣетъ неиспорченная молодежь. Свѣтъ этихъ великихъ двигателей проникъ и въ этотъ жилой погребъ, онъ свѣтитъ здѣсь и свѣтитъ не безплодно... Вотъ и самъ хозяинъ комнаты, студентъ университета Иванъ Николаичъ Коробовъ, въ теплой шинели и шапки сидитъ сгорбившись у стола и перелистываетъ книгу, изрѣдка вставляя въ разговоръ товарищей отрывистыя замѣчанія. Онъ худъ; на желтовато-блѣдномъ лицѣ его выраженіе болѣзненное, но серьезное и рѣшительное. Тутъ же въ разныхъ позахъ сидятъ студенты: Граблинъ, Полѣсскій, Бокинъ и нашъ знакомецъ

Николай Васильичъ Трепетовъ, всѣ они закадычные пріятели и лучшіе студенты курса.

Въ комнатѣ накурено до-нельзя. Споръ идетъ жаркій. Малодежь забыла всѣ окружающія невзгоды, забыла, что уже третій день ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни копѣйки денегъ, и съ увлеченьемъ рѣшаетъ теперь самые отвлеченные вопросы. Бѣлокурый Бокинъ изъ всѣхъ силъ отстаиваетъ Декарта противъ нападокъ Полѣсскаго, и прославляетъ ученый авторитетъ этого пресловутаго мыслителя. Спорятъ долго, и кончаютъ, разумѣется, тѣмъ, что каждый остается при своемъ мнѣніи.

— Я не понимаю, господа, вставилъ молчавшій до сихъ поръ Граблинъ, замѣтивъ, что спорящіе начинаютъ говорить другъ другу колкости,—я не понимаю, къ чему всѣ эти восторги и поклоненіе той или другой личности? Къ чему, напримѣръ прославляютъ тамъ Декарта, Спинозу, Аристотеля и другихъ, такъ называемыхъ авторитетовъ? Вѣдь по настоящему не они важны сами по себѣ, а природа въ нихъ. Читая ихъ, надо по настоящему дивиться силамъ природы, воплотившимся въ нихъ и давшимъ въ результатѣ такую глубину мысли и анализа; надо дивиться тѣмъ счастливымъ обстоятельствамъ, которыя помогли этимъ силамъ послѣдовательно развиться и принести хорошій плодъ,—а вовсе не личному, индивидуальному уму. Это поклоненіе отдѣльной личности — все още остатки нашего историческаго суевѣрія. Если, напримѣръ, я глупъ: виноватъ ли я въ этомъ? Дай мнѣ природа побольше мозгу и поставь меня въ хорошія условія, можетъ быть и я былъ

бы Аристотелемъ, и наоборотъ, поставь судьба этого прославленнаго Аристотеля въ другія обстоятельства, неблагопріятныя для его развитія, можетъ быть онъ хуже меня вышелъ бы: въ чемъ же его личная заслуга и за что прославлять его?..

— Что же, ты признаешь древній фатумъ, что-ли? неизбѣжное предопредѣленіе?..

— Совсѣмъ нѣтъ; я просто считаю каждаго человѣка мыслящимъ атомомъ природы и во всѣхъ великихъ открытіяхъ вижу не заслуги отдѣльныхъ личностей, а просто попытки природы къ разъясненію самой себя. Умъ человѣческій, по моему, есть ничто иное, какъ сумма постороннихъ вліяній, которыя приводятъ его къ тѣмъ или другимъ результатамъ. А эти результаты зависятъ отъ всей внѣшней обстановки, дающей естественнымъ силамъ каждаго субъекта то или другое направленіе. Вообще, строго слѣдуя Риттеру, надо и на всю литературу смотрѣть, какъ на результатъ производительныхъ силъ мѣстной природы. Гдѣ литература плоха, тамъ, значитъ, и почва безплодна, потому что отъ пищи, воздуха и другихъ мѣстныхъ условій прежде всего зависитъ качество человѣческаго мозга.

— Ты, братъ, на выводы-то хитеръ, а только подчасъ и завираешься, замѣтилъ ему Коробовъ.

— А ну-ка возрази!

— Какъ же дикари-то до сихъ поръ прозябаютъ въ невѣжествѣ.

— Какіе дикари?

— Да вотъ, что населяютъ тропическія страны? У

нихъ природа нельзя сказать, чтобы была бѣдна, да и почва у нихъ небезплодна; значитъ, если бы дикари вздумали сочинять, то ихъ литература была бы лучшая? Такъ что-ли?

Пріятели расхохотались.

— Совсѣмъ нѣтъ, горячился Граблинъ,—если бы дикари... Да впрочемъ развѣ можно считать ихъ за настоящихъ людей? ты припомни-ка, что говорятъ натуралисты?

— Значитъ, есть люди настоящіе и не настоящіе?

— Конечно. Настоящимъ человѣкомъ я считаю такое существо, которое живетъ не одною растительною жизнью, а имѣетъ потребности нѣсколько шире. Если представить себѣ нашъ земной шаръ предметомъ одушевленнымъ и живымъ, то человѣкъ — это мозгъ земной природы, посредствомъ котораго она сознаетъ саму себя и свои свойства и ведетъ ихъ къ совершенству. Этимъ широко опредѣляется роль и значеніе человѣчества въ жизни природы, въ дѣлѣ самосознанія и изученія естественныхъ законовъ; это же служитъ мѣркой для опредѣленія того, кто *человѣкъ* въ полномъ значеніи этого слова, и кто носитъ это названіе только какъ видовое, для отличія отъ обезьяны, коровы и собаки.

— Прекрасно, но все-таки ты согласишься, что для *настоящаго* человѣка нужна въ нѣкоторомъ родѣ историческая выработка или такъ называемая цивилизація?

— Конечно, только не та цивилизація, какою мы всѣ наслаждаемся; съ этой трудно...

— Какая ни на есть, а только нужна, и слѣдовательно литература зависитъ отъ степени цивилизаціи?..

— Ну, пошло колесомъ, перебилъ ихъ Полѣсскій; полноте вы, господа, песокъ-то считать: вѣдь этакъ можно спорить до безконечности... Чтожь ты, Трепетовъ, не уймешь ихъ?

— Зачѣмъ унимать, я слушаю и даже поучаюсь: интересно знать, до чего дойдутъ они съ своими выводами.

— Однако ты уже злишься?

— Злиться не стоитъ, заговорилъ Трепетовъ не безъ желчи, а только я всегда говорить буду, что вы съ своими скороспѣлыми выводами скоро договоритесь до скверныхъ вещей. Вы скоро съ спокойною совѣстью оправдаете всякое зло; назовете его вытекающимъ изъ природы вещей, и слѣдовательно неизбѣжнымъ, а затѣмъ вамъ остается только отказаться отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, и посвятить всю свою жизнь на изученіе какой нибудь букашки или лепестка. Оно ужь отчасти и замѣтно.

— Такъ что-же?

— А то, что изъ этого толку никакого не будетъ.

— Господа! Трепетовъ насъ обижаетъ! крикнулъ Бокинъ, скорчивъ печальную физіономію. Онъ говоритъ, что изъ насъ никакого толку не будетъ...

— Ты не смѣйся, Бокинъ, я говорю серьезно, и говорю дѣло. Я думаю, что общество выиграетъ немного, если наша лучшая и болѣе надежная молодежь спеціально засядетъ за ботанику или остеологію. Въ каждомъ изъ этихъ спеціалистовъ общество теряетъ полезнаго работника, и по-

тому я не могу безъ жалости смотрѣть, если какой нибудь умница всю свою жизнь отдаетъ цвѣточной пыли, или какой нибудь вшѣ. Можетъ быть это и крайность, но только я сожалѣю объ этихъ людяхъ искренно. Да вотъ, напримѣръ, Синицынъ; какъ погляжу я на него, что онъ цѣлые дни съ микроскопомъ сидитъ, такъ право мнѣ его жалко становится, тѣмъ болѣе жалко, что человѣкъ онъ прекрасный и съ своимъ желѣзнымъ характеромъ могъ бы надѣлать много хорошихъ дѣлъ. Сгніетъ теперь онъ, бѣдный, въ своемъ кабинетѣ, превратится постепенно въ нѣмца-профессора, и выйдетъ изъ него столько же пользы, сколько изъ какого нибудь архиваріуса. Онъ и теперь ужь совсѣмъ не походитъ на юношу, и многія ощущенія для него чужды и непонятны, точно старику какому, прокоптѣвшему весь вѣкъ свой за казенными бумагами. Чтожь дальше-то изъ него будетъ? А такихъ, какъ Синицынъ, теперь ужь не мало, и всѣ они, по моему, народъ пропащій. По крайней мѣрѣ я отъ нихъ пользы не вижу, да и общество вѣроятно не увидитъ.

— Ты сегодня не въ духѣ, Трепетовъ, съ улыбкой замѣтилъ ему Граблинъ.

— Нѣтъ, я въ духѣ.

— Съ чего жь тебѣ вздумалось отрицать пользу естественныхъ наукъ?

— Вовсе и не думаю отрицать. Я хорошо понимаю ихъ огромное значеніе, даже можетъ быть выше ихъ ставлю, чѣмъ ты, но только я полагаю, что, изучая ихъ, не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія всѣ другія отрасли зна-

нія, полезныя для человѣчества, то есть такія, изъ которыхъ можно вывести практическіе уроки и сдѣлать примѣненія полезныя въ соціальномъ отношеніи. А вы всѣ эти знанія игнорируете, вы стали спеціалистами, а всякая спеціальность, по моему, черствитъ человѣка и превращаетъ его самого въ букашку...

— Та-та-та. Да знаешь ли ты, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ, что эта букашка можетъ бросить новый свѣтъ на знаніе законовъ природы, что она можетъ спасти будущія поколѣнія отъ многихъ ошибокъ, что она современемъ поможетъ намъ устранить тѣ вредныя условія, которыя искажаютъ человѣческую жизнь, потому что укажетъ источники зла...

— До этого еще далеко, другъ мой, и милліоны народа перемрутъ съ голоду да съ горя раньше, чѣмъ вы укажете источники зла; слѣдовательно нужно пока ухватиться за что-нибудь другое, болѣе существенное, и доступное. Да и посмотрѣлъ бы я, какъ бы вы стали измѣнять вредныя условія человѣческой жизни безъ помощи другихъ знаній. Вотъ вамъ самый близкій примѣръ. Изъ естественныхъ наукъ извѣстно, что въ сыромъ и холодномъ погребѣ жить вредно, а между тѣмъ Коробовъ вотъ живетъ, да и насъ въ гости приглашаетъ. Спрашивается: что заставляетъ его подчиняться вреднымъ условіямъ жизни?

— Денегъ, братъ, нѣтъ, отвѣтилъ Коробовъ.

— Причина основательная, и сотни народа, изнывающаго въ такихъ же вредныхъ условіяхъ, укажутъ вамъ на ту же причину и еще на нѣкоторыя другія. Но все это

къ вѣденію естественныхъ наукъ вовсе не относится, а обсуждается науками экономическими, политическими и соціальными. Тамъ же по возможности указаны и источники зла. Значитъ изъ всѣхъ этихъ наукъ надо повыбрать то, что можно примѣнить на пользу общества, и только тогда мы будемъ въ состояніи прожить не даромъ. Такъ-то, Граблинъ, поразмысли-ка объ этомъ, и ты поймешь, почему я злюсь, когда вмѣсто того, чтобъ подготовляться къ дѣятельности общественной, вы вшей анатомируете.

— Все это прекрасно, Николай Васильевичъ, спокойно перебилъ его Коробовъ, но только ты напрасно такъ третируешь спеціалистовъ. Безъ спеціальнаго, кабинетнаго изученія наука, братъ, не подвинется, и все, что до сихъ поръ извѣстно человѣчеству, открыто вслѣдствіе спеціальнаго изученія. Да и не всѣмъ же воевать въ самомъ дѣлѣ; вонъ и въ войскахъ есть кашевары; они не сражаются, однако необходимы для прокормленія войска.

— То-то вамъ и хочется быть лучше кашеварами, чѣмъ воинами; оно вѣдь и безопаснѣе...

— Слушай, вѣдь это наконецъ невыносимо. Ты вѣдь кажется хорошо знаешь наши убѣжденія, чтобы не дѣлать намъ подобныхъ упрековъ...

— Ну, я молчу...

Въ это время дверь тихонько скрипнула, и въ комнату осторожно вошелъ еще одинъ студентъ...

Есть, господа, такія характерныя физіономіи, на которыхъ ясно и безъ всякихъ околичностей обозначено, что „глупъ“ молъ. Эти физіономіи самыя безвредныя и даже

счастливыя, потому что сразу даютъ понять, о чемъ съ ними надо говорить и какъ вести дѣло. Но есть физіономіи, повидимому, не глупыя, но до такой степени пошлыя и отталкивающія, что при взглядѣ на нихъ какъ-то неловко дѣлается, и откровенное слово само собою замираетъ на языкѣ. Къ счастью для человѣчества подобныя физіономіи не даются природою: онѣ выработываются практикой жизни и служатъ вѣрнымъ отраженіемъ ея.

Къ числу субъектовъ, нажившихъ такую милую физіономію, принадлежалъ и вошедшій студентъ. Въ немъ не было ничего безобразнаго, но общее выраженіе его фигуры было какое-то приторное, заискивающее, робкое и запуганное, точно надъ нею кулакъ чей-то повисъ, точно кто плюнулъ въ нее сейчасъ, или собирается плюнуть. Улыбка у него жалкая, неестественная, сѣрыя глаза проворно перебѣгаютъ съ предмета на предметъ и все зорко высматриваютъ, мускулы лица до того подвижны, что часто одна половина лица плачетъ, другая смѣется, словомъ все ясно говоритъ, что порядочному человѣку слѣдуетъ держаться отъ него подальше. При его появленіи общество сразу стихло и скорчило гримасу.

— Здравствуйте, господа, заговорилъ гость, нерѣшительно, протягивая руку и стараясь казаться развязнымъ — я къ вамъ по пути: вижу огонь, и завернулъ...

— Откуда это вы пожаловали, г. Ушинъ, спросилъ его съ ироніей Коробовъ.

— Да тутъ недалеко былъ, у Сумовскихъ; тамъ новая книжка Современника есть...

Хозяева молчали.

— А слыхали вы, господа, что Добролюбовъ хочетъ коснуться вопроса объ освобожденіи крестьянъ?... Я думаю, это онъ очень хорошо напишетъ, добавилъ Ушинъ, замѣтивъ, что на него косятся и молчатъ.

Отвѣта опять не было.

— Онъ недавно... Однако у васъ холодно, господа... Вѣрно хозяинъ печей но топитъ... а?

— Я, братъ Коробовъ, домой пойду, сказалъ Трепетовъ поднимаясь.

— Подожди, пойдемъ вмѣстѣ. Который теперь часъ?

— Почемъ я знаю. Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

— Вы не пойдете ли къ Сумовскимъ? право тамъ интересно...

— Эй вы, други, просыпайтесь! послышались шумные крики за дверью.—Возликуйте братики, деньги несемъ!...

И съ этими словами еще четверо студентовъ ворвались въ комнату.

— Что такое.

— Денегъ, братцы, добыли. Снимайте зубы съ полки, праздникъ учинимъ.

— Много-ли?

— Семь цѣлковыхъ, окромя закуски и водки.

— Ура! отвѣтило голодное общество, бывшее въ комнатѣ, и дружно бросилось на встрѣчу пришедшимъ. Въ одну минуту все ожило, зашевелилось, заговорило; всѣ головоломные вопросы изъ головы повылетѣли, и на столѣ явилась бутылка съ водкой и колбаса.

— „Наливай, братъ, наливай“, затянулъ во все горло Полѣсскій...

— Живѣй братцы, а то не хватитъ...

— А посудина-то гдѣ; ей, Коробовъ, очищай скорѣе склянки, а то и кислоты твои полетятъ къ чорту!...

— Господа! крикнулъ на всю комнату студентъ высокаго роста. — Внимайте! съ нами есть новость самая свѣжая, и я никому не позволю дотронуться до водки, если не примете моего тоста.

— Провозглашай?

Онъ молча подошелъ къ дивану, снялъ со стѣны одинъ портретъ, и высоко поднялъ его надъ головою.

— Первый тостъ долженъ быть за...

— Шш... Тише!

Всѣ сразу стихли.

— Что такое?

— Тутъ не всѣ свои.

— Кто же лишній?

— Ушинъ здѣсь...

— Э, дьявольщина! Да въ шею его братцы!

— За что же, господа, я тоже за васъ, взмолился растерявшійся Ушинъ.

— Вонъ его! Въ шею его! закричали студенты. и въ три переверта Ушинъ очутился за дверью.

— Да пойдемте, господа, всѣ вмѣстѣ къ Палину? у него сегодня сборъ, крикнулъ Граблинъ.

— Идемъ, отвѣтили ему.

— Съ пѣснями, господа; ей, затягивайте: „быстры, какъ волны дни нашей жизни...“

— Водку не забудьте захватить! послышалось уже съ улицы, сквозь ставни.

— Здѣсь водка, донеслось откуда-то далеко...

На дворѣ та же слякоть, тѣ же безконечныя лужи; злѣе и суровѣе завыла вьюга, залѣпляя глаза мокрымъ снѣгомъ; съ крѣпости слышны выстрѣлы, предупреждающіе жителей Гавани объ опасности, — а студенты беззаботно и дружно грянули такую ухарскую пѣсню, что самъ городовой высунулъ голову изъ своего воротника и съ досадой проворчалъ: „все имъ праздникъ прахвостамъ.“ И дѣйствительно вышелъ праздникъ, и весело имъ теперь: деньги есть.

Слабогрудый Коробовъ понемногу отсталъ отъ товарищей. Къ нему подошелъ Трепетовъ.

— Ты тоже къ Палину? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, братъ; я кажется домой вернусь; грудь что-то все болитъ.

— Когда жь ты, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнишь квартиру-то? Въ такой сырости поневолѣ грудь болѣть будетъ.

— Чтожь дѣлать, надо какъ нибудь мѣсяцъ дотянуть. Родители прислали, да всѣ ухнулъ: долги кое-какіе отдалъ, книгъ накупилъ, да друзья по рубликамъ разобрали. А кстати, Трепетовъ, не хочешь ли ты давать уроки по исторіи у моего родственника, Носкова? У него балбесъ одинъ есть, въ Лицей готовится... Я бы самъ занялся съ нимъ, да по исторіи плохъ.

— А много ли за урокъ?

— Два рубля.

— Чтожь тутъ толковать: конечно возьмусь.

— Кстати поглядишь и на наше либеральное барство, самую суть увидишь. Ты, кажется, давно хотѣлъ этого.

— Отчего же, я не прочь: всякое знаніе полезно.

— Только они ужь черезъ-чуръ баре, и церемоніи у нихъ китайскія. Граблинъ съ перваго же урожа убѣжалъ. Уживешься-ли?

— А вотъ поглядимъ; это очень любопытно будетъ... Я, братъ, въ разныхъ кружкахъ перебывалъ, знался и съ нищими даже, видѣлъ голь ужасающую, а теперь вотъ надо поглядѣть, какъ живутъ сытые люди, что они дѣлаютъ, о чемъ мыслятъ... Слушай, Коробовъ, добавилъ онъ послѣ небольшой паузы;—скажи на милость, зачѣмъ ты впускаешь къ себѣ эту гадину — Ушина.

— Кто его впускаетъ, самъ шляется; не знаю, какъ и отвадить.

— Такихъ гостей надо отваживать попросту—палкой; съ ними вѣдь китайскихъ церемоній не требуется. Небось, ко мнѣ не придетъ въ гости, знаетъ должно быть меня. А то изъ-за такой сволочи можно большія непріятности нажить.

Коробовъ ничего не сказалъ.

— А я сегодня нѣкій сюрпризъ получилъ, заговорилъ опять Трепетовъ съ нерѣшительной улыбкой. Матушка изволила письмецо прислать...

— Какъ такъ?

— Да такъ... Думалъ, что совсѣмъ раздѣлался съ своимъ погостомъ, а нѣтъ-таки нашли.

— Плохо.

— Да, это заставляетъ призадуматься.

Трепетовъ вздохнулъ.

— Однако, Николай Васильичъ, я домой ворочусь: что-то нездоровится. Я къ тебѣ завтра зайду, обо всемъ и потолкуемъ.

— Какъ знаешь.

Пріятели разошлись.

II.

Неохотно поплелся Трепетовъ на свою квартиру. Онъ былъ настроенъ на интимный ладъ, и очень хотѣлось ему потолковать сегодня съ Коробовымъ, что называется „отъ души", да не удалось. Обогнувъ нѣсколько темныхъ переулковъ, онъ завернулъ въ одинъ изъ отстроенныхъ заново домовъ, гдѣ онъ занималъ небольшую комнату со столомъ у титулярнаго совѣтника Хрулева. Жилъ онъ одинъ, и комната его была чище и лучше описанной нами; въ ней и теплѣе и уютнѣе было, и мебель не совсѣмъ убогая, а въ углу помѣщалась даже мягкая кушетка, обитая ситцемъ съ огромными розовыми цвѣтами. Не даромъ Трепетовъ въ своемъ кружкѣ слылъ за богача и неимущіе не разъ прибѣгали къ нему за рубликомъ „въ долгъ".

Въ раздумьи вошелъ онъ въ комнату, швырнулъ на

окно фуражку и опустился на стулъ. Сильно измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили его: похудѣлъ и осунулся замѣтно; на лицѣ появилось выраженіе жолчное и глубокососредоточенное, и только глаза по прежнему искрились отвагой и рѣшимостью. Видно, что не даромъ достались ему эти пять лѣтъ одинокой жизни и что многое пришлось ему пережить и перечувствовать въ эти долгіе и трудные годы. Зато не боится онъ теперь тѣхъ мучительныхъ колебаній, которыя одолѣвали его на погостѣ. Дорога, по видимому, обозначилась ясно; самосознаніе выяснило потребности, остается только не сворачивать съ дороги...

Хозяинъ квартиры, Андрей Никитичъ, зашелъ было по обыкновенію поболтать съ жильцомъ отъ нечего дѣлать, но болтовня сегодня не вышла: жилецъ былъ не въ духѣ. Андрей Никитичъ нѣсколько разъ пытался заговаривать насчетъ „Іюльской монархіи“, которую онъ только что прочиталъ, но Трепетовъ отвѣчалъ нехотя, такъ что хозяинъ запахнулъ полы своего дыряваго халата и робко отправился къ двери.

— А завтра вамъ чай рано подавать, или какъ всегда? спросилъ онъ въ дверяхъ; но не дождавшись отвѣта пожалъ плечами и удалился. Трепетовъ заперъ за нимъ дверь на защелку, потомъ досталъ изъ кармана письмо матери и опять перечиталъ его.

„Милый мой сынъ, Николя! писала ему мать.—Я все буду писать, покамѣстъ ты не отвѣтишь на письмо. Грѣхъ тебѣ. Я и въ Москву писала, думала тамъ ты, а тамъ нѣту. Только около Покрова Савельичъ былъ въ городѣ и

видѣлъ тамъ учителя, и онъ сказалъ твой адресъ. Пишу, и все Богу молюсь; боюсь, что не дойдетъ письмо и что ты позабылъ насъ. Умоляю Христомъ, напиши хоть строчку. Отецъ все хвораетъ и на старости пить началъ, такъ что уёму на него нѣту и служитъ нынче пьяный; а доходовъ все меньше, такъ бьемся, что не на-что сѣна прикупить для коровы; вотъ и сегодня за капусту послѣднія отдала, а завтра плотникъ придетъ, можетъ стерпитъ, а то не знаю, какъ и быть. Конечно, ты учишься, Николя, деньги тебѣ самому нужны, и я не могу просить, но если бы...“ и т. д. Трепетовъ пересталъ читать.

А рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, жильцы, какъ нарочно, устроили пьяную пирушку, тринкаютъ на гитарѣ, ухарски тянутъ пѣсню про какого-то „селезня“, и захлебываются отъ полупьянаго и глупаго хохота. Нѣтъ ничего мучительнѣе слышать этотъ глупый смѣхъ въ то время, когда думать хочется...

— Чортъ бы васъ побралъ! проворчалъ со злостью Трепетовъ и завалился на свою кушетку.

— Чтожъ тутъ дѣлать теперь? думалъ онъ, закрывъ глаза рукою. Каковы должны быть мои отношенія къ погосту? Понастоящему надо бы послать, да гдѣ же взять денегъ?... Онъ тяжело вздохнулъ и опять началъ пробѣгать знакомыя, когда-то милыя строки. Давно уже перегорѣло и переныло въ немъ это прошлое, и рѣзкимъ диссонансомъ казалось наивное письмо матери съ тою обстановкою и тою жизнью, какую онъ переживалъ теперь; но это письмо было для него фактомъ серьезнымъ: онъ видѣлъ въ

немъ вопросъ хлѣба, а этотъ вопросъ онъ понималъ хорошо. Чувство невольной тоски сдавило его, шевельнулось опять сознаніе какого-то долга и какой-то тяжелой отвѣтственности, и съ осязательной ясностью выдвинулось передъ его глазами все прожитое прошлое. Вспомнился ему опять вѣчно тихій и безпробудно спящій погостъ, съ его живыми и мертвыми обитателями; припомнились старики-родители, вѣчно плачущая мать, сестры... Съ болью и тревогой промелькнула въ памяти печальная личность полузабитой и всѣми обиженной Тани съ ея несбывшимися надеждами, вспомнился о. Никита, Савельичъ, даже сплетница-просвирня,—весь этотъ законченный и оторванный отъ жизни міра уголокъ, въ которомъ и самъ онъ когда-то игралъ не послѣднюю роль. А потомъ сама собою пошла работать голова, воспоминанія цѣплялись одно за другое; припомнились и дальнѣйшія похожденія. Вспомнилъ онъ, какъ въ темную, пасмурную ночь бѣжалъ онъ безъ оглядки отъ этого родного уголка и какъ разными околицами, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ съ обозами, добрался до ближайшаго города, припомнилось послѣднее свиданье съ Березинымъ, всѣ задушевныя рѣчи, которыя вели они вмѣстѣ, всѣ дружескія благожеланія и напутствія. — „Трудно вамъ будетъ теперь, говорилъ ему Березинъ на прощаньи:—но крѣпитесь и духомъ не падайте; и если ужь рѣшились, то ведите дѣло до конца... Вы въ Петербургѣ найдете много хорошихъ людей, скажите имъ отъ меня мой заочный привѣтъ, любите ихъ, слушайте ихъ, они скажутъ вамъ, что нужно дѣлать! А я отсюда буду слѣдить за вами и радоваться за васъ...“ Тутъ же далъ

онъ Трепетову немного денегъ на дорогу, и юноша, полный восторга и вѣры въ свое будущее, помчался въ нашу сѣверную столицу, откуда въ то время юная Россія съ нетерпѣніемъ ждала разсвѣта, а старая съ ужасомъ и недоумѣніемъ замѣчала уже начало какой-то новой, не понятной для нея жизни.

Съ этого дня началась для Трепетова практическая школа жизни, начался опытъ.

Страшное, подавляющее впечатлѣніе произвелъ на него въ то время Петербургъ съ его суетливою, эгоистичною жизнью; ему онъ показался бездонной могилой, въ которой очень легко затеряться и исчезнуть, какъ теряются и исчезаютъ многіе. Сразу охватило и отуманило его сознаніе полнаго одиночества среди полумилліона людей. Тупо и безсознательно смотрѣлъ онъ на толпы снующихъ по улицамъ и вѣчно озабоченныхъ людей съ блѣднозелеными безучастными лицами, и сознавалъ, что между ними нѣтъ ни одного, съ кѣмъ можно было бы посовѣтоваться, на чье радушье можно было бы разсчитывать. А надо было куда нибудь дѣться, что нибудь ѣсть. Вопросъ хлѣба и работы сталъ теперь для него первымъ вопросомъ. Но гдѣ достать работы? Кто дастъ хлѣба?

Не теряя бодрости духа, онъ сталъ проситься на стипендію въ университетъ, но ему сказали, что вакансій нѣтъ, и предложили быть простымъ вольнослушателемъ. Трепетовъ покорился, записался въ число вольнослушателей, а самъ пошелъ къ одному доброму редактору просить работы. Добрый редакторъ сжалился надъ нимъ, и далъ ему какой-то

переводъ „для пробы“, но проба видно плоха вышла, — отказали. Думалъ онъ было ради хлѣба статью написать, но что же можетъ придти въ голову на голодный желудокъ, да и совѣсть не позволила ему обратить въ хлѣбный промыселъ такое почтенное дѣло. Оставивъ попытки къ грандіозной работѣ, на которую прежде всего бросаются у насъ всѣ искатели независимаго труда, Трепетовъ спустился пониже. Нанялся онъ въ типографію за полцѣны корректуру читать — сталъ увлекаться смысломъ, а не буквой статьи, и корректура вышла такая скверная, что его чуть не въ шею выгнали изъ типографіи. Потерпѣвъ и тутъ неудачу, пошелъ онъ съ горя искать мѣстъ по купеческимъ конторамъ, по перепискѣ бумагъ, даже по торговой части, и вездѣ слышалъ одни и тѣ же стереотипные отвѣты: „занято“, „свои есть“, „понавѣдайтесь послѣ“, и т. п. Николай Васильичъ серьезно призадумался. Прежде, бывало, на казенномъ хлѣбѣ бурсы, на даровомъ корму родной семьи, ему все казалось, что стоитъ только явиться въ Петербургъ и крикнуть во всеуслышанье, что хочу, молъ, работать, и всѣ сейчасъ же сами сбѣгутся къ нему съ предложеньемъ работы, а теперь онъ благодѣтелемъ назвалъ бы того, кто занялъ бы эти безполезныя руки и голову и далъ возможность прокормиться „честнымъ трудомъ“—какъ пишутъ въ книгахъ. И въ этихъ напрасныхъ поискахъ честнаго труда онъ провелъ около полугода, спустилъ съ себя все, что только можно было спустить, пользовался по разнымъ захолустьямъ копѣечнымъ ночлегомъ, спалъ не разъ подъ открытымъ небомъ, питался зачастую одной колбасою, да студ-

немъ на грошъ, когда порой заводился въ карманѣ этотъ несчастный грошъ, и только бурсацкая закалка натуры позволила ему вынести эту полугодовую агонію и сохранить еще при этомъ нѣкоторую бодрость духа. Зато тутъ онъ, лицомъ къ лицу, впервые увидѣлъ ту голодную и забитую нищету, которая составляетъ исключительную принадлежность столицъ и большихъ городовъ и рѣдко встрѣчается въ провинціи, и убѣдился, что онъ не одинъ, что отъ недостатка работъ ежегодно осаждаются на дно столичнаго населенія цѣлые слои голодныхъ людей, никому ненужныхъ, безполезныхъ, къ числу которыхъ онъ долженъ былъ причислить и себя. Съ ужасомъ узналъ онъ, что эта голодная агонія иной разъ тянется по нѣскольку лѣтъ, и постепенно губитъ сотни людей, способныхъ и неглупыхъ; что въ борьбѣ за существованіе они теряютъ самую цѣну жизни, пока не найдутъ вѣрный пріютъ въ тюрьмѣ, не получатъ казеннаго хлѣба въ каторгѣ. Были минуты, когда у Трепетова волосъ становился дыбомъ отъ этого униженія жизни человѣческой, и страшно дѣлалось за самого себя и свою будущность, но зато онъ вполнѣ прочувствовалъ интересы этихъ униженныхъ и ограбленныхъ личностей, и это положило неизгладимый отпечатокъ на его характеръ и образъ мыслей и заставило его сдѣлать нѣкоторые глубокіе выводы. Со злостью и отвращеніемъ начиналъ онъ смотрѣть на прихоти изнѣженнаго и избалованнаго барства, точно это барство ограбило его. Понялъ онъ также, что голоднаго человѣка не разшевелишь никакими принципами, что отъ нищеты замираютъ всѣ потребности знанія и умственнаго раз-

витія... Между тѣмъ время пропадало въ безплодныхъ поискахъ работы, изсякали послѣднія средства къ жизни, а въ университетѣ лекціи шли своимъ чередомъ и требовали усиленныхъ занятій...

— Нѣтъ, думалъ онъ, хватаясь за голову, надо хоть за волосокъ какой ухватиться, но вырвать у общества право на жизнь.

Къ счастью Трепетова, волосокъ такой отыскался.

Шатаясь по городу безъ пріюта и отыскивая работу, какъ-то разъ столкнулся онъ съ такимъ же бобылемъ,, какъ самъ, студентомъ естественнаго факультета, Граблинымъ. Они чутьемъ поняли другъ друга, разговорились и сошлись. Граблинъ на первый разъ предложилъ Трепетову давать уроки у одного знакомаго ему купца. Плата была самая мизерная: по 25 коп. за урокъ; однако Трепетовъ съ жадностью ухватился за этотъ волосокъ и ежедневно послѣ лекцій принялся путешествовать на другой конецъ города, подготовлять купеческаго сына въ гимназію. Съ усердіемъ и добросовѣстностью сталъ онъ выкладывать передъ купеческимъ сыномъ всѣ свои познанія, сидѣлъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, а уроки все-таки шли плохо. Купеческій сынъ видимо не желалъ учиться, а тятенька его, во время уроковъ, постоянно ругался въ сосѣдней комнатѣ съ женою и даже колотилъ ее, и хотя онъ потомъ извинялся передъ учителемъ, что „пошумѣлъ маленько и должно быть помѣшалъ“, однако пользы отъ этого было немного. Но надо было уступить, чтобъ не лишиться хлѣба... Купецъ скоро познакомилъ учителя съ своимъ родственникомъ, какимъ-то

конторщикомъ, а этотъ тоже навязалъ ему учить своего сынка за такую же цѣну. Уроки тоже пошли плохо; конторщикъ самъ вздумалъ учить Трепетова, какъ надо учить его сына, и когда Трепетовъ сталъ съ нимъ спорить, тотъ безъ церемоніи намекнулъ ему, что „выгоню“, молъ. И надо было уступить, чтобъ не лишиться хлѣба... Потомъ онъ досталъ уроки у какого-то капитана, потомъ еще въ нѣкоторыхъ небогатыхъ семействахъ, и всѣ-то они заявляли свои требованія и претензіи, связывали учителя по рукамъ и ногамъ, мѣшали ему на каждомъ шагу; Трепетовъ выходилъ изъ себя отъ злости, а между тѣмъ надо было уступать, на сколько позволяла совѣсть, чтобъ не лишиться хлѣба. Знакомясь съ обществомъ, большею частію недостаточнымъ, неразвитымъ и невѣжественнымъ, на которое не дѣйствуютъ никакія убѣжденія и увѣренія, Трепетовъ вывелъ еще одно горькое заключеніе, что *голодъ* заставляетъ дѣлать первыя уступки этому невѣжеству, что только подъ условіемъ этихъ уступокъ получается хлѣбъ и цѣною ихъ покупается будущая независимость. Онъ самъ испугался своего вывода, и проклялъ себя за эти уступки, но потомъ увидѣлъ, что и всѣ почти голодные начинаютъ такъ свою карьеру, хотя и не хотятъ сознаться въ этомъ, и что только обезпеченные люди могутъ быть вполнѣ независимы.

— Неужели и во всемъ такъ? съ отчаяньемъ спрашивалъ юноша у своего пріятеля Граблина, — вѣдь это нечестно, наконецъ!..

— Что-жь, по твоему, съ голоду умирать что-ли? отвѣ-

тилъ тотъ спокойно. Этимъ, братъ, никого не удивишь, да и пользы будетъ мало.

— Но такъ можно дойдти до громадныхъ уступокъ, можно потерять, наконецъ, всякую самостоятельность?

— Это мы и видимъ сплошь да рядомъ. Ты, думаешь легко выдти честнымъ изъ такой выправки? Нѣтъ, не легко, братъ. А ты пощупай-ка себя поглубже, узнай, въ чемъ можешь уступить и въ чемъ нѣтъ. Если ты въ самомъ дѣлѣ можешь отъ нужды подлецомъ сдѣлаться, такъ кто-жь тебя исправитъ? Рано или поздно сдѣлаешься!

— А ты?

— Ну, это мы еще посмотримъ. Я знаю, въ чемъ можно уступить и въ чемъ нѣтъ.

Трепетовъ дѣйствительно задумался надъ собою, провѣрилъ себя и рѣшилъ категорически, что есть черта, за которую его никакой голодъ не перетащитъ, есть убѣжденья до того глубокія, что ихъ не сломишь никакими силами. Послѣ такого анализа ему легче стало, и рѣзче выяснилась въ немъ потребность бороться и не уступать до послѣдней крайности...

Денежныя дѣла его такимъ образомъ стали поправляться, и уже можно было нѣсколько отдохнуть и оглядѣться послѣ испытанныхъ неудачъ. Вмѣстѣ съ Граблинымъ подобрали они между студентами еще нѣсколько бобылей и порѣшили устроить складчину. Наняли они себѣ въ пятеромъ какой-то чуланъ на Петербургской сторонѣ и условились, что каждый обязанъ вносить ежемѣсячно въ общую кассу по 10 рублей, что составитъ въ итогѣ 50 р. — сумму, на

которую кое-какъ прожить можно. Завели они себѣ сносный столъ, стали даже чай пить, и ожили бобыли наши отъ такой благодати. Потомъ, смотря по заработкамъ, взносная сумма артели стала постепенно увеличиваться и дошла до 75 р. въ мѣсяцъ; тогда уже стали появляться у студентовъ книги и даже журналы, и хотя все это въ скорбныя минуты пускалось въ закладъ, но при счастливыхъ обстоятельствахъ опять выкупалось и поступало въ общее владѣніе.

До сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаетъ Трепетовъ это время первой складчины, когда въ немъ пробудились опять упавшія силы, явилась прежняя энергія и вѣра въ свое будущее, въ человѣчество, въ братство и любовь, словомъ, во все, что есть лучшаго на землѣ и что даетъ смыслъ и значеніе человѣческой жизни. Опять закипѣли безконечные споры, горячо принимался къ сердцу каждый вопросъ, рвались молодыя натуры къ дѣятельности и глубоко возмущались всякимъ безобразіемъ. И теперь даже эти воспоминанія заставили сильнѣе обыкновеннаго забиться сердце Трепетова и вызвали у него невольный вздохъ. Чувствовалъ онъ, что нѣкоторыя изъ этихъ сладкихъ упованій уже надтреснули, во многихъ мучитъ сомнѣніе, многое не повторится...

Припомнилъ онъ, съ какимъ благоговѣніемъ вступилъ въ первый разъ въ университетскую аудиторію, въ кругъ студенчества, и съ какою гордостью созналъ себя членомъ этой великой семьи. Жадно вслушивался онъ въ лекцію профессора; все казалось ему ново и оригинально, сердце билось усиленно, и сладкая дрожь пробѣгала по тѣлу, когда въ залѣ раздавался взрывъ дружнаго рукоплесканія. Тогда еще

впервые повѣяло въ Петербургѣ чѣмъ-то новымъ, непохожимъ на задавленное прошлое, и это новое прежде всего отразилось на университетѣ. Между студентами и молодыми профессорами скоро образовалось какое-то интимное общество и союзъ во имя истины и свободы... Это же святое чувство братства студенты выносили и за стѣны университета, въ каждомъ встрѣчномъ они готовы были видѣть друга и брата, съ каждымъ готовы были подѣлиться своими симпатіями и антипатіями, и всюду, гдѣ бывали студенты, смѣло звучало правдивое слово, всюду слышался великій призывъ къ иной, лучшей жизни и дѣятельности, съ полною вѣрою, что каждый оцѣнитъ этотъ призывъ и безъ страха откликнется на него. Славное было тогда время; какое-то одуряющее, безконечно-страстное чувство овладѣло молодежью, духъ захватывался отъ ожиданій чего-то великаго, мысль далеко забѣгала впередъ, кипѣла энергія и мало по малу охватывала она все мыслящее общество. Всѣмъ казалось и крѣпко вѣрилось, что вотъ-вотъ на дняхъ совершится дружное дѣло всеобщаго возрожденія... Такъ, по крайней мѣрѣ, думало студенчество, такъ думалъ и Трепетовъ, и голосъ его чаще другихъ звучалъ на студенческихъ сходкахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сильно подѣйствовалъ на Трепетова весь этотъ радостный, предпраздничный говоръ, понялъ онъ глубокій смыслъ его, и сильно пришелся онъ ему по-сердцу, глубоко запалъ ему въ душу. Въ головѣ началась страшная работа, жгучіе вопросы, одинъ другого назойливѣе, поднялись въ немъ, шла оцѣнка всѣхъ знаній и всего личнаго опыта, подводились итоги, дѣлались выводы, во многомъ

страшные, но неотразимые, какъ критерій. Кто самъ переживалъ такое мучительное состояніе, тотъ пойметъ, что нелегко достается оно головѣ, непривыкшей вѣрить на-слово. Трепетовъ видѣлъ, что теперь открывается полный просторъ для полезной и широкой дѣятельности, что слѣдуетъ серьезно обсудить свои отношенія къ обществу, чтобы потомъ не обмануться въ своихъ ожиданіяхъ; надо по возможности уяснить всѣ свои вопросы, чтобы войдти въ жизнь готовымъ для всякой борьбы и строго преслѣдовать тѣ заманчивыя цѣли, къ которымъ такъ неудержимо рвется молодая натура. А для этого надо учиться, накоплять знанія, сходиться съ хорошими людьми...

И подъ обаяніемъ этой вѣры въ себя, онъ безъ страха смотрѣлъ на жизнь. Въ будущемъ видѣлъ онъ много борьбы, успѣхъ подчасъ казался ему очень сомнительнымъ, но онъ самъ же смѣялся надъ своими сомнѣніями... „Общество за насъ, думалъ онъ, оно должно помогать намъ, должно поддерживать насъ, вѣрить въ насъ, потому что вся наша дѣятельность отдана ему, на его благо, во имя любви къ нему. Оно насъ и поддержитъ, и не выдастъ!“ И чувствовалъ юноша, что на самомъ дѣлѣ теперь существуетъ между нимъ и обществомъ глубокая связь, что высшіе интересы общества стали его интересами, что отъ счастья общества зависитъ его личное счастье... Великая вещь эта вѣра въ себя и въ общество, и пропадаетъ человѣкъ если она надтреснетъ и сломится!..

У хозяина часы пробили 3 часа. Свѣча нагорѣла и еле-

мерцаетъ. За стѣной пьяные сосѣди все еще тянутъ пьяными голосами какую-то дикую пѣсню.

— А тутъ свои интересы... произнесъ Трепетовъ, приподнимаясь съ кушетки и прислушиваясь къ пьяному пѣнью.— Что они съ горя пьютъ или съ глупости?.. Эхъ, жалко Коробова нѣтъ; поговорили бы о многомъ, чувствую сегодня какую-то силу; даже спать не хочется...

А на полу валялось письмо матери.

— „... буду писать, покамѣсть ты не отвѣтишь на письмо“... „даже сѣна не на что купить для коровы“ — машинально прочиталъ онъ, поднявъ письмо.

— Надо будетъ призанять гдѣ нибудь, да послать, рѣшилъ Трепетовъ и вздохнулъ. Потомъ онъ бросилъ письмо на столъ, поправилъ свѣчу и раскрылъ книгу...

III.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, Семенъ Иванычъ Носковъ, служилъ въ сенатѣ и получалъ приличное его чину содержаніе. Онъ представлялъ собою типичный образчикъ той оффиціальной, выкроенной по казенной мѣркѣ натуры, какія сплошь да рядомъ встрѣчаются между нашими чиновниками. Всѣ чувства и мнѣнія его какъ разъ совпадали съ чувствами и мнѣніями высшаго начальства; съ самаго начала своей служебной карьеры онъ уже чутьемъ какимъ-то постигалъ, чему слѣдуетъ сочувствовать, на что смотрѣть враждебно, и, въ теченіи двадцати-двухъ лѣтняго служенія

въ сенатѣ, до того пріучилъ себя мыслить и чувствовать по указаніямъ и руководству начальства, что сдѣлался самымъ благонамѣреннымъ человѣкомъ и, слѣдовательно, жалованье свое отъ казны получалъ не даромъ. Конечно, такое перерожденіе совершилось въ немъ не вдругъ, а постепенно, и сперва съ большими усиліями приходилось ему принуждать себя къ оффиціальному образу мыслей, чему много мѣшало его университетское образованіе въ качествѣ юриста и коекакія книги, прочитанныя въ молодости; но потомъ, путемъ долгаго принужденія, онъ искусственно пріучилъ себя быть отголоскомъ начальства и развилъ въ себѣ даже казенную искренность и оффиціальныя увлеченія. Онъ, напримѣръ, приходилъ въ истинный восторгъ отъ всякаго начальственнаго распоряженія, хотя это распоряженіе вовсе не касалось ни его лично, ни его вѣдомства; искренно сочувствовалъ, напримѣръ, и истребленію какой нибудь туркестанской арміи, хотя отъ этого истребленія ни на іоту не измѣнялась къ лучшему его личная жизнь и даже награды никакой не предвидѣлось, и т. п.

Казалось бы, что такому доблестному чиновнику жить бы себѣ въ полномъ благодушествіи и наслаждаться спокойствіемъ совѣсти и семейнымъ счастьемъ, но недаромъ сложилась пословица: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ,— былъ одинъ грѣшокъ и у Семена Иваныча. Дѣло въ томъ, что, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ высшими властями и разными сенаторами, онъ позволилъ себѣ питать къ нимъ непозволительную зависть, и не разъ въ глубинѣ души своей мечталъ о томъ, какъ бы встать еще поближе къ этой

власти, и въ нѣкоторомъ родѣ самому сдѣлаться властью... Очень хотѣлось ему казаться выше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; хотѣлось жить вполнѣ на барскую ногу, по генеральски, и хотя онъ зналъ навѣрное, что если помретъ его превосходительство Иванъ Харитонычъ, да выйдетъ въ отставку его пр-ство Харитонъ Иванычъ, то онъ достигнетъ своей цѣли, но... вѣдь это еще такъ неопредѣленно: почемъ знать, можетъ быть, Иванъ Харитонычъ и долго проживетъ... Семенъ Иванычъ, зналъ, что такія мысли закономъ недозволены, но, скажите пожалуйста, кто изъ служащихъ, цѣнимыхъ не по качеству, а по количеству прослуженныхъ лѣтъ, не испытывалъ этихъ томительныхъ мыслей? въ комъ изъ нихъ не зараждалось порой беззаконное желаніе: „если бы померъ такой-то?..“ и проч. и проч.

Семену Иванычу казалось очень обиднымъ и то обстоятельство, что кровные аристократы все еще смотрятъ на него свысока, какъ на существо низшей породы, которое нельзя еще считать за своего. Это нерѣдко приводило его въ уныніе, хотя, припоминая свое происхожденіе, онъ съ печалью видѣлъ, что дѣйствительно не можетъ считаться кровнымъ аристократомъ. Подчасъ даже самая фамилія *Носковъ* казалась ему очень некрасивою и даже, такъ сказать, неприличною.—„Вотъ если бы хоть „Носовъ“ или „Носковскій“— все бы ничего, думалъ онъ; а то выходитъ что-то тривіальное, плебейское...“ Но тутъ онъ опять сознавалъ свое полное безсиліе; сознавалъ, что ужь на вѣки-вѣчные, точно клеймо какое, срослась съ нимъ эта несчастная фамилія. Носковъ—и только, и ничего не подѣлаешь.

Жилъ Семенъ Иванычъ въ той части города, гдѣ чаще обыкновеннаго встрѣчаются ливреи, нанималъ онъ здѣсь роскошную квартиру и, въ часы свободные отъ службы, всецѣло отдавался семейному счастію. Супруга его, Анна Петровна, была кровная барыня, Семенъ Иванычъ женился на ней единственно ради протекціи и разныхъ связей и приданаго. Она была существо до-нельзя избалованное, изнѣженное, съ нервнымъ разстройствомъ, съ томнымъ взглядомъ и рѣчью на распѣвъ. Отъ нея вѣяло этикетами и напыщенностью, отзывало трескучимъ міромъ аксельбантовъ, шпоръ, фраковъ съ бѣлыми перчатками и неизмѣримою пустотою свѣтской болтовни. Вскормленная на сливкахъ и безешкахъ, неприкасавшаяся никогда ни къ какой работѣ, она была когда-то хороша собою и потому окружена общимъ вниманьемъ шпоръ и аксельбантовъ; но съ лѣтами красота ея, конечно, послиняла, и теперь уже ни какія притиранья не могли смягчить дряблости кожи и нѣсколькихъ морщинъ на ея томной физіономіи. А между тѣмъ, барыня, какъ и всѣ барыни подобнаго сорта, все еще кокетничала, закатывала глазки, искала обожателей и чувствовала сильное желаніе нравиться; ей хотѣлось по прежнему царить на вечерахъ и собраніяхъ, хотѣлось, чтобы за ней ухаживали, чтобы ей льстили и прикладывались, съ благоговѣніемъ къ ея морщинистой „ручкѣ“, и дѣйствительно кавалеры все еще считали своимъ долгомъ цѣловать эту ручку, выражать участье къ разстройству ея нервовъ, цвѣту лица, словомъ, пошличать передъ нею изъ разныхъ видовъ и такъ называемаго приличія.

Отъ такой милой четы долженъ былъ произойдти и плодъ очень незавидный, и дѣйствительно дѣти Носковыхъ, двѣ дочери и сынъ, обѣщали во всемъ походить на папеньку и маменьку, тѣмъ болѣе, что иниціативу воспитанія взяла въ свои руки сама фешенебльная маменька. Главный педагогическій принципъ ея, какъ и всякой великосвѣтской маменьки, состоялъ въ томъ, чтобы подогнать дѣтей подъ обстановку, приличную ихъ чину и званію, и, по силѣ этого принципа, не обстановка должна была измѣняться, смотря по характеру и наклонностямъ дѣтей, а на оборотъ: наклонности дѣтей должны были сообразоваться съ внѣшностью и величіемъ обстановки. По такой программѣ она и повела несчастныхъ дѣтей своихъ, и мужъ ей въ этомъ не противорѣчилъ. Старшая дочь, Александра, была опредѣлена въ одинъ изъ великосвѣтскихъ пансіоновъ, тамъ прежде всего выучила табель о рангахъ и скоро поняла, что она существо гораздо возвышеннѣе, чѣмъ какая нибудь титулярная совѣтница. Этимъ сознаніемъ сразу опредѣлились ея отношенія ко всему остальному человѣчеству. Потомъ въ ней явилось желаніе, чтобы за ней также ухаживали кавалеры, тратились на нее, льстили ей, цаловали ея руки и цѣнили каждый ея взглядъ и вниманіе. Потомъ началась практическая школа среди безчисленныхъ баловъ, выѣздовъ, театровъ, и т. п. прелестей. Какъ особа неглупая, она скоро поняла, въ чемъ заключается вся сила и все значеніе женщины въ этомъ кругу и съ усердіемъ принялась изучать тѣ неуловимые пріемы свѣтскаго кокетства и ту тонкую, заманчивую игру нервами, которая такъ сильно затрогиваетъ мущинъ

и заставляетъ ихъ сладострастно млѣть. Успѣхъ вышелъ не малый, мущины млѣли, нѣкоторые изъ нихъ мучились даже безсонницей и все мечтали о ней; и немудрено: она такъ нѣжна, граціозна, такіе у ней страстные, вызывающіе глаза, такъ много обѣщаетъ она наслажденій... Мать сама любовалась дочерью и даже подчасъ задумывалась о ней не на шутку. Онѣ скоро поняли другъ друга, заключили между собою тайное условіе, чтобы другъ другу не мѣшать въ побѣдахъ, и по этому условію стали дѣлить и сортировать своихъ обожателей... Можете вы себѣ представить, сколько тутъ пошло у нихъ разныхъ интригъ, плановъ и сладкихъ нервныхъ волненій; какъ весело стало жить, какая началась заманчивая игра!!..

Младшая дочь Носковыхъ, Лиза, съ самаго малолѣтства выказывала признаки другой, болѣе свѣжей и лучшей, породы; она была рѣзва, любознательна, говорила прямо что думала, и тѣмъ повергала родителей въ уныніе. Они рѣшили, что, во что бы то ни стало, нужно исправить ея „глупый характеръ“, и отдали ее въ какой-то благородный институтъ на семилѣтнее заключеніе. Тамъ начали круто переработывать ее на другой манеръ и вытравлять изъ дѣвушки всѣ плебейскія свойства характера... Свѣжая и живучая натура Лизы долго боролась съ этимъ іезуитскимъ воспитаніемъ, но наконецъ уступила, сломилась, и черезъ семь лѣтъ она вернулась домой скромная, тихая и вполнѣ приличная.

— Я люблю теперь мою Лизу, ласково говорила ей мать, сама неожидавшая такихъ блистательныхъ результа-

товъ. — Ты теперь такой милый ребенокъ!.. Только зачѣмъ ты такая застѣнчивая, мой другъ?.. надо быть посмѣлѣе.

— Я ненавижу мущинъ, мамаша, они всѣ у васъ такіе гадкіе, отвѣчала Лиза, потупивъ глаза. Она конечно не сознавала, что высказываетъ глубокую истину.

— Ну, ненавидѣть-то ихъ незачто, съ снисходительной улыбкой замѣтила мать,—между ними есть прекрасные люди, да ты ужь и не маленькая, чтобы говорить такія вещи. Будь съ ними развязнѣе. Вотъ смотри, какъ Саша держитъ себя съ ними...

— Только твой кавалеръ мнѣ, мамаша... не нравится...

— Кто это—*мой?*

— Ха, ха, ха, перебила ихъ съ хохотомъ Александра Семеновна, — это она про Летицкаго говоритъ... Погоди, Лизанька, мы тебя выучимъ, полюбится и Летицкій.

Лизанька опять потупилась и съискоса поглядѣла на мать. Та нюхала одеколонъ...

Сынъ Носковыхъ, Вася, только еще начиналъ освоиваться съ учебниками. Его готовили въ лицей, для того, чтобы онъ потомъ сразу могъ достать на службѣ почетное мѣсто и хватить чинъ немалый. Еще жила у нихъ въ качествѣ компаньонки одна личность, Марья Сергѣевна, дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, но на нее тамъ смотрѣли свысока и особеннаго вниманія не обращали. Мы, однако, ужо вниманіе на нее обратимъ.

Въ тотъ моментъ, какъ Семена Иваныча застаетъ нашъ разсказъ, (т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ) онъ былъ конечно либераломъ и осмѣливался иногда во всеуслышаніе толковать о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде и подумать не могъ безъ страха. Этотъ переворотъ опять-таки совершился въ немъ безъ особенной борьбы и даже незамѣтно для него самого; просто онъ почувствовалъ, что высшее начальство отнеслось критически къ прошлому, что важные сановники стали толковать о разныхъ реформахъ,— и все это отразилось, какъ въ зеркалѣ, и на оффиціальной натурѣ Семена Иваныча, отозвалось въ немъ какъ эхо. Онъ и здѣсь вполнѣ вошелъ въ свою роль и такъ искусно началъ отправлять эту службу новаго рода, что ему за его либерализмъ даже награду какую-то дали. Да и слѣдовало.

Въ одно прекрасное утро, за чаемъ, у Носковыхъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Знаешь, мой другъ, сказалъ Семенъ Иванычъ женѣ, мнѣ что-то не нравится Васинъ учитель, Гроссъ; всегда онъ впопыхахъ, все о чѣмъ-то думаетъ, да и педантъ страшный. Я не слыхалъ его лекцій, но мнѣ кажется, что онъ очень отсталъ отъ науки... устарѣлъ... Боюсь, онъ испортитъ Васю.

Александра Петровна подняла на него свои томные глаза.

— Къ чему ты это говоришь?.. я не понимаю.

— Къ тому, что я вчера видѣлся съ Коробовымъ, и онъ предлагалъ мнѣ новаго учителя для Васи.

— Кто жь онъ такой?

— Студентъ университета. Онъ нынче кончаетъ курсъ, и, говорятъ, превосходно преподаетъ исторію.

— Что за охота студентовъ брать... Впрочемъ, какъ знаешь; это не мое дѣло.

— Оно, по правдѣ сказать, и выгоднѣе будетъ: всего два рубля за урокъ.

Супруга ничего не отвѣтила и только слегка вздохнула.

— Да пусть кстати и Лиза послушаетъ его, продолжалъ Семенъ Иванычъ;—она у насъ такая неразвитая, выглядитъ какимъ-то ребенкомъ, а теперь надъ этимъ смѣются. Я думаю, онъ возьмется за ту же цѣну.

— Что-жь, пускай учится.

— Я и сама не прочь вмѣстѣ съ Лизой послушать нѣсколько лекцій, вмѣшалась старшая дочь.

— Что за фантазія, Саша, тебѣ-то зачѣмъ? спросила ее мать съ непритворнымъ удивленіемъ...

— Отчего жь не послушать для разнообразія? притомъ это нынче и въ модѣ.

Мать только пожала плечами. Отецъ замялся.

— Вѣдь это ужь трое, сказалъ онъ. Немножко совѣстно будетъ.

— Но развѣ не все равно ему читать? Ну, я, пожалуй, не стану, отвѣтила Лиза, надувъ губки.

— Я вовсе не думаю препятствовать тебѣ учиться. Ходи, пожалуй, хоть на всѣ лекціи.

— И пойду, если захочу.

Всѣ замолчали и нахмурились. Семенъ Иванычъ поторопился допить стаканъ чаю и удалиться.

— Такъ я распоряжусь? проговорилъ онъ уходя.

Барыня въ отвѣтъ ему слегка кивнула головой.

Результатомъ этого совѣщанія было то, что дня черезъ три Трепетовъ явился къ Носковымъ въ качествѣ учителя. Не безъ замѣшательства вошелъ онъ въ роскошно убранную комнату, предназначенную для его занятій; здѣсь все отзывало утонченною роскошью и довольствомъ: бархатная мебель, какіе-то красивые занавѣсы, нарядные ковры и прочая благодать — все показывало, что деньги у Носковыхъ водятся, и деньги немалыя. Не зналъ Трепетовъ, что вся эта благодать основана на теоріи кредита, для одного шику, и что кредитъ давался Носкову потому, что онъ стоялъ на вѣрной дорогѣ, и опасность ему ни откуда не угрожала... Вдали слышны были звуки ройяля и щелканье попугая... У стола на креслѣ сидѣлъ Вася, мальчикъ лѣтъ тринадцати, съ апатичной и истомленной физіономіей; онъ небрежно осмотрѣлъ новаго учителя и объявилъ ему, что слѣдуетъ читать о реформаціи. Трепетовъ началъ было выпытывать его знанія по части исторіи вообще, но Вася отвѣчалъ неохотно, увѣрялъ, что все это онъ уже выучилъ очень давно и къ сегодняшнему дню не повторялъ. Трепетовъ перешолъ къ уроку и началъ излагать причины, подготовившія реформацію; а Вася тотчасъ успокоился и, отъ скуки, выводилъ пальцемъ на полированномъ столѣ какіе-то интересные для него узоры. Учитель изъ всѣхъ силъ старался занять ученика, но напрасно: ему уже видимо успѣло наскучить образованіе, и онъ терпѣлъ его какъ неизбѣжное зло.

Черезъ нѣсколько минутъ зашевелилась портьера, и въ комнату вошла Лиза съ компаньонкой. Онѣ обѣ сѣли вдали у окна и молча слушали. Институтка тоже видимо скучала;

она упорно вертѣла въ рукахъ кончикъ своей тюлевой перелинки, и только изрѣдка, исподлобья, взглядывала на учителя. Компаньонка слушала внимательно; она была некрасива собою, глядѣла дерзко, почти нахально и потому съ перваго взгляда не возбуждала никакой симпатіи. Она вообще была очень молчалива, сосредоточена, и только порой мелькала на ея губахъ насмѣшливая улыбка. Мѣстныя барыни третировали ее свысока за ея заносчивость, а кавалеры сторонились отъ нея подальше, даже какъ будто побаивались ея, потому что „у ней языкъ, какъ бритва, — такъ оборветъ, что со стыда сгоришь“ — толковали они.

Трепетовъ пристально оглядѣлъ гостей и продолжалъ читать. Скоро однако опять зашевелилась портьера, и, шелестя шелковымъ платьемъ, въ комнату гордо и граціозно вошла Александра Семеновна.

— Не помѣшаю я вамъ? нѣжнымъ голосомъ спросила она учителя.

— Нѣтъ, ничего-съ, отвѣтилъ тотъ нерѣшительно.

Она граціозно опустилась на кушетку, долго поправляла и одергивала платье, наконецъ успокоилась и устремила на учителя долгій, безотвязный и кокетливый взглядъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что она вовсе не думала кокетничать съ какимъ нибудь студентомъ, а все это дѣлалось у ней механически, по привычкѣ, такъ что при видѣ посторонняго мущины у ней лицо уже само собой принимало какое-то вызывающее выраженье, глаза невольно щурились, а голосъ получалъ особенный сладкій тонъ. У такихъ барышенъ все это совершается само собою, по рефлексу. Трепетовъ конечно

не зналъ этого, и смѣшался было, однако скоро овладѣлъ собою и продолжалъ лекцію, только жолчь и раздраженіе послышались въ его голосѣ. Съ семинарскимъ цинизмомъ сталъ онъ изображать продѣлки католическаго монашества до Лютера, и обрисовалъ значеніе папства и религіозный гнетъ, которымъ папы душили массы народныя, до того рѣзко и жолчно, что великосвѣтскія барышни сконфузились; Александра Семеновна покраснѣла отъ неожиданности, и даже улыбка ея получила естественное выраженье, а институтка выпустила изъ рукъ кончикъ своей перелинки, раскрыла свой ротикъ и чаще обыкновеннаго толкала компаньонку. Одинъ только Вася остался равнодушенъ, и во все время не спускалъ глазъ съ часовъ, лежащихъ на столѣ.

— Довольно, часъ ужь прошелъ, перервалъ онъ Трепетова въ самомъ разгарѣ увлеченья.

— Значитъ, пора кончать? спросилъ онъ.

— Давно пора. Три минуты лишнихъ читали: вотъ, глядите сами.

— Ну, и кончимте.

— Что это, Вася, какой ты невѣжа... перебиваешь на полсловѣ... замѣтила ему старшая сестра, видимо недовольная перерывомъ.

— Да вѣдь папаша условился съ нимъ, чтобы одинъ часъ читать; зачѣмъ же больше? заговорилъ мальчикъ, и сталъ проворно убирать книги.

Трепетовъ всталъ и взялся за фуражку.

— Вы интересно читаете и... очень оригинально, про-

изнесла съ кокетливой улыбкой Александра Семеновна, причемъ ея глаза сами собою прищурились и подернулись влагой.

Трепетовъ неловко раскланялся.

— Кромѣ шутокъ. Да и вообще исторія очень интересная наука. Я сама занималась исторіей въ пансіонѣ, но у насъ успѣли пройдти только до третьяго періода.

— Какого третьяго періода?

— Ну, ужь этого не спрашивайте; я, признаюсь, была не изъ прилежныхъ, помню только, что до третьяго періода.

Трепетовъ улыбнулся, но улыбка у него вышла некокетливая.

— Вѣроятно она и не пригодилась вамъ ни разу? рѣшился онъ спросить.

— О, конечно. У насъ здѣсь свои исторіи...

Николай Васильичъ хотѣлъ было что-то сказать на это, но благоразумно сдержался и выказалъ желаніе уйдти.

— А, скажите пожалуйста: вы давно видѣли Ивана Николаича? опять спросила его Александра Семеновна.

— Это Коробова? Вчера видѣлъ.

— Отчего онъ у насъ давно не былъ? Вѣрно сердится на насъ за что нибудь?

— Этого я не знаю. Занятъ онъ, должно быть... До свиданья.

— Кланяйтесь ему отъ меня! крикнула вслѣдъ ему барышня, но Трепетовъ былъ ужъ за дверью.

Она небрежно встала и лѣниво потянулась.

— Что это вамъ за охота, Александра Семеновна, себя

въ просакъ ставить? спросила ее компаньонка. — Къ чему это вы объ исторіи съ нимъ заговорили?

— Потому что хотѣла.

— И очень лестно выказали себя. Мнѣ даже стыдно за васъ было.

— Сдѣлайте милость, не учите меня, знайте себя лучше, рѣзко отвѣтила барышня и быстро вышла изъ комнаты. — Надоѣли мнѣ эти вѣчныя замѣчанія! проворчала она уже за дверью.

Компаньонка пожала плечами и ядовито улыбнулась.

IV.

Уроки Васи съ этого дня пошли правильно, но проку отъ нихъ было мало. Трепетовъ пробовалъ всѣ извѣстные ему педагогическіе пріемы, чтобы разшевелить и заинтересовать своего ученика—и не могъ. Мальчикъ упорно защищался отъ науки и надувать себя не позволялъ; во все время занятій онъ сидѣлъ, попрежнему, насупившись, развлекался, какъ умѣлъ, и оживалъ только тогда, когда проходилъ урочный часъ и закрывалась передъ нимъ ненавистная книга. Можетъ быть, мальчикъ стѣснялся присутствіемъ при урокахъ компаньонки и сестры и не хотѣлъ при нихъ выйдти изъ своей обычной роли, а можетъ быть ему накрѣпко было внушено свыше, какъ надо держать себя при учителяхъ и онъ механически подчинялся законамъ приличія, — но только его апатія очень огорчала учителя и за-

ставляла его убѣждаться въ безполезности уроковъ. Компаньонка и скромная барышня, Лиза, дѣйствительно постоянно присутствовали при занятіяхъ Васи, но онѣ сидѣли такъ скромно и чинно, что не могли развлекать собою ни ученика, ни учителя. Правда, иной разъ учитель, вглядываясь мимоходомъ въ этихъ барышенъ, старался понять: что именно заставляетъ ихъ неподвижно просиживать въ комнатѣ все время урочнаго часа, но въ выраженіяхъ лицъ ихъ онъ не находилъ отвѣта на свой вопросъ. Лиза, подмѣтивъ его взглядъ, по обыкновенію стыдливо спускала глазки, а Марья Сергѣевна, напротивъ, смотрѣла на него въ упоръ и какъ будто вызывала на состязаніе, вполнѣ готовая помѣряться съ нимъ силами. Она вообще постоянно казалась серьезною, почти сердитою; во всѣхъ манерахъ ея проглядывала та гордая самоувѣренность и рѣшимость при случаѣ постоять за себя, которая внушала къ ней невольное уваженіе и заставляла обходиться съ нею очень осторожно. Трепетовъ не могъ судить объ ея умѣ и степени развитія, потому что при немъ она постоянно молчала, но по многимъ даннымъ онъ ясно видѣлъ, что ея положеніе въ семьѣ Носковыхъ очень незавидно и что оно сильно тяготитъ Марью Сергѣевну.

Болѣе всего интересовалась уроками, повидимому, только одна Александра Семеновна. Всякій разъ, въ концѣ урока, она, шелестя своимъ богатымъ шелковымъ платьемъ, граціозно входила въ комнату Васи, съ нѣгой и истомой опускалась на диванъ и устремляла на учителя такіе внимательные и кокетливо-страстные взгляды, что ему подчасъ

даже неловко дѣлалось. При разставаньи, она всякій разъ заговаривала съ нимъ о чемъ нибудь, вывѣдывала его мнѣнія о разныхъ предметахъ, мило смѣялась надъ своимъ невѣжествомъ по части наукъ, высказывала желанье учиться и развиваться и, прощаясь, очень крѣпко жала ему руку. Все это она дѣлала такъ обаятельно и съ такимъ тонкимъ знаніемъ дѣла, что трудно было устоять противъ нея. Очевидно тутъ шла какая-то непонятная для Трепетова и очень заманчивая игра, жертвою которой выбранъ онъ, Трепетовъ,—и юноша недоумѣвалъ. Сначала, по простотѣ своей, онъ полагалъ, что это такъ и быть должно, что это такъ принято у нихъ, но потомъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, что Александра Семеновна дѣйствительно обращаетъ на него *особенное* вниманіе и старается именно *съ нимъ* сойдтись поближе.

Однажды, по окончаніи урока, когда Трепетовъ собрался уже уходить, Александра Семеновна подошла къ нему съ самой восхитительной улыбкой.

— Послушайте, m-r Трепетовъ, сказазала она, — вы сегодня очень много читали и кажется утомились. Не хотите ли выпить съ нами чашку кофе?

— Я не знаю, право... смѣшался учитель.

— Пустяки, я не пущу. Мнѣ maman велѣла пригласить васъ. Кофе на столѣ, и это васъ не задержитъ долго.

Она ввела его въ гостиную. Тамъ за круглымъ столомъ, уставленнымъ разными закусками, сидѣла сама Анна Петровна. Она привѣтствовала гостя чиннымъ поклономъ и при этомъ съ-искоса взглянула на дочь. Тутъ же за сто-

ломъ сидѣла Марья Сергѣевна съ Лизой и какой-то отставной полковникъ, среднихъ лѣтъ, съ подобострастной, невыразительной физіономіей. Звали этого господина Константинъ Антонычъ Летицкій; онъ уже нѣсколько лѣтъ состоялъ при Носковыхъ въ должности „друга дома“ и считался за непремѣннаго члена семьи, при которомъ даже не считали нужнымъ стѣсняться. Папаши на этотъ разъ дома не было.

— Прошу покорно, садитесь,—тонно пригласила Анна Петровна.

Трепетовъ сѣлъ. Александра Семеновна помѣстилась возлѣ него.

— Мы очень много слышали о васъ отъ вашего друга, Коробова, заговорила опять Анна Петровна,—онъ въ восторгѣ отъ вашего ума и вашихъ знаній. Онъ, кажется, очень любитъ васъ.

— Очень можетъ быть... произнесъ Трепетовъ, испытывая очень непріятное ощущеніе и отъ души ругая Коробова.

— Онъ тоже прекраснѣйшій юноша, у него такая теплая душа, такая деликатность... Мы всѣ очень любимъ его.

— Скажите m-r Трепетовъ, вы нигдѣ не пишете въ журналахъ? перебила свою maman Александра Семеновна.

— Нѣтъ, не пишу-съ.

— И не знакомы ни съ кѣмъ изъ литераторовъ?

— Незнакомъ.

— У насъ бываетъ по четвергамъ Николай Ивановичъ Быковъ. Вы вѣроятно слышали объ немъ?

— Кто это такой Быковъ?

— Онъ пишетъ во многихъ журналахъ, только я не могу вамъ сказать, гдѣ именно; кажется, въ „Разсвѣтѣ,“ или... нѣтъ, совсѣмъ не помню. Онъ очень милый и умный человѣкъ. Мы познакомились съ нимъ на балу въ Собраніи... Вы бываете въ Собраніи?

— Нѣтъ, не бывалъ ни разу.

— Неужели? Не хотите ли когда нибудь поѣхать туда вмѣстѣ съ нами?

— Я вѣдь не танцую.

— Все равно, посмотрите. Тамъ иногда бываетъ очень весело.

Трепетовъ посмотрѣлъ на нее съ-искоса и промолчалъ.

Въ это время вошелъ новый гость, молодой офицеръ, съ длинными русыми бакенами, длиннымъ носомъ и гордымъ взглядомъ. Это былъ тоже постоянный гость Носковыхъ, Платонъ Петровичъ Артемьевъ, ловеласъ и предметъ тайныхъ вздоховъ множества чувствительныхъ барышенъ. Онъ ловко раскланялся съ обществомъ, изящно поцѣловалъ руку у madame Носковой и бросилъ недоумѣвающій взглядъ на Трепетова. Александра Семеновна замѣтила этотъ взглядъ и лукаво улыбнулась.

— М-г Трепетовъ, новый учитель Васи, — произнесла она, рекомендуя Николая Васильевича.

— Очень пріятно-съ, отвѣтилъ Артемьевъ, прилично, но сухо раскланиваясь. — А я принесъ вамъ, Александра Семеновна, новую книгу „Русскаго Вѣстника,“ только что вышла.

— Что тамъ хорошаго?

— Еще не читалъ, но вѣроятно есть что нибудь. Впрочемъ, кажется, вамъ теперь не до чтенія...

— Это почему? спросила дѣвушка, быстро оборачиваясь и бросая на Артемьева строгій взглядъ.

— Да вѣдь вы постоянно заняты нынче... слушаете разныя лекціи...

— Конечно, но я могу и читать... Она опять улыбнулась какой-то загадочной, торжествующей улыбкой и закусила губу. Артемьевъ по своему понялъ смыслъ этой улыбки и сердито посмотрѣлъ на Трепетова.

— А знаете ли, Николай Васильевичъ?.. я хочу ѣздить въ университетъ на лекціи, говорила опять Александра Семеновна, — тамъ, говорятъ, очень много дамъ бываетъ.

— Да, много...

— Позвольте мнѣ имѣть честь сопровождать васъ на эти лекціи, вмѣшался Артемьевъ,—я и самъ очень интересуюсь лекціями. Говорятъ, профессоръ Стасюлевичъ...

— Да развѣ я не могу ѣздить одна? къ чему эта навязчивость! Притомъ я думаю, m-r Трепетовъ будетъ такъ добръ...

— Я нахожу, Саша, что все это лишнее, замѣтила съ неудовольствіемъ мать; — право, тебѣ не зачѣмъ ѣздить въ университетъ.

— Но мнѣ хочется побывать тамъ.

— Это капризы, мой другъ.

— Maman, что это съ вами сегодня?..

Произошло маленькое замѣшательство, и Трепетовъ, пользуясь этимъ, взялся за шапку.

— Какъ! вы ужь уходите?

— Да, мнѣ пора.

— Заходите, пожалуйста, безъ церемоніи. Мы постоянно дома по четвергамъ, и, если у васъ будутъ свободные часы, мы ждемъ васъ.

Трепетовъ раскланялся. При этомъ онъ замѣтилъ, что Артемьевъ посмотрѣлъ на него съ тѣмъ же недоумѣньемъ. Въ странномъ расположеньи духа воротился онъ домой послѣ этого знакомства. Эти замаскированные, изящные люди были для него явленіемъ новымъ, потому что онъ первый разъ въ жизни всталъ съ ними лицомъ къ лицу. Онъ не понималъ ихъ. Это театральное и въ тоже время какъ будто радушное вниманіе, отъ котораго съ непривычки повѣяло на него холодомъ, эти загадочныя улыбки и взгляды, эти странные уроки безъ надежды на успѣхъ, — все это убѣждало Трепетова, что жизнь здѣсь идетъ по какимъ-то другимъ побужденіямъ, непохожимъ на тѣ, какія зналъ онъ. Подчасъ ему даже страшно становилось и являлась рѣшимость бросить уроки и бѣжать безъ оглядки къ прежнимъ, болѣе знакомымъ и понятнымъ людямъ; но его удерживалъ отчасти экономическій расчетъ, отчасти любопытство и желаніе узнать этихъ людей поближе. По правдѣ сказать, особенно его занимала Александра Семеновна.— „Чего хочетъ отъ меня эта красивая барышня? съ какою цѣлью она кокетничаетъ со мною?“ —задумывался онъ не разъ въ тиши своей скромной квартиры, на Петербургской сторонѣ.— „Или просто со скуки пошалить ей захотѣлось, ради разнообразія, потому что очень ужь надоѣли свѣтскіе франты? Да нѣтъ, не на такого на-

пала: не поддамся!“ рѣшалъ онъ, и злился такъ, что готовъ былъ наговорить ей дерзостей. Но иногда его мысли принимали совсѣмъ иной оборотъ: „А можетъ быть она и хорошая дѣвушка; можетъ быть она искренно тяготится этою жизнью и ищетъ выхода изъ нея! Кто знаетъ, что таится въ этихъ вылощенныхъ барышняхъ, подъ ихъ внѣшней мишурой? Можетъ быть, тутъ скрыты такія славныя непочатыя силы, которымъ только нужно указать полный просторъ... Да и имѣю ли я право глумиться надъ дѣвушкой, не разгадавъ настоящихъ ея побужденій?..“ И послѣ такихъ думъ, Трепетовъ опять становился внимательнѣе къ Александрѣ Семеновнѣ и, при разставаньи, тоже крѣпко сжималъ ея руку. Онъ тогда былъ еще въ томъ блаженномъ періодѣ вѣры въ людей, когда каждая ласка принимается за чистую монету и затрогиваетъ лучшія струны натуры и когда въ каждомъ поддакиваніи видится признакъ духовнаго братства и единенія. Только впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, цѣною многихъ огромныхъ потерь и тяжолыхъ разочарованій научился онъ сортировать людей по родамъ и видамъ, и каждому изъ нихъ безошибочно давать соотвѣтственный ярлыкъ. Тогда онъ вполнѣ оцѣнилъ и Носковыхъ. Теперь же Трепетовъ спокойно сближался съ ними и мало по малу узнавалъ ихъ.

Дня черезъ два онъ опять завтракалъ съ ними и опять видѣлъ за столомъ тѣхъ же лицъ, что и въ первый разъ, съ тою разницею, что теперь тутъ же присутствовалъ и самъ папаша. Трепетовъ съ перваго раза замѣтилъ, что папаша игралъ въ своемъ семействѣ самую незначительную роль. Онъ съ достоинствомъ высказывалъ свои мнѣнія и дѣлалъ разныя

замѣчанія; всѣ ихъ молча выслушивали, но никто не придавалъ имъ никакой цѣны. Всѣмъ ходомъ семейной жизни неограниченно заправляла Анна Петровна, и предъ ея распоряженіемъ Семенъ Иванычъ незамѣтно стушовывался, и самъ первый исполнялъ ея волю. Александра Семеновна была попрежнему очень любезна съ Трепетовымъ, преслѣдовала его своими заискивающими взглядами и, въ заключеніе, взяла съ него слово, что онъ будетъ у нихъ непремѣнно въ слѣдующій четвергъ. Трепетовъ обѣщалъ.

V.

Носковы, по обычаю всѣхъ „порядочныхъ" людей, имѣли свой jour-fixe, то-есть, изъ неистощимаго запаса своего свободнаго времени удѣляли нѣсколько часовъ въ недѣлю для общаго свиданія съ своими знакомыми. Въ обыкновенное время jour-fiixe у порядочныхъ людей бываетъ весьма мирнаго характера. Гости сидятъ чинно и вѣжливо, бесѣдуя о разныхъ театральныхъ и бальныхъ новостяхъ; солидные люди играютъ въ карты; барышни, если при нихъ нѣтъ занимательнаго кавалера, молча прогуливаются подъ руку по залѣ. Иногда какая нибудь доморощенная артистка, съ скромностью, приличною полу и возрасту, рѣшится спѣть или съиграть для развлеченья публики какую нибудь идиллію, и публика считаетъ долгомъ громко апплодировать ей, вполнѣ довольная тѣмъ, что оффиціальная тишина можетъ прилично нарушиться. Иногда какой нибудь острякъ-само-

родокъ соберетъ вокругъ себя барышень и разсказываетъ имъ разныя потѣшныя исторіи, пересыпая ихъ каламбурами и остротами собственнаго издѣлья, и барышни дружно хохочутъ, очень довольныя тѣмъ, что сегодня такъ весело. и проч. и проч.

Такъ бываетъ, повторяемъ, въ обыкновенное мирное время, но не такъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда жур-фиксы имѣли видъ какихъ-то общественныхъ сходокъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались самые животрепещущіе вопросы времени. Тогда, напримѣръ, даже какой нибудь Чайкинъ, который до того времени на вечерахъ для потѣхи барышень обыкновенно пѣлъ пѣтухомъ или представлялъ чухонца,—и тотъ съ азартомъ толковалъ о пользѣ гласности и женской эмансипаціи. Или, напримѣръ, какой нибудь Летицкій, не умѣвшій въ обыкновенное время трехъ словъ порядочно связать, тогда осмѣливался толковать о статьяхъ Громеки и о политикѣ,—и ничего, выходило сносно. Теперь, конечно, Чайкинъ опять спокойно поетъ-себѣ пѣтухомъ, а Летицкій по прежнему не можетъ двухъ словъ сказать со смысломъ, но тогда время было совсѣмъ другое.

Свѣтло и ароматно въ изящныхъ комнатахъ Носковыхъ. Матовыя лампы ярко горятъ на столахъ, бросая томный свѣтъ на дорогія картины; на столахъ передъ богатымъ трюмо мерцаютъ свѣчи въ бронзовыхъ канделябрахъ, съ красными розетками; изъ залы доносятся звуки какой-то мелодіи; наряды дамъ пышны и блестящи. За большимъ продолговатымъ столомъ у серебрянаго самовара собралось

почти все общество. Тутъ и Чайкинъ съ вклокоченными волосами и угрожающимъ взглядомъ, и скромный Летицкій, желающій какъ будто спрятаться и не быть замѣтнымъ, и литераторъ Быковъ, старающійся, напротивъ, выставиться и быть замѣтнымъ. Тутъ и полковникъ Алмазовъ, съ огромными усами, напрягающій всѣ усилія, чтобы казаться умнымъ и образованнымъ, и инженеръ Субаровъ, „короткій знакомый Тургенева", какъ онъ себя постоянно рекомендуетъ, и столоначальникъ Силинъ, возстающій противъ бюрократіи и взяточничества. Тутъ же нѣсколько учителей Васи и Трепетовъ, съежившійся и озирающійся изподлобья на гостей,—и много-много всякаго народу. Разговоръ въ полномъ разгарѣ, у всѣхъ самолюбіе настроено на высшей струнѣ, каждый старается изумить другихъ массою свѣдѣній и глубиною соображеній. Барышни молча прислушиваются и поучаются, и только одна Александра Семеновна подчасъ усиливается вставить въ общій говоръ и свою фразу. Хозяйка сама разливаетъ чай, и лицо ея сіяетъ полнѣйшимъ восторгомъ: она рада, что въ ея гостиной собирается такое умное и современное общество. Хозяинъ тоже сидитъ молча, съ застывшей на губахъ улыбкой, и только выжидаетъ случая поддакнуть и согласиться, если на него какой нибудь спорщикъ устремитъ мимоходомъ свой восторженный взглядъ.

— Наполеонъ изумляетъ! Наполеонъ смѣется надъ цѣлой Европой!.. декламируетъ Алмазовъ, вдохновляясь и торжественно обводя глазами присутствующихъ.—Вѣдь согласитесь, господа, что надо имѣть, такъ сказать, геніальный

умъ и кромѣ того геніальную хитрость, чтобы такъ ловко присвоить Савойю и Ниццу. Вѣдь это значитъ одурачить Европу! Это значитъ ставить ни во что постановленія прежнихъ конгресовъ! А Италія-то! Если бы я былъ на мѣстѣ Италіи... то есть, виноватъ, какъ его... все забываю...

— Викторъ-Эммануилъ, подсказалъ Быковъ.

— Нѣтъ, другой... какъ его... министръ знаменитый.

— Кавуръ-съ, вставилъ Чайкинъ.

— Вотъ-вотъ-вотъ. Если бы, говорю, я былъ на мѣстѣ Кавура, я бы непремѣнно первымъ долгомъ своимъ...

— Но позвольте-съ, вы совсѣмъ забываете значеніе Гарибальди, перебиваетъ его тоненькимъ голоскомъ Субаровъ, радуясь, что ему первому пришла въ голову такая счастливая мысль.—Вы Гарибальди позабыли...

— Pardon, я васъ прошу позволить мнѣ договорить мою мысль. Еслибъ я былъ на мѣстѣ Кавура...

— Да, нѣтъ, это невозможно, помилуйте. Кавуръ безъ Гарибальди ничего не значитъ. Послушайте!..

— Честное слово благороднаго человѣка: вы ошибаетесь... Вы, можетъ быть, хотите сказать: Мадзини, — ну, это другое дѣло.

— Я не знаю никакого Мадзини, я только говорю, что Гарибальди...

— Какъ! вы не знаете Мадзини? этого знаменитаго патріота?

— Что-жъ, это еще не велика бѣда, что я не имѣю чести знать вашего патріота. Я только хотѣлъ высказать свое убѣжденіе, что Гарибальди первый началъ борьбу за

свободу Италіи, я... Да послушайте же меня, Павелъ Ѳедорычъ... Такъ ли я говорю, обратился онъ, въ попыхахъ, къ сосѣду Силину, замѣчая, что Алмазовъ его не слушаетъ и продолжаетъ свое.

— Я полагаю, что такъ-съ; особенно, если взять во вниманіе мѣстность и обстоятельства дѣла...

Споръ раздѣлился и пошелъ перекрестнымъ огнемъ. Крикъ поднялся страшный. Европейская политика совершенно ошеломила гостей, вопросы цѣплялись одинъ за другой и спорщики путались безконечно. Пользуясь суматохой, дѣвицы и нѣкоторые гости, непринимавшіе участія въ спорѣ, вышли въ залу. Тамъ на двухъ столахъ уже шла игра. Нѣсколько дамъ сидѣли на диванѣ и подъ шумокъ щупали другъ у друга платья. За ройялемъ сидѣла Марья Сергѣевна и одной рукою наигрывала какой-то романсъ. Трепетовъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, поглядѣлъ какъ играютъ въ карты, поговорилъ о разныхъ пустякахъ съ Александрой Семеновной и потомъ опять заглянулъ въ столовую, гдѣ сидѣли спорящіе. Тамъ разговоръ шелъ уже болѣе тихій, но тоже горячій. Алмазовъ увѣрялъ, что съ Бозіо ни одинъ порядочный актеръ не рѣшится играть, потому что у ней пахнетъ изо рта, а Чайкинъ увѣрялъ, напротивъ, что этого быть не можетъ. Какимъ путемъ ихъ чисто-политическіе споры перешли въ чисто-эстетическіе — этого рѣшить Трепетовъ не могъ. Но онъ все больше и больше убѣждался, что здѣсь всѣ ему чужіе и что онъ не имѣетъ съ ними ничего общаго. Чувствуя приливъ тоски, онъ забрался въ самый уголъ залы, сѣлъ тамъ на мягкую

рѣзную козетку и оттуда нахмурившись наблюдалъ за обществомъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему плавной походкой подошла Александра Семеновна...

— Вотъ вы гдѣ, а я васъ давно ищу, томно произнесла она, усаживаясь съ нимъ.—Вы позволите мнѣ нарушить ваше уединеніе. Здѣсь такъ хорошо, такъ уютно: это мое любимое мѣсто. Я часто здѣсь сижу съ работой...

Трепетовъ отодвинулся и пробормоталъ что-то.

— Я вчера наконецъ въ университетѣ была.

— Вотъ какъ! Кого же вы слушали?

— Костомарова. Онъ очень хорошо читаетъ.

— Вамъ понравилось?

— Да, очень. Я только не понимаю, право, какъ это ваши студенты успѣваютъ записывать лекціи. Это, кажется, очень трудно.

— Привычка...

— Васъ совсѣмъ невидно сегодня, прелестнѣйшая Александра Семеновна, произнесъ, кокетливо перегибаясь и рисуясь, Чайкинъ, вдругъ явившійся передъ ними.—Вы удаляетесь отъ общества, скрываетесь, такъ сказать, въ сторонѣ отъ большаго свѣта, но, конечно, позволите вашему покорнѣйшему слугѣ помѣститься вблизи васъ, если только у васъ нѣтъ секретовъ.

— Берите стулъ и садитесь.

— Ну, что ваши занятія, ваша вышивка? Все еще работаете?

— Сегодня отвезла и получила деньги.

— Право, я не понимаю, что вамъ за охота портить

ваши прелестные пальчики надъ этой скучной работой! Вѣдь вамъ это вредно... право, вредно.

— Я вамъ говорила, кажется, что я хочу имѣть свои деньги, ну, и имѣю.

— А зачѣмъ вамъ деньги?

— Странный вопросъ. Просто, я не хочу стѣснять себя и постоянно чувствовать себя обязанною. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, хоть одѣваться на свои трудовыя деньги. Такъ, кажется, должна поступать каждая современная дѣвушка.

Трепетовъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Вы работаете и продаете вашу работу? спросилъ онъ, вытаращивъ глаза.

— Да, я беру заказы изъ магазиновъ и получаю за это плату. Для васъ это странно? отвѣтила она, смотря на Трепетова съ торжествующей улыбкой.

— Я этого никакъ не ожидалъ...

— Не правда ли, monsieur, я нахожу, что это совсѣмъ нейдетъ къ m-lle Alexandrine? — ей незачѣмъ работать.

— А я нахожу, что это не лишнее, отвѣтилъ Трепетовъ, хмурясь.

— Позвольте съ вами поспорить; я думаю, что всякая усиленная работа вредитъ здоровью Александры Семеновны, ея красотѣ и изяществу...

— Тутъ нѣтъ рѣчи о красотѣ и изяществѣ, а дѣло идетъ о пользѣ, значитъ и толковать нечего.

— Извините, monsieur, но я вовсе не вижу тутъ ни-

какой пользы. По моему, прекрасной и образованной дѣвицѣ неприлично заниматься тѣмъ, чѣмъ можетъ заниматься каждая голодная швея. Ея назначеніе болѣе высокое и изящное.

— То есть, танцовать, пѣть, кокетничать и сорить чужими деньгами? Такъ что ли-съ?

— Вамъ, вѣроятно, это не нравится, но я нахожу, что и въ этихъ занятіяхъ женщины есть особенная прелесть. Сама природа однихъ предназначила къ труду, а другихъ одарила красотою и изяществомъ и, такимъ образомъ, предназначила ихъ для любви и нѣжности, добавилъ онъ патетически, бросая съискоса взглядъ на Александру Семеновну. — Ну, сами представьте, что было бы, если бы всѣ наши женщины стали вдругъ работать и продавать работу?...

— Было бы не дурно. По моему, главное назначеніе женщины, какъ и всякаго человѣка, приносить пользу. Вы смотрите на женщину какъ на красивую игрушку и воображаете, что говорите комплименты Александрѣ Семеновнѣ, а она, я увѣренъ, смѣется надъ вами. Если она рѣшилась работать даже при своемъ обезпеченномъ положеніи, то, значитъ, въ ней пробудилось человѣческое самосознаніе, и она, конечно, устыдится той безсмысленной роли, на которую вы ее предназначаете. На обезпеченіе смотрѣть нечего: положенія иногда мѣняются очень быстро, а работа всегда выручитъ и дастъ кусокъ хлѣба. Женщины наши хотятъ быть независимы, ничего не дѣлая; между тѣмъ, какъ единственный путь къ независимости — это работа. По моему, все спасенье женщины — въ трудѣ, въ умственной или эко-

номической производительности. Конечно, женщины-мотыльки, вѣчно порхающія по паркету, да болтающія красивый вздоръ, никогда не переведутся и будутъ васъ тѣшить и раззорять, но онѣ — неизбѣжное зло. Благоговѣйте же передъ этими женщинами, а я... да, я ихъ презираю, какъ и всякаго, живущаго на чужой счетъ и даромъ заѣдающаго чужой хлѣбъ.

— Ну, это ваше личное мнѣніе, съ которымъ я никакъ не могу согласиться, — отвѣтилъ Чайкинъ, немного отодвигаясь.—Значитъ, вы презираете всѣхъ женщинъ! Вѣдь такихъ, которыя работаютъ, еще очень мало, я разумѣю конечно—въ порядочномъ кругу.

— Ну, нѣтъ-съ, такихъ женщинъ теперь встрѣчается немало. Я презираю только тѣхъ, которыя бездѣльничаютъ на чужой счетъ. Но, къ несчастью, многія изъ такъ называемыхъ образованныхъ женщинъ тратятъ весь свой умъ только на то, чтобы какъ нибудь примазаться къ мужчинѣ и получить право распоряжаться его деньгами. Согласитесь, что такая практика очень унизительна для человѣческаго достоинства.

— Однако, посмотрите: нашъ споръ привлекъ сюда почти все общество, перебилъ его Чайкинъ, видя, что разговоръ ихъ начинаетъ принимать щекотливый и не совсѣмъ приличный для свѣтской гостиной характеръ. Трепетовъ оглядѣлся и дѣйствительно замѣтилъ, что около нихъ уже собрался порядочный кружокъ. Сгоряча онъ говорилъ довольно громко, и неудивительно, что охотники до споровъ обратили на него особенное вниманіе и готовились устроить общій

дебатъ. Трепетову особенно бросилось въ глаза лицо Марьи Сергѣевны. Она смотрѣла на него съ такимъ недоумѣніемъ и даже негодованіемъ, что онъ невольно сконфузился.

— Ну, что-жь вы замолчали, Николай Васильевичъ, продолжайте, вкрадчиво произнесла Александра Семеновна.

— Нѣтъ, это вѣдь очень сложный вопросъ; я ужь лучше послѣ когда нибудь поговорю съ вами объ этомъ, а то еще, пожалуй, кого нибудь нечаянно затронешь, разсердишъ,—отвѣтилъ онъ, бросая мимоходомъ взглядъ на выдающуюся фигуру столоначальника Силина.

— Это вы не на насъ ли намѣкаете? спросилъ Силинъ полушутливо.

— О, нѣтъ, я васъ вовсе не имѣю чести знать.

— А сами все-таки думаете, небось, что человѣкъ онъ, молъ, пожилой, такъ значитъ не нашихъ убѣжденій... Эхъ, вы молодые люди, понапрасну вы насъ обижаете, право... А и мы нынче не хуже васъ мыслимъ... Я, знаете ли что? я напримѣръ ни во что не вѣрю; я даже—въ Бога не вѣрю... Ей Богу-съ!...

Все общество при этихъ словахъ съ недоумѣніемъ переглянулось, и всѣмъ стало неловко. Марья Сергѣевна прыснула со смѣху и отошла въ сторону.

— Да что жь... я правду говорю... бормоталъ растерявшійся чиновникъ, робѣя и обливаясь холоднымъ пòтомъ...

— Я этого вопроса вовсе не касался, сказалъ Трепетовъ, чтобы замять дѣло.—Я говорилъ собственно о женщинахъ и ихъ отношеніи къ обществу.

— То-то... вы вѣдь всегда такъ, я къ тому собственно и говорилъ-съ...

Находчивая хозяйка рѣшилась выручить собесѣдниковъ изъ этого неловкаго положенія. Она медленно и важно подошла къ нимъ.

— Ну, полноте спорить, господа, сказала она.—Потанцуйте лучше для отдыха, наши дѣвицы совсѣмъ соскучились. Саша!..

— Я готова.

— Начинайте же! Лиза, гдѣ ты? Варенька!

Заиграли ритурнель, и обрадованное общество зашевелилось. Трепетовъ собрался уходить. Проходя въ столовую, онъ замѣтилъ у дверей печальную и задумчивую фигуру Артемьева. Платонъ Петровичъ былъ мраченъ и бросалъ на Трепетова недобрые взгляды. „Чего онъ злится на меня?“ подумалъ юноша, но въ эту самую минуту, какъ бы на зло Артемьеву, его остановила Александра Семеновна. Ея лицо пылало; глаза были влажны и млѣли отъ какого-то затаеннаго восторга.

— Николай Васильевичъ, я къ вамъ съ просьбой. Въ будущую пятницу мы ѣдемъ въ Собраніе... позвольте просить васъ быть моимъ кавалеромъ?

— Да что же я тамъ буду дѣлать? Вѣдь я совсѣмъ не умѣю танцовать.

— Ну, посмотрите на публику. Вы вѣдь ни разу не бывали?

— Ни разу.

— Такъ поѣдемте! Ну, дайте мнѣ слово, что поѣдете.

Мнѣ хочется именно съ вами!.. Да ну-же, m-r Трепетовъ... просила она заискивающимъ и кокетливо-нѣжнымъ голосомъ.

— Пожалуй, — неохотно согласился Николай Васильевичъ.

— Смотрите-же, не обманите, а то бѣда вамъ будетъ.

Трепетовъ раскланялся и вышелъ. Александра Семеновна подошла къ Артемьеву, который все время угрюмо слѣдилъ за ихъ разговоромъ.

— Вы сегодня изъ рукъ вонъ несносны, шепнула она ему.—Ну, что носъ-то повѣсили? Право, роль разочарованнаго къ вамъ вовсе не пристала. Хотите танцовать?

— Это зависитъ отъ васъ.

— То есть, со мной хотите, о, какой хитрый!... Ну, пойдемте.

Лицо Артемьева просіяло. Загремѣли звуки вальса, послышалось дружное шарканье и завертѣлись въ воздухѣ дамскіе шлейфы.

А Трепетовъ шагалъ уже далеко.

— Вотъ, значитъ, и на балъ ѣхать надо, заодно ужь всѣ глупости передѣлать... Фу, какъ это все глупо и гадко! думалъ онъ, чувствуя страшную усталость, точно послѣ тяжелой, непосильной работы. Одно только памятное впечатлѣніе осталось у него отъ этого вечера, — загадочный и непріятный для него взглядъ Марьи Сергѣевны, который ему очень хотѣлось бы разъяснить.

Вечеръ кончился, гости разъѣхались, въ комнатахъ стало тихо и пусто. Маски сброшены, люди стали людьми и на досугѣ обдумывали и высказывали свои впечатлѣнія, зная что теперь не наблюдаетъ за ними ни одинъ посторонній глазъ и рисоваться значитъ не зачѣмъ. Воспользуемся же этимъ человѣческимъ настроеніемъ главныхъ лицъ нашей повѣсти, особенно тѣхъ, которымъ долго не пришлось заснуть въ эту ночь (а такихъ оказалось-таки довольно). Вѣроятно, эти лица теперь свободно выскажутъ передъ нами тѣ тайныя побужденія, которыя руководили ими въ теченіи всей этой замаскированной комедіи. Въ тайникахъ своихъ спаленъ и будуаровъ люди всегда сбрасываютъ съ себя свое парадное платье, а вмѣстѣ съ нимъ и ту фальшь, которою они красиво драпировались передъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, мы всѣхъ ихъ можетъ быть увидимъ, такъ сказать, au naturel, въ ихъ настоящемъ видѣ.

Если вы не имѣете полнаго понятія о томъ, что такое *самоуслажденіе*, то совѣтую вамъ заглянуть въ настоящую минуту въ кабинетъ Алмазова. Онъ только что воротился съ вечера и бросился въ кресла, чтобъ наединѣ насладиться воспоминаніями о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ онъ на вечерѣ у Носковыхъ своими умными разговорами. Сегодня онъ очень доволенъ собою, его лицо дышетъ счастьемъ и гордостью, въ глазахъ видна самодовольная сосредоточенность и съ особеннымъ наслажденіемъ покручиваетъ онъ свой длинный усъ. Онъ и имѣетъ полное право наслаждаться со-

бою, потому что это самоуслажденіе достается ему тоже не безъ труда. Вѣдь надо имѣть изумительную изворотливость и ловкость, чтобы прослыть за умнаго человѣка, что называется—*на шермака*, и пріобрѣсть себѣ репутацію честности и образованности, не имѣя за душою ни того, ни другого. У него нѣтъ въ головѣ ничего своего, и все, чѣмъ онъ щеголяетъ въ обществѣ, или подслушано у кого нибудь, или прочитано наканунѣ. Съ какою ловкостью и тонкостью онъ всегда старается сблизиться съ умными и хорошими людьми, чтобы подслушать у нихъ что нибудь умное, чтобы вывѣдать отъ нихъ, какъ надо поступать въ томъ или другомъ случаѣ, какъ думать о такихъ-то предметахъ и личностяхъ, что считать подлостью и что честностью! Подслушаетъ онъ что нибудь у одного авторитета — и кричитъ о томъ всюду, гдѣ представится возможность; узнаетъ что нибудь у другого — и опять кричитъ, выдавая, конечно, все это за свое, самодѣльное. И какъ изворотливо лавируетъ онъ въ разговорахъ о такихъ предметахъ, гдѣ легко можетъ высказаться его невѣжество и пустота! Иной разъ онъ и проврется конечно, и сильно проврется, такъ что на него посмотрятъ подозрительно, но онъ и вывернуться съумѣетъ такъ ловко, что подозрѣніе пропадаетъ само собою. Да, онъ имѣетъ полное право самоуслаждаться.

— А я сегодня говорилъ недурно, произнесъ онъ, самодовольно потягиваясь и припоминая всѣ подробности вечера. И особенно ясно представляется въ его воображеніи тотъ моментъ, когда онъ краснорѣчиво ораторствовалъ о современномъ состояніи Франціи: въ этотъ моментъ была въ

гостинной полная тишина, взоры всѣхъ гостей съ любопытствомъ были устремлены на него, а онъ, воодушевляясь больше и больше, самъ даже чувствовалъ, какое сильное впечатлѣніе могутъ производить его рѣчи. Сладко сжалось его сердце при этомъ воспоминаніи, и онъ отъ души наслаждался имъ. Потомъ онъ сталъ подробно перебирать и перифразировать свою рѣчь, замѣнялъ одно слово другимъ, въ памяти его возставали другія подробности о состояніи Франціи, о которыхъ онъ совсѣмъ забылъ упомянуть; и ему даже стало немножко досадно, что онъ не припомнилъ этого раньше, и что еслибы онъ приготовился и на мѣстѣ вотъ этой фразы сказалъ такую-то,—вышло бы еще эффектнѣе, и, значитъ, впечатлѣніе еще сильнѣе...

— Ну, и это впрочемъ недурно вышло,—успокоилъ онъ себя;—я думаю, Быковъ и то злится, что не онъ былъ первымъ сегодня, хоть онъ и литераторъ. А мы еще посмотримъ. Только вотъ этотъ проклятый Кавуръ немного подгадилъ... совсѣмъ забылъ его; да и имя-то у него такое, что не сразу вспомнишь. Завтра надо будетъ гдѣ нибудь прочитать объ немъ, и въ будущій четвергъ нарочно заговорю о Кавурѣ. Надо будетъ показать, что все это произошло отъ разсѣянности.

Онъ громко, съ наслажденьемъ, зѣвнулъ и позвалъ деньщика снять ему сапоги...

Какъ разъ противоположное расположеніе духа испытывалъ бѣдный столоначальникъ Силинъ, такъ неудачно полиберальничавшій. Весь остатокъ вечера онъ провелъ самъ не свой, не зная куда спрятаться и чувствуя сильное угрызе-

ніе совѣсти. Потомъ онъ незамѣтно вышелъ изъ залы, разсѣянно сѣлъ на извощика и поѣхалъ домой. Всю дорогу его бросало то въ жаръ, то въ холодъ... „Осрамилъ, дуракъ, свою голову!“ шепталъ онъ со злостью и при этомъ такъ ущипнулъ себя, что чуть самъ не вскрикнулъ. Въ самомъ дѣлѣ, столько времени слылъ онъ за умнаго и солиднаго человѣка, умѣлъ и поддакнуть во время и умную фразу сказать, а тутъ вдругъ такъ сразу и въѣхалъ. — „И съ чего это мнѣ вздумалось вдругъ ляпнуть такую чушь, ни къ селу ни къ городу! Да и слово-то какое страшное, Господи!..“ И очень хотѣлось бы ему теперь вернуть назадъ свою фразу, хотѣлось бы, чтобы всѣ слушатели хоть оглохли на эту минуту, да нѣтъ: фраза сказана такъ отчетливо и, вѣроятно, такъ крѣпко засѣла въ головахъ гостей, что не вырвешь ее оттуда. Съ ужасомъ припомнилъ онъ теперь, что всѣ даже переглянулись при этомъ, значитъ поглумились надъ нимъ, а можетъ быть и теперь глумятся. „Пропалъ, чортъ возьми!“ —шепталъ бѣдный, и готовъ былъ разорвать себя со злости... Потомъ на него напалъ паническій страхъ за самое значеніе фразы... Едва только успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ своей квартиры, какъ прямо побѣжалъ въ свою спальню и, сбросивъ съ себя фракъ, упалъ на колѣни передъ образомъ.

— Прости меня, Господи! шепталъ онъ въ страхѣ и торопливо бормоталъ разныя молитвы.

Входитъ жена.

— Ты ужь спать вѣрно собрался: молишься-то?

— Да, спать хочется, отвѣтилъ онъ, неохотно приподнимаясь.

— Даже и со мной не поздоровался. Ну, что весело было?

— Очень весело. Народу было много, и я, знаешь, былъ сегодня въ особенномъ ударѣ... И т. д.

Артемьевъ воротился домой озлобленный до-нельзя. Онъ сердито сбросилъ съ себя мундиръ, выгналъ лакея, пнулъ въ морду приласкавшагося Полкана и бросился на кровать, не раздѣваясь. Затѣмъ онъ началъ вслухъ ругаться и, по правдѣ сказать, ругался очень неприлично. Да и въ самомъ дѣлѣ, тревога у него была немалая.

— Нѣтъ, этому не бывать, заговорилъ онъ рѣшительно,—я этому студенту наконецъ ноги обломаю: пусть не суетъ свое рыло, куда не слѣдуетъ...

Артемьевъ усиленно курилъ папиросу за папиросой и швырялъ окурки куда попало. Пощады ужь не было ни коврамъ, ни паркету.

— И что такое она въ немъ нашла? Ученость-то грошевую, да умѣнье говорить помужицки? Почитаю я побольше книжекъ, такъ я... Или вамъ нужно разнообразіе, одной привязанности вамъ мало!... О, женщины!... Можно ли васъ любить послѣ этого!

Онъ повернулся на бокъ и долго лежалъ, крѣпко сдавивъ рукою глаза.

— Такъ нѣтъ же, я поведу теперь дѣло иначе... рѣ-

шилъ онъ, быстро вскакивая. — Вы не узнаете меня, моя милая! Вы сами теперь будете заискивать у меня, — вотъ что я сдѣлаю. А этого молодца я оборву передъ вами; я докажу ему, что онъ мелко плаваетъ...

Онъ схватилъ первую, попавшуюся подъ руку, книгу „Отечественныхъ Записокъ,“ нарочно выбралъ самую ученую статью и съ злостнымъ разсчетомъ сталъ читать ее. Около часу ломалъ онъ свою голову надъ статьей, но не привыкшая къ такой работѣ голова скоро утомилась, буквы стали мелькать въ глазахъ и книга сама собою такъ громко шлепнулась на полъ, что заставила вздрогнуть самого читателя. Артемьевъ широко раскрылъ глаза, оглядѣлся и опять опрокинулся на подушку. Плохо спалось ему въ эту несчастную ночь.

Сбросивъ съ себя дорогое платье и накинувъ легкій пеньюаръ, Александра Семеновна тихо вошла въ комнату матери и устало прилегла на ея постели. Сама Анна Петровна сидѣла передъ зеркаломъ, среди разныхъ флаконовъ, банокъ и стклянокъ, и какимъ-то ароматнымъ жиромъ намазывала себѣ лицо и костлявыя руки. Нѣсколько минутъ продолжалась тишина.

— Что это я такъ устала сегодня? — зѣвая, проговорила Александра Семеновна.

— Душно было. Сегодня и на улицѣ очень тепло, а мы топили... Скажи, пожалуйста, Alexandrine, я давно хотѣла тебя спросить: нравится тебѣ Трепетовъ?

— А что?

— Я замѣчаю: ты ухаживаешь за нимъ?

— Да, онъ умный человѣкъ и прогрессистъ. Я вполнѣ согласна со всѣми его убѣжденіями.

— Однако, въ немъ много крайностей; онъ свѣтскихъ пріемовъ совсѣмъ почти не знаетъ и даже немного непочтителенъ. Что тебѣ вздумалось приглашать его въ собраніе? Вѣдь онъ не танцуетъ.

— Такъ хочу... У меня свои цѣли.

Молчаніе.

— А вы замѣтили, maman, какъ Артемьевъ-то злится? Я даже боюсь, чтобъ онъ дерзостей кому-нибудь не надѣлалъ.

— Зачѣмъ ты съ нимъ такъ поступаешь? Мнѣ даже жалко его. Право, жалко. Что вы съ нимъ въ ссорѣ, что ли?

— Нѣтъ. Я просто хочу его немножко проучить, немножко помучить. Онъ въ послѣднее время былъ ужь очень заносчивъ, много о себѣ воображалъ.

— А!... Понимаю.

— Но и этотъ будетъ мой. Я уже замѣтила, что онъ смотритъ на меня какъ-то особенно.

— Кто это?

— Ну, этотъ... какъ его... Трепетовъ.

— Однако, ты стала большой кокеткой?

— Да-съ, съ нами не шутите... Однако, maman, я спать пойду. Право, я сегодня что-то очень утомилась.

— Ну, ступай, отдохни. Желаю тебѣ увидѣть *его* во снѣ.

Александра Семеновна прошла въ свою комнату, гдѣ уже спали ея сестра и компакьонка. Тамъ она распустила свои

волосы, сѣла передъ зеркаломъ и долго задумчиво смотрѣла въ него. Спать ей не хотѣлось. На лицѣ ея порой мелькала самодовольная улыбка, порой видѣлась страстная истома, а въ головѣ сами собой пробѣгали заманчивыя мечты, создавались разные планы и предположенья. Долго она просидѣла такъ въ сладкомъ полузабытьи, потомъ осторожно вынула изъ своей секретной коробки нѣсколько писемъ и начала ихъ перечитывать. Должно быть, содержаніе этихъ писемъ было для нея очень интересно, и она видимо наслаждалась ими, какъ чѣмъ-то сладкимъ и запретнымъ. Дѣвушка, конечно, была увѣрена, что теперь ее никто не видитъ и что она въ полномъ уединеніи, а между тѣмъ два черные глаза уже зорко слѣдили за нею. Ея младшая сестра тоже еще не спала и, подъ вліяніемъ какой-то думы или возбужденнаго любопытства, тихо наблюдала за сестрою, едва переводя дыханіе. Лиза до сихъ поръ еще не понимала вполнѣ своей сестры и смотрѣла на нее какъ на лицо постороннее, хотя уже не любила ее скрытною дѣтскою нелюбовью. Ея дѣтская натура еще не умѣла переносить спокойно ту постоянную фальшь, которую она видѣла кругомъ себя. Вѣчно замкнутая, молчаливая, она тяготилась жизнью семьи и тосковала, хотя и не знала, въ чемъ заключается причина ея тоски и чего именно ей недостаетъ. Ей теперь не спалось потому, что она чувствовала жгучіе приливы этой безпричинной тоски и не знала, какъ избавиться отъ нея. И вотъ она стала, отъ нечего дѣлать, наблюдать за сестрою и — развлеклась немного.

Въ сосѣдней комнатѣ пробило три часа. Гдѣ-то зазво-

нили къ заутрени. Александра Семеновна лѣниво потянулась и пошла къ своей постели. Свѣтъ лампы въ эту минуту нечаянно упалъ на лицо Лизы, и Александра Семеновна невольно отшатнулась.

— Ты еще не спишь, Лиза? спросила она нервно, чувствуя невольный испугъ при этой неожиданности.

Лиза торопливо закрыла глаза, но замѣтивъ, что уже поздно, взглянула на сестру прямо.

— Не спится мнѣ сегодня; кажется, здѣсь очень душно... отвѣчала она, ёжась подъ одѣяломъ.

— Какъ ты меня испугала! замѣтила вскользь, старшая сестра, понемногу оправлялась отъ волненія.

— Вотъ что, Саша, я хотѣла тебя попросить, робко произнесла Лиза, — если ты завтра поѣдешь въ университетъ, возьми меня, пожалуйста, съ собою!

— Что за глупости, душа моя, что это ты выдумала?.. Да я, кажется, завтра и не поѣду. Мое поплиновое платье еще не готово, а въ этомъ второй разъ неприлично являться: тамъ все такія модницы.

— Не лучше ли вамъ завтра въ балетъ ѣхать, тамъ приличнѣе, неожиданно заговорила Марья Сергѣевна.—Кстати же Платонъ Петровичъ обѣщался вашей мамашѣ и ложу достать.

— Что это—колкость, или насмѣшка? строго спросила ее Александра Семеновна.

— Совсѣмъ не колкость и не насмѣшка. Я просто говорю, что вамъ приличнѣе быть въ балетѣ, чѣмъ въ уни-

верситетѣ. Балетъ вѣдь будетъ вечеромъ, а къ тому времени и ваше „трудовое“ платье будетъ готово.

— Замолчите, пожалуйста, я васъ прошу. Слышите!

— Хорошо-съ.

— Была спокойна, такъ надо разсердить и разстроить, проворчала вполголоса обиженная барышня, сердито срывая съ груди попавшуюся подъ руку тесемку.

Она загасила лампу. Стало темно и тихо. Но всѣ трое долго не спали подъ вліяніемъ разнородныхъ ощущеній. Лизѣ опять сдѣлалось скучно, даже скучнѣе, чѣмъ прежде. Уже долго спустя, она приподняла голову, осторожно прислушалась, потомъ закрылась подушкой и тихо заплакала. И опять она не знала, откуда взялась эта тоска и почему у ней такъ легко льются слезы. Это часто бываютъ у скрытныхъ и нервныхъ людей, по капризу судьбы не попавшихъ въ колею свою.

VI.

Прошло два дня. На Петербургской сторонѣ, въ небольшой комнаткѣ, которую нанималъ Трепетовъ у титулярнаго совѣтника, Хрулева, было свѣтло и уютно. На столѣ, между разбросанными книгами и тетрадями, горѣла дешовая лампа съ бумажнымъ колпакомъ; тутъ же въ сторонкѣ; помѣщался давно нечищенный самоваръ, стояли неуклюжіе, пузырчатые стаканы, а на тарелкѣ лежали нарѣзанные ломти ситнаго хлѣба. Трепетовъ съ своимъ закадышнымъ пріятелемъ, Ко-

робовымъ, пили чай и вели оживленную бесѣду. Пріятели давно уже не видались, и потому новостей у нихъ накопилось много. Только странно: они оба сегодня чувствовали, что въ ихъ разговорахъ нѣтъ прежней искренности и задушевности, что въ самомъ тонѣ разговоровъ звучитъ порой какая-то фальшивая нотка, слышится что-то недоговоренное, чего обоимъ не хотѣлось бы касаться... Заговорили между прочимъ и о Носковыхъ.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ Трепетовъ, нѣсколько понизивъ голосъ,—отчего ты ныньче не бываешь у нихъ?

— Я ихъ не люблю, глухо отвѣтилъ Коробовъ.

— За что не любишь?..

— Да такъ... Тоска тамъ смертная... А ты у нихъ, кажется, своимъ человѣкомъ сталъ? Въ свѣтъ, такъ сказать, вступилъ?

— Какже! Я нынче зовсѣмъ свѣтскимъ кавалеромъ сдѣлался, сказалъ Трепетовъ, стараясь придать своимъ словамъ шутливый тонъ.—Вотъ на будущей недѣлѣ даже на балъ съ ними поѣду въ Собраніе. Нѣтъ ли, кстати, у тебя фрака?

— Ты? На балъ? Да ты шутишь, что-ли? Коробовъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на пріятеля.

— Нѣтъ, не шучу. Отчего жь не поѣхать? Я тамъ ни разу не бывалъ. Надо поглядѣть.

— Ну, дай тебѣ Боже!

— Зато уроки мои идутъ плохо до-нельзя. Ничего не могу сдѣлать съ мальчишкой. Даже совѣстно.

— Тебѣ-то что! Деньги вѣдь платятъ?

— За пять уроковъ отдали, за восемь остается.

— Коли будутъ платить—учи. Ты думаешь, они и вправду хотятъ выучить мальчика? Имъ только для виду надо, чтобы онъ учился, ну, ты и учи. Намъ съ тобой деньги нужны.

— Плохая, братъ, теорія. Нѣтъ, я вотъ посмотрю еще немного, и если не будетъ никакого толку—брошу.

— Какъ знаешь. Коробовъ вздохнулъ. — Берегись, братъ, Трепетовъ, произнесъ онъ тихо, не глядя на товарища.

— А что?

— Да такъ, беречься надо, а то какъ разъ втянешься... Ты и то ужь замѣтно перемѣнился, не тотъ сталъ... А это, братъ, плохо...

У Трепетова занялся духъ и кровь бросилась въ лицо.

— Да говори же прямѣе, что ты такое замѣтилъ? спросилъ онъ нетерпѣливо...

Въ это время дверь изъ хозяйской половины пріотворилась и изъ нея высунулась лысая голова хозяина.

— Николай Васильичъ, васъ какая-то барышня спрашиваетъ, сказалъ онъ вкрадчивымъ шопотомъ.

— Меня? Какая барышня?

— Я не знаю-съ. Говоритъ, васъ видѣть надо. —Хозяинъ лукаво ухмыльнулся и подмигнулъ.

Пріятели переглянулись. Коробовъ опять посмотрѣлъ на товарища съ недоумѣніемъ.

— Просите ее сюда, что ли, торопливо произнесъ растерявшійся юноша, хватая со стола самоваръ и прочія украшенія.

— Я братъ уйду, чтобъ не мѣшать вамъ, сказалъ Коробовъ, вставая.

— Погоди. Я, ей-Богу, не могу понять, кто эт о...

Между тѣмъ, барышня показалась въ дверяхъ, и пріятели съ удивленіемъ узнали въ ней Марью Сергѣевну, компаньонку Носковыхъ.

— Извините, что я васъ безпокою, произнесла она сухо и сдержанно. — Мнѣ надо съ вами поговорить... А, и вы здѣсь, господинъ Коробовъ?

— Здѣсь, но я сейчасъ могу уйдти.

— Зачѣмъ же! Я не секретничать пришла. Вѣроятно и Николай Васильевичъ не имѣетъ отъ васъ секретовъ... Можно мнѣ присѣсть?

— Садитесь, пожалуйста.

Всѣ сѣли около стола. Коробовъ помѣстился поодаль и съ любопытствомъ ждалъ, что будетъ. Марья Сергѣевна чувствовала маленькое замѣшательство и дышала тяжело. Ея лицо было мрачно и озабоченно.

— Вотъ что, Николай Васильевичъ, начала она послѣ непродолжительнаго молчанія, — мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами откровенно. Въ прошлый четвергъ вы такъ краснорѣчиво говорили о женскомъ трудѣ, что я сочла долгомъ придти къ вамъ и кое о чѣмъ спросить по этому поводу. Я считаю васъ человѣкомъ умнымъ и честнымъ... Скажите же мнѣ по совѣсти: съ какою цѣлью вы все это говорили? Что вы: порисоваться просто хотѣли передъ Александрой Семеновной, или въ самомъ дѣлѣ ничего не знаете о томъ, что такое у насъ женскій трудъ?

Трепетовъ почувствовалъ, что его въ жаръ бросило.

— Извините, я васъ не совсѣмъ понимаю, пробормоталъ онъ.

— Да вы не деликатничайте пожалуйста со мною; будемте говорить попросту, по человѣчески. Я вижу, что выражаюсь очень рѣзко, да вѣдь, право, досадно и обидно бываетъ слышать подобныя мнѣнія отъ людей, которыхъ считаешь умными. Вы сказали, что презираете тѣхъ женщинъ, которыя ничего не дѣлаютъ; ну, а что вы скажете о тѣхъ, которыя бьются, какъ рыба объ ледъ, чтобы найдти хоть какую нибудь работу — и не находятъ? Что должны дѣлать эти женщины, куда имъ дѣваться, гдѣ для нихъ работа? Я два года, какъ сумасшедшая, бѣгала по всему городу, отыскивая работу, перебывала у всѣхъ гуманныхъ и негуманныхъ людей, просила, требовала, унижалась — и нигдѣ ничего мнѣ не дали... Ну, что вы на это скажете, господинъ Трепетовъ? Ну, убѣждайте меня, доказывайте!..

— Чего же васъ убѣждать, если вы ужь совсѣмъ отчаялись и опустили руки, отвѣтилъ Трепетовъ, хмурясь.— Только странно изъ-за личныхъ неудачъ глумиться надъ принципомъ... Вѣдь у васъ, кажется, есть работа, вамъ платятъ?

— Нѣтъ-съ, я живу на хлѣбахъ, живу изъ милости, а вы понимаете, что это значитъ. Еслибъ я имѣла возможность хоть чулки кому нибудь штопать за гривенникъ въ день, повѣрьте—я ни одной минуты не осталась бы у Носковыхъ. Эти милости мнѣ обходятся дорого.

— Ну, а какже Александра-то Семеновна достаетъ себѣ работу?

— О, ей доставать легко; она вѣдь за работой въ своей каретѣ ѣздитъ, отвѣтила компаньонка съ злою ироніей.— Знаете ли вы, что дѣлаетъ эта Александра Семеновна, и что вы поощряете въ ней своими фразами? Она берется работать за безцѣнокъ, проситъ рубль, за что прежде платили пять, — ну, ей и даютъ. Ей вѣдь это все равно, потому что она работаетъ изъ моды, а не по нуждѣ. Подобныя барыни только сбиваютъ цѣну съ работы и отбиваютъ хлѣбъ у настоящихъ труженицъ. Вотъ что-съ. Конечно, и я могла бы работать на гостинный дворъ, но тамъ надо оставить залогу рублей десять, а такія деньги у меня не водятся.

Пріятели, молча, переглянулись. Трепетовъ кусалъ губы и хмурился.

— Послушайте, Марья Сергѣевна, вмѣшался Коробовъ, — у васъ, сколько я помню, есть родня въ Р—ской губерніи, даже, кажется, была земля своя. Зачѣмъ же вы уѣхали оттуда?

— Да вѣдь вы, кажется, знаете, что мой отецъ разстроилъ все наше имѣніе, и мать моя умерла потомъ чуть не съ голода. Спасибо, хоть сто рублей она припрятала для меня; а то бы хоть въ воду броситься. Я впрочемъ тогда еще была большая мечтательница и легко смотрѣла на мое горе: я воображала себя какой то героиней, строила разные планы, тѣшилась воздушными замками... Въ то время въ провинціи ходили самые заманчивые толки о Петербургѣ, и я такъ сильно рвалась сюда, что если бы даже у меня вовсе денегъ не было, я бы пѣшкомъ пришла въ

Петербургъ, лишь бы поглядѣть на хорошихъ людей и поискать себѣ независимости и труда. Ну, вотъ и добралась наконецъ до Петербурга—оборванная, безъ копѣйки денегъ, но за то бодрая и съ горячей вѣрой въ вашъ хваленый прогрессъ; силъ тогда у меня еще было много, храбрости тоже, совсѣмъ не такая была, какъ теперь... Ну-съ, сначала пошла я прямо въ редакцію одного журнала просить работы,—говорятъ: „свои есть“; это меня нѣсколько опечалило, но я не упала духомъ и пошла по другимъ редакціямъ; вездѣ однако говорятъ, что „журналъ не богадѣльня“ и что желающихъ работать такъ много, что нѣтъ возможности всѣхъ удовлетворить. Въ одной редакціи познакомилась я съ какимъ-то юношей, и тотъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ извѣстному книгопродавцу, а книгопродавецъ далъ мнѣ книгу перевесть съ нѣмецкаго. Два мѣсяца просидѣла я надъ переводомъ этой книги; а когда кончила, у меня его не взяли, и сказали, что другой есть, болѣе лучшій. Потомъ перевела я другую книгу, тоже по заказу; а какъ принесла—купецъ мнѣ за нее заплатилъ всего третью часть условленной платы, хотя купецъ былъ, повидимому, очень либеральный. Сунулась я потомъ въ одну женскую рабочую артель—говорятъ: два мѣсяца надо работать безплатно, да и потомъ придется заработывать всего по восьми копѣекъ въ сутки. Пошла въ другую артель: нѣтъ вакансій и голодныхъ кандидатокъ такая бездна, что, пожалуй, три года придется ждать вакансіи. Въ магазинахъ безъ залога работы не даютъ. Гувернанткой не берутъ, потому что музыки не знаю, да и костюмъ имѣю не совсѣмъ

нарядный... Теперь я все это разсказываю спокойно, но тогда каждая неудача дѣйствовала на меня такъ страшно, что я волосы рвала на себѣ, плакала и злилась, какъ сумасшедшая. Сама не знаю, какъ я пережила эти два года, чѣмъ питалась, какъ не замерзла въ морозы въ своемъ лѣтнемъ старомъ бурнусишкѣ. Всего заработывала я рубля четыре въ мѣсяцъ, уроками въ какомъ-то нищенскомъ пансіонѣ; тутъ и жила въ небольшой коморкѣ, около кухни, тутъ же и питалась чѣмъ попало. А сколько было слезъ-то пролито въ этой коморкѣ, какіе были ужасные моменты отчаянія! Но все-таки я и тогда еще старалась не упадать духомъ, все еще высматривала кругомъ: нѣтъ ли гдѣ лучшаго мѣста, и тѣшила себя разными надеждами. Потомъ я захворала: какая-то барыня втерлась въ это время въ милость къ хозяйкѣ пансіона, насплетничала ей на меня и, въ концѣ концовъ предложила свои услуги за болѣе дешевую цѣну. Хозяйка, конечно, согласилась, и мнѣ отказали отъ мѣста. Вмѣстѣ съ этимъ у меня оборвались послѣдніе шансы къ жизни, и я дошла до крайняго отчаянія. И теперь даже, какъ вспомню про это время, мнѣ страшно становится за себя и я не могу понять, какъ уцѣлѣла я тогда, какъ не погибла. Нѣсколько дней шаталась я по городу, да по своимъ нищимъ знакомымъ: вездѣ сами жмутся и дорожатъ своей работой,—до меня ли имъ было? Тогда только, скрѣпя сердце, рѣшилась я обратиться къ своимъ милымъ родственникамъ, Носковымъ. Я два года избѣгала ихъ, потому что они въ первое свиданье обошлись со мною очень холодно и оскорбили мое самолюбіе, а самолюбія у меня было слиш-

комъ много. Теперь нужда застэвилм меня смириться; я разсказала имъ свое печальное положеніе и просила изъ милости дать мнѣ денегъ взаймы или хоть пріютить меня... Носковы между тѣмъ, на мое счастье, успѣли уже сдѣлаться гуманными и современными людьми, и потому предложили мнѣ поселиться у нихъ и ѣсть ихъ кушанья, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я была безотлучной нянькой Лизы. Ну, съ тѣхъ поръ и прозябаю у нихъ; сдѣлалась скромной и приличной барышней, меня кормятъ и поятъ, а мѣсяцъ тому назадъ даже платье поношенное подарили — и я взяла. Но... поймите же, господа, какъ тяжело жить съ людьми, которыхъ ненавидишь всѣми силами души, и даже чувствовать себя обязанною этимъ людямъ. А они съ какимъ-то съ наслажденіемъ язвятъ и мучатъ меня на каждомъ шагу и тонко попрекаютъ каждымъ кускомъ хлѣба. Я чувствую, что наконецъ не выдержу и когда нибудь оборву все сразу. Знаю, что это скверно и нерасчетливо, — но что же дѣлать, если я до сихъ поръ не могу вытравить изъ себя свое проклятое самолюбіе, и силъ наконецъ у меня не хватаетъ!.. А вы тутъ еще дразните своими фразами!...

Марья Сергѣевна склонилась головою на руку, по лицу ея мелькали судорожныя движенія; казалось, она готова была закричать отъ злости и отчаянья!..

— Николай Васильевичъ, я пришла у васъ работы просить, — тихо сказала она, поднявъ голову. — Посовѣтуйте мнѣ что нибудь!.. Иначе, право, приходится дѣлать самые безотрадные выводы и сомнѣваться во всемъ, что нынче пишутъ и толкуютъ...

— Послушайте, Марья Сергѣевна, отрывисто загововорилъ Трепетовъ, вмѣсто того, чтобъ дѣлать разные безотрадные выводы, не лучше ли прямо сознаться, что вы, не спросясь броду, сунулись въ воду, а потому и потерпѣли неудачу.

— Какъ-такъ?

— Да такъ-съ. Если бы вы раньше имѣли хоть какое нибудь понятіе объ условіяхъ петербургской жизни, вы бы поѣхали сюда не съ однѣми розовыми мечтами, а запаслись чѣмъ нибудь болѣе прочнымъ. Тогда бы васъ не застала врасплохъ наша дѣйствительность; вы знали бы, на что можно разсчитывать и на что нельзя, и приготовились бы къ борьбѣ заранѣе. Я самъ былъ въ такомъ же положеніи, какъ и вы, но я скоро понялъ въ чемъ дѣло, и сдѣлалъ другіе выводы, непохожіе не ваши. Пусти-ка насъ съ вами въ Америку; страна, какъ извѣстно, цивилизованная, а между тѣмъ, мы съ вами тамъ навѣрное съ голоду помремъ, потому что не знаемъ экономическихъ условій и быта страны. Но странно было бы изъ-за этого глумиться надъ ея цивилизаціей. Это все равно, что бранить желѣзныя дороги за то только, что на нихъ бываютъ несчастія, при которыхъ нѣсколько человѣкъ погибаютъ. Нѣсколько человѣкъ дѣйствительно погибнутъ, но за то милліоны проѣдутъ и ругать дорогу не станутъ. Зачѣмъ же мѣшать другимъ ѣздить по той дорогѣ, которая вамъ не далась, тѣмъ болѣе, что эта дорога только что прокладывается, и, значитъ, трудности на ней неизбѣжны. Только всякій, по моему, долженъ предвидѣть эти трудности, и знать, противъ

чего бороться. Я знаю, напримѣръ, женщинъ, которыя въ этомъ отношеніи поступали болѣе обдуманно, чѣмъ вы и я; онѣ исподоволь пріучались къ труду, изучали спеціально какое нибудь ремесло, даже заблаговременно пріискивали себѣ мѣста. Нѣкоторыя изъ нихъ даже и въ редакціи не ходили за переводами, а просто занимались чорной работой, для того только, чтобы обезпечить себѣ нѣсколько свободныхъ часовъ въ день, и въ эти свободные часы заниматься, чѣмъ вздумается.

— Ну, а если и такой работы не найдется?

— Тогда выжидайте, устроивайте и придумывайте что нибудь новое, изучайте новыя ремесла и знанія, болѣе выгодныя и вѣрныя.

— Все это говорить легко, но дѣлать не совсѣмъ удобно. Ну, какъ я стану теперь учиться, положимъ, башмаки шить? Что скажутъ господа Носковы? Они прямо выгонютъ меня?

— Ну, теперь пока хоть продайте подаренное вамъ платье и внесите залогъ въ какой нибудь магазинъ. Выходъ, значитъ, все-таки есть. Я опять знаю женщинъ, которыя, работая на магазины, заработываютъ по рублю въ день.

Марья Сергѣевна думала.

— Вотъ что, Марья Сергѣевна, заговорилъ, минуту спустя, Коробовъ,—я съ своей стороны хочу вамъ сдѣлать маленькое предложеніе: можете вы учить въ сельскихъ школахъ?

— Могу. А что?

— У моего отца въ имѣніи открывается женская школа. Хотите ѣхать учительницей?

— Что же, это я васъ разжалобила? растрогала?

— Нѣтъ, просто, мѣсто свободное есть, такъ мнѣ и вздумалось вамъ его предложить. Хочу посмотрѣть, что изъ васъ выйдетъ на этомъ пути. Только я васъ долженъ предупредить, что тутъ нужны кое-какія знанія и, главное, любовь къ дѣлу. Вы, какъ я вижу, за всякую работу брались, но тутъ, вѣдь, дѣло серьезное.

— Я на все готова, Иванъ Николаевичъ, отвѣтила компаніонка, вздохнувъ.

— Только я вамъ дамъ отвѣтъ не раньше какъ дней черезъ пять. Надо кое съ кѣмъ повидаться, разузнать.

— Какъ же вы меня увѣдомите объ этомъ?

— Я передамъ Трепетову, а онъ вамъ сообщитъ.

— Но какъ бы это сдѣлать?... Мнѣ съ г. Трепетовымъ не придется разговаривать у Носковыхъ, да это и неудобно. Да вы, Николай Васильевичъ, поѣдете въ собраніе въ будущую пятницу? Вы, кажется, приглашены?

— Не знаю, право, ѣхать ли?

— Поѣзжайте, и я тамъ буду съ Лизой, и переговоримъ обо всемъ... Кстати, мнѣ еще о многомъ нужно съ вами поговорить.

Трепетовъ обѣщалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Марья Сергѣевна удалилась, взявъ съ студентовъ обѣщаніе, что они никому не проболтаются о ея посѣщеніи.

— Ну, что? спросилъ Коробовъ, когда они опять остались одни.

— Да ничего, отвѣтилъ Трепетовъ жолчно.—Меня подобныя барыни больше злятъ, чѣмъ жалобятъ.

VII.

Жутко было Трепетову въ тотъ день, когда онъ собирался на балъ,—на первый и послѣдній балъ своей жизни. Кажется, что тутъ особенно страшнаго — поглядѣть на приличныя забавы приличныхъ людей?—но Трепетовъ струсилъ не на шутку; онъ съ большей радостью поглядѣлъ бы на эти забавы откуда-нибудь издали, въ незамѣтную щелку, лишь бы не быть самому участникомъ ихъ и не обратить на себя общаго вниманія угловатостью своихъ увиженій и неумѣлостью своего бурсацкаго обхожденія. Съ самаго утра онъ былъ въ хлопотахъ и чувствовалъ тревогу. Когда смерклось, онъ заперъ дверь своей комнаты на замокъ, опустилъ сторы, зажегъ свѣчу и торопливо сталъ одѣваться въ бальный костюмъ, взятый гдѣ-то на прокатъ. Ему было и смѣшно, и какъ будто стыдно самаго себя, точно онъ совершалъ какое-то нечистое дѣло, которое для всѣхъ должно остаться глубокою тайною. И какъ онъ искренно желалъ, чтобы въ эти щекотливыя минуты не вошелъ къ нему кто-нибудь изъ товарищей и не засталъ его въ расплохъ, на самомъ мѣстѣ преступленія!

Къ девяти часамъ онъ потихоньку вышелъ изъ дому и, крадучись по разнымъ закоулкамъ, добрался наконецъ до дома Носковыхъ. Тамъ, въ гостиной, онъ усѣлся въ самый

уголъ и ждалъ что будетъ. Скоро къ нему вышелъ самъ его превосходительство Семенъ Ивановичъ.

— И вы тоже ѣдете? спросилъ онъ, не безъ удивленія осматривая гостя.

— Ѣду-съ... Александра Семеновна очень просила... Ну, и самому посмотрѣть хочется, ни разу не бывалъ... не своимъ голосомъ заговорилъ Трепетовъ, точно признавался въ какомъ нубудь тайномъ грѣхѣ.

— Дамы все еще не готовы; вамъ придется немного подождать.

— Ничего-съ, я подожду, — отвѣтилъ франтъ и самъ увидѣлъ въ своихъ словахъ что-то лакейское, и покраснѣлъ.

Завязался разговоръ отъ нечего дѣлать о разныхъ текущихъ новостяхъ. Опытный глазъ стараго генерала сразу замѣтилъ, что учитель „не въ своемъ видѣ“ и поэтому не въ своей тарелкѣ, и чуть замѣтная улыбка мелькнула на его губахъ; однако онъ ловко замаскировалъ ее, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ разговоръ. Черезъ полчаса вышла Александра Семеновна въ бѣломъ воздушномъ костюмѣ съ открытыми плечами, въ сопровожденіи своей желчной компаньонки. Широко и ласково открылись глаза ея, когда она увидѣла Трепетова.

— Какой вы милый, не обманули меня! — произнесла она, подходя къ нему и протягивая ему руку. — А я, признаюсь, все еще сомнѣвалась въ васъ...

— Помилуйте, я самъ очень радъ... ни разу не бывалъ...

— И прекрасно: будемте веселиться вмѣстѣ... я увѣрена, что вы не раскаетесь въ томъ, что исполнили свое

слово. Ну, ѣдемте. Вы готовы? обратилась она къ компаньонкѣ.

— Давно ужь.

—М-г Трепетовъ, вашу руку; карета давно ждетъ.

Пріѣхали.

Огромныя залы собранія блистали роскошью; громадныя люстры пылали тысячью огней; массы черныхъ фраковъ и газовыхъ платьевъ толпились по заламъ; въ воздухѣ пахло смѣсью разнародныхъ ароматовъ; всѣ улыбаются, у всѣхъ радость написана на лицахъ. Что-то чинно-прекрасное и сладострастно-заманчивое видится въ этихъ разряженныхъ парахъ, въ кокетливыхъ улыбкахъ женщинъ, въ ихъ влажныхъ, замирающихъ взглядахъ. Здѣсь полная жизнь „свѣта", высшее замираніе нервовъ, самое тонкое раздраженіе чувства, хотя и прикрытое внѣшнимъ этикетомъ и поддѣльной холодностью.

— Наконецъ-то я васъ вижу, прелестная Александра Семеновна,—произнесъ притонно-сладкій голосъ, и Трепетовъ увидѣлъ въ дверяхъ изящную фигуру Артемьева.

— Повѣрите-ли? я дежурю у дверей съ восьми часовъ. Честное слово! Первая кадриль моя?

— Да, я танцую съ вами... я, кажется, вамъ обѣщала.

— Я это помнилъ хорошо и съ нетерпѣніемъ ждалъ этой блаженной минуты. А кстати, сейчасъ только и ритурнель дали. Мой визави давно ждетъ... Вы сегодня такъ хороши, такъ хороши, что... и т. д.

Онъ увелъ ее. Ритурнель повторили. Въ залѣ сдѣлалось смятенье. Лица у всѣхъ стали озабоченныя, тревожныя; даже какъ будто самый говоръ затихъ на время,—пред-

стоитъ дѣло великое. Вотъ заиграла музыка и танецъ начался. По палочкѣ капельмейстера, около двухсотъ паръ сразу стали вдругъ выдѣлывать одинаковыя колѣнца, разшаркивались, кружились, сходились и расходились, и Трепетовъ невольно улыбнулся, любуясь на невиданную имъ еще картину. Онъ какъ ошеломленный стоялъ неподвижно у дверей, и глядѣлъ на эту механически-движущуюся, вертящуюся, обнимающуяся и шагающую толпу, и все это въ тактъ, по размѣру, по правилу, съ самодовольными лицами и съ полнымъ сознаніемъ важности дѣла. Въ головѣ его самъ собою мелькнулъ вопросъ такого рода: сколько тысячъ лѣтъ должно было цивилизоваться человѣчество, чтобы выработать себѣ такой чинный видъ наслажденія, и довести его до такого офиціальнаго совершенства? Сколько надо было разныхъ вѣковыхъ событій и переворотовъ, чтобы усадить эту араву музыкантовъ въ линію и заставить ихъ съ серьозными лицами водить смычками и дуть въ трубы, дабы произвести нѣчто такое, что заставляетъ прыгать, кривляться и вертѣться сотни, повидимому самаго солиднаго народа? Это тоже плодъ прогресса, тоже своего рода ассоціаціи, гдѣ главную роль играетъ костюмъ, а не личность, внѣшность, а не человѣкъ. Вотъ выдается заслуженный чиновникъ; офиціальное лицо его теперь потеряло свое обычное бюрократическое выраженіе и осклабляется; онъ забылъ всѣ свои доклады и донесенія и красиво прижимаетъ къ груди раздушенную даму, двигая въ тактъ ногами и картинно изгибаясь,—онъ наслаждается. Вотъ рисуютъ завитыя, раздушенныя и затянутыя въ мундиры фигуры Артемьева, Ле-

тицкаго и Алмазова,—они здѣсь царятъ, это ихъ сфера, тутъ они на своемъ мѣстѣ, и кажутся необходимыми членами этой ассоціаціи. Каждый наровитъ выказать то, чѣмъ онъ можетъ похвастать: иной старается смѣшить, другой заводитъ „умные“ и „задушевные“ разговоры, третій мечтаетъ плѣнить ловкостью и граціей движеній; та строитъ глазки, та выставляетъ плечи, та скалитъ зубы, та выдвигаетъ кончикъ башмака. И какое при этомъ самодовольное выраженіе лицъ, какая увѣренность въ себѣ и значеніи общаго дѣла!.. Трепетовъ долго, какъ вкопанный, смотрѣлъ на эту дивную картину пляшущей публики и улыбался, но улыбался странной улыбкой. Компаньонка, Марья Сергѣевна, все время стояла возлѣ него и не спускала съ него глазъ.

— Ну, что? спросила она, замѣтивъ въ немъ нетерпѣливое движеніе.

— Я уйду,—отвѣтилъ Трепетовъ.

— Зачѣмъ же? Если рѣшились, такъ терпите до конца. Впрочемъ пусть ихъ наслаждаются, а мы пойдемъ въ другую комнату, гдѣ народу поменьше, да потолкуемъ о чемъ нибудь. Кстати, мнѣ нужно съ вами поговорить о многомъ.

— Пожалуй, пойдемте.

Они осторожно прошли черезъ нѣсколько залъ и нашли наконецъ небольшую комнату, гдѣ не было танцующихъ. Тамъ они сѣли на диванъ.

— Ну, что мое мѣсто при школѣ? скоро ли я получу отвѣтъ? спросила Марья Сергѣевна.

— Коробовъ самъ еще ничего не знаетъ, отвѣтилъ Трепетовъ разсѣянно.

— Вѣроятно, такъ и отъѣдетъ? надуетъ?

— Нѣтъ, на него вы можете положиться.

— Посмотримъ. Это будетъ очень оригинально.

Вдали слышались плавные звуки лансье. Сквозь цѣлый рядъ массивныхъ арокъ, Трепетовъ глядѣлъ на волнующуюся толпу танцующихъ и нетерпѣливо отыскивалъ глазоми Александру Семеновну. Вотъ она съ Артемьевымъ. Онъ что-то говоритъ ей съ увлеченьемъ и страстнымъ видомъ, механически исполняя однообразныя фигуры танца. Ея лицо кокетливо потуплено къ низу и на губахъ мелькаетъ торжествующая улыбка. Между ними происходитъ что-то новое, оригинальное, чего Трепетовъ до сихъ и не подозрѣвалъ. Александра Семеновна видимо была не такъ спокойна, какъ всегда, и когда ея кавалеръ, по условіямъ танца, отходилъ къ другой парѣ, она поднимала на него глаза и въ ея взглядѣ ясно выражалось и недоумѣніе, и ревнивая вкрадчивость, и сладкое волненіе. Трепетовъ прочелъ этотъ взглядъ, и по душѣ его прошло какое-то нехорошее, тоскливое чувство.

— Можно перервать ваши наблюденія? спросила его съ подавленной насмѣшкой Марья Сергѣевна, которая все время пристально наблюдала за нимъ.

— Сдѣлайте милость, я буду очень радъ.

— Мнѣ хочется задать вамъ довольно щекотливый вопросъ. Скажите мнѣ откровенно, что вы думаете объ Александрѣ Семеновнѣ?

Трепетовъ быстро взглянулъ на свою собесѣдницу.

— Я ничего о ней не думаю. Я ее такъ мало знаю, — отвѣтилъ онъ уклончиво.

— Однако я замѣтила, что она произвела на васъ хорошее впечатлѣніе... Я буду говорить прямо: неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите этой барышнѣ хоть сколько-нибудь?

— А какое я имѣю право ей не вѣрить?

— Но вѣдь, кажется, не много надо имѣть наблюдательности, чтобы замѣтить, что она только играетъ съ вами въ либеральныя фразы и этимъ развлекается отъ нечего дѣлать? Неужели вы не разгадали ее до сихъ поръ? Это такая пустая и испорченная натура, у которой никогда не можетъ появиться никакого серьознаго увлеченья и ничто не въ состояніи занять ее надолго?...

— Вы, кажется, съ нею не въ ладахъ? иронически вставилъ Трепетовъ.

— Да, и жалѣю тѣхъ, кто надѣется быть съ нею въ ладахъ. Злиться на нее я не могу, потому что она не стоитъ этого; но мнѣ все-таки хочется предостеречь васъ, какъ человѣка, еще незнакомаго съ жизнью подобныхъ людей. Я, слава Богу, теперь хорошо ихъ знаю; я горькимъ опытомъ убѣдилась, что имъ ни въ чемъ вѣрить нельзя, что изъ нихъ никогда и ничего не выйдетъ хорошаго, и ненавижу ихъ такъ же искренно, какъ прежде имъ вѣрила. Они вѣчно только шутятъ и играютъ, имъ все забава и развлеченье. Жизнь ихъ такъ плотно улеглась въ извѣстныя неподвижныя формы, что ни одинъ фактъ изъ внѣшняго міра не мо-

жетъ ихъ серьезно взволновать или тронуть. То есть, они обо всемъ будутъ толковать, повидимому, съ жаромъ и увлеченіемъ, все будутъ пересуживать съ такимъ вниманіемъ, какъ будто отъ этого дѣйствительно зависитъ ихъ жизнь,— а между тѣмъ въ сущности они только развлекаются, тѣшутся, играютъ въ споры, въ мысли и чувства, какъ играютъ въ карты или шахматы. Вотъ они теперь пляшутъ, потомъ будутъ толковать объ ученыхъ матеріяхъ, затѣмъ станутъ чему нибудь сочувствовать, и, повѣрьте, во всемъ этомъ у нихъ выражается только одно узенькое желанье порисоваться другъ передъ другомъ, убить какъ-нибудь ненужное время и порастратить куда-нибудь легко добываемыя деньги. Всѣ интересы остальнаго міра — для нихъ нѣчто внѣшнее, постороннее, созданное какъ-будто для ихъ развлеченія и обсужденія; на всѣ великія событія они смотрятъ какъ на интересный спектакль въ театрѣ, о всѣхъ міровыхъ вопросахъ толкуютъ съ такимъ же жаромъ, какъ и о погодѣ, о преферансѣ, о вкусѣ лимбургскаго сыра и т. д.; поэтому они сразу могутъ сочувствовать сотнѣ самыхъ разнообразныхъ явленій, лишь бы эти явленія кто-нибудь съумѣлъ представить имъ заманчиво и красиво. Да они и сами удивились бы, еслибы кто-нибудь вздумалъ придать серьозное значеніе всѣмъ ихъ разговорамъ, убѣжденіямъ и сочувствіямъ и потребовать отъ нихъ послѣдовательности въ жизни. Каждый изъ нихъ самъ знаетъ, что нынче ужь время такое, что принято всѣмъ интересоваться и все знать, и каждый, помимо все этого, имѣетъ свои практическія занятія, неприкосновенныя, обезпеченныя и застрахованныя отъ всевозмож-

ныхъ перемѣнъ. Одна мода, безконечное разнообразіе забавъ, вѣчная игра въ карты,—а жизнь идетъ сама по себѣ такая пошлая, безсодержательная, безсмысленная...

— Но позвольте, Марья Сергѣевна,—перебилъ ее Трепетовъ, — вы вѣдь заговорили объ Александрѣ Семеновнѣ, къ ней едвали можно примѣнить вашъ отзывъ о Носковыхъ. Она, кажется, дѣвушка очень неглупая; я подмѣтилъ въ ней нѣкоторые хорошіе задатки, и изъ нея можно было бы что-нибудь сдѣлать.

— Что же вы изъ нея сдѣлаете, напримѣръ?.. Ну, будетъ она горячо сочувствовать вамъ, даже сама скажетъ при этомъ нѣсколько подходящихъ фразъ, если подслушаетъ ихъ гдѣ-нибудь; но этимъ она будетъ только кокетничать съ вами, пока не увлечетъ васъ, или пока не замѣтятъ другіе, что она умѣетъ вести разговоры и, значитъ,—дѣвушка современная. Потомъ другой кавалеръ подвернется — съ нимъ по другому, съ третьемъ по третьему; потомъ надоѣстъ ей все это, она прикинется утомленной, разочарованной и тронетъ этимъ кого-нибудь четвертаго. У каждаго она подмѣтитъ его слабую струну; узнаетъ, кто кому больше нравится и чѣмъ кого можно обворожить и взволновать — ну, и обворажаетъ, и сама волнуется. Да развѣ могутъ подобныя барышни что нибудь чувствовать, кромѣ пожатія руки, кромѣ замиранія отъ подмѣченнаго взгляда или нервнаго волненія отъ близости новаго мужчины? Словомъ, тутъ таже игра, и самая пошлая игра! А между тѣмъ эта игра многимъ обходится слишкомъ дорого. Даже на моихъ гладвое погибли отъ ея кокетства: одинъ спился, другой вы-

сохъ въ чахоткѣ, — и оба неглупые люди. Да вотъ и этотъ офицеръ, Артемьевъ, раззорился изъ-за нея въ пухъ, а она цѣлый годъ водитъ его за носъ, безъ всякой жалости, и теперь вотъ нарочно кокетничаетъ съ вами, чтобы потѣшиться его мученьями! Вотъ она какая! Конечно, по дѣламъ вору и мука, пусть ихъ тѣшатся какъ знаютъ, они больше ни на что и неспособны, но вамъ-то здѣсь ужь вовсе не пристало мечтать и строить планы...

Трепетовъ молчалъ.

— Вотъ Лиза — дѣло другое, — продолжала Марья Сергѣевна; — эта дѣвушка особенная, и незнаю въ кого она уродилась, только совсѣмъ не въ Носковыхъ. Она держитъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ людей, дичится ихъ, не любитъ ихъ, и, подчасъ, судитъ о нихъ такъ вѣрно, что это меня удивляетъ, даже пугаетъ. Жаль мнѣ эту дѣвочку. Ее все стараются втянуть въ этотъ омутъ свѣтской жизни, а она упорно недается; вотъ и сегодня сцена была: не захотѣла ѣхать на балъ—и ничего сдѣлать не могли. Постоянно сидитъ въ своей комнатѣ, одна-одинешенька, читаетъ или думаетъ о чемъ-то. Послѣ института всѣ книжки прочла, какія отыскали въ домѣ, и теперь все пристаетъ ко мнѣ, книгъ проситъ. Да я не даю... Я даже нарочно прячу отъ нея хорошія книги.

— Это почему?

— Да потому, что книги дѣйствуютъ на нее очень сильно, онѣ увлекаютъ ее, а это, по моему, плохо. Еслибы она читала книги, какъ всѣ свѣтскія барышни ихъ читаютъ, я бы не мѣшала ей; а то онѣ на самомъ дѣлѣ туманятъ

ей голову и вызываютъ серьезныя думы. Я слишкомъ люблю эту дѣвочку, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы она испытала въ жизни лишнее горе.

Трепетовъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на свою собесѣдницу.

— Вы не понимаете меня? спросила она.

— Я удивляюсь вамъ...

— Что жь тутъ удивительнаго, если я хочу дать ей возможность прожить сытно и безпечно, а можетъ быть даже и счастливо! Послѣ всего того, что мнѣ пришлось испытать, право, надо быть осмотрительнѣе въ выборѣ жизни, и предостерегать другихъ отъ тѣхъ ошибокъ, въ какія, по неопытности, я сама впадала,—а тѣмъ болѣе предостерегать тѣхъ, кого любишь. Ну, скажите пожалуйста, что будетъ съ Лизой, если она ознакомится съ жизнью по нынѣшнимъ книгамъ? Она прочтетъ разныя гуманныя теоріи, узнаетъ по новымъ романамъ, что есть гдѣ-то какіе-то честные люди, что среди этихъ людей процвѣтаетъ и свобода личности, и независимый трудъ, и любовь, и разныя радости; что все имъ удается, и на все они находятъ скорые практическіе отвѣты, — однимъ словомъ, узнаетъ всѣ заманчивые мечты нашихъ сочинителей? Она, конечно, тогда сама начнетъ мечтать о такой жизни и такихъ герояхъ, будетъ требовательна къ людямъ, нынѣшняя обстановка ея жизни покажется ей черезъчуръ гадкою, и зло, котораго до сихъ поръ она; по невѣдѣнью, не считала зломъ, будетъ рѣзать ей глаза и мучить совѣсть. А гдѣ между тѣмъ отыщетъ она этихъ хорошихъ людей, куда спрячется отъ всей этой

грязи, сплетенъ и безумія нашей жизни? Пойдетъ по той же дорогѣ, по какой и я шла? будетъ бѣгать, какъ шальная, искать работы и независимости? — Нѣтъ, врагу не пожелаю!.. Пусть лучше и не понимаетъ иной жизни, пусть пріучится къ танцамъ и разнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ; всѣ „высшія" потребности и думы, конечно, замрутъ сами собой, научится кокетничать, наряжаться, глазки строить офицерамъ, понемногу во вкусъ войдетъ и — право легче ей будетъ! Все лучше, чѣмъ вашъ хваленый трудъ, да мученье скороспѣлой мысли, да тяжелое сознанье того, что должно быть и чего нѣтъ. Мы всѣ хотѣли бы летать, да крылышли наши подрѣзаны, такъ лучше и не мечтать о летаньи, не раздражать себя напрасно! Жизнь коротка, такъ надо извлекать выгоду и удовольствіе изъ того, что есть, а не изъ того, что будетъ...

— Да, что вы шутите, Марья Сергѣевна, или въ самомъ дѣлѣ проповѣдуете такой пошлый эпикуреизмъ? желчно перебилъ ее Трепетовъ и губы его нервно задрожали.

— Я не шучу, Николай Васильевичъ, — спокойно отвѣтила компаньонка.

— Но вѣдь вы сами сейчасъ только обругали Носковыхъ и ихъ жизнь; какъ же вы думаете пріучить къ ней свою Лизу?

— Привыкнетъ: натура человѣческая податлива и гибка.

— А если у ней не такая натура, если у ней не будетъ силъ привыкнуть, что тогда ей дѣлать? какую выгоду извлечетъ она изъ того, что есть, какъ вы говорите? Да и какое вы имѣете право всѣмъ навязывать свою

опытность? Не удалось вамъ — удастся другимъ, вы не съумѣли добиться счастья — добьются другіе; вѣдь не всѣ такъ безсильны какъ вы!

— Ого! вы ужь и ругаться начинаете? — съ усмѣшкой замѣтила Марья Сергѣевна. — Можетъ быть и мѣста теперь не дадите въ школѣ: неужели вы думаете, что я вѣрила обѣщаніямъ вашего друга, хоть на іоту? Ха, ха, ха! смѣшно все это, право! Да поймите же вы, наконецъ, что я сама нисколько не сочувствую этой пошленькой жизни Носковыхъ, мнѣ отвратительно это глупое прозябанье, и если я стараюсь пріучить Лизу къ этой жизни, то потому только, что надо же какъ-нибудь жить, а другаго исхода для нея нѣтъ и не будетъ. Если рыбу запрятали въ грязное и тѣсное болото, ей не будетъ легче, когда она узнаетъ, что другія рыбы плаваютъ въ чистой рѣкѣ, и, какъ она ни бейся, ей въ рѣку не попасть и изъ болота рѣки не сдѣлать. Положеніе безвыходное.

— Вздоръ, выходъ найдется, только вы разъясните Лизѣ, чего именно ей недостаетъ, научите ее осмысленно ненавидѣть это болото.

— Зачѣмъ же? Вѣдь тяжело жить одной ненавистью...

— Зато она укажетъ ей выходъ. Впрочемъ, перестанемте говорить объ этомъ. Я скажу вамъ только одно, что, во всякомъ случаѣ, вы своего не добьетесь; я увѣренъ, что какъ вы ни прячьте книги — недовольная своею жизнью натура возьметъ свое: она, или очертя голову бросится на шею первому встрѣчному кавалеру, лишь бы забыться, и тогда проклянетъ васъ, вмѣстѣ съ другими помѣхами къ

счастью, или, если это натура даровитая, — отыщетъ хорошихъ людей и устроитъ себѣ жизнь по сердцу, тогда она посмѣется надъ вами. Я этому вѣрю, и этого желаю.

— Блаженъ кто вѣруетъ... А впрочемъ—я сама тутъ ничего не понимаю. Голова идетъ кругомъ...

— Такъ для чего же вы толкуете о томъ, чего не знаете?

— Для того, чтобы вы опровергали меня. Это вѣдь хорошій способъ провѣрять себя. Не думайте, впрочемъ, что я такъ и убѣдилась отъ вашихъ словъ... Этого слишкомъ мало, и я еще съ вами поговорю.

— Сколько угодно-съ...

— Вотъ они гдѣ, наконецъ-то мы отыскали васъ, какъ вы далеко запрятались, господа! — прозвучалъ надъ ними голосъ Александры Семеновны, и она подошла къ нимъ пышная и ароматная, съ выраженіемъ нѣги и довольства на лицѣ. За нею гордо выступалъ самодовольный Артемьевъ; онъ побѣднымъ взглядомъ измѣрилъ Трепетова и снисходительно разшаркался. Изъ танцовальнаго зала потянулись разряженныя и утомленныя пары, наполняя разгоряченный воздухъ запахомъ духовъ.

Однако я устала, — томно произнесла Александра Семеновна, тихо отмахиваясь вѣеромъ. — Я васъ давно искала, monsieur Трепетовъ, — продолжала она, лѣниво лорнируя проходящаго адъютанта.

— Зачѣмъ же я вамъ былъ нуженъ? спросилъ Трепетовъ.

Александра Семеновна быстро взглянула на него.

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами...

— О чемъ-съ?

— Спросить ваше мнѣніе о балѣ, о музыкѣ... Да вы сегодня не въ духѣ, и смотрите такимъ букой, что я начинаю васъ бояться.

— Мы кажется, не вовремя пришли, — вмѣшался, картинно изгибаясь, Артемьевъ. — Если-бы я не зналъ Марью Сергѣевну за самую строгую женщину, я бы могъ подумать, что m-r Трепетовъ... ухаживаетъ за ней.

— Оставте ваши шутки, г-нъ Артемьевъ, а то вамъ, право, будетъ не до шутокъ, — строго замѣтила компаньонка.

— Помилуйте, я вовсе не шучу, я знаю, что съ вами шутить нельзя...

— Не ссорьтесь, пожалуста, господа, право, это такъ скучно... съ маленькой гримаской замѣтила Александра Семеновна.

— M-r Артемьевъ, не знаете-ли вы, кто этотъ офицеръ съ усами, вотъ направо, говоритъ съ дамой въ бѣломъ?

— Это, кажется, Гнильскій, изъ главнаго штаба... Хотите, я сейчасъ узнаю, если это вамъ нужно?

— Нѣтъ, я такъ... У него очень выразительные глаза.

Вдали опять послышались звуки ритурнеля. Народъ зашевелился и медленно отправился въ главный залъ.

— Я съ кѣмъ-то танцую... Не помню, кто меня приглашалъ, вставая произнесла Александра Семеновна.

— Но, mademoiselle Alexandrine, вы, вѣдь, дали мнѣ

слово провести эти минуты со мной!—вкрадчиво и съ мольбою прошепталъ Артемьевъ.

— Да, я и забыла, вы мнѣ хотѣли что-то разсказать. Ну, пойдемте; только, право, я боюсь, что слишкомъ избалую васъ, вы опять зазнаетесь.

— Пощадите-же, Александра Семеновна; я теперь весь вашъ, я готовъ...

Александра Семеновна перебила его звонкимъ смѣхомъ и приложила палецъ къ губамъ, въ знакъ молчанія.

— Ну, идемте, мой преданный рыцарь. Такъ и быть, я этотъ кадриль не танцую.

Она игриво взяла Артемьева подъ руку, подѣтски кивнула головою Трепетову и тихо вышла изъ комнаты,

Трепетовъ долго слѣдилъ за ними, пока не потерялъ ихъ изъ виду, онъ молчалъ и только улыбался. Ему хотѣлось захохотать на всю комнату; только этотъ смѣхъ навѣрное вышелъ бы невеселый, нерадостный. Марья Сергѣевна наблюдала за нимъ тоже не безъ улыбки.

— Ну, что, господинъ студентъ, какъ вы себя теперь чувствуете? спросила она язвительно.

— Ничего; чувствую, какъ нельзя лучше.

— Поняли теперь, какую роль вы тутъ играли?

— Я пойду домой.

— Вотъ какъ! бѣжать? А я такъ отъ души рада, что все это разыгралось такъ скоро. Пріятно, знаете, видѣть, когда кому-нибудь по заслугамъ носъ наклеютъ. Вы только пожалуста не обижайтесь на меня: я вѣдь не умѣю

деликатничать. А впрочемъ все равно, думайте, какъ знаете!

Трепетовъ всталъ.

— Напомните-же вашему Коробову объ мѣстѣ; можетъ и смилуется,—чего вѣдь на свѣтѣ не бываетъ!

— Я скажу, напомню... До свиданья...

Онъ сухо раскланялся съ компаньонкой и проворно отправился черезъ рядъ комнатъ, отыскивая выходъ. Но, не зная расположенія клуба, онъ заблудился въ его безчисленныхъ залахъ, и разсѣянно переходилъ изъ комнаты въ комнату, не зная куда дѣться. Зато этотъ случай далъ ему возможность нечаянно увидѣть одну сцену, очень интересную для него. Въ одной изъ небольшихъ и отдаленныхъ отъ свѣтскаго шума комнатъ, въ полутемномъ углу, на канапэ, онъ разглядѣлъ Александру Семеновну и Артемьева. Близко другъ къ другу сидѣли они. Артемьевъ говорилъ о чемъ-то сдержаннымъ полушопотомъ, впиваясь глазами въ свою собесѣдницу; она слушала его съ большимъ вниманіемъ и была видимо взволнована, хотя на губахъ ея порой мелькала та же неопредѣленная, заученая улыбка, какъ и во время перваго кадриля. Кругомъ ихъ не было ни души. Когда Трепетовъ проходилъ мимо ихъ, Александра Семеновна подняла на него глаза и нѣсколько смѣшалась.

— Вы ужь уходите, m-r Трепетовъ? спросила она разсѣянно, стараясь придать своему лицу безпечное и ласковое выраженіе.

— Да, но только я, кажется, заблудился; не знаю, какъ пройдти къ выходу.

— Позвольте мнѣ хоть разъ услужить вамъ: показать вамъ выходъ, — вскричалъ весело Артемьевъ. Я люблю услужить хорошему человѣку... Извините, mademoiselle, я сейчасъ возвращусь...

И онъ дѣйствительно указалъ ему на дверь, и сконфуженный Трепетовъ счелъ нужнымъ поблагодарить его за это.

VIII.

Ночь поздняя. Уткнувшись головою въ подушку, лежитъ Трепетовъ послѣ бала, на своемъ продыравленномъ диванѣ, и думаетъ горькую думу. Въ комнатѣ темно; за перегородкой съ какимъ-то ноющимъ отзвукомъ стучитъ маятникъ старыхъ хозяйскихъ часовъ; слышится издалека чей-то однообразный храпъ; въ закрытыя ставнями окна порывисто дуетъ вѣтеръ и обдаетъ ихъ, какъ дробью, обледенѣвшимъ дождемъ. Спитъ отсырѣвшая, молчаливая Петербургская сторона; не спится только Трепетову: онъ безцѣльно пялитъ глаза въ темнотѣ и самъ хорошенько не можетъ понять, почему ему такъ грустно и обидно. Мучатъ голову тяжелыя думы; какъ кошмаръ болѣзненный мерещатся ему то Марья Сергѣевна, то Лиза; какой-то холодной безотрадностью вѣетъ на него отъ желчной исповѣди компаньонки, и Лизу жаль, и хотѣлось бы помочь имъ и, наконецъ, злость беретъ на все это... Но чаще другихъ представляется ему граціозная фигура Александры Семенов-

ны, ея ласкающій взглядъ и обворожительность полудѣтской, полукокетливой откровенности; она то манитъ его за собою, то умоляетъ его о чемъ-то, то подѣтски смѣется надъ нимъ, — а рядомъ съ нею какъ нарочно вырисовывается надмѣнная и торжествующая улыбка Артемьева, отъ которой у бѣднаго юноши кровь холодѣетъ. Неужели Трепетовъ успѣлъ уже полюбить эту свѣтскую барышню? Нѣтъ, онъ готовъ скорѣе сознаться, что ненавидитъ ее за ея мелочность и мишурность, и между тѣмъ глубоко чувствуетъ, что съ нею сегодня онъ похоронилъ что-то дорогое, потерялъ возможность какихъ-то невыразимо-сладкихъ ощущеній и думъ. Теперь только понялъ онъ, что цѣнилъ въ ней не одну любовь къ свободѣ и правдѣ, но что она нравилась ему сама, какъ заманчивая, чарующая личность, и что она успѣла уже его опутать тѣми незамѣтными сѣтями, изъ которыхъ теперь съ болью приходится вырываться.

— Неопытность глупая, да идеализмъ проклятый!.. думалъ онъ, чувствуя лихорадочную дрожь, и стискивалъ зубы до боли.

— И все-таки она *сила*, и не малая сила, которая, волею судебъ, должна уйдти на пустяки, на свѣтскія мелочи и интриги. А употреби она эту неотразимую силу своего вліянія на другое дѣло, приковывай она къ себѣ людей во имя идеи и высокихъ гуманныхъ цѣлей — о, какой славный кружокъ могла бы она собрать вокругъ себя и какія славныя дѣла могла бы съ нимъ сдѣлать! А теперь дальше кокетства и вѣчныхъ замираній не пойдетъ, и такимъ обра-

зомъ самыя средства и у нэй будутъ цѣлью!.. Эти женщины еще сами не знаютъ въ чемъ ихъ главная сила и что онѣ могли бы сдѣлать, еслибъ только захотѣли и съумѣли.

А чувство обиды попрежнему ныло больнѣе всѣхъ. Жалко было ему своихъ упованій и думъ, потраченныхъ даромъ. Жаль было отказаться отъ нихъ навсегда, и злость на самого себя кипѣла, и все таки — стыдно признаться — хотѣлось бы быть теперь съ нею, на мѣстѣ Артемьева... Такъ прошла вся ночь.

Утромъ, полубольной, съ измученнымъ лицомъ и отяжелѣвшею головою, открылъ онъ глаза свои. Передъ нимъ у стола, сидѣлъ его товарищъ, Коробовъ, и перелистывалъ валявшіяся книги. Трепетовъ хотѣлъ было опять притвориться спящимъ, но товарищъ уже замѣтилъ его пробужденье.

— Ты ныньче, братъ, побарски встаешь, — замѣтилъ онъ серьезно. Скоро ужь 10 часовъ. Пьянъ что ли былъ вчера?

— Не былъ, неохотно отвѣтилъ Трепетовъ.

— А можетъ быть плясалъ гдѣ нибудь? тутъ вотъ у тебя и фракъ валяется и перчатки даже... а на книгахъ-то, гляди, сколько пыли насѣло... Да ужь не женишься ли, другъ?

Тотъ не отвѣтилъ ни слова, и только перевернулся на другой бокъ. Коробовъ пристально поглядѣлъ на товарища и пересѣлъ къ нему на диванъ.

— Да что съ тобою дѣлается? спросилъ онъ опять. Ты вѣдь совсѣмъ боленъ! Лицо зеленое, глаза припухли...

— Отстань ты отъ меня, пожалуйста,—вспыхнулъ Трепетовъ, снова зажмуривая глаза.

— Вотъ какъ вы нынче!..

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Послушай, Николай Васильичъ, — заговорилъ Коробовъ рѣшительно,—надо, наконецъ, поговорить съ тобой на чистоту. Я, конечно, не имѣю никакого права вмѣшиваться въ твои личныя дѣла, но ты самъ знаешь, что если человѣкъ утопаетъ, или вообще гибнетъ, то надо его спасать. Ты человѣкъ хорошій, и, между тѣмъ, можешь пропасть ни за копѣйку... Я никогда не думалъ, что ты такъ скоро можешь подчиниться женскому вліянію. Конечно, если это вліяніе полезно—тутъ и толковать нечего, но если отъ этого вліянія человѣкъ портится, то надо какъ-нибудь навести его на умъ и заставить принять самыя радикальныя мѣры...

— Что это вы всѣ вздумали опекать меня? Вамъ-то какое дѣло до этого? желчно перебилъ его Трепетовъ.

— Эхъ, Николай Васильичъ, мы вѣдь съ тобой были когда-то пріятелями, жили душа въ душу, поэтому ты моими словами обижаться не долженъ. Я, братъ, давно уже замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ ты сошелся съ Носковыми, между нами все какія-то черныя кошки бѣгаютъ. Прежде, бывало, мы говорили обо всемъ откровенно, спорили чуть не по цѣлымъ суткамъ, а теперь придешь — и говорить не о чемъ, приходится придумывать разговоры, хитрить другъ передъ другомъ, лишь бы не показать виду, что прежняя связь между нами обрывается и интересы пе-

рестаютъ быть общими. Я все это вижу, другъ, и все это мнѣ обидно и больно; и товарищи тоже видятъ, и они незнаютъ, что подумать. Такое положеніе становится наконецъ, невыносимо. Да неужели ты и самъ не замѣчаешь, насколько ты измѣнился за это время? Вѣдь и тѣни прежняго въ тебѣ не осталось: съ нами со всѣми разошелся, лекціи бросилъ, въ библіотекѣ не занимаешься, ходишь вѣчно особнякомъ отъ студентовъ, будто боишься ихъ; похудѣлъ, поглупѣлъ, выраженіе лица стало разсѣянное, подобострастное, даже въ глаза прямо глядѣть никому не можешь, точно преступникъ какой! Видишь ли, какъ они на тебя повліяли, и что изъ тебя сдѣлали? И чѣмъ дольше останешься съ ними, тѣмъ будетъ хуже, и сдѣлаютъ они изъ тебя окончательно или лакея или фата. А время между тѣмъ идетъ, подходятъ послѣдніе экзамены, а тамъ, жизнь начнется, потребуются силы для практической работы, а гдѣ же этихъ силъ ты достанешь, если онѣ истратятся на пустяки! — Брось ихъ, Николай Васильевичъ, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Въ ихъ кругу ты не найдешь друзей, — наши друзья не тамъ. Носковы народъ обезпеченный, а мы съ тобой голяки-чернорабочіе; у насъ все разное: и интересы, и мысли, и характеръ жизни, и потому наша жизнь имъ непонятна, какъ и намъ ихъ жизнь. Основы ихъ жизни вѣками сложились, цѣлымъ рядомъ изнѣженныхъ поколѣній выработывались, такъ что изъ нихъ выродился особый родъ людей, съ особенною, такъ называемою благородною, кровью, — и при этихъ условіяхъ мы никогда не поймемъ другъ друга. Наши кровные интересы

они считаютъ пустяками, и мы смѣемся надъ ихъ кровными интересами... Брось ихъ, наша жизнь не съ ними! Вотъ найдемъ гдѣ нибудь другіе уроки, а на лѣто въ деревню вмѣстѣ поѣдемъ, возьмемъ съ собою, пожалуй, и эту сердитую Марью Сергѣевну, и будемъ всѣ трое дружно работать въ школѣ! И здоровемъ мы съ тобой поправимся и силы наши окрѣпнутъ, а работа закипитъ такая, что только держись! Славно будетъ... Поѣдешь со мною, Николай Васильичъ! Отвѣчай же, наконецъ. Чтожъ ты молчишь? Иль спишь все?

Коробовъ нагнулся и заглянулъ товарищу въ лицо. Трепетовъ еще глубже уткнулся въ подушку, однако Коробовъ замѣтилъ, что лицо его было смочено слезами.

— Это что за новости, ты никакъ плачешь?.. Слушай, да чтожь это наконецъ съ тобой дѣлается?..

— Все это глупости, ты на это не смотри, глухо отвѣтилъ Трепетовъ.—Вотъ я сейчасъ встану и все пройдетъ...

И онъ торопливо сбросилъ шинель, замѣнявшую ему одѣяло, и сталъ разсѣянно одѣваться. Руки его дрожали, голова кружилась, онъ тяжело задумался, потомъ склонился головой на руки и зарыдалъ навзрыдъ...

— Николай Васильичъ?

— Ахъ, оставь меня пожалуйста, прошу тебя... Мнѣ надо побыть одному...

Коробовъ нерѣшительно взялъ фуражку, постоялъ нѣсколько минутъ у дверей, и потомъ задумчиво вышелъ изъ комнаты.

Черезъ день Трепетовъ давалъ свой послѣдній урокъ у Носковыхъ. Послѣ урока онъ пожелалъ видѣть самого дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и Семенъ Иванычъ благосклонно принялъ его въ залѣ, одѣтый въ полную парадную форму, съ портфелью подъ мышкой, и очевидно готовый ѣхать куда-то. Николай Васильичъ объяснилъ ему, что, по случаю экзаменовъ въ университетъ, онъ долженъ отказаться отъ уроковъ; Семенъ Иванычъ выслушалъ это съ выраженіемъ крайняго сожалѣнія, но замѣтилъ, что это случилось очень кстати, потому что онъ думаетъ отдать сына своего въ какой-то благородный пансіонъ, который всѣ очень хвалятъ. Затѣмъ, онъ сообщилъ, что торопится по очень важнымъ дѣламъ, выразилъ надежду, что Трепетовъ будетъ по прежнему посѣщать ихъ и т. д.

— Кстати, вамъ еще, кажется, что-то слѣдуетъ получить съ меня? добавилъ онъ, уходя.

— Да, да, десять уроковъ.

— Я на этихъ дняхъ пришлю непремѣнно... Извините, тороплюсь. До пріятнаго свиданья!

Когда генералъ уѣхалъ, Трепетовъ тоже началъ было собираться въ путь, но въ эту минуту въ комнату вошла Александра Семеновна, и онъ не выдержалъ — подошелъ къ ней проститься. Она тоже собиралась ѣхать куда-то и была въ шляпкѣ.

— Какъ! вы хотите оставить насъ? зачѣмъ же это m-r Трепетовъ? спросила она съ обычною кокетливостью, впрочемъ довольно разсѣянно, потому что въ это время

успѣла два раза мелькомъ взглянуть на себя въ зеркало и поправить бантъ у шляпки.

— Занятій много скопилось, надо позаняться...

— Но вы все-таки не забудете нашихъ четверговъ?

— Вѣроятно не забуду.

Александра Семеновна нетерпѣливо посмотрѣла на свои маленькіе золотые часы и сдѣлала гримаску.

— Вы торопитесь куда-то? Я, кажется, задерживаю васъ? спросилъ Трепетовъ, замѣтивъ эту гримаску.

— Нисколько, я ѣду въ концертъ NN. Вы не будете тамъ?

— Нѣтъ, не буду.

— Какъ жаль, право, что вы насъ оставляете! а я еще хотѣла васъ попросить достать мнѣ какихъ нибудь книгъ.

— Какихъ же книгъ? Вамъ, кажется, и безъ того много книгъ доставляетъ вашъ нынѣшній кавалеръ...

— Какой это нынѣшній кавалеръ?

— Г. Артемьевъ — хотѣлъ я сказать...

Александра Семеновна широко раскрыла на Трепетова глаза свои, видѣла, какъ онъ покраснѣлъ и смѣшался, и чуть замѣтно улыбнулась.

— Онъ не можетъ достать мнѣ такихъ, какихъ мнѣ нужно, заговорила она, какъ ни въ чемъ не бывало. Мнѣ вотъ хочется, напримѣръ, прочесть „Наканунѣ“ Тургенева...

— Если будетъ возможность—достану... Однако пора идти. Прощайте же, Александра Семеновна, произнесъ онъ

съ невольнымъ волненіемъ, — отъ души желаю вамъ всевозможнаго счастія!..

— Зачѣмъ это вы такъ прощаетесь со мной, какъ будто мы никогда больше не увидимся? Вѣдь вы будете посѣщать насъ? Ну, дайте же мнѣ слово, что будете, а то, право, мнѣ даже скучно вдругъ сдѣлалось. Давайте слово! настаивала она, и въ голосѣ ея зазвучала прежняя, знакомая ему, ласковость.

— Не знаю, можетъ быть...

— Нѣтъ, вы должны посѣщать насъ; мы будемъ видѣться часто, будемъ говорить еще о многомъ, я такъ люблю говорить съ вами... Грѣхъ вамъ будетъ, если вы насъ забудете.

Трепетовъ торопливо раскланялся и вышелъ. Можетъ быть, это было и невѣжливо, но онъ хотѣлъ скорѣе прекратить тяжелую для него сцену.

Когда онъ сходилъ съ крыльца, къ подъѣзду подкатили щегольскіе сани и изъ нихъ вышелъ Артемьевъ. Трепетовъ машинально раскланялся съ нимъ, но Артемьевъ должно быть не замѣтилъ этого, и на поклонъ его не отвѣтилъ...

Въ тотъ же день Трепетовъ съ горя напился до пьяна и прокутилъ цѣлую ночь. Этимъ всегда выражается горе у слабыхъ душою людей...

Черезъ недѣлю онъ пошелъ было за деньгами — да не засталъ никого дома. Написалъ — не отвѣтили. Такъ и до сихъ поръ ждетъ.

. . . . . .

Спустя три года, когда обстоятельства угнали Трепе-

това далеко отъ Петербурга, въ какую-то безжизненную уѣздную глушь, когда его окружали совсѣмъ другія лица, другіе нравы и иная обстановка,—лучшимъ утѣшеніемъ для него были, конечно, письма его прежнихъ товарищей... Чаще другихъ писалъ къ нему Коробовъ, который по прежнему жилъ въ Петербургѣ, и потому постоянно могъ сообщать своему далекому другу о разныхъ событіяхъ столичной жизни. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, онъ между прочимъ писалъ и о Носковыхъ.

„Ты не узналъ бы теперь Петербурга, — писалъ Коробовъ,—того самаго Петербурга, который когда-то рукоплескалъ намъ. Настроеніе общества измѣнилось такъ быстро и радикально, что подчасъ даже стыдно за него становится... Былъ я на дняхъ и у Носковыхъ, и послѣ самъ раскаялся, что пошелъ къ нимъ. Помнишь ли ты этихъ Носковыхъ, у которыхъ ты давалъ уроки и гдѣ самъ получилъ хорошій урокъ? Вѣроятно, помнишь, потому что подобныя встрѣчи нелегко забываются. Какъ бы я желалъ, что бы ты могъ видѣть ихъ *теперь*, — тогда полученный тобою урокъ вышелъ бы еще полнѣе... Въ сущности ихъ жизнь не измѣнилась: тѣ же собранія по четвергамъ, та же толпа гостей, тѣ же горячіе споры, но только теперь эти споры приняли совсѣмъ другой характеръ. Все, что прежде съ жаромъ превозносилось, теперь съ тѣмъ же жаромъ порицается; на нашего брата смотрятъ теперь чуть не со скрежетомъ зубовъ, надъ прежними кумірами острятъ и глумятся, а на что прежде смотрѣли съ эффектнымъ презрѣніемъ, тому кланяются и заискиваютъ. И каждый по прежнему наровитъ пере-

щеголять другихъ въ этомъ новомъ родѣ діалектики, и никто, повидимому, не замѣчаетъ другъ въ другѣ такой радикальной перемѣны во мнѣніяхъ, а каждый, напротивъ, увѣряетъ, что онъ всѣ эти событія предвидѣлъ давно и т. д. Твоя пріятельница, Александра Семеновна, цѣлые дни, особенно при гостяхъ, щиплетъ корпію для раненыхъ нашихъ солдатъ въ Польшѣ, и кавалеровъ своихъ заставляетъ щипать, и кавалеры щиплютъ и восхищаются ангельскою добротою красавицы, готовой на всякое благородное дѣло. Алмазовъ декламируетъ наизусть передовыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей,“ Летицкаго больше не принимаютъ, потому что онъ носитъ польскую фамилію... и Артемьева тоже не видно,—онъ, говорятъ, подрался съ кѣмъ-то на дуэли и сосланъ на Кавказъ. Впрочемъ ихъ отсутствія особенно и незамѣтно, потому что ихъ роли уже заняты другими; тутъ и безъ нихъ составляется солидный преферансъ и устроиваются веселые танцы. За Александрой Семеновной попрежнему увивается толпа поклонниковъ, и она замѣтно отдаетъ предпочтеніе какому-то долговязому адьютанту. Говорятъ, этотъ адьютантъ очень недалекъ, но богатъ и знатенъ, а главное въ *модѣ*. Лиза вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ гоститъ у своей тетки въ Ревелѣ и очень довольна тамошнею жизнью. Она, говорятъ, стала такъ же дерзка, желчна и зла, какъ ея бывшая компаньонка, Марья Сергѣевна, и тутъ всѣ, повидимому рады, что она уѣхала въ Ревель... Вотъ тебѣ всѣ аксессуары твоей прежней драмы, — полюбуйся! Какъ видишь, жизнь дала имъ развлеченія новаго рода, и невинныя забавы на разныя темы продолжаются попрежнему.

А помнишь ли, какъ ты имъ вѣрилъ!.. Впрочемъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, а мнѣ глаза еще нужны,— теперь многое будетъ интересно видѣть.“

Трепетовъ глубоко задумался надъ этимъ письмомъ, и снова точно выросли вдругъ передъ нимъ всѣ эти полузабытыя лица, и вызвали полуугасшія чувства. Кажется, еще не много времени протекло съ этой памятной встрѣчи, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ уже такъ много новыхъ событій пережито, такъ много новыхъ ощущеній налегло на старыя, что эти прежнія надежды, чувства и вѣрованія, показались ему теперь чѣмъ-то безконечно далекимъ, чѣмъ-то дѣтскимъ. Онъ успѣлъ уже съ тѣхъ поръ возмужать и переродиться, жизнь его получила совсѣмъ другой, болѣе серьозный смыслъ, — а тамъ по прежнему идетъ все тоже, и вѣчно будетъ тоже... Трепетовъ еще разъ перечиталъ письмо и задумчиво отложилъ его въ сторону.

— Мало ли чему я вѣрилъ прежде! произнесъ онъ со вздохомъ, — а теперь и хотѣлось бы вѣрить во многое, да нѣтъ... ужь не выходитъ!..

Дряхлость и слабость.

(изъ писемъ моего жолчнаго пріятеля).

Думы мои, думы,
Тяжело мнѣ съ вами!
Шевченко.

Когда я отправлялся въ мое послѣднее путешествіе, я былъ далекъ отъ мысли писать кому нибудь и что нибудь,— а вотъ пишу. Не потому пишу, чтобы поддержать дружескую переписку и доставить тебѣ возможность улыбнуться или вздохнуть, а просто надоѣло мнѣ мое сдержанное и и злое молчаніе, моя вѣчная замкнутость и тяжелое сознаніе полнаго одиночества. Просто захотѣлось довѣриться бумагѣ, какъ ребенокъ довѣряется куклѣ, или какъ романтическая барышня шепчетъ свою откровенность какой нибудь картинкѣ, не заботясь о томъ, пойметъ ли ее картинка. Бумага для меня та же кукла и таже картинка, а ты читай или не читай мои письма — мнѣ все равно: ты вѣдь знаешь меня.

Думалъ я, что эта поѣздка дастъ мнѣ что нибудь новое и болѣе отрадное, или по крайней мѣрѣ развлечетъ меня, — да нѣтъ, не развлекла. Напротивъ, чѣмъ ближе разглядываю однообразную жизнь нашихъ провинціальныхъ

захолустій и чѣмъ больше знакомлюсь съ интересами ихъ обитателей, тѣмъ полнѣе сознаю, что не сжиться мнѣ съ этою жизнью, не понять этихъ интересовъ. Толкаясь между людьми всякихъ породъ и званій, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я чужой и лишній между ними и что не сойдемся мы никогда. Вездѣ я только простой наблюдатель; гляжу, толкую всякій вздоръ, и самъ же первый надъ нимъ зѣваю; а между тѣмъ надо подчасъ поддѣлываться подъ общій уровень, чтобы не навлечь на себя безполезныхъ нареканій, и почему-то неловко становится прямо засмѣяться надъ ними, жалко обругать ихъ, какъ дѣтей, которые воображаютъ себя большими. „Глупое, гадкое состояніе“, — скажешь ты, вѣруя въ счастливое будущее и въ возможность хорошихъ людей. И я скажу, что это гадко и безотрадно, но что же дѣлать, если я на каждаго человѣка смотрю съ глубокимъ сомнѣніемъ и, по первымъ словамъ, предвижу въ немъ многое такое, чего вѣроятно онъ и самъ не предвидитъ. Прежде, бывало, я отъ каждаго отраднаго факта приходилъ въ восторгъ неописанный, сейчасъ же дѣлалъ блестящіе выводы, и изъ мухи дѣлалъ не только слона, но даже кита-гиганта; а теперь я, наоборотъ, изъ слона стараюсь сдѣлать муху, и еще ни разу не ошибался въ пословицѣ, что горы — мышей рождаютъ. И это не самолюбіе, не слѣпая увѣренность въ томъ, что я умнѣе и, по развитію, выше остальнаго общества — это было бы слишкомъ глупо и самонадѣянно. Это простая привычка къ постоянному анализу фактовъ, привычка заглядывать впередъ, доискиваться до причины, и наконецъ этотъ безот-

вязный вопросъ: „почему?“, который теперь уже мѣшаетъ мнѣ увлечься минутой и поддаться обаянію развлекающей внѣшности. Поэтому я жалѣю себя больше всѣхъ, потому что чувствую въ себѣ ненасытную жажду жизни и счастья, всѣми нервами своего существа требую отдыха, отрады, или хоть забытья — и въ тоже время глубоко сознаю, что жизнь моя уже слишкомъ надломана и что не вернется то благодатное время вѣры въ счастье, которое одно даетъ намъ право на наслажденье.

Одно досадно, что до сихъ поръ я не могу еще смотрѣть равнодушно на всякое идіотство и безобразіе человѣчества, что всякое столкновеніе съ мелкими интересами отдѣльныхъ личностей, всякая неправда и страданіе отзывается въ груди моей какою-то жгучею болью. Вѣдь пора бы, кажется, привыкнуть къ такимъ обыденнымъ явленіямъ, тѣмъ болѣе, что все это такъ просто и такъ естественно вытекаетъ изъ извѣстныхъ началъ, — а нѣтъ, не могу. И всякій разъ, когда приходится мимоходомъ заглядывать въ чужую жизнь и вникать въ замаскированный смыслъ ея, — чувствуешь боль и тоску, и поневолѣ самъ вдвинешься въ эту жизнь и на нѣсколько времени увлечешься ея смысломъ или безсмыслицей.

Вотъ и теперь я, незамѣтно для самого себя, увлекся жизнью одного крошечнаго уголка, куда въ настоящее время втиснула меня судьба. Это — раковина, куда нѣсколько разнохарактерныхъ личностей спрятались отъ остальнаго человѣчества и составили свой отдѣльный мірокъ, полный разныхъ диковинокъ. На первый разъ я и опишу тебѣ этотъ

мірокъ. Не ищи въ моемъ разсказѣ особеннаго искусства: я не мастеръ обтачивать факты и пригонять ихъ одинъ къ одному ради художественныхъ цѣлей. Я, братъ, не художникъ, и потому записываю только то, что вижу и что вслѣдствіе этого приходитъ въ голову...

Странныя ощущенія приходится испытывать, когда посѣщаешь мѣста, напоминающія прошлое совсѣмъ иного характера и склада. Точно тамъ былъ кто-то другой, а не я; точно глядишь въ раскрытую могилу, гдѣ похоронено что-то свое, родное, и нервы опять невольно настроиваются на прежній ладъ, и чувствуешь опять глубокое сродство съ этимъ прошлымъ. Я остановился на нѣсколько дней у одной знакомой старухи, генеральши Ругиной, въ ея подмосковномъ имѣніи; остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ проводикъ время такъ весело и спокойно, въ кругу молодежи, вмѣстѣ съ Хаменко и Лизой. Вся обстановка — слишкомъ знакомая, хотя и постарѣла съ тѣхъ поръ весьма замѣтно. Тѣ же разрисованныя шторы на окнахъ съ какими-то синими ландшафтами, тѣ же узорчатые горшки съ цвѣтами, старинная мебель съ бронзовыми украшеніями и на стѣнахъ портреты Ламартина и Шатобріана. Въ комнатѣ тихо, а между тѣмъ какъ будто еще слышишь въ ней звучный и захлебывающійся отъ горячности голосъ Хаменко, припоминаешь всѣ его жаркіе споры и вѣчныя возраженія на мои сомнѣнія. Кипѣлъ онъ тогда жизнью и вѣрой въ будущее, заносился конечно далеко впередъ, строилъ

широкіе планы и неутомимо бросалъ на воздухъ фразы и фразы... Помню, какъ во время спора, бывало, тихой шопотливой походкой войдетъ къ намъ Лиза, съ улыбкой охватитъ всклоченную голову Хаменки и шепчетъ: „полно тебѣ, Коля, ты вѣдь осипъ отъ крику!“ — а онъ кричитъ пуще прежняго и въ жару спора отталкиваетъ ея объятія. А я смотрѣлъ на нихъ тогда, и, право, нисколько не смѣялся. Да и неловко было смѣяться: тутъ широко и страстно сказывалась сама натура; въ ихъ обращеніи не было и тѣни искуственности; они въ самомъ дѣлѣ крѣпко любили другъ друга, а потому-то и слышалась въ ихъ разговорахъ обаятельная, обезоруживающая теплота. Помню, по цѣлымъ днямъ, какъ въ чаду какомъ-то, я торчалъ между ними: я самъ тогда еще былъ полонъ жизни и вѣры; отъ нихъ и на меня повѣяло какимъ-то примиреньемъ, такъ что я даже завидовалъ имъ подчасъ. Только теперь, припоминая все это, я могу ясно видѣть, на сколько я измѣнился въ эти пять лѣтъ и какая бездонная пропасть отдѣляетъ меня теперь отъ этого прошлаго... Потомъ я уѣхалъ въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ не видалъ больше ни Хаменко, ни Лизы. Слышалъ только, что они вскорѣ послѣ моего отъѣзда обвѣнчались и уѣхали въ К—ю губернію, управлять какимъ-то имѣньемъ генеральши. Тамъ они и до сихъ поръ пребываютъ.

Какъ-то живешь ты теперь, милѣйшій Хаменко, и что твои думы и планы?.. Вѣроятно вышелъ ты — мыльный пузырь, какъ и всѣ подобные тебѣ юноши, неиспытавшіе никогда никакой нужды и изучающіе жизнь только по книгамъ и моднымъ теоріямъ. Повліялъ ли ты на крестьянъ,

или они на тебя повліяли? Письма есть, но какія-то странныя. Въ нихъ уже замѣтно проглядываетъ робкая приниженность передъ генеральшей, желаніе подслужиться ей и поддержать ея довѣріе. А это показываетъ, что юную душу начали уже смущать вопросы чисто экономическіе, и что при этомъ всѣ честные планы къ чорту пошли. Такъ, что-ли? А вѣроятно!..

Съ тѣхъ поръ, какъ Хаменко съ Лизой уѣхали отсюда, домъ генеральши точно замеръ; дверь за ними закрылась, и потомъ плотно, какъ крышка гроба, захлопнула домъ, оторвавъ его отъ жизни и интересовъ всего остальнаго міра. Генеральша была недовольна бракомъ молодыхъ людей: она долго уговаривала Хаменко (онъ ей доводится племянникомъ), что Лиза ему не пара, что онъ дворянинъ, а она— Богъ знаетъ что, жалкій пріемышъ, которую она, генеральша, пріютила и воспитала единственно по своей милости и доброй душѣ. Но племянникъ и слышать ея не хотѣлъ; сама Лиза въ послѣднее время смотрѣла на свою воспитательницу такъ гордо и самонадѣянно, что генеральша почувствовала себя обиженной. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась желчной и подозрительной, возненавидѣла „этихъ неблагодарныхъ“ людей, и заперлась съ своими домочадцами отъ цѣлаго свѣта, имѣя съ нимъ сношенія лишь на столько, чтобы не умереть съ голоду.

И вотъ я-то и втерся опять въ эту уединенную раковину, и пришлось опять заглянуть въ чужую жизнь, какъ въ раскрытую книгу, и вникнуть мимоходомъ въ ея тайный, замаскированный смыслъ. Впрочемъ, смыслъ этой жизни до

такой степени несложный и скучный, что, оглядѣвшись, я счелъ своимъ долгомъ уединиться даже отъ этихъ людей. Я выбралъ себѣ комнату такую, когда не закрывается ни одинъ звукъ жизни, точно живешь гдѣ-то на воздухѣ, между небомъ и землею. Окна моей комнаты выходятъ въ большой садъ генеральши, давно уже запущенный и заброшенный. А садъ этотъ такъ же угрюмъ и молчаливъ, какъ и все, что окружаетъ генеральшу; и только порой, въ тихій вечеръ, когда окно открыто, откуда-то глухо доносится стукъ телѣги или пѣсня подгулявшаго мужика, — но это точно изъ другаго міра, съ которымъ я не имѣю ничего общаго.

Если бы мнѣ нужно было писать какую нибудь историческую монографію и изучать нравы и привычки прошлаго столѣтія, то я непремѣнно поселился бы здѣсь, у Дарьи Павловны Ругиной, и поселился надолго. Здѣсь все, начиная съ самой генеральши и до послѣдняго портрета на стѣнѣ, напоминаетъ вѣкъ Вольтера и масонства, вѣкъ Екатерины и Александра, — словомъ вѣкъ блестящаго этикета и внушающей внѣшности, которою наши дѣды-аристократы такъ ловко умѣли прикрыть и наполнить свою жизненную пустоту. Рѣдкій умѣетъ теперь съ такимъ важнымъ видомъ говорить чушь, какъ это умѣетъ генеральша Ругина; никто, какъ она, не взойдетъ съ такимъ эффектомъ, не оглядитъ такъ гордо съ головы доногъ, не съумѣетъ такъ ловко показать себя выше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Опять эта таинственность образа жизни, поэтическій мистицизмъ въ привычкахъ, во всемъ эффектная обрядность, — все это наровитъ изумить, поразить величіемъ, и доказать, что это дѣй-

ствительно люди съ особенною кровью и другой породы, чѣмъ мы грѣшные.

Представь себѣ миніатюрную фигурку генеральши: лицо худощавое, продолговатое и съ жолтизною; глаза черные, полураскрытые, съ оттѣнкомъ гордости и покровительства, и сѣдые локоны торчатъ изъ-подъ стариннаго чепца, какіе мы видимъ только на старинныхъ портретахъ. Одѣта она всегда въ черное платье съ длиннымъ шлейфомъ и перехватомъ у самой груди; ходитъ медленно и театрально, говоритъ такъ красиво, что трудно подточиться къ ея словамъ и отыскать въ нихъ что-либо, неприличное ея сану. Видно, что она привыкла повелѣвать, привыкла, чтобы все было у ногъ ея, хотя достигаетъ этого не строгостью, а обаяніемъ изящности и какой-то красивой безпомощности: она требуетъ общаго повиновенія и вниманія къ себѣ по праву женщины, въ томъ смыслѣ, какъ понимали это право рыцари и кавалеры прошлаго столѣтія. Ко всему этому надо прибавить, что ей уже около семидесяти лѣтъ, и что во все это время она, конечно, ни разу не измѣнила привычкамъ своего времени: всегда ровна, всегда одна и та же.

Она живетъ совершенно одиноко и ни съ кѣмъ не знакома, особенно съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Хаменко. Изрѣдка, впрочемъ, навѣщаетъ ее одна сосѣдка, ея старая „подруга“, заштатная фрейлина фонъ-Герцъ, — такая же обточенная и шлифованная барыня, какъ и генеральша, только въ свѣтломъ платьѣ, потому что еще дѣвица. Славно онѣ говорятъ, когда сойдутся вмѣстѣ: такъ чинно, такъ этикетно, что холодно становится вблизи ихъ. И никогда-то

онѣ не забудутся, никогда въ ихъ разговорахъ не прорвется, даже нечаянно, ни одна искренняя нотка, и этимъ-то, кажется, онѣ больше всего и довольны, потому что въ этомъ у нихъ выражается главное умѣнье жить. Кто изъ нихъ нѣмка, кто русская, — въ разговорѣ не разберешь; тутъ ужь нѣтъ національности, потому что законы этикетнаго обращенія общи у всѣхъ подобныхъ людей, и всѣ они перенимаютъ ихъ другъ у друга.

Еще рѣже посѣщаетъ Дарью Павловну одна старая монахиня, Фетинія, бывшая дворовая дѣвка Ругиной. Бывши въ мірскомъ званіи, эта дѣвка по обыкновенію трусила барыни, а барыня и въ прихожую свою ее никогда не впускала, но теперь, съ перемѣной костюма, перемѣнились и отношенія. Теперь Фетинія не только свободно сидитъ на одной кушеткѣ съ Дарьей Павловной, но даже поучаетъ ее. Разговоры ихъ по большей части происходятъ наединѣ, въ будуарѣ генеральши, передъ огромнымъ портретомъ ея покойнаго мужа. Надо замѣтить, что этотъ портретъ въ обыденной жизни генеральши играетъ роль довольно важную. Дарья Павловна чуть не ежедневно, по нѣскольку часовъ сряду, молча просиживаетъ передъ нимъ въ глубокой задумчивости, шепчетъ какія-то слова, грустно качаетъ головою, и т. п. А на портретѣ нарисованъ генералъ—жолчный, худой, сгорбленный, съ впавшими щеками и густо нависшими бровями. По всей вѣроятности, много лекарствъ выпилъ этотъ генералъ на вѣку своемъ: вся фигура его имѣетъ видъ кислый и ноющій, а глаза смотрятъ такъ болѣзненно, что при взглядѣ на нихъ чувствуешь боль въ собственныхъ

глазахъ. Но генеральша до сихъ поръ вспоминаетъ о немъ не иначе какъ съ печалью и глубокими вздохами, — вѣроятно это такъ принято въ свѣтѣ. Въ остальное время дня Дарья Павловна торжественно ѣстъ, торжественно спитъ, читаетъ французскихъ мыслителей прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго и воспитываетъ пріемыша, да двухъ, старыхъ собачонокъ. И легко, спокойно живется ей въ этихъ пустынныхъ комнатахъ, напоминающихъ какой-то фамильный склепъ, наглухо замуравленный отъ новаго общества и побѣговъ новой, непонятной ей, жизни.

Образъ жизни генеральши естественно отразился и на ея домочадцахъ, волей-неволей связанныхъ съ нею. Собачонки ея отмѣнно серьезны и безстрастны; остатки ея безчисленной дворни походятъ болѣе на автоматовъ, чѣмъ на живыхъ людей. Въ дворнѣ прежде всего царитъ старикъ-камердинеръ, по имени Христофоръ, который и счетъ годамъ своимъ потерялъ, потому что помнитъ барыню еще маленькой. Дряхлый, обрюзгшій, онъ до сихъ поръ однако гордится тѣмъ, что онъ камердинеръ Ругиныхъ и что при покойномъ „енаралѣ“ онъ богатую ливрею носилъ. Какъ и барыня, онъ также всегда механически спокоенъ и выработалъ себѣ безстрастно-деревянную физіономію. Даже когда я пріѣхалъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія, онъ встрѣтилъ меня также спокойно, какъ будто мы вчера видѣлись, и только на вопросъ мой о новостяхъ онъ сквозь зубы отвѣтилъ: „у насъ новостей не бываетъ-съ,“ и при этомъ сдѣлалъ неудачное покушеніе улыбнуться. Онъ до того утратилъ въ себѣ всякое понятіе о свободѣ, что когда вышло

знаменитое освобожденіе крестьянъ, онъ былъ недоволенъ имъ не меньше генеральши и просилъ ее смотрѣть на него по прежнему, какъ на камердинера, „какъ будто этого ничего не было.“ Да и трудно было бы ему, въ самомъ дѣлѣ, встать теперь на свои ноги и жить, какъ живутъ другіе люди, — подобно тому, какъ птицѣ, просидѣвшей цѣлую жизнь въ клѣткѣ, трудно летать и кормиться.

Оба они съ генеральшей—изсохшіе и полуистлѣвшіе остатки старины, которымъ за какіе-то грѣхи не суждено было вмѣстѣ съ своимъ вѣкомъ въ гробъ лечь. Нынѣшній человѣкъ смотритъ на нихъ какъ на ископаемыя кости мамонта, или какъ на могикановъ вымершей породы людей, по которымъ онъ можетъ судить о жизни и интересахъ стараго міра и исчезнувшихъ поколѣній. Я даже съ уваженіемъ гляжу и на генеральшу съ фрейлиной, и на Христофора, со всей ихъ обстановкой, какъ археологъ глядитъ на историческую древность, и только радуюсь подчасъ, что все это постепенно вымираетъ, и въ будущемъ едва ли возродится снова.

И здѣсь-то, среди этой дряхлой обстановки и полуотпѣтыхъ мертвецовъ, точно въ видѣ шутки, капризная судьба втиснула и закрѣпила одно юное существо, Сашу, дѣвушку лѣтъ девятнадцати. Вообрази же теперь, какое вышло странное сочетаніе жизней, насколько онѣ могутъ понимать другъ друга, и какіе нелѣпые должны выйдти результаты!..

Эта Саша—тоже пріемышъ Ругиной. Она родная сестра Лизы, вышедшей замужъ за Хаменко. Не знаю, откуда

вытащила ихъ генеральша, но только обѣ сестры жили при ней чуть не съ малолѣтства. Она ихъ отъ скуки воспитывала по своему, заставляла развлекать себя, и, при случаѣ, показывала своимъ гостямъ, конечно для того только, чтобы произнести: „бѣдненькія сиротки, я ихъ пріютила, я ихъ воспитала...“ и т. п. Сестры мало походили одна на другую. Старшая, Лиза, была очень неглупа; лицо ея, особенно глаза, были выразительны, да и вся она была существо страстное, живое и нервное. Эта же, напротивъ, показалась мнѣ просто изнѣженнымъ кускомъ мяса, съ румяной и наивной физіономіей, на которой выражается что-то приторно-стыдливое и въ тоже время приторно-сладкое. Къ счастью своему, она должно быть ужасно глупа, и ей конечно чужды тѣ боли и тревоги, которыя при такой обстановкѣ были бы неразлучны съ умомъ; по крайней мѣрѣ она повидимому всемъ очень довольна, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ „все обстоитъ благополучно,“ какъ говоритъ Христофоръ.

Первое впечатлѣніе мое при знакомствѣ съ Сашей было далеко не въ ея пользу.

Когда я въ первый разъ вошелъ въ комнаты генеральши, старуха сидѣла одна съ своими собачонками и наслаждалась послѣобѣденнымъ кейфомъ. Послѣ долгаго и чиннаго разговора со мною, замѣтивъ, что говорить больше не о чемъ, Ругина заговорила наконецъ о Сашѣ и велѣла позвать ее. Черезъ нѣсколько минутъ Саша вошла. Она быстро оглядѣла меня, въ чертахъ ея лица замѣтно проскользнуло изумленіе при видѣ посторонняго человѣка,

очутившагося среди ихъ, но потомъ она опустила внизъ глазки, сложила ручки и остановилась у порога.

— Ну, что жь ты встала: подойди сюда поближе, вполголоса произнесла генеральша.

Та подошла.

— Вотъ вамъ и Саша моя. Узнали вы ее?

— По правдѣ сказать, я едва помню Александру Алексѣевну, отвѣтилъ я. Пять лѣтъ тому назадъ она еще дѣвочкой была. А вы меня помните сколько нибудь? спросилъ я, прямо обращаясь къ Сашѣ.

Саша съискоса взглянула на меня, потомъ на генеральшу, улыбнулась и опять опустила глазки.

— Впрочемъ вы и тогда не обращали на меня никакого вниманія? правда, вѣдь?

Опять тотъ же взглядъ на меня и на генеральшу, и опять глазки внизъ.

— Ты вѣрно спала, сонная какая-то, тихо замѣтила ей Дарья Павловна. Тебя спрашиваютъ, помнишь ли ты его?

— Помню-съ, чуть слышно отвѣтила дѣвушка, и вспыхнула.

— Едва ли она помнитъ васъ; это такъ давно было... Сколько лѣтъ тому прошло?

— Пять лѣтъ, отвѣтилъ я.

— Шутка-ли: пять лѣтъ; какъ это скоро все проходитъ... Ты чѣмъ тамъ занимаешься, Саша?

— Вышиваю.

— Въ своей комнатѣ?

— Да-съ.

Я глядѣлъ на Сашу во всѣ глаза, и немудрено, что на момъ лицѣ выразилось нѣчто насмѣшливое. Генеральша, кажется, это замѣтила, потому что тотчасъ же обратилась къ Сашѣ съ словами: „можешь идти въ свою комнату“, и Саша торопливо вышла.

— Она у меня очень добрый и милый ребенокъ, и я надѣюсь, что вы не осудите ее за излишнюю скромность, внушительно и томно пояснила Ругина, несмотря на меня.— Я такъ рада, что она до сихъ поръ еще дитя; мои заботы не пропали даромъ.

— А много ли лѣтъ этому ребенку? осмѣлился сказать я.

— Ей скоро исполнится двадцать лѣтъ.

— Гм... Да вы вѣрно очень строги съ нею; она, кажется, васъ очень боится.

— О нѣтъ, я совсѣмъ не строга и не люблю, когда меня боятся. Конечно, я строго слѣжу за ея поведеніемъ, но я больше прошу, чѣмъ принуждаю. Она такъ еще молода; мой долгъ — сохранить ее отъ порока и напрасныхъ увлеченій. Въ мірѣ столько зла, столько тяжелыхъ искушеній, которыя могутъ погубить дѣвушку, что я должна... и т. д. и т. д.

Признаюсь откровенно, что послѣ этого знакомства я сразу возненавидѣлъ Сашу, какъ ненавижу все глупое, приниженное и безгласное, какъ ненавижу всѣхъ этихъ наивныхъ скромницъ, стыдливо опускающихъ глазки при видѣ посторонняго мужчины и краснѣющихъ при первомъ звукѣ мужскаго голоса. Послѣ этого я, право, боюсь встрѣтиться и

заговорить съ нею: того и гляди скажетъ она какую нибудь глупость — и разозлишься такъ, что выйдетъ вторая глупость.

А между тѣмъ, пять лѣтъ тому назадъ, эта самая Саша, подъ вліяніемъ Лизы, была еще свѣжей и рѣзвой дѣвчонкой и, какъ говорилъ Хаменко: „подавала надежды". И вотъ что сдѣлала съ нею старушечья педагогика въ эти пять лѣтъ! Оно понятно. Разозленная непослушаньемъ и самостоятельностью Лизы, эта старуха очевидно рѣшилась сдѣлать невозможнымъ повтореніе подобнаго факта. Она, какъ коршунъ, вцѣпилась въ Сашу, заперла ее нахлухо въ свой склепъ, и здѣсь сторожила надъ своей жертвой днемъ и ночью, боясь, чтобы и эта жертва какъ нибудь не ушла отъ нея. Съ тѣхъ поръ она съ іезуитской тонкостью приготовляетъ изъ дѣвушки какую-то механическую куклу, отняла у ней постепенно всякую возможность къ развитію, преслѣдуетъ ее вѣчными нравоученіями, толкуетъ о развратѣ міра и неблагодарности людей, словомъ охраняетъ ея невинность и дѣвство до того, что если даже муха на дѣвушку сядетъ, такъ она и ту вѣроятно осмотритъ: не мужскаго ли пола? Подъ вліяніемъ такой опеки рѣдкая натура не сломится, немудрено, что сломилась и Саша. Отъ такихъ нравоученій, какъ показываетъ опытъ, дѣвушка или постепенно отупѣетъ и превратится въ идіота, или сдѣлается двоедушною и скрытною, или, наконецъ, если натура прорвется, очертя голову бросается въ первый омутъ, лишь бы вознаградить себя за прежнія лишенія. Какой же изъ этихъ выходовъ изберетъ Саша?.. А вотъ, можетъ быть, увидимъ.

Вечеромъ генеральша пригласила меня въ гостиную присутствовать на литературномъ чтеніи. Я помнилъ хорошо, что эти „чтенія вслухъ“ бываютъ здѣсь очень скучны, однако отправился. Въ комнатѣ былъ полумракъ, сторы были опущены, на столѣ горѣли двѣ свѣчи подъ темнымъ абажуромъ. Ругина покоилась въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ; на колѣняхъ у ней дремала небольшая собака, а двѣ большія собаки были у ногъ. Передъ столомъ на диванѣ сидѣла Саша и монотонно читала вслухъ какую-то французскую книгу. Когда я вошелъ, Ругина медленно подняла голову, пристально посмотрѣла на меня и указала на пустое кресло.

— Мы перечитываемъ „Eugènie“ Бальзака, произнесла она. Не хотите ли послушать?

Я поклонился и сѣлъ.

— А съ нимъ вы еще не знакомы? спросила она опять, указывая въ уголъ. Тутъ только я замѣтилъ въ самомъ углу, въ тѣни, новую незнакомую мнѣ личность въ сюртукѣ, съ выбритой и приглаженной физіономіей.

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ васъ... извините, все забываю ваше званіе?..

— Губернскій секретарь, Мухинъ-съ, здѣшній помѣщикъ, отвѣтилъ тотъ, подобострастно раскланиваясь.

— Женихъ Саши, добавила Ругина.

— Вотъ какъ! — изумился я. А давно Александра Алексѣевна просватана.

— Ужь три мѣсяца... Читай, Саша.

Всѣ стихли, и Саша опять начала чтеніе. Теперь я съ

особеннымъ вниманіемъ сталъ оглядывать губернскаго секретаря, да и онъ изподлобья разглядывалъ меня пристально, хотя и старался, чтобы наши взгляды не встрѣтились. Съ виду ему лѣтъ сорокъ, лицо у него некрасивое, угреватое; подбородокъ отъ частаго бритья сдѣлался фіолетовымъ, глаза довольно хитрые, но общее выраженіе лица очень недалекое. Генеральша черезъ него надѣялась сдѣлать новое „доброе дѣло,“ — т. е. пристроить Сашу, и онъ, конечно, самъ былъ не прочь отъ этого добраго дѣла, потому что надѣялся получить отъ генеральши кое-что въ придачу.

Въ комнатѣ было тихо, и только порой слышался за окнами шелестъ листьевъ и сторы слегка колебались.

Саша совершала процессъ чтенія однообразно и вяло донельзя. Въ лицѣ ея попрежнему не было ни малѣйшаго выраженія, и даже при словѣ „женихъ“ она позабыла покраснѣть, точно дѣло шло о собачонкѣ, которую держала на колѣняхъ генеральша. Сама Ругина сидѣла съ серьезнымъ видомъ, опустивъ голову и, казалось, слушала внимательно. Даже собаки ея, и тѣ имѣли какой-то важный видъ, точно и онѣ пропитывались поэзіей Бальзака и сознавали всю важность совершаемой мистеріи. Впрочемъ, въ сущности дѣла, Бальзакъ игралъ тутъ роль второстепенную. Еслибы вмѣсто него читали курсъ алгебры или хоть „Модный магазинъ,“ или даже „Милліонъ анекдотовъ,“ то и тогда генеральша сохраняла бы тоже торжественное вниманіе и тишину. Тутъ дѣло не въ самомъ чтеніи, а въ процессѣ совершенія обычнаго обряда, который *принято* совершать въ извѣстные

часы, при извѣстной обстановкѣ и съ извѣстными выраженіями лицъ... Во всей этой внимающей группѣ, конечно, всѣхъ комичнѣе было положеніе господина Мухина; онъ, какъ видно, ни слова не понималъ по французски, и потому, ощущалъ тоску неисходную. Въ видахъ развлеченія, онъ втихомолку разсматривалъ то потолокъ, то портреты, то свои сапоги, и злостно сдавливалъ челюсти, чтобы скрыть безотвязную зѣвоту. Мнѣ самому наконецъ сдѣлалось скучно, и отъ скуки я рѣшился испытать: что выйдетъ если я кашляну, и при этомъ кашлянулъ весьма громко. Саша изподлобья взглянула на меня и смѣшалась въ чтеніи. Генеральша лѣниво подняла на нее глаза.

— Ну, довольно на сегодняшній день, произнесла она устало.

Саша закрыла книгу. Всѣ вздохнули свободнѣе.

— Теперь съиграй намъ что-нибудь.

Саша молча отправилась къ роялю.

— Что же мнѣ съиграть сегодня? спросила она.

— Съиграй что-нибудь изъ Бетховена.

Саша достала ноты и заиграла. Игра ея очень походила на чтеніе; звуки выходили изъ-подъ клавишъ вяло, безъ малѣйшаго выраженья. Это тотъ же обрядъ, и обстановка его таже. Мухинъ изъ всѣхъ силъ старался показать, что онъ умиляется, и въ тоже время про себя понималъ, что ему ни разу не пригодится въ жизни ни Бальзакъ, ни Бетховенъ. Генеральша, заслышавъ игру, откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Кажется и она сама выносила это наслажденіе, какъ нѣчто неизбѣжное, и при

звукахъ музыки механически закрывала глаза, подобно тому, какъ барышня-трусиха механически затыкаетъ уши при видѣ пистолета или ружья.

Бетховенъ кончился. Нѣсколько минутъ продолжалась тишина.

— А что вы были въ новой церкви у Чарскихъ? спросила Дарья Павловна, не раскрывая глазъ.

— Это вы мнѣ, ваше превосходительство? пискливо и робко отозвался Мухинъ, у котораго отъ долгаго молчанья пересохло горло.

— Ну, да.

— Былъ-съ. Еще въ воскресенье былъ, ваше пр-ство. Церковь очень прекрасная и поютъ безподобно.

— Кто же тамъ поетъ?

— Пѣвчіе-съ.

— Вѣрно онъ выписалъ откуда нибудь?

— Нѣтъ, не выписывалъ-съ; у него свои пѣвчіе, обыкновенно, какъ и во всякой церкви... пѣвчіе простые-съ.

— Пейзане, что ли? спросилъ я, полагая, что онъ стѣсняется произнести при генеральшѣ слово мужикъ.

— Нѣтъ-съ, не такіе... а по просту изъ простонародья-съ. У нихъ и регентъ свой, мужикъ тоже.

— А!..

На слѣдующій день, я въ непоказанное время пробрался въ гостиную генеральши. Мнѣ хотѣлось отъ скуки поболтать съ кѣмъ нибудь и распросить кое-что. Въ гостиной я засталъ одну Сашу. Она поливала цвѣты и, завидѣвъ меня, такъ оторопѣла, что чуть не выронила изъ рукъ кувшинъ съ водою.

— А гдѣ Дарья Павловна? спросилъ я.

— Она въ своей спальнѣ. У ней голова болитъ... Вотъ я сейчасъ узнаю...

— Да мнѣ ее, по правдѣ сказать, вовсе ненужно, я только такъ спросилъ... Да куда жь вы бѣжите? Посидите со мною.

— Съ вами? спросила она въ нерѣшимости.

— А что? Или ужь очень страшно?

— Нѣтъ, я такъ... Она подозрительно оглядѣла портьеру, за которой скрылась генеральша, и нерѣшительно опустилась на стулъ. Я сѣлъ рядомъ съ нею и съ улыбкой разглядывалъ ее. Она совсѣмъ потерялась и видимо не знала, что тутъ дѣлать.

— Какая вы скромница стали, началъ я. Право, васъ и узнать нельзя...

Дѣвушка улыбалась и молчала, кусая губы.

— Ну, разскажите, какъ вы живете; вѣдь мы съ вами пять лѣтъ не видались?

— Что же вамъ разсказать? спросила она тихо и не подымая глазъ.

— Мало ли что случилось въ это время! Вотъ вы и замужъ выходите даже. Вѣдь это правда?

— Да-съ.

— Скажите, пожалуста, что это за человѣкъ?

— Я, право, не знаю.

— Какъ! не знаете? вотъ это мило!.. А все-таки выходите за него?

— Онъ сосѣдъ, у генеральши землю въ аренду беретъ...

три версты отсюда. У него свой домъ есть и огороды большіе, только онъ, кажется, бѣдный, все въ одномъ сюртукѣ ходитъ...

— Нравится онъ вамъ?

— Н-дасъ, послѣ небольшаго колебанія отвѣтила Саша.

— Будто? Не вѣрю я вамъ что-то.

Саша посмотрѣла на меня сбоку, слегка улыбнулась и хотѣла что-то сказать, да удержалась.

— Ну, а чѣмъ вы занимаетесь теперь?

— Какъ, чѣмъ?.. Вы это сами знаете.

— Вовсе не знаю.

— Шью, вышиваю, читаю, учусь музыкѣ, гуляю съ генеральшей, хожу за цвѣтами... хозяйничаю...

— Спите, ѣдите, пьете, разговариваете, — словомъ работы много, не правда ли?

— Это совсѣмъ не работа. Вы меня считаете ужъ совсѣмъ глупой...

— Ну, мечтаете о чемъ нибудь, думаете?..

— Нѣтъ, не думаю и не мечтаю.

— Вотъ какъ; экая вы счастливая, право.

Я замолчалъ, соображая, стоитъ ли говорить съ нею дальше. Саша сидѣла, по прежнему опустивъ глазки, но она теперь уже видимо перестала трусить меня, и въ ея улыбкѣ даже появилось маленькое кокетство.

— Бываетъ ли у васъ кто нибудь въ гостяхъ? опять спросилъ я.

— Нѣтъ, генеральша не любитъ гостей. Да и некому ѣздить къ намъ въ гости; кругомъ все мелкопомѣстные.

Вотъ фрейлина иногда пріѣзжаетъ гостить... Тоже монахиня одна ходитъ... А то никого не бываетъ.

— И вы тоже нигдѣ не бываете?

— Нигдѣ. Развѣ вотъ въ церковь ѣздимъ по большимъ праздникамъ... Девять верстъ отсюда, въ Знаменкѣ.

— И только?

— Больше некуда.

— И не надоѣла вамъ такая жизнь? Всякій день одно и тоже, безъ перемѣны, безъ развлеченій, точно въ монастырѣ... Скажите, пожалуста, неужели вамъ никогда не бываетъ скучно? Вѣдь такая жизнь должна же наконецъ опротивѣть.

Саша быстро взглянула на меня, потомъ на портьеру и закусила губу.

— Да не бойтесь, произнесъ я съ досадой, — она теперь въ своей спальнѣ. Экъ она вамъ страху-то задала...

Дѣвушка опять начала улыбаться.

— У васъ есть своя отдѣльная комната?

— Есть.

— Хотите, я вамъ хоть книжекъ дамъ почитать? Книги у меня есть хорошія.

— Благодарю васъ, только...

— Что только?

— А можно вамъ прямо сказать?

— Конечно можно.

— Я читать не очень люблю; мнѣ ужъ надоѣло... я и такъ много ужъ прочитала... то-есть я люблю читать, да... я неумѣю это сказать вамъ. Если книги веселыя, то конечно... Я, право, не знаю, какъ это...

Саша точно спохватилась, что сказала черезчуръ откровенно, и смѣшалась. Я смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, и ждалъ что будетъ.

— Чѣмъ же вы развлекаетесь, однако? Нужно же отъ скуки развлекаться чѣмъ нибудь.

— Я?.. Ахъ, право... Да зачѣмъ вы все это спрашиваете?

— Я хочу понять, какъ вы можете не умереть здѣсь со скуки. Подругъ у васъ нѣтъ, читать вы не любите, разговоры съ генеральшей васъ занимать не могутъ; что же вы, наконецъ, стихи что ли пишите?..

— Вамъ непремѣнно все хочется знать; какой вы любопытный!.. Она, прищурясь, посмотрѣла на меня съ какимъ-то ребячьимъ кокетствомъ, и въ улыбкѣ ея появилось нѣчто хитрое, скрытное и отчасти вызывающее.

— Ага, значитъ есть какое нибудь развлеченье?.. Да?

— Я говорю — какой вы любопытный, право... Много будете знать...

— Состарюсь, что-ли?

— Да-съ.

— Вотъ какъ-съ.

Было ли это простое инстинктивное кокетство, или она дѣйствительно скрывала что нибудь, — не знаю, но только въ эту минуту она начинала меня интересовать. Я съ недоумѣньемъ вглядывался въ ея лицо, какъ въ мудреную для меня загадку. Саша попрежнему улыбалась и краснѣла больше и больше.

— А знаете, Александра Алексѣевна? я искренно желалъ бы, чтобъ вы состарились поскорѣе.

— Это зачѣмъ?

— Чтобъ вы больше знали...

— Вотъ ужь... Нѣтъ я не хочу состариться, старухъ никто не люб...

Саша быстро смолкла и оторопѣла. За портьерой появилась генеральша. Она широко раскрыла глаза на насъ, и въ ея фигурѣ на мгновенье отразилось что-то въ родѣ испуга; но потомъ она такъ же быстро овладѣла собою и произнесла съ обычнымъ спокойствіемъ и торжественностью:

— Саша, ты все еще здѣсь? Ступай, мой другъ, въ комнату; ты забыла вѣрно, что надо къ вечеру кончить вышивку?

Дѣвушка сейчасъ же вышла. Я хотѣлъ сдѣлать тоже, но старуха удержала меня.

— Останьтесь со мною, сказала она кротко. Молодые люди не любятъ сидѣть со старухами, но вы должны принести мнѣ эту жертву.

Я сѣлъ. Странное дѣло, мнѣ стало неловко. Во всей фигурѣ и въ тонѣ голоса генеральши было столько власти и затаеннаго упрека, что я немного смутился, точно и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ за собою какую нибудь провинность.

— Что ваша работа? спросила она спокойно и легко.

— Идетъ понемногу. (Я въ то время готовилъ диссертацію).

— И прекрасно. Въ молодыхъ лѣтахъ только и работать. А тамъ придетъ старость, поздно будетъ. Нынче молодые люди, я слышала, хотятъ многое сдѣлать. Дай Богъ: я имъ желаю всего хорошаго... но только успѣютъ ли? Тоже и въ наше время было, тоже затѣвали многое, да ничего не вышло...

— Это вы насчетъ чего, Дарья Павловна?

— Я говорю о нашихъ молодыхъ людяхъ. Они тоже противъ стараго порядка боролись, да ничего не могли сдѣлать. Опасный возрастъ эта молодость? Всегда торопится жить, забѣгаетъ впередъ, бранитъ все старое... Впрочемъ, я вѣдь не могу судить объ этомъ, и вамъ все это можетъ, пожалуй, показаться смѣшнымъ... Ну, что, какъ вы нашли мою Сашу? спросила она, вздохнувъ.

Я промолчалъ, но немогъ не улыбнуться; я видѣлъ, что она подозрѣваетъ меня въ желаніи развратить дѣвушку и что всѣ эти красивыя слова и вздохи имѣли особенную цѣль.

— Слушайте, молодой человѣкъ, заговорила Ругина прямѣе, она у меня еще совсѣмъ дитя, и я горжусь этимъ. Можетъ быть, ея наивность и кажется смѣшною, но не надо мѣшать ей быть счастливою! Я, право, желала бы, чтобы она навсегда осталась такою, и буду стараться объ этомъ, пока жива.

— Вы ее въ монахини вѣрно готовите?

— Что вы! У ней женихъ есть.

— Ахъ, да. Это Мухинъ-то?

— Да, этотъ помѣщикъ. А вы вѣдь смѣетесь надо мною, сказала она, съ печальнымъ упрекомъ обращаясь ко мнѣ,—

вамъ смѣшны послѣднія мечты старухи. Вы думаете, я такъ глупа, что не понимаю вашихъ насмѣшекъ?..

— Я совсѣмъ не смѣюсь, Дарья Павловна, я только думаю, что Александрѣ Алексѣевнѣ немного скучно жить здѣсь; думаю, тоже, что молодость трудно уложить въ старческія рамки. По лѣтамъ она ужь не дитя, и жизнь въ ней рано или поздно прорвется. Повѣрьте-съ!

— А я хочу, чтобы она навсегда осталась ребенкомъ. Дѣтямъ легче живется.

Я смолчалъ, хотя меня подмывало поговорить о многомъ.

— Можетъ быть, я васъ стѣсняю? Вамъ заниматься нужно? спросила она, давая намекъ, что больше во мнѣ не нуждается.

— Да, я пойду.

Выходя изъ гостиной, я слышалъ, какъ она позвонила лакея и велѣла позвать къ себѣ Сашу. И должно быть многое напѣто было ей въ эту минуту и сказано множество приличныхъ случаю нравоученій. По крайней мѣрѣ Саша потомъ видимо избѣгала меня, пуще прежняго опускала глаза, и на всѣ мои разспросы отвѣчала *да* и *нѣтъ*. И пришлось мнѣ такимъ обрасомъ каяться, что осмѣлился заговорить съ нею.

Неожиданно всѣ мои соображенія приняли совсѣмъ иной характеръ, и я даже ощутилъ внезапно какую-то ехидную радость и злобное торжество.

Разъ я до глубокой полночи просидѣлъ въ своей ком-

натѣ за работой и утомился до-нельзя. Я раскрылъ окно. Оно выходило въ садъ. Ночь была тихая, ясная, теплая, и мѣсяцъ былъ на небѣ. Слышались вдали тихіе переливы какой-то ночной пташки, слышался тихій шелестъ листьевъ, и въ окно повѣяло на меня такой нѣгой, такой здоровой, живительной прохладой, что мнѣ вдругъ душно и скучно показалось въ моей комнатѣ; захотѣлось вздохнуть шире и свободнѣе. Я загасилъ огонь и вышелъ въ садъ. Прямо отъ дома шла длинная, тѣнистая аллея, обсаженная старыми липами. Свѣтъ мѣсяца едва пробивался сквозь густые сучья и падалъ на аллею неправильными пятнами, отражая на пескѣ силуэты листьевъ и вѣтвей. Вверху, надъ головою, блестѣли звѣзды и столбами роились мелкія мошки. Славно, легко было, среди этихъ дремлющихъ липъ, и всѣ житейскія тревоги сами собою вылетѣли изъ головы моей. Въ эти хорошія минуты только и живешь полною жизнью природы, тогда только и сознаешь глубокую связь съ нею и ощущаешь въ себѣ присутствіе той же великой силы, которая даетъ жизнь и липѣ, и птицѣ, и крошечной мошкѣ... Идешь впередъ безъ цѣли, глядишь безъ смысла, а между тѣмъ чувствуешь, какъ постепенно входитъ въ тебя какое-то отрезвляющее, глубокое спокойствіе, и дышешь свободно, всею грудью, въ головѣ зарождаются какія-то неясныя желанья, пробуждается страстная жажда простора и отдыха, и — хочется быть одному какъ можно дальше, чтобы ничто не напоминало о человѣкѣ съ его искусственною обстановкой и искусственными тревогами, сплетнями и огорченьями... Славно живется въ такія минуты!..

За аллеей стоитъ ветхій заборъ, протянутый по самому дну небольшой ложбины, а далѣе за нимъ, до самаго горизонта раскинулись безконечныя хлѣбныя нивы. Вотъ и заброшенная бесѣдка на краю оврага, гдѣ мы, бывало, пировали съ Хаменко и любовались съ нимъ на окрестные виды. Мѣсяцъ ярко блеститъ въ стеклахъ оконъ ея. Но вотъ...

Тутъ, братъ, начинается романъ, или лучше сказать: избитая комедія на избитую тему.

Дѣло въ томъ, что, пробираясь къ бесѣдкѣ, я услышалъ недалеко чей-то сдержанный шопотъ. До моего слуха долетали отрывочныя слова, слышался какой-то расчетъ, и „боюсь“ и „Богъ свидѣтель“ и „честное-благородное слово“ и т. п. Скоро на ступеняхъ бесѣдки я замѣтилъ двѣ фигуры; мѣсяцъ свѣтилъ на нихъ такъ откровенно, что я могъ легко разглядѣть ихъ. Къ полному изумленію моему, въ одной изъ фигуръ я узналъ нашу скромницу, Сашу. Прикрывшись бурнусомъ, она сидѣла, склонившись на перила бесѣдки, а у ногъ ея небрежно развалился какой-то мужчина, только не женихъ, потому что при свѣтѣ мѣсяца на его шинели ярко сверкали металлическія пуговицы. Саша, повидимому, была въ страхѣ, постоянно оглядывалась въ разныя стороны и тревожно отстраняла наглыя объятія своего кавалера; но по всему было видно, что это свиданіе у нихъ не первое, и кавалеръ держалъ себя и говорилъ совершенно свободно. Я испытывалъ очень неловкое положеніе, какого давно не испытывалъ; у меня захватило дыханіе отъ неожиданности, и я не зналъ, что мнѣ дѣлать съ собою: идти ли къ нимъ навстрѣчу, или бѣжать назадъ...

— А если вы обманете?.. Мужчинамъ вѣрить нельзя, шептала Саша своему кавалеру.

— Это все враки, милостивая государыня, отвѣчалъ кавалеръ, — это только въ романахъ пишутъ... Ну, ради Бога!.. слушайте, Александринъ!.. А то я, ейбогу, уйду сейчасъ.

— А не уйдете.

— Хотите, уйду?

— А не уйдете...

— Такъ вотъ же вамъ, прощайте!..

Онъ приподнялся.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ, не надо... Какой вы, право, капризный... Ну, садитесь ближе, я васъ обниму крѣпко, крѣпко...

— Давно бы такъ...

И они обнялись крѣпко, крѣпко... Мое положеніе становилось невыносимо; я сознавалъ, что играю роль безкорыстнаго шпіона, и это сознаніе бросило меня въ такой жаръ, что я смѣло рванулся впередъ и пошелъ мимо бесѣдки, будто прогуливаюсь. Эффектъ вышелъ поразительный. Въ одну минуту Саша съ испуганнымъ крикомъ бросилась бѣжать въ темную глубь сада; храбрый рыцарь тоже исчезъ мгновенно, и только вдали нѣсколько секундъ слышался торопливый трескъ сучьевъ и затѣмъ ударъ каблуковъ со шпорами о ветхія доски забора. Я неожиданно остался одинъ у бесѣдки, поднялъ Сашинъ платокъ, поднялъ портсигаръ, забытый кавалеромъ,—и меня началъ душить хохотъ, нехорошій, дьявольскій хохотъ. Почему-то мнѣ вдругъ ясно представилась чопорная фигура генеральши съ ея вѣчною про-

повѣдью нравственности и приличія... Признаюсь, я желалъ бы видѣть ее въ эту минуту, чтобы нахохотаться надъ нею вдоволь.

Въ главной аллеѣ я опять увидѣлъ Сашу; она торопилась мнѣ на встрѣчу.

— Слушайте, вы не говорите, пожалуста,—съ лихорадочною торопливостью прошептала она, схвативъ меня за руку. Лица ея въ тѣни я не могъ разглядѣть, но руки ея сильно дрожали, голосъ былъ неровенъ.—Пожалуста, не говорите, я васъ умоляю.

— Что съ вами, Александра Алексѣевна!... да я ничего и не видѣлъ, совралъ я.

— Нѣтъ, вы видѣли... вы могли видѣть... Послушайте, вы, кажется, добрый... ради Бога, не говорите ничего генеральшѣ... Не скажете? Да?.. Послушайте!.. Она нетерпѣливо сжимала мою руку.

— Мнѣ-то какое дѣло? зачѣмъ я буду говорить!

— Да нѣтъ, вы, пожалуй, скажете... Слушайте, голубчикъ, добренькій, я за васъ всю жизнь буду Бога молить, я буду дѣлать для васъ все, что хотите, только не говорите, ради Бога... чтобъ она ничего не знала... умоляю васъ... голубчикъ!.. Она задыхалась отъ ужаса и волненія и готова была разрыдаться.

— Успокойтесь же, Александра Алексѣевна... Бѣгите скорѣе, домой, а то, пожалуй, опять кто нибудь...

— Нѣтъ, дайте мнѣ честное слово, что не скажете...

— Извольте, даю.

— Да нѣтъ, вы скажите: „честное слово!“

— Ну, извольте: „честное-благородное слово“,—скопировалъ я ея кавалера,—только, право, бѣгите скорѣе.

— Смотрите же... А я всю ночь буду молиться, чтобы вы не сказали... Слышите!..

Саша крѣпко сжала мою руку и, озираясь во всѣ стороны, торопливо побѣжала къ дому. Я пришелъ въ свою комнату, утомленный и взволнованный сильными впечатлѣніями ночи, и долго не могъ заснуть. Такъ вотъ какой выходъ нашла себѣ Саша. Вотъ къ чему, наконецъ, привелъ ее старушечій аскетизмъ!.. Такъ вамъ и надо!..

. . . . . .

На слѣдующій день вечеромъ у Ругиной происходило обычное чтеніе. Собрались опять всѣ тѣ же лица, даже Мухинъ явился. Первый взглядъ мой былъ на Сашу. Она сидѣла на прежнемъ своемъ мѣстѣ, около стола, замѣтно блѣдная и разсѣянная, и механически читала вслухъ о страданіяхъ какой-то добродѣтельной Элизы. При моемъ появленіи она сильно смутилась, и долго не могла оправиться. Генеральша пристально посмотрѣла на нее.

— Я замѣчаю, Саша, что ты сегодня очень разсѣянно читаешь, произнесла она.

Саша робко подняла на нее глаза.

— Ты здорова?

— Здорова-съ.

— У тебя однако и цвѣтъ лица нехорошъ, сегодня. Голова не болитъ?

— Нѣтъ.

— Вѣрно простудилась, какъ въ церьковь ѣздили прош-

лый разъ; тогда вѣтеръ былъ сильный... Ступай лучше въ свою комнату, прилягъ.

— Нѣтъ... я не пойду... мнѣ не хочется.

— Что?

— Я лучше здѣсь останусь.

— Какъ хочешь. Странная какая ты сегодня!

Саша очевидно не хотѣла оставить меня наединѣ съ генеральшей, изъ опасенія, чтобъ я не выдалъ ея тайну. Вѣроятно плохо вѣрила дѣвушка моему „честному слову". Опять принялась она читать, но только чтеніе выходило совсѣмъ плохое.

— Оставь лучше, строго замѣтила Ругина. — Этотъ романъ ты должна прочитать съ особеннымъ вниманіемъ. Тутъ описывается одна идеальная дѣвушка, которая во многомъ можетъ служить для тебя примѣромъ. Такихъ, какъ она, ты немного встрѣтишь въ жизни...

— Зачѣмъ же и знать ихъ, коли ихъ немного; не лучше ли прежде познакомиться съ тѣми, какихъ больше? — сунуло меня сказать.

— Зачѣмъ это? Извините, я васъ не понимаю, съ удивленіемъ произнесла старуха, не ожидавшая возраженій. Саша пугливо посмотрѣла на меня.

— Да затѣмъ, что Александрѣ Алексѣевнѣ вѣроятно придется жить съ обыкновенными людьми, а не съ иностранными идеалами?

— Успѣетъ она узнать ихъ.

— Можетъ быть, да только горькимъ опытомъ. Ска-

жите пожалуста, Дарья Павловна, у васъ по вечерамъ читаются когда нибудь русскіе романы?

— Не люблю я ихъ, съ кислой миной отвѣтила Ругина. Рѣдкій изъ нихъ можно читать вслухъ. Все тамъ одна грязь; особенно эти новые романы, говорятъ, всѣ такіе безнравственные... Однако я что-то утомилась сегодня и плохо себя чувствую. Саша, послушайся меня, лягъ раньше; я сама сейчасъ пойду.

— И я то же пойду-съ, ваше превосходительство; позвольте пожелать вамъ спокойной ночи-съ, — пискливо вставилъ Мухинъ, молчавшій весь вечеръ.

— Прощайте.

Генеральша медленно поднялась и вышла. За нею отправилась и Саша, видимо довольная тѣмъ, что вечеръ кончился благополучно. На Мухина она даже и не взглянула, такъ что тотъ раскланялся съ нею уже заочно. Меня всегда изумляло это полное равнодушіе Саши къ жениху, — и между тѣмъ ни малѣйшаго протеста противъ этого брака! Ужь не разсчитываетъ ли она на своего офицера? Мнѣ вдругъ захотѣлось поближе познакомиться съ Мухинымъ, чтобы видѣть, какую роль можетъ онъ играть въ дальнѣйшей жизни Саши. Я пригласилъ его въ свою комнату, тѣмъ болѣе, что спать еще было рано, а работать не хотѣлось.

— Не поздно ли будетъ-съ? спросилъ онъ въ нерѣшимости.

— Нѣтъ, ничего, загляните.

— Я очень радъ, и, ежели не стѣсню—я съ большимъ удовольствіемъ...

Я ввелъ его въ комнату, усадилъ въ кресло и сталъ показывать ему свои зоологическія богатства. Онъ глядѣлъ и улыбался.

— Вотъ вы все букашекъ разныхъ собираете, а я такъ больше огородами занимаюсь. Всякому, значитъ, свое отъ Бога положено...

— Это совершенно справедливо. А у васъ большіе огороды?

— Похвастаться не могу-съ, а кой-какъ перебиваюсь. Достатки наши извѣстные-съ: двадцать семь душъ было всего, да и тѣ на волю теперь ушли... по манифесту-съ. Ну, мы и за огороды засѣли; что станешь дѣлать! хе-хе-хе!

— Да не хотите ли вы ромцу выпить со скуки? у меня славный есть! перебилъ я его, начиная дѣйствовать радикально.

— Если выпить, такъ ужь не отъ скуки, а ради пріятнаго знакомства. Только чтобъ генеральша не тово...

— На счетъ этого будьте спокойны. Я сплетничать не люблю.

Я налилъ ему рюмочку—выпилъ, и вторую выпилъ, и третью выпилъ и постепенно дѣлался откровеннѣе. Скоро онъ признался мнѣ, что имѣетъ виды прочно поправить свое состояніе, что онъ навелъ уже вѣрныя справки насчетъ приданаго Саши, и что генеральша обѣщала ему свои какіе-то Зарубинскіе покосы, если онъ женится на ея воспитанницѣ и будетъ жить съ нею хорошо.

— А на счетъ этого я спокоенъ вполнѣ-съ, говорилъ Мухинъ; человѣкъ я смирный, богобоязненный, никого пальцемъ не трону, если меня не трогаютъ. Ну, а тронутъ—я не виноватъ, сейчасъ его и подъ законы... Я законы-то знаю хорошо.

— Гдѣ же вы познакомились съ генеральшей?

— Въ церкви-съ; такъ сказать — въ храмѣ Божіемъ. Мы вѣдь знаемъ, какъ и гдѣ познакомиться надо, тоже вѣдь не того... голова у насъ не пустая, хе, хе, хе! прибавилъ онъ, замѣтно хмѣлѣя, потому что между разговорами глоталъ рюмку за рюмкой.—Я это все давно выжидалъ, да искалъ случая... ну, вотъ и вышелъ случай, и все какъ надо-съ.

— А невѣсту-то любите?

— Невѣсту-съ? Да, признаться, я ее мало знаю; ей-богу-съ! Эта Александра Алексѣевна для меня особа совсѣмъ непонятная. Дѣвица она, должно полагать, скромная, воспитана въ страхѣ Божьемъ—какъ нибудь уживемся. А если не по характеру выйдетъ-съ, такъ и это мнѣ наплевать... Ей-богу-съ. Я вѣдь не тово... Я тоже по закону... извините, что я такъ выражаюсь... Вотъ, кабы еще ромцу-съ... Я пью рѣдко, но не люблю по малости, хе-хе-хе!..

Я налилъ ему еще. Мухинъ пилъ и завирался больше и больше. Наконецъ у меня рому больше не хватило, да, по правдѣ сказать, и ненужно было больше,—гость и такъ былъ весь на лицо. Въ теченіе одного часа онъ успѣлъ мнѣ опротивѣть до-нельзя. Гадко и пошло все это, но надо

же было узнать, какая будущность ожидаетъ Сашу,—ну, и знаю теперь. Насилу выпроводилъ я Мухина изъ своей комнаты, и долго потомъ еще слышалъ, какъ на лѣстницѣ онъ объяснялся съ Христофоромъ и сулилъ ему рубль въ будущемъ, на что Христофоръ флегматично отвѣчалъ: „эка невидаль—рубль; намъ и больше давали.“

Былъ второй часъ ночи, когда я остался одинъ. Черезъ минуту опять слышу осторожный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ опять? окликнулъ я не безъ досады.

Отвѣта не было никакого. У меня что-то вдругъ ёкнуло сердце, и я не безъ волненія отодвинулъ защелку. Въ темныхъ сѣняхъ я разглядѣлъ Сашу. Она была еще въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ читала вечеромъ.

— Боже мой, какъ вы рискуете однако! вырвалось у меня,—ну, что если увидитъ кто?..

— О чемъ вы говорили съ Мухинымъ? торопливо спросила она шопотомъ.

— А вы можетъ быть стояли за дверью и сами все слышали?

— Нѣтъ, я не могла слышать... Вы пожалуста и ему тоже ничего не говорите про вчерашнее... Или сказали ужь?

— Не говорилъ.

— Пусть онъ тоже ничего не знаетъ... Прощайте!

— Позвольте, я кстати отдамъ вамъ ваши вещи.

Я отдалъ ей платокъ и портсигаръ, забытые ими въ достопамятную ночь у бесѣдки. Съ легкимъ крикомъ схватила она эти вещи и проворно спрятала въ карманъ. Я улыбался.

— Послушайте, Александра Алексѣевна, заговорилъ я,—можно мнѣ дать вамъ добрый совѣтъ?

— Говорите, но только пожалуста поскорѣе...

— Не довѣряйтесь вы такимъ хлыщамъ, какъ вашъ возлюбленный. Право, онъ васъ обманетъ, и жестоко обманетъ...

— А вы почему знаете?

— Я ничего не знаю, я только увѣренъ въ этомъ, потому что знаю подобныхъ людей наизусть.

— Врете вы все. Впрочемъ я право сама ничего не знаю... просто даже голова кружится... Прощайте!

Она ушла.

Прошло еще дня три. Во все это время я не узнавалъ Сашу. Ея обычное спокойствіе видимо измѣнило ей; она была разсѣянна, постоянно думала о чемъ-то, отвѣчала невпопадъ, Бетховена играла весьма дурно, а читала такъ необыкновенно, что совсѣмъ ничего нельзя было понять. Генеральша замѣтила эту перемѣну; она съ недоумѣніемъ слѣдила за дѣвушкой и преслѣдовала ее своими распросами и участіемъ. Саша постоянно чувствовала на себѣ ея взглядъ и дѣлала послѣднія усилія, чтобы казаться попрежнему спокойнымъ и наивнымъ ребенкомъ, но не могла: все выходило неестественно, угловато, и это еще болѣе смущало дѣвушку. А генеральша іезуитски преслѣдовала ее съ каждымъ часомъ больше и больше. Разъ произошла даже маленькая сцена, непривычная для нервовъ генеральши. Вечеромъ однажды, послѣ чтенія и музыки, когда всѣ обычныя средства къ развлеченію были испробованы и оказались безуспѣш-

ными, — Дарья Павловна ласково усадила дѣвушку возлѣ себя и принялась систематически выпытывать у нея ея тайну. Я сидѣлъ тутъ же въ углу и машинально вертѣлъ въ рукахъ какую-то книгу. Мухина не было; послѣ выпивки онъ еще ни разу сюда не показывался. Саша сидѣла подлѣ генеральши въ какой-то болѣзненной истомѣ и готова была расплакаться. Тяжело было видѣть ее.

— Право, я ничего не чувствую, слабо повторяла она на безотвязные распросы генеральши.

— Но вѣдь я вижу, я не слѣпая... Ты должна мнѣ все сказать, что чувствуешь. Если больна, надо послать въ городъ за докторомъ.

— Увѣряю васъ, я здорова...

— Нѣтъ, ты больна, на тебѣ лица нѣтъ, ты ничего не кушаешь... Лихорадка что-ли у тебя? Ознобъ есть? А? Саша, чтожь ты не отвѣчаешь?

— Я здорова, здорова, здорова! крикливо отвѣтила дѣвушка, усиливая голосъ на каждомъ словѣ.

— Что же ты сердишься, мой другъ! я, кажется, имѣю право требовать, чтобы ты была со мною откровеннѣе; я тебя воспитала, я тебѣ замѣнила мать... слышишь? Тебя вѣрно обидѣлъ кто нибудь? Наговорили тебѣ разныхъ пустяковъ, и ты повѣрила...

Саша ничего не отвѣчала, однако губы ея начинали дрожать, а на глазахъ навернулись слезы. Меня самаго начинала душить злость, тѣмъ болѣе, что старуха очевидно намекала ей на меня.

— Вотъ еще новости, я вижу у тебя слезы, продолжала

Ругина: — ты плачешь, кажется?.. Я этого прежде никогда не замѣчала за тобой.

Дѣвушка наклонила голову и кусала губы, истерично вздрагивая.

— Ну, о чемъ ты плачешь, говори мнѣ?.. А? Саша?.. Послушай! Это вѣдь смѣшно наконецъ.

— Да отстаньте же вы отъ меня!!.. съ воплемъ вырвалось наконецъ у Саши. — Убѣгу я, право убѣгу, брошу все!.. закричала она съ громкимъ рыданьемъ и внѣ себя бросилась вонъ изъ комнаты.

Генеральша быстро встала и съ недоумѣніемъ поглядѣла въ слѣдъ ей. На лицѣ ея выразился испугъ, изумленіе и чувство глубокой обиды.

— Что это съ нею? что она сказала?.. Нѣтъ, это не даромъ; тутъ что-то есть...

Она торопливо отправилась въ ту комнату, куда убѣжала Саша, но черезъ минуту вернулась и тяжело опустилась въ кресло.

— Заперлась!.. не пускаетъ меня!.. Что это съ нею дѣлается, вы не знаете? обратилась она ко мнѣ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вѣроятно простудилась, и отъ этого сдѣлалось маленькое нервное раздраженіе... можетъ быть и непріятности какія подѣйствовали.

— А я завтра уѣзжаю, генеральша, проговорилъ я глухо, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Уже? Соскучились вѣрно? и она старалась сдѣлать на своей физіономіи обычную вѣжливую улыбку.

— Надо ѣхать.

— Не смѣю держать васъ. Вы люди молодые, вамъ съ нами невесело.

— Да не въ томъ дѣло, Дарья Павловна; зачѣмъ вы не говорите со мною прямо: вѣдь вы подозрѣваете меня въ заговорѣ противъ васъ,—значитъ мнѣ надо ѣхать, чтобы не пугать васъ напрасно.

— Развѣ я подозрѣваю васъ? Что вы? Это неправда. Я вполнѣ увѣрена въ вашей честности и благородности... Можетъ быть иногда нечаянно я и сказала какую нибудь мысль, съ которою вы не можете быть согласны, такъ вы должны извинить старуху. Я вамъ въ бабушки гожусь...

— Я это вполнѣ чувствую, Дарья Павловна, и очень вамъ благодаренъ за откровенность.

Сухо и холодно мы разошлись, и обоимъ намъ стало легче отъ этого.

Утромъ рано, на другой день, въ мою комнату неожиданно вошелъ Христофоръ.

— А, вы дома? спросилъ онъ, тупо оглядывая меня.

— Какъ видишь, братецъ.

— Ея превосходительство велѣли узнать. Онѣ очень тревожатся, что барышни нѣту дома.

— Какъ, нѣту?

— Да такъ-съ, и не ночевала-съ; должно быть еще съ вечера ушли; и постель совсѣмъ нетронута.

— Гм... Вотъ что!.. Ну, скажи Дарьѣ Павловнѣ, что я цѣлъ и невредимъ, и что желалъ бы даже видѣть ее.

— Слушаю-съ: А вы не знаете, гдѣ барышня?

— Почемъ же я знаю!

— Это я къ тому собственно, что ежели спроситъ вдругъ...

Онъ ушелъ. Меня самого изумило это извѣстіе, потому что я вовсе неожидалъ, чтобы Саша могла избрать для себя такой рѣшительный исходъ. Вѣроятно это было сдѣлано ею спроста, поребячьи, безъ всякаго строго обдуманнаго плана. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ полонъ смысла и очень назидателенъ для старухъ, подобныхъ Ругиной.

Я отправился въ гостиную. Черезъ полчаса вышла и генеральша. Она имѣла сегодня особенно гордый и даже торжественный видъ, только въ костюмѣ ея проглядывалъ маленькій безпорядокъ и голова тряслась сильнѣе обыкновеннаго. И несмотря на этотъ гордый видъ, она показалась мнѣ такою жалкою, что даже и злиться на нее не хотѣлось.

— Извините меня, я васъ задержала, кажется, произнесла она, указывая мнѣ на кресло. Вы меня хотѣли видѣть?

— Я хотѣлъ проститься съ вами.

— Ну, вотъ... желаю вамъ всего... Куда-жь теперь?

— Я думаю сначала заѣхать въ Москву, а потомъ отправлюсь къ Хаменкѣ.

— Кланяйтесь ему отъ меня и передайте, что... скажите, что Саша...

— Это правда, что она исчезла куда-то?

— Да, ушла... убѣжала... Я, право, все еще не могу опомниться. Что же это такое... куда? съ кѣмъ? Это такъ неожиданно, такъ неблагодарно, наконецъ... Я для нее дѣлала все, что могла, я ее вытащила изъ грязи, и надѣялась, что она оцѣнитъ это, пойметъ, что она мнѣ во всемъ обязана... Неблагодарная!..

— Да вы не тревожтесь, Дарья Павловна, она вернется.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ. Можетъ быть даже къ вечеру, можетъ черезъ день, черезъ недѣлю...

— Она вамъ говорила это?

— Не говорила, но я знаю, что ей больше некуда дѣваться; къ вамъ же придетъ.

— Нѣтъ, довольно... Не хочу я этого... Я и такъ утомилась съ ними; пора перестать. Это мнѣ второй урокъ, и самый тяжелый утокъ...

Генеральша опустила голову и закрыла глаза рукою. Минута была въ самомъ дѣлѣ драматическая.

— Да вѣдь этого надо было ожидать! заговорилъ я въ видѣ утѣшенія—потому, дѣвушка молодая, а тутъ...

— Виновата, я васъ перебью: долго вы пробудете у Хаменки?—нервно перебила меня Ругина (и признаюсь, перебила очень кстати).

— Не знаю, отвѣтилъ я, какъ поживется.

— Ну, счастливый вамъ путь! А я останусь одна, и никого мнѣ больше не нужно. Я даже рада отчасти, что

отдѣлалась отъ Саши... Такъ свободнѣе, точно гора съ плечъ упала... Не буду я больше мѣшать вашей жизни.

— И прекрасно сдѣлаете.

Въ тотъ же день я уѣхалъ, и тоже почувствовалъ себя свободнѣе, точно гора съ плечъ упала...

Ты думаешь, другъ, что она и въ самомъ дѣлѣ рада бѣгству Саши? Вретъ. Она мучится. И пусть мучится хорошенько; такъ ей и надо!..

Вѣроятно ты будешь читать кому нибудь мой разсказъ и тебя навѣрное спросятъ: что же сдѣлалось съ Сашей? Скажи, что она вернулась, и вышла замужъ за Мухина, который взялъ ее „какъ есть", въ придачу къ землѣ, пожалованной ему генеральшей въ видѣ приданаго. Скажи, что она совсѣмъ отупѣла, и что мужъ ее бьетъ. Ейбогу, бьетъ. И этому удивляться вовсе не слѣдуетъ, и вздыхать попусту нестоитъ. Звѣри разныхъ породъ рѣдко уживаются въ мирѣ. Таковъ законъ природы. Такъ и быть должно при такомъ порядкѣ вещей.

Печальныя встрѣчи.

(изъ замѣтокъ туриста).

I.

Невѣста.

Далеко отсюда, гдѣ-то на югѣ Россіи, есть незначительный уѣздный городокъ съ обыкновенной уѣздной физіономіей, съ сѣрыми заборами и желтыми присутственными мѣстами, въ которомъ обыватели вѣчно заняты мелкими интересами бюрократическаго и торговаго свойства, и, съ ужасомъ открещиваясь отъ разныхъ нововведеній, придерживаются еще стараго китайскаго закона: „чинъ чина почитай“;—словомъ одинъ изъ тѣхъ заплѣсневѣлыхъ городковъ, какіе сотнями раскинулись по Россіи и похожи другъ на друга, какъ родные братья. Въ этотъ городокъ занесла меня нелегкая по капризу моихъ товарищей-туристовъ, которымъ почему-то вздумалось назначить его для всѣхъ насъ сборнымъ мѣстомъ. Пріѣхалъ я, какъ слѣдуетъ, на перекладныхъ, въ пыли и грязи, избитый и изломанный, и остановился по уговору въ ближайшей гостинницѣ „Москва“. Въ гостинницѣ оказалось неудобно и дорого, а такъ какъ

я человѣкъ небогатый, то и счелъ за лучшее справиться, нѣтъ ли гдѣ по близости уютной комнатки съ харчами и подешевле. Съ этою цѣлью, на другой же день я отправился на поиски.

Гостинница стояла на самомъ краю города. Она выходила лицомъ на широкую, безлюдную улицу, перерѣзанную глубокими колеями. Среди улицы стояли лужи и въ нихъ барахтались свиньи; кое-гдѣ изъ-за комковъ грязи торчали камни почтенной величины — признаки мостовой, которую всегда осторожно объѣзжаютъ неприхотливые обыватели городка. По обѣ стороны ея чиннымъ рядомъ вытянулись деревянные домики сѣраго цвѣта съ палисадниками и упирались въ какое-то непроходимое болото, за которымъ шло городское кладбище. Я пошелъ вдоль по улицѣ, по направленію къ болоту, и вотъ вижу: у одного незатѣйливаго домика съ мезониномъ, подлѣ калитки, сидитъ тщедушная, точно обглоданная кѣмъ-то, личность, въ халатѣ и покуриваетъ трубочку; а у калитки бѣлѣется надпись: „отдается комната въ мезонинѣ.“ Тебя-то мнѣ и надо.

— Гдѣ же тутъ комната? спросилъ я у личности.

— А вамъ комнату надо? спросила та въ свою очередь быстро поднявшись и согнувъ спину.

— Да, я бы посмотрѣлъ.

— Хе, хе, хе... такъ это у меня-съ; я хозяинъ... — И съ этими словами онъ проворно повернулся и вошелъ въ калитку. Я за нимъ. На лѣстницѣ встрѣтила насъ довольно полная женщина среднихъ лѣтъ и сурово оглядѣла меня съ

головы до ногъ. За ней появилось сморщенное лицо старухи въ исполинскомъ чепцѣ.

— Смотри, мать моя, заговорила первая: — онъ опять кого-то тащитъ сюда. Кого ты поймалъ еще, свиное рыло? что за дьяволы такіе, покою не даютъ!

— Шш... не кричи, Марья Ефимовна, это тово.... квартиру...

— Да вы наемщикъ что ли? спросила та болѣе ласково.

— Наемщикъ, отвѣчалъ я.

— Такъ извините пожалуйста, я совсѣмъ съ толку сбилась; мало ли кто тутъ шляется... Пожалуйте-съ.

Она въ попыхахъ бросилась впередъ и отворила двери. Мы прошли черезъ темный узкій коридоръ и очутились въ небольшой комнатѣ, загроможденной до-нельзя разнымъ тряпьемъ и посудой. Барыня вошла, да такъ и ахнула.

— Батюшки-свѣты! закричала она, всплеснувъ руками, — да здѣсь слякоть-то какая... Ольга, а Ольга! гдѣ ты тамъ?

— Чего вамъ? — спросила черноглазая дѣвушка, выглянувъ изъ дверей.

— Схвати юбки-то живѣе—вишь мущина.

Но дѣвушка взглянула на меня только мелькомъ и мигомъ исчезла. Хозяйка заахала и заметалась по комнатѣ, схватывая что попало.

— Да что вы такъ хлопочете? вмѣшался я: — юпки дѣлу не мѣшаютъ. Мы сперва порядимся, а потомъ и прибирайте какъ знаете.

— Какъ же, батюшка, можно, чтобъ срамъ такой вы-

шелъ; вѣдь людей стыдно. Да вы изъ благородныхъ, или по торговой части?

— Я и самъ не знаю, сударыня, отвѣтилъ я уклончиво и сталъ оглядывать комнату. Комната ничего, какъ слѣдуетъ быть ей: съ окномъ на улицу, съ обоями...

— Надо полагать, пріѣзжій? опять вставила хозяйка.

— Да-съ, пріѣзжій.

— Издалека пріѣхали?

— Издалека! Ну, а сколько же вы просите за комнату?

— Прежде ходила по 9 цѣлковыхъ со столомъ, и деньги впередъ брали.

— Да я, можетъ быть, всего только нѣсколько дней проживу. Давайте рядиться поденно.

— Что жъ, мы лишняго не возьмемъ: положите ужь по рублю ассигнаціями въ сутки. Сами прислуживать будемъ.

— Ну, хорошо; положу.

— Такъ здѣсь прибрать надо.

— А прибрать еще успѣете; я переберусь къ вечеру.

На томъ и порѣшили.

Подъ вечеръ я прислалъ на новоселье свои вещи; чемоданъ, подушку и ящикъ съ рисовальными принадлежностями, а потомъ и самъ приплелся. Комната моя, между тѣмъ, приняла уже болѣе приличный видъ; мебель разставили въ порядкѣ, полы вымыли, даже штору съ бахрамой привѣсили у окна, чего я не замѣтилъ прежде. Хозяйка встрѣтила меня въ чепцѣ съ розовыми лентами и съ жеманной улыбкой. Она долго передвигала изъ угла въ уголъ мои вещи, стараясь дать имъ болѣе удобное помѣщеніе; потомъ

отерла потъ съ лица и усѣлась на диванъ съ видимымъ желаніемъ побесѣдовать со мною.

— Ну, ужь умаялась я съ этой комнатой, начала она: — грязи-то столько, что не приведи Господи. Теперь стало почище.

— Да, теперь почище.

— Тутъ, знаете, до васъ жила одна вдова регистраторша, болѣе года жила, Опенкова; можетъ слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Сидора Кузмича покойника племянница. Такъ я вамъ скажу, просто злость беретъ на нее. Въ годъ-то она такъ отдѣлала эту комнату, что и подобія никакого въ ней не осталось; вездѣ, бывало, грязь у ней; валяется разное тряпье, да мусоръ, что клоповъ-то однихъ развела — уму непостижимо; ужь такъ рады были, что выѣхала... А вотъ вы, какъ видно, человѣкъ чистый, любите, значитъ, акуратность всякую.

— Конечно, говорю, чистота вещь хорошая.

— Ну, и все же мужчина—порядокъ, значитъ, понимаете, не то что нашъ братъ — баба. Нѣтъ, ужь закаялась пускать бабъ къ себѣ на квартиру; окромя ссоръ, да сплетень ничего-то отъ нихъ нѣту. Сперва все еще нешто; поговоришь себѣ, знаете, кофейку вмѣстѣ выпьешь, будто и съ человѣкомъ, а потомъ и пойдетъ исторія: и зачѣмъ-де ейный кофейникъ съ плиты сдвинула, сливки недосмотрѣла, корыто вынесла не во-время, — въ день-то такъ надоѣстъ, что и мѣста не найдешь. Въ нѣсколько дней пронюхаетъ всю подноготную, а потомъ и слушай отъ нея разные по-

преки; конечно, у кого грѣховъ нѣту, а все же нехорошо. Такъ-то.

— Да; это негодится.

— Да и мужъ-то у меня не изъ праведныхъ, продолжала она: глупѣе всякаго дерева, а къ юпкамъ льнетъ не хуже другихъ. Нече грѣха таить, охотникъ до скороми... Вотъ и теперь съ нами одна старая дѣвка живетъ: ужь чего, кажется, гаже ейное рыло; поглядѣть, такъ просто съ души воротитъ, а нѣтъ вѣдь: чуть увернешься куда, онъ какъ тутъ, отпускаетъ ей разные куры-муры. Мнѣ-то все одно: пускай любовничаетъ, коли охота есть, да людей стыдно: все же мужъ вѣдь... А вы долгонько проживете съ нами? прибавила она вкрадчиво.

Можетъ быть, недѣлю, а можетъ и болѣе. Мнѣ надо здѣсь дождаться своихъ товарищей, и потомъ всѣ вмѣстѣ поѣдемъ дальше.

— Куда это? смѣю спросить.

— Далеко.

— Такъ. Ну, Богъ дастъ, сживемся; у насъ не соскучитесь. Вотъ въ окошечко поглядите, народъ тамъ ходитъ; а тутъ и церковь близехонько. Диванъ у васъ мягкій, заснете какъ убитый... Мы люди хоть и не богатые, да смирные; мужъ мой тоже изъ благородныхъ, прежде чиновникомъ былъ, а теперь въ полицію нанялся писать,—вотъ съ нимъ когда потолкуете...

— Потолкуемъ, — отчего жъ не потолковать.

— А теперь я пойду. Вамъ съ дороги отдохнуть надо. Коли что понадобится, постучите въ перегородку.

— Хорошо, постучу.

Хозяйка вышла. Я опять сталъ разглядывать свое помѣщеніе. Одна только перегодка отдѣляла меня отъ сосѣднихъ комнатъ, такъ что я становился невольнымъ свидѣтелемъ хозяйскихъ разговоровъ и хлопотъ. На перегородкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ косыми глазами, безъ рамки и безъ стекла, и Петръ великій на Ладожскомъ озерѣ, уже пожелтѣлый и облитый чѣмъ-то. У перегородки, плотно прижавшись къ ней, стоялъ колчоногій столъ, покрытый бѣлою скатертью съ желтыми пятнышками по мѣстамъ; по сторонамъ два дѣдовскіе стула съ клеенчатыми подушками. Напротивъ, у стѣнки, клеенчатый диванъ, изрытый впадинами и буграми отъ частыхъ сидѣній на немъ; надъ спинкой проведены пальцами по обоямъ кровавыя полосы отъ казни извѣстнаго рода преступниковъ, а выше, подъ стекломъ, висѣлъ патентъ на первый чинъ, въ золоченой рамкѣ. Въ углу, на деревянномъ треугольникѣ помѣщалась большая икона въ ризѣ, увѣшанная четками, лентами и цвѣтами; передъ нею засаленная книга церковной наружности, коробка съ ладаномъ и прилѣпленъ восковой огарокъ, засиженный мухами. Въ другомъ углу трубка и тазъ съ пескомъ... Ничего, жить можно, подумалъ я и опустился на диванъ. Сколько разъ приходилось мнѣ на пути останавливаться въ подобныхъ комнатахъ, и всѣ онѣ будто вылиты въ одну форму: та же мебель, вызывающая воспоминанія чего-то прошлаго; тѣ же хозяева, будто знакомые и видѣнные уже гдѣ-то; наконецъ то же стараніе прикрыть семейную голь и нищету приличною наружностью, чтобы эта

голь не сразу бросилась въ глаза. А между тѣмъ изъ-подъ этой парадной покрышки такъ и сквозитъ голая правда, видится весь нехитрый бытъ семьи, ея вѣрованьица и вѣчное поклоненіе тѣмъ силамъ, которыя гнетутъ и давятъ ихъ незатѣйливую жизнь. Та же перегородка съ узкимъ отверстіемъ подъ потолкомъ, сквозь которое я слышалъ, бывало, столько семейныхъ сценъ, бо̀льшею частію грязныхъ, печальныхъ, которыхъ становишься невольнымъ участникомъ, и невольно же страдаешь за эту жалкую, безвыходную жизнь. Много пришлось мнѣ колесить по Россіи, заглядывая мимоѣздомъ въ разные закоулки нашего общественнаго быта, и много грустныхъ впечатлѣній вынесъ я изъ этой страннической жизни. Все-то пришлось мнѣ видѣть слезы, да вздохи, жизнь лицемѣрную, угнетенную, безнадежность будущаго и вѣчную борьбу съ разными самодурствами. Богъ знаетъ почему это такъ случалось: нарочно ли судьба наталкивала меня на такія встрѣчи; зависѣло ли это отъ желчнаго настроенія души моей, побуждающаго отыскивать темныя пятна и въ свѣтлыхъ, повидимому, сторонахъ жизни, или на самомъ дѣлѣ дѣйствительность на Руси такая безотрадная и искаженная, что трудно встрѣтить въ ней кружокъ, гдѣ бы люди жили спокойно, не тяготясь другъ другомъ и безъ упрековъ совѣсти глядѣли въ свое прошлое и будущее...

Что̀-то здѣсь узна̀ю я чрезъ эту перегородку? Успѣютъ ли въ эти дни высказаться мои хозяева? А чуется мнѣ, что и здѣсь что-нибудь да не такъ; хозяйка уже проговорилась, что у нихъ есть какіе-то грѣхи, боящіеся гласности,

да и обстановка что-то слишкомъ знакомая: не даромъ же она навела меня на горькія думы. А вотъ увидимъ...

Въ сумерки въ мою комнату вошла Ольга съ чайнымъ приборомъ и засвѣтила огонь. Она была причесана очень кокетливо и одѣта въ чистое ситцевое платье, отъ котораго еще пахло недавнимъ мытьемъ. Теперь только я замѣтилъ, что эта дѣвушка хоть куда: стройная, свѣженькая, съ черными ясными глазками, которые смотрятъ такъ ласково, будто заглядываютъ въ самую душу и нѣжатъ ее.

— Я, кажется, не во-время пришла, заговорила она звучнымъ голосомъ, — вы еще отдыхаете.

— Нѣтъ я не сплю, моя милая.

— Ужь и *милая*; что такъ скоро?

— А кто же вы? спросилъ я приподнявшись.

— Я дочь отставнаго губернскаго секретаря, вашего хозяина.

— Вы?

— Да, я. Чему-жъ вы удивляетесь?

— Извините, я полагалъ...

— Вы думали, что я служанка? Ошиблись.

— Въ такомъ случаѣ болѣе не буду называть милой. Какъ же зовутъ вашего папашу?

— Зовутъ его Иваномъ Иванычемъ Андреевымъ; съ нимъ живетъ его супруга Марья Ефимовна, а при нихъ дочь Ольга. Вотъ вамъ все наше семейство.

— Давно я не встрѣчалъ такихъ бойкихъ дѣвушекъ, какъ вы.

— О, я бѣдовая!.. Ну, гдѣ же чай вашъ? или вы сами заварите?

— Да нѣтъ, вы скажите еще одно: вамъ есть пятнадцать лѣтъ, или нѣтъ еще?

— Опять ошиблись. Мнѣ о Рождествѣ минуло семнадцать.

— Какая большая! Чай и женихъ есть?

— Можетъ быть... Да что же вы въ самомъ дѣлѣ не отвѣчаете, гдѣ у васъ чай?

— Не безпокойтесь; я самъ заварю. Вы дайте только самоваръ, да приходите пить чай вмѣстѣ со мной!

— Благодарю. Это будетъ слишкомъ много для перваго знакомства.

— Ольга! что ты тамъ такъ долго балагуришь съ мущиной? крикнула хозяйка черезъ перегородку:—смотри, я Осипу Петровичу скажу!

— Я сейчасъ иду.

— Что это за Осипъ Петровичъ? спросилъ я.

— Это одинъ страшный человѣкъ, которымъ меня постоянно пугаютъ,—отвѣтила Ольга уже въ дверяхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она внесла маленькій самоваръ, и принялась хлопотать около стола. Я отыскалъ свой дорожный погребецъ съ чаемъ и отдалъ въ ея распоряженіе. Долго она возилась съ нимъ, стараясь уставить всѣ вещи на небольшой площадкѣ стола; потомъ заварила чайникъ, поставила его на самоваръ, прикрыла салфеткой и мелькомъ взглянула на меня. Я улыбался.

— Вы, кажется, смѣетесь надо мной? спросила она, зарумянившись.

— Нѣтъ, я любуюсь вашимъ умѣньемъ хозяйничать.

— Любуйтесь сколько угодно, только чуръ не смѣяться.

— А знаете, объ чемъ я хочу просить васъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Позвольте мнѣ срисовать ваше личико въ свой альбомъ.

— Это зачѣмъ?

— Такъ, для памяти.

— А вамъ непремѣнно надо помнить меня?

— Конечно. У меня есть привычка срисовывать въ свой альбомъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ понравятся.

Она засмѣялась и кокетливо поправила волосы.

— Пейте лучше чай, онъ уже настоялся. Налить вамъ?

— А вы что же не отвѣчаете на мою просьбу?

— Послѣ когда нибудь отвѣчу... Видите, я опять заговорилась съ вами, а меня бранить будутъ. До свиданья.

Она взглянула на меня, улыбнулась еще разъ и торопливо вышла.

— Я дѣйствительно остался подъ вліяніемъ самаго пріятнаго впечатлѣнія, потому что не ожидалъ подобной встрѣчи. Такъ мило говоритъ и держитъ себя, такая бойкость и простота — совсѣмъ не похожа на уѣздную барышню...

— Вѣроятно, избалованная любимица папеньки, да маменьки, подумалъ я, усаживаясь къ столу. — Надобно будетъ сойдтись съ нею, чтобы не умереть здѣсь отъ скуки, пока пріѣдутъ товарищи. А сойдтись съ ней, кажется, не трудно.

Стаканъ съ нарисованной на немъ мухой и чайникъ оказались, однако, подозрительной чистоты; вода чѣмъ-то пахла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я откасался бы отъ такого напитка, но, поѣздивъ по родинѣ, убѣдился, что это едва ли не общая принадлежность нашего хозяйства, и привыкъ. Можно привыкнуть и къ грязи... За перегородкой кто-то мѣрно скрипѣлъ перомъ и шепотомъ диктовалъ себѣ разные титулы и выраженія канцелярской риторики. Изъ кухни слышался крикъ двухъ спорящихъ бабьихъ голосовъ. Вотъ эти голоса приближаются, и наконецъ ясно обозначился голосъ хозяйки, ругавшей на чемъ свѣтъ стоитъ свою сожительницу-старуху. Дѣлать нечего, пришлось и мнѣ выслушать эту ругань.

— И родня-то вся у тебя подлая была, кричитъ хозяйка, такъ и ты въ нее вышла, аспидъ эдакой!

— Ужь кто бы говорилъ, да не ты; шла бы къ полюбовнику-то своему, да вѣшалась бы ему на-шею, — тоже родней колоть стала!

— Ну, что жъ, коли любовникъ есть? у тебя небось его не было! а кто Алексѣя-то Митрича обокралъ, какъ не ты? Зато насъ никто въ воровствѣ не попрекнетъ... Мы не воры...

— Не воры вы... А за что твоего мужа изъ службы-то выгнали?..

— Убогой человѣкъ; ума не было, такъ и выгнали.

— Врешь ты, знаю я эту штуку: небось сумасшедшимъ прикинулся, какъ за казенныя деньги отвѣчать пришлось...

— Ужь меня-то не троньте, Бога ради! смирно вмѣшался хозяинъ.

— Кто тебя, дурень, трогаетъ! Эхъ ты, булыжная головушка! Проглядѣлъ жену, да дочку!..

— Ну, ладно, полно; ужинать пора.

Голоса притихли. Слышу: накрываютъ на столъ.

— Садитесь съ Богомъ, говоритъ хозяйка, а гдѣ же Ольга?

— Вотъ ты за дочкой-то глядѣла бы лучше, а то сломитъ она свою головушку; больно прытка стала, — опять начинаетъ старуха.

— Да замолчишь ли ты, аспидъ? Коли жить съ нами не любо, такъ убирайся куда хочешь, не неволимъ.

— Уйдти-то мнѣ недолго, только вамъ непоздоровится отъ того...

— Полноте, Василиса Андреевна, заговорилъ хозяинъ ласково — вѣдь это тово... шутки все.

— Такъ чего же она лается?

На минуту смолкли и сѣли къ столу. Зазвенѣли ложки.

— Нѣтъ ли водочки? спрашиваетъ хозяинъ: — кажись тамъ еще осталось маленько?

— Нѣтъ для тебя водки, пьяница!.. А ты гдѣ пропадала, мать моя?..

— На огородѣ была, отвѣчаетъ Ольга.

— То-то, на огородѣ... Садись-ко, да рожу перекрести сперва. Совсѣмъ ты у меня отъ рукъ отбилась, вотъ ужо тебя проучитъ Осипъ Петровичъ!

— Пусть проучитъ. Я сама скажу ему, что вы все ругаетесь.

Опять слышится чавканье, прихлебываніе и стукъ тарелокъ; запахло щами, потомъ какимъ-то жаренымъ запахомъ. Послѣ ужина у кого-то началась отрыжка и запахло жуковымъ; затѣмъ кто-то чихнулъ, и ему пожелали здравствовать, на что тотъ отвѣтилъ громкимъ зѣвкомъ. Потомъ разбрелись всѣ, и говоръ послышался уже въ кухнѣ, а рядомъ остался только хозяинъ. Пользуясь безлюдіемъ, онъ осторожно зазвенѣлъ рюмкой, глотнулъ, крякнулъ и принялся чистить сапоги, будто ни въ чемъ не бывало. Мнѣ, наконецъ, надоѣло все это, и я сталъ подумывать, чѣмъ бы развлечься. Заглянулъ въ окно: темно; гулять, значитъ, трудно; сѣлъ было писать, да не пишется; ухо точно нарочно прислушивается къ малѣйшему шороху и отвлекаетъ вниманіе отъ работы...

Пробило 10 часовъ. Я легъ. Слышу, рядомъ хозяинъ двигаетъ стуломъ и почесывается; вотъ заскрипѣла кровать, и его костлявое тѣло стукнулось о перегородку, изъ чего я заключилъ, что въ сосѣдствѣ со мною стоитъ супружеское ложе. Вотъ идетъ и хозяйка.

— Ты спишь? спрашиваетъ она вполголоса.

— Нѣтъ еще, отвѣчаетъ мужъ.

— Завтра сходи къ Осипу Петровичу.

— Схожу.

— Надо у него денегъ взять; Ольга башмаки совсѣмъ стоптала.

— Ладно.

— Что-то животъ у меня болитъ сегодня, продолжаетъ она чрезъ нѣсколько минутъ.

Мужъ молчитъ. Опять скрипитъ кровать, звенятъ стклянки и начинается долгое втиранье. Пахнетъ камфорой. Силы моей не стало; я накинулъ на голову подушку, и вдругъ, къ ужасу своему, чувствую по запаху, что недалеко отъ меня клопъ прогуливается. Нѣтъ, думаю, видно не всѣхъ еще звѣрей вывела отсюда хозяйка, и рѣшился спать сидя. А въ квартирѣ уже храпъ только слышится, да мѣрный стукъ маятника. Кто-то изъ спящихъ въ просонкахъ хватилъ колѣнкомъ въ перегородку; я вздрогнулъ, портреты припрыгнули; затѣмъ раздался продолжительный стонъ, сонное чавканье и храпѣнье на иной манеръ. Долго не могъ заснуть я.

Когда я проснулся, самоваръ былъ уже на столѣ и около него суетилась хозяйка.

— Пора вставать, батюшка, сказала она, замѣтивъ, что я открылъ глаза: — вѣдь скоро полдень; я ужь два раза кофею напилась, а вы еще спите.

— А вотъ встану, отвѣчалъ я.

— Каково почивали?

— Плохо, сударыня, клопы заѣли.

— Ну, такъ я и знала, что клоповъ тьма; чистила, кажись, хорошо, а все есть. Вотъ ужо надо за иконой посмотрѣть, совсѣмъ забыла вчерась...

Хозяйка сняла икону и вынесла; на мѣстѣ ея остался

густой рядъ паутины. Я одѣлся. Въ открытое окно свѣтило солнышко и подувалъ вѣтерокъ...

— Можно къ вамъ войдти? послышался голосъ Ольги.

— Войдите.

Ольга принесла мнѣ булки къ чаю. Въ ея лицѣ я замѣтилъ сегодня маленькую перемѣну: что-то невеселое проглядывало въ немъ.

— Вы, говорятъ, очень плохо спали? спросила она.

— Можетъ быть. Это со мною часто бываетъ.

— И сновъ никакихъ не видали?

— Какъ не видать сновъ; видѣлъ очень много.

— Какіе же сны? веселые?

— А вамъ хочется знать?

— Да такъ; примѣты есть. Надо помнить сны, какіе грезятся на новомъ мѣстѣ.

— Мнѣ слишкомъ часто приходится перемѣнять мѣста. Гдѣ же тутъ упомнить всѣ примѣты?..

— Зачѣмъ вы такъ долго спите? Это вредно. Сегодня утро было прекрасное; я думала, вы гулять пойдете.

— Да гдѣ же гулять-то? По городу развѣ?

— Нѣтъ, тутъ поле есть; кладбище недалеко, тамъ много смѣшныхъ надписей...

— Я всегда стараюсь держать себя подальше отъ кладбища. Что за прогулка среди покойниковъ! Развѣ съ вами?

— Мнѣ съ вами гулять не позволятъ.

— А одинъ я не пойду. Ну, что же портретъ вашъ? вы вчера не хотѣли мнѣ отвѣчать.

— Я говорила объ этомъ съ маменькой, и она позво-

лила мнѣ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы оставили намъ этотъ портретъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется нарисовать его въ двухъ экземплярахъ.

— Какъ знаете.

— Прекрасно; я согласенъ. Когда же позволите начать работу?

— Это зависитъ отъ васъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хотите сегодня?

— Я готова.

— Да, батюшка, ужь вы будьте такъ добры, вмѣшалась неожиданно хозяйка, показываясь въ дверяхъ: — напишите мнѣ, пожалуйста, Ольгу! Намъ ужь давно хочется имѣть ейный портретъ, да и Осипу Петровичу, чай, будетъ пріятно.

— А вы, въ награду за это, должны хорошенько вычистить мою комнату.

— Вычищу, батюшка, какъ святъ Богъ говорю. Сегодня же будете спать спокойно.

— Ну, хорошо.

— Бѣги же, Ольга, приготовь живѣе столъ, да переодѣнься. Краски-то у васъ есть?

— Все есть, только мѣсто дайте.

— А вотъ мы сейчасъ. Живѣе, Ольга!

И обѣ онѣ торопливо выбѣжали.

За перегородкой на нѣсколько минутъ поднялась суматоха; что-то передвигали и рылись въ комодахъ. Затѣмъ хозяйка объявила мнѣ, что все готово. Я захватилъ съ

собою ящикъ съ матеріялами и, вмѣстѣ съ нею, вошелъ въ просторную и чистую комнату, вѣроятно назначенную для пріема гостей. У окна приготовленъ былъ столъ, покрытый синей салфеткой, а подлѣ стола стояла Ольга, одѣтая въ самое парадное платье и съ цвѣтами на головѣ. Нѣсколько времени прошло въ выборѣ мѣста и позы. Ольга хохотала какъ ребенокъ, безпрестанно заглядывая въ зеркало и дѣлая разныя гримасы. Мать охала, сердилась и своей бѣготней надоѣла мнѣ до-нельзя. Наконецъ усѣлись, какъ слѣдуетъ, и я взялся за карандашъ. Наступило молчаніе.

— Не мѣшаю ли я вамъ? спросила шопотомъ хозяйка.

— Признаться, было бы лучше, еслибъ вы ушли, отвѣчалъ я.

— Такъ я уйду: кстати и супъ посмотрѣть надо. Смотри, Ольга, сиди смирно! я въ щелку буду посматривать! — И, погрозивъ ей пальцемъ, она вышла на цыпочкахъ. Ольга вслѣдъ ей комически перекрестилась и едва удержалась отъ хохота.

— Какая вы шалунья! произнесъ я.

— О, вы еще не знаете, какая я... Скажите пожалуйста, съ вами можно быть откровенной? Вы не сплетникъ, не доносчикъ?

— Конечно, что за вопросъ!

— Ну, такъ смотрите, что я буду дѣлать.

Она прислушалась, подошла къ печкѣ и отворила трубу. Потомъ изъ кармана осторожно вынула измятую папироску и закурила.

— Вы курите?

— Какъ видите.

— Вы, вѣроятно, бывали гдѣ нибудь въ большихъ городахъ?

— Да, я пять лѣтъ жила въ нашемъ губернскомъ городѣ и училась тамъ въ пансіонѣ.

— Вотъ вы какая!

— Да-съ. А вы небось думали, что я служанка? Я училась пофранцузски, понѣмецки, музыкѣ и разнымъ другимъ наукамъ... Впрочемъ, сказать по правдѣ, эти науки не пригодились мнѣ ни къ чему.

— Какъ-такъ?

— Да такъ. Здѣшніе жители не спрашиваютъ о наукахъ; говорятъ, что и безъ нихъ жить можно. Ахъ, если бы вы знали, какіе здѣсь всѣ невѣжи и глупые, точно кто нарочно собралъ со всего свѣта дураковъ, да уродовъ, и посадилъ въ нашъ городъ! Здѣсь, право, можно умереть съ тоски.

— И будто вы скучаете когда нибудь?

Ольга взглянула на меня пристально.

— Васъ это вѣрно очень удивляетъ? Не правда ли, я вамъ кажусь самой безпечной и веселой дѣвушкой? А между тѣмъ мнѣ частенько приходится даже плакать.

— Плакать? О чемъ это?

— Причины есть... Тш... идетъ кто-то.

Ольга проворно бросила въ трубу папироску и перелетѣла на стулъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что, идетъ на ладъ? спросила хозяйка за дверью.

— Какъ же, идетъ!

— Ну, сиди смирно, Ольга.—И шаги удалились.

— Вы очень поблѣднѣли, замѣтилъ я.

— Еще-бы. Здѣсь еще никто не знаетъ, что я курю.

— А если я проговорюсь когда нибудь?

— Избави боже! такая сцена выйдетъ, что и подумать страшно. Нѣтъ, ужь вы, пожалуйста, будьте на моей сторонѣ. Будемте друзьями, а не врагами.

— Пожалуй, будемте. Кромѣ шутокъ, вы начинаете интересовать меня.

— Очень рада!

Ольга улыбнулась, потомъ задумалась о чемъ-то и вздохнула. Нѣсколько минутъ прошло безъ разговора.

— Вы любите читать? спросилъ я.

— Очень люблю, да, къ несчастью, нечего. Прежде, бывало, я читала цѣлые дни и ночи напролетъ.

— Конечно, все больше романы, да повѣсти?

— Да, я люблю романы, потому что тамъ описывается жизнь такая заманчивая, и встрѣчаются люди не такіе, какъ здѣсь. Когда я читаю романы, я всегда припоминаю кое-что изъ своей жизни, или воображаю себя на мѣстѣ дѣйствующихъ лицъ; а это пріятно.

— Вы, я вижу, большая мечтательница.

— Можетъ быть; но что̀ же дѣлать, если жизнь-то у меня невеселая? Сплетни городскія меня не занимаютъ, удовольствій никакихъ нѣтъ, изъ домашнихъ съ кѣмъ нибудь и поговорила бы, да страшно: обругаютъ, пожалуй,—у насъ вѣдь цѣлые дни ругаются, да дерутся. Поглядишь только на нихъ, да и пойдешь въ свою комнату, подальше

отъ грѣха. Право, я согласилась бы снова начать учиться, лишь бы только жить въ губернскомъ городѣ, а не здѣсь.

— Видно вамъ понравилась городская жизнь?

— Еще бы! Тамъ и общество лучше, и развлеченій много. Тамъ можно встрѣтить людей умныхъ и воспитанныхъ. Тамъ, напримѣръ, я познакомилась съ братомъ одной моей подруги; да это такой человѣкъ, какихъ поискать надо!..

— А! понимаю.

— Что̀ вы понимаете? Нѣтъ, вы пожалуйста не думайте, что я... что онъ... Ну, да, конечно: онъ мнѣ правился; да такіе люди не могутъ не нравиться, и тамъ всѣ его любили. Мы вмѣстѣ съ нимъ читали, разговаривали, даже учились; онъ объяснилъ мнѣ многое, чего я прежде не понимала... Видите ли, какъ я откровенно говорю съ вами? Если бы это слышала маменька, досталось бы мнѣ... Вы не смѣетесь?

— Что жъ смѣятся? Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ дѣльный.

— Очень умный. Я точно переродилась послѣ него.

— Ну, а что же, напримѣръ, объяснялъ онъ вамъ?

— Многое... всего не припомнить. Онъ говорилъ что-то о жизни, о поэзіи, бранилъ наше общество..... помню только, что на меня очень сильно дѣйствовали эти разговоры, и я много думала о нихъ. Знаете что: этотъ студентъ лицомъ немного походитъ на васъ...

— Браво! значитъ, вамъ пріятно видѣть меня?

— Это почему?

— Да потому, что я напоминаю вамъ вашъ *предметъ*.

— Напротивъ: я даже стараюсь скорѣе забыть эту встрѣчу. За мной вѣдь слѣдятъ здѣсь, и бѣда, если кто нибудь узнаетъ, особенно Осипъ Петровичъ.

— Кстати, кто этотъ Осипъ Петровичъ? Я часто слышу у васъ это имя.

— Это здѣшній купецъ-иконописецъ человѣкъ очень богатый и съ вѣсомъ.

— Какое же онъ имѣетъ право вмѣшиваться въ ваши дѣла?

— Онъ мой женихъ.

— Какъ, вы въ самомъ дѣлѣ невѣста? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Давно уже. Скоро два года.

Я пристально поглядѣлъ на Ольгу. Она слегка поблѣднѣла.

— Но свадьба еще нескоро, прибавила она торопливо:— у него умерла мать, такъ онъ еще на цѣлый годъ отложилъ свадьбу. Годъ исполнится 6-го февраля, слѣдовательно мнѣ остается еще пять мѣсяцевъ свободы, можетъ быть и больше... Видите, какая я счастливая!..

Въ это время ручка двери нерѣшительно зашевелилась; потомъ въ дверяхъ образовалась широкая скважина, и въ этой скважинѣ появилась желтая, точно испуганная, физіономія хозяина.

— Я войду-съ? сказалъ онъ съ подобострастной улыбкой и съёжившись, будто надъ нимъ висѣлъ кулакъ.

— Войдите.

Хозяинъ осторожно приблизился къ столу, и съ той же

приторной улыбкой сталъ глядѣть то на меня, то на рисунокъ.

— Это вы... дочь мою?

— Да, это ея портретъ.

— Это вы руками?..

— Что „руками“?

— То-есть, я хотѣлъ спросить, какъ это вы пишете?.. Извините! хе, хе, хе!..

— Я пишу акварелью, водяными красками.

— Такъ-съ. Это значитъ...

Онъ не договорилъ что̀ это значитъ, и принялся разсматривать рисунокъ. Ольга тоже взглянула на мою работу и улыбнулась.

— Будто это я? сказала она: — вы нарисовали какую-то красавицу, а не меня!

— А я по глазамъ вашимъ вижу, что вы довольны портретомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, вы мнѣ слишкомъ польстили. Пожалуйста, нарисуйте меня попроще и похуже.

— Хорошо; это можно.

Ольга хотѣла еще что-то сказать, но отецъ ущипнулъ ее за руку и сердито махнулъ головой. Я замѣтилъ эту продѣлку и улыбнулся. Ольга вспыхнула и погрозила мнѣ пальцемъ.

— Такъ это вы... какъ же? спросилъ опять хозяинъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе нѣжности.

— Водяными красками, опять отвѣчалъ я.

— Нѣтъ; то-есть... извините... я хотѣлъ спросить, сколько, примѣрно, вамъ за труды...

— Я не требую ничего; это въ знакъ памяти.

— А!.. очень пріятно...

— Хотите видѣть Осипа Петровича? тихонько спросила меня Ольга.

— Хотѣлось бы.

— Такъ приходите сюда вечеромъ, онъ будетъ у насъ. Папаша! заговорила она громко: — пригласите къ намъ сегодня господина живописца; онъ очень хочетъ познакомиться съ Осипомъ Петровичемъ.

— Какого живописца?

— Да вотъ ихъ — Ольга указала на меня.

— А! это вы-съ?..

Улыбка хозяина прошла во всю ширину рта. Уставивъ на меня глаза, онъ два раза поклонился, и потомъ сахарнымъ голоскомъ произнесъ: „пожалуйте“!

Въ сумерки я отправился, по приглашенію, въ ту же гостиную, гдѣ рисовалъ утромъ. Она была прибрана и вымыта; у кіоты горѣла лампадка. Въ углу подъ иконой сидѣла Василиса Андреевна въ чепцѣ и большой шали съ бахрамою и вязала что-то длинными спицами. При входѣ моемъ, она съ достоинствомъ качнула головою и хотѣла что-то сказать, но только зашевелила губами. У одного окна расположилась Ольга съ пяльцами; у другаго, согнувшись дугой, сидѣлъ хозяинъ и размашисто переписывалъ какую-то бумагу. Хозяйка, растрепанная и засаленная, по обыкновенію, металась изъ конца въ конецъ съ озабоченнымъ видомъ.

Замѣтивъ меня, она поправила съѣхавшій на бокъ чепецъ, и потное лицо ея залоснилось еще болѣе.

— Вотъ такъ! милости просимъ; не побрезгуйте нашимъ знакомствомъ! — сказала она, утираясь концомъ передника,— мы вѣдь тоже благородные! Не взыщите, батюшка, что я передъ вами неодѣтая стою! Такъ захлопоталась, что некогда и въ зеркало поглядѣться. Нельзя же вѣдь! Осипъ Петровичъ нашъ благодѣтель; кабы не онъ, такъ, я вамъ скажу, давно бы намъ по міру идти, — на этого дуралея надежда плоха (она кивнула на мужа!) Вотъ познакомтесь съ Осипомъ Петровичемъ, — онъ человѣкъ хорошій! — крутенекъ, правда, а знаетъ какъ при людяхъ держать себя. Да что жъ ты, Иванъ Иванычъ, болваномъ сидишь? обратилась она къ мужу: — вишь гости пришли! А я, ужь вы извините, пойду пріодѣнусь.

Иванъ Иванычъ тотчасъ убралъ свою работу и подошелъ ко мнѣ. Мы сѣли. Хозяинъ ёжился, и думалъ, съ чего бы начать разговоръ; я тоже молчалъ и, отъ нечего дѣлать, разсматривалъ злую фигуру Василисы Андреевны, которая вся углубилась въ свои спицы и порою бросала на меня недружелюбные взгляды. Отъ старости, или отъ привычки, только у ней нижняя губа отстала отъ верхней, и выказывала два желтые зуба съ черными пятнами; лѣвая бровь постоянно вздрагивала. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ она раздвинетъ свои зубы и пропуститъ сывозь нихъ накопившіяся на языкѣ злыя рѣчи, но зубы оставались по прежнему сжаты... Наконецъ, хозяинъ спросилъ меня, играю ли я въ шашки? я отвѣтилъ, что нѣтъ, и онъ снова заду-

мался. Ольга взглянула на меня и почему-то улыбнулась. Старуха громко зѣвнула и три раза перекрестила ротъ.

— Идетъ, идетъ! шепнула хозяйка, вбѣжавъ въ комнату и торопясь зажечь свѣчи съ бумажными розетками:— да еще не одинъ, какой-то монахъ съ нимъ!..

На лицахъ присутствующихъ появилась тревога. Всѣ точно испугались и засуетились. „Видно хорошъ, благодѣтель!“ подумалъ я, замѣтивъ эту тревогу.

На лѣстницѣ послышались голоса.

— Сюды, за мной, отецъ Онуфрій! эй вы, вислоухіе! огня!

— Отцы мои, никакъ ругается... не въ духѣ, значитъ!— проговорила хозяйка въ испугѣ и бросилась къ лѣстницѣ со свѣчкой. Иванъ Иванычъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, да такъ и не смогъ: губы его больно дрожали. Ольга убѣжала.

Въ сѣняхъ нѣсколько времени слышалась возня и хлопанье дверей. Хозяйка сдавленнымъ голосомъ говорила разныя ласковыя слова, а гость безцеремонно осаживалъ ее: „чего лѣзешь-то? за порогомъ здороваться не слѣдуетъ; ты сперва въ комнату введи!“

— Милости просимъ, батюшка, Осипъ Петровичъ, пожалуйте!

И вотъ въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ лысиной и курчавой бородкой съ просѣдью, въ длиннополомъ кафтанѣ синяго цвѣта и личныхъ сапогахъ, покрытыхъ еще мокрою грязью. Онъ былъ довольно полонъ и говорилъ басомъ. Въ рябоватомъ лицѣ его, будто облитомъ

масломъ, и сѣрыхъ проворныхъ глазахъ, тоже съ масломъ, такъ и видѣлось, что онъ большой охотникъ до женскаго пола.

За этимъ охотникомъ вошелъ субъектъ, съ носомъ на подобіе сливы, припухшими глазами и пучкомъ жидкихъ, красноватыхъ волосъ въ бородѣ. Этотъ субъектъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ прежде однимъ изъ тѣхъ странниковъ, кои промышляютъ на Руси сборомъ подаяній. Послѣ разныхъ неудачъ и треволненій житейскихъ, онъ опредѣлился келейникомъ къ эконому сосѣдняго монастыря, и, какъ человѣкъ сметливый, до того приластился къ нему, что тотъ довѣрялъ ему сдѣлки съ иконописцами и разныя закупки по мелочамъ. Поэтому келейникъ пользовался большимъ почетомъ между иконописцами и людьми извѣстнаго закала, и даже прослылъ между ними за *отца* Онуфрія, будто и заправскій монахъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе своихъ долгихъ странствованій, онъ вполнѣ научился, какъ кому потрафить...

Оглядѣвъ общество, Онуфрій почему-то улыбнулся во весь ротъ. Въ комнатѣ запахло водкой.

— Ну, теперь здравствуй, Марья, сказалъ Осипъ Петровичъ, обращаясь къ хозяйкѣ: — теперь и поздороваться можно; а то лѣзетъ въ самыхъ дверяхъ!

— Не буду, голубчикъ! отвѣтила та, и бросилась было цаловать его руку; но Осипъ Петровичъ отдернулъ ее и проговорилъ отрывисто: „въ губы!“ Затѣмъ произошло обычное цалованіе.

— А гдѣ Ольга? — спросилъ гость.

— Сейчасъ вышла куда-то.

— Куда вышла? отыщи!

Хозяйка отправилась къ двери, но Ольга сама вошла въ комнату и издали поклонилась благодѣтелю. Благодѣтель нахмурился.

— Нешто такъ здороваются съ женихомъ? строго замѣтилъ онъ. Ну-ка, подойди сюда!

Та подошла.

— Цалуй!

Ольга взглянула мелькомъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ я, и измѣнилась въ лицѣ. У Осипа Петровича челюсти начали пошевеливаться и глаза подернулись точно туманомъ. Онъ сурово посмотрѣлъ на мать.

— Да что она, съума что ли сошла сегодня?..

— Оля, поцалуй, голубушка, Осипа Петровича! вмѣшалась мать, замѣтивъ, что ее стѣсняетъ мое присутствіе.— Кто жъ тебя осудитъ, коли ты поцалуешь жениха? Иди же, дура, прибавила она шопотомъ и тихонько показала ей кулакъ.

Сопротивляться больше не было возможности. Послѣ минутнаго колебанья, Ольга судорожно приложила свои губки къ мохнатой щекѣ жениха и хотѣла убѣжать, но тотъ удержалъ ее.

— Ишь ты, какая прыткая стала! сказалъ онъ. Смотри, братъ, меня не переучишь! только потому и прощаю, что смазлива больно!.. Гляди-ко, Онуфрій, какая у меня невѣста-то знатная! кровь съ молокомъ!.. Просто, братъ, объѣденье.

Онуфрій поглядѣлъ и выразительно прищелкнулъ языкомъ.

— Что, небось, слюнки текутъ!

— Да пустите же меня! сквозь слезы воскликнула Ольга.

— Куда-жъ ты?

— У меня голова болитъ, пустите!

— Ну, ступай, ступай! приневоливать не хочу, пока еще въ дѣвкахъ; а вотъ ужо женимся, такъ покажемся въ весь ростъ... А это-жъ кто такой? спросилъ онъ, замѣтивъ меня.

Меня представили какъ жильца и живописца.

— Вотъ какъ! такъ вы по нашей части? товарищъ, значитъ? Очень пріятно-съ! Мы тоже кое-что смекаемъ въ этихъ дѣлахъ, только больше все на счетъ иконъ-съ; благостыню, значитъ, изображаемъ. Вы откуда же?

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

— Понашему, изъ Питера? Такъ-съ. Это вѣдь нѣметчина, городъ познанія добра и зла! Чистому, говорятъ, оттуда не выйдти—потому, значитъ, соблазну много. Такъ-съ. Что-жъ ты мнѣ раньше не сказала, Марья, что у тебя новый гость есть?

— Забыла, батюшка, видитъ Богъ, забыла. Да онъ у насъ ничего; такой смирный...

— Ну, очень радъ знакомство вести, можетъ и пригодимся когда... Вотъ и съ этимъ сойдитесь, тоже пригодится, добавилъ онъ, указывая на Онуфрія; этотъ человѣкъ, я вамъ доложу, всѣ мѣдяныя трубы прошелъ, своими глазами чорта видѣлъ, познакомиться слѣдуетъ-съ.

— Очень радъ! въ свою очередь отвѣчалъ я.

— Познакомь и насъ, Осипъ Петровичъ, съ угоднымъ-то человѣкомъ! Въ первый разъ видимъ...

— Онуфрія-то? Да это такой человѣкъ, которымъ дорожить надо, особливо нашему брату: заказовъ тьму дѣлаетъ и платитъ чистаганчикомъ. Такіе люди намъ на руку. Кланяйся!

Онуфрій поклонился. Его широкая улыбка исчезла, и лицо мгновенно измѣнилось на постный ладъ.

— Изъ какого монастыря, батюшка?

— ... Сп... Сперва у Духа былъ-съ, а потомъ тутъ къ святымъ угодникамъ перешолъ, двѣнадцать верстъ отсюда; отвѣтилъ смиренно Онуфрій и отеръ рукавомъ усы, потому что больно брызгалъ и плевался во время разговора.

— А давно спасаться изволите?

— Семь лѣтъ уже спасаюсь милостями царицы Небесной... Сперва книжкой жилъ года три, на построеніе сбиралъ; а потомъ опредѣлился къ братіи, нечѣмъ жить стало. Нонче мало сбору бываетъ, такъ невыгодно-съ.

— Да ты, братъ, нешто себѣ деньги-то собиралъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, на церковь. Мы обнаковенно платимъ въ монастырь примѣрно сто, аль двѣсти рублевъ въ годъ, а потомъ и выручаемъ книжкой. Что наберемъ лишку, такъ это ужъ намъ за труды причитается; а то чѣмъ же жить то!

— Вотъ какъ. Ну, а за что отъ Духа-то выгнали?

— Плевое дѣло вышло-съ. Грѣхъ тамъ одинъ попу-

талъ меня... ну, и выгнали-съ. Да видно Господь все къ лучшему дѣлаетъ: здѣсь жить невпримѣръ лучше.

— А какой грѣхъ-то?

— Да что вамъ знать, Осипъ Петровичъ? Мало ли какой орѣхъ, всякіе грѣхи бываютъ! уклончиво отвѣтилъ странникъ.

— Это конечно! Вашему брату надо сперва языкъ развязать, а потомъ спрашивать... Ну, что жъ, сядемъ. Водки что ли?

— Пью-съ.

— Марья! дай намъ водки!

Хозяйка принесла графинъ водки съ закуской и поставила передъ гостями. Гости молча выпили по первой и задумались. Ольга заняла свое мѣсто у окна и безсознательно вертѣла въ рукахъ клубокъ съ нитками. Иванъ Иванычъ, почуявъ знакомый запахъ, понабрался храбрости, и съ улыбкой приблизился къ пьющимъ. Лицо его отъ страха и надежды до того сморщилось, что Осипъ Петровичъ, глядя на него, самъ изволилъ улыбнуться.

— Что, курицынъ сынъ! почуялъ небось, гдѣ раки зимуютъ? замѣтилъ онъ; вотъ погляди, отецъ Онуфрій, это называется мужъ моей... то бишь, какъ ее, Марьи Ефимовны; дуракъ набитый вѣдь, а водочку любитъ.

— Вы все тово-съ... шутите? Хе, хе, хе!

— Какія тутъ, братецъ, шутки! товаръ лицомъ видѣнъ. Ну, трескай же!

Иванъ Иванычъ выпилъ, крякнулъ и лукаво подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— Чего подмигиваешь? Выпилъ и съ глазъ долой! Закуски не дамъ. А вы-то чтожъ? спросилъ онъ меня, аль сивухи не пьете?

— Сивухи не пью, отвѣчалъ я.

— Конечно, гдѣ вамъ сивуху, вѣдь изъ Питера! Дѣлать нечего. Марья, давай намъ настоящаго вина! Кутить будемъ.

— Вина-то нѣтъ, Осипъ Петровичъ; ужъ попейте лучше сивушки!

Благодѣтель посмотрѣлъ на нее и опять нахмурился.

— Коли говорятъ тебѣ толкомъ, такъ ты неси! Учить что ли вздумала? Чтобъ было вино; хоть роди, да подай! Слышишь?

— Деньги-то, Осипъ Петровичъ?.. ей-богу ни копѣйки въ домѣ...

— Молчи, говорятъ тебѣ! Отдамъ завтра, дьяволъ васъ возьми; мало еще я переплатилъ вамъ?..

Хозяйка впопыхахъ выбѣжала изъ комнаты.

— Ишь вѣдь умъ-то какой у этихъ бабъ; словомъ ихъ никакъ не проймешь, все бить надо! Вѣдь захочу, по міру пущу! обезславлю, коли перечить стали! Хорошъ вѣдь былъ, такъ нѣтъ, надо въ сердце вогнать! Дьяволы!

Осипъ Петровичъ хватилъ кулакомъ по столу и плюнулъ. Всѣ стихли, и ждали, что будетъ. Только Василиса Андреевна не могла стерпѣть и огрызлась, бросая свирѣпые взгляды на Осипа Петровича.

— Ты чего еще тамъ? спросилъ тотъ.

— Хоть бы чужихъ людей постыдился каверзы-то дѣлать! проворчала Василиса Андреевна.

— Молчи, старая барышня, пришибу!

— Не больно-то смѣешь! Я не Марья Ефимовна твоя, на шею не повѣшусь, мы и законы найдемъ, судъ-то недалеко!..

— Ради Бога оставьте! вмѣшалась тихо Ольга, подбѣгая къ ней; — вѣдь онъ убьетъ васъ!..

— Какъ еще посмѣетъ...

— Ну, счастлива ты, старая барышня, что у меня рука болитъ, а то бы помнила сегодняшній день...

Осипъ Петровичъ посмотрѣлъ мелькомъ на меня, потомъ на Ольгу, и, Богъ знаетъ, совѣсть ли тронула его, или умоляющій взглядъ Ольги слишкомъ силенъ былъ — только онъ, несмотря на вызывающее ворчаніе старухи, переборолъ-таки свой гнѣвъ и только залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки. Послѣ этого онъ утерся концомъ салфетки и обратился къ Онуфрію.

— Вотъ горе мое, курицынъ сынъ, сказалъ онъ: — рука все что-то болитъ у меня; никакъ вылечить не могу.

— Свихнули чтоли?

— Нѣтъ, не свихнулъ, а тутъ, братъ, скверное дѣло вышло. Писали мы это недавно икону „искушеніе въ пустынѣ“, для собора, протопопъ заказывалъ, — а мальчишка позолотчикъ, еще новенькій, и наляпалъ золото не тамъ, гдѣ надо. Чтожъ ты, молъ, свиное рыло, золото понапрасну тратишь? — говорю я ему, — да и далъ щелчка ради шутки. Тотъ осерчалъ: вы, говоритъ, болтайте, да рукамъ воли не

давайте, а то, говоритъ, жаловаться буду. Эхъ, взорвало меня послѣ этого; рука сама размахнулась, да такъ я удачно съѣздилъ ему въ зубы, что и ему-то всю скулу своротилъ, да и себѣ руку поранилъ. Опосля ходилъ жаловаться, да съ меня, братъ, взятки гладки, не боюсь.

— Это ничево! произнесъ Онуфрій!—слѣдуетъ!...

— Кой чортъ слѣдуетъ! Самъ вижу, что скверно, да что тутъ дѣлать? не удержисься. Выпьемъ-ка!

Выпили.

— Такъ-то, отецъ Онуфрій, наше дѣло такое, что однимъ добромъ тутъ ничего не подѣлаешь. Я, братъ, самъ тертый калачъ, самого, бывало, дирывали не на животъ, а на смерть; зато теперь и человѣкомъ сталъ: однихъ мальчиковъ до тридцати штукъ держу, да и запасецъ про черный день есть. А ты попробуй-ка скопить этотъ запасецъ, съ одной копѣйки до капиталу дойдти, такъ и увидишь, что тутъ не однимъ добромъ дѣйствовать надо.

— Да; тутъ сноровка требуется.

— Мало того, сноровка; тутъ, братъ, голова нужна; хитрить надо, а то, тово гляди, самого надуютъ, потому всякой тоже норовитъ надуть. На томъ и торговля вся стоитъ. Я такъ смекаю: что глупаго и надуть не грѣхъ, вотъ что.

— Извѣстное дѣло.

— А у насъ народъ мало что глупъ, совѣсти-то въ немъ ни на грошъ нѣту. Онъ все норовитъ, какъ бы подешевле; такъ что каждую копѣйку съ торгу брать приходится; а того не разсуждаетъ, что человѣку тоже пить-ѣсть

надо, да мальчиковъ еще кормить. Вотъ хоть бы, къ примѣру, наше мастерство. Извѣстное дѣло, если кто умѣючи заказъ дѣлаетъ, да платитъ по совѣсти, тому и работаешь какъ надо быть. А то придетъ изъ-за тридевять земель какой нибудь мужиченко, и проситъ написать ему такую икону, или такой рисунокъ дастъ, что и не сообразишь сразу, а самъ цѣну плевую даетъ,—ну, такого можно и надуть, потому глупъ больно. Такому подчасъ и сбудешь залежалую, али Петръ за Якова сойдетъ; кто жъ его повѣрять станетъ! Эхъ, выдѣлывалъ-таки я штуки съ этимъ народомъ, — вспомнить любо!.. Приходитъ, знаешь, разъ ко мнѣ мужикъ, и проситъ написать ему *зимняго* Николу. А дѣло-то было по веснѣ. Вотъ я ему и говорю: такъ и такъ, братъ, не могу написать тебѣ зимняго, потому вешній Никола осерчаетъ, надо сперва его написать. Да какъ же, говоритъ, быть-то? у насъ деревня зимнему празднуетъ? Какъ хошь, говорю: жди до зимы, а теперь не могу, да и самъ не радъ будешь, коли напишу. Мужикъ кланяется, двойную цѣну даетъ, лишь бы я грѣхъ на душу взялъ; а я поломался еще маненько, да и заломилъ вчетверо... Ничего, далъ. У другаго мужика я разъ проѣздомъ подмѣнилъ икону: вмѣсто своей, чужую, плохонькую поставилъ, а свою-то увезъ. Мужикъ въ горѣ, шумъ поднялъ, а я какъ тутъ ему вѣсточку шлю, что твоя-де икона у меня, сама пришла, выручай! Ну, и выручилъ за золотую цѣну, потому явленная стала. А мнѣ еще почетъ отъ людей! Много такихъ штукъ приходилось выкидывать—и ничего, сходило, Богъ миловалъ. Тоже вотъ насчетъ раскольниковъ, сколько грѣ-

ха-то на душу бралъ! Бывало, нѣтъ денегъ, вотъ и напишешь темной вохрой какого нибудь святителя, на манеръ стариннаго писанья, потомъ прокоптишь рисунокъ сутки трои въ печи, чтобы поблекнулъ, да поистрескался и несешь къ раскольникамъ. А тѣ, извѣстно, за цѣной не постоятъ, только бы икона подъ стать имъ подошла. Этому дѣлу я выучился у покойнаго хозяина своего, пока еще въ ученикахъ былъ... Да что тутъ толковать!.. кабы не говѣнье, да добрыя дѣла, давно бы сидѣть въ аду моей душенькѣ. Много грѣха было!

— У кого-жъ грѣховъ нѣту?

— Да вѣдь досадно, право, на глупость людскую; ну, думаешь, отчего-жъ не поживиться, коли кладъ самъ въ руки дается... Вотъ оно что. А добрыя дѣла я почитаю какъ слѣдуетъ и, по мѣрѣ силъ, помогаю кому надо.

— Ну, а намъ-то, Осипъ Петровичъ, вы по совѣсти малюете? — спросилъ подобострастно Онуфрій.

— Самъ, братецъ, видишь: все на чистоту идетъ. Такими заказчиками, какъ ты, нашему брату дорожить надо. Выпьемъ-ка!

Выпили.

— Вотъ что, Осипъ Петровичъ, заговорилъ опять Онуфрій, запинаясь: — вотъ вы сами изволили сказать, что тово... заказу мы больно много дѣлаемъ, такъ вы за труды-то мнѣ уважите?..

— Много-ль надо?..

— Нѣтъ, вы мнѣ напишите икону получше этакъ, да съ золотомъ.

— Ольховую, аль сосновую?

— Ужь это какъ вы тамъ сами знаете.

— Коли уважить, такъ ольховую надо. Ладно. Да не хошь ли ты лучше взять готовую? Знатная икона, 12-тивершковая, на золотомъ фондѣ?

— Нѣтъ, мнѣ новую охота имѣть.

— Ну, чтожъ? и новую напишемъ, намъ это все одно.

Въ это время хозяйка робко внесла бутылку какого-то темнаго вина, и поставила на столъ. Осипъ Петровичъ разнѣжился и обнялъ хозяйку.

— Ты не сердись на меня, Маша, что я тебя давича облаялъ! сказалъ онъ ей,—это такъ только съ языка сорвалось, зачѣмъ перечить мнѣ стала.

— Да нешто я смѣю сердиться, Осипъ Петровичъ? Вы нашъ благодѣтель; все въ вашей волѣ.

— То-то, знаю я тебя. Ты вѣдь знатная у меня баба! Я тебя шибко любилъ, и, кабы за мужемъ не была, мы бы зажили съ тобой припѣваючи. А теперь нѣтъ; нашлись и получше тебя. Гдѣ Оля?

— Здѣсь, отвѣтила Ольга.

— Поди сюда!

— Да вы опять будете глупости дѣлать?

— Не буду. Я только погляжу на тебя.

— Ну, смотрите!

Ольга подошла. Осипъ Петровичъ выпустилъ Марью Ефимовну и взялъ за талью Ольгу.

— Ишь какая хорошенькая; щечки какъ яблочки, глазки ясные, губки... эхъ губки-то какія! Да ты полю-

буйся, Онуфрій, что за дѣвка-то у меня: смакъ просто, гляди кожа-то какая, словно бархатъ!

Онуфрій ухмыльнулся и, выпивъ рюмку, произнесъ: „ничего-таки“.

— Вотъ ужо женимся, продолжалъ разнѣженный женихъ, впиваясь глазами въ дѣвушку, — свадьбу учинимъ такую, что небу жарко будетъ! Ахъ ты, кралечка моя писаная!.. Ну, смотри, Марья,—обратился онъ къ хозяйкѣ,— коли ты меня надуешь, бѣда будетъ! говорю заранѣе.

— Грѣхъ вамъ говорить-то такія вещи, Осипъ Петровичъ, отвѣтила та, ухмыляясь.

— А вотъ увидимъ... Такъ-то, братъ Онуфрій, много трудовыхъ рублевиковъ ухлопалъ я на эту семью: домъ былъ въ закладѣ — выкупилъ; въ томъ, значитъ, и росписочку имѣю; мужу въ полиціи работу нашелъ; всѣ эти тряпки, что на ней, да на матери видишь, все мое! захочу, все назадъ возьму; все подай, коли обижать меня стали! Вотъ что. Тѣмъ-то мнѣ и счастье везетъ, за то и помогаетъ мнѣ Господь милостивый, что я благодѣтельствую много, хлѣбъ даю бѣднымъ... Ну, чтожъ, мусью, обратился онъ ко мнѣ,—вотъ и винцо принесли заморское. Не угодно ли?

— Пожалуй, дайте.

Осипъ Петровичъ налилъ мнѣ стаканъ.

— А мы съ тобой опять насчетъ простоты пройдемся; я, братъ, не знаю толку въ этой кислятинѣ.

— Сивая невпримѣръ лучше, отвѣтилъ Онуфрій, утирая слюнки, которыя окончательно выходили изъ пови-

новенія. Потребовали новый графинъ, и выпили еще по стаканчику.

— Я такъ разсуждаю, отецъ Онуфрій, заговорилъ опять Осипъ Петровичъ:—думаю, что жизнь наша совсѣмъ не такъ идетъ, какъ ей идти надобно! Кабы мнѣ волю полную дали, да богатство большое, я бы развѣ такъ зажилъ? Я бы первона-перво церковь выстроилъ, да при ней богадѣльню большую, для бѣдныхъ, а потомъ задалъ бы пиръ во всю ивановскую. Работу бросилъ бы совсѣмъ — ну, ее къ чорту! а самъ все бы только пировалъ! Умомъ меня Богъ не обидѣлъ, да я и не подлецъ какой, чтобъ работать при богатствѣ-то. Ты думаешь, что я подлецъ, отецъ Онуфрій?

— Что?

— Нѣтъ, ты не думай, что я подлецъ! Я, братъ, человѣкъ честный, ей-Богу честный!... Я ни передъ кѣмъ шапки не ломалъ, никого не загубилъ! Я, братъ, своими боками выперъ въ люди!... Выпьемъ-ка еще! Пить, такъ пить ужь!...

Выпили. Осипъ Петровичъ подсѣлъ поближе къ Онуфрію и обнялъ его.

— Эхъ, братъ Онуфрій, люблю я странниковъ! Странники — славные люди, съ ними можно душу отвести. А я не дуракъ; я не подлецъ, братъ, ты меня не знаешь... Вотъ что!

— А тово... спасаться желаешь? спросилъ Онуфрій какъ-то сонно.

— Радъ бы, душа моя, да грѣховъ-то больно много. Я и то всѣ посты соблюдаю...

— А ты больше жертвуй!..

— Куда жертвовать-то? Жертвовалъ много, да что толку?

— А ты вотъ лучше людямъ помогай, примѣрно какъ я, и будетъ тебѣ счастье. А я и домъ выкупилъ... Я, братъ... Осипъ Петровичъ наклонился къ уху собесѣдника и сталъ шептать ему, но такъ, что всѣ слышали; — я съ Марьей Ефимовной-то тово... понимаешь?.. А мужъ дуракъ, ему бы деньги... Выпьемъ-ка!

Выпили.

— Я, братъ, нѣтъ... Я не дуракъ... Слышишь? Хочешь я тебя выгоню отсюда, какъ собаку выгоню? А?

— Зачѣмъ?

— Хочу, значитъ, показать, что я тутъ силу имѣю. Захочу, всѣхъ выгоню. Я никого не боюсь!.. А Оля!.. гдѣ Оля? Эхъ, славная будетъ баба... Не любитъ она меня, самъ вижу, да постой... слюбимся, Богъ дастъ: дурь-то выгоню... ей-Богу!...

Я взглянулъ на Ольгу. Она сидѣла въ томъ же положеніи и такъ же упорно глядѣла на улицу. Хозяинъ, угостившись вдоволь, втихомолку всхрапывалъ, и отъ кого-то лѣниво отмахивался. Хозяйка тихонько шныряла изъ угла въ уголъ, боязливо поглядывая на пирующихъ, и безпрестанно выбѣгала изъ комнаты. Василисы Андреевны уже не было: ея дѣвственное сердце, вѣроятно, не вынесло такого страма. Я подошелъ къ Ольгѣ.

— Вы думаете о чемъ-то?

— Нѣтъ, смотрю въ окно.

— Да тамъ ничего не видно.

— Я вижу.

— Прощайте, я ухожу, Ольга Ивановна.

— Нѣтъ, останьтесь еще немного. Вѣроятно, онъ скоро уйдетъ.

— Зачѣмъ же оставаться? Я и то наглядѣлся на него досыта.

— Онъ при васъ сдерживается немного. А то, пожалуй, шумѣть будетъ. Останьтесь!

Я остался. Осипъ Петровичъ, уже измѣнившимся голосомъ, долго еще увѣрялъ Онуфрія, что онъ не подлецъ и много еще добра сдѣлаетъ на свѣтѣ, особенно когда женится; а Онуфрій молча таращилъ на него свои посовѣвшіе глаза и глоталъ рюмку за рюмкой. Порой на его раскраснѣвшейся физіономіи появлялась довольно хитрая улыбка, показывавшая, что онъ хоть и пьянъ, а все-таки „себѣ на умѣ," и понимаетъ больше, чѣмъ оно кажется въ виду. Наконецъ Осипъ Петровичъ громко объявилъ, что онъ спать хочетъ, и при этомъ спокойно смахнулъ всю посуду со стола на полъ. Раздался звонъ разбитаго стекла. Хозяева вскочили въ попыхахъ, предчувствуя грозу. Но грозы на этотъ разъ не случилось.

— Спать хочу! повторилъ Осипъ Петровичъ, стараясь подняться. Онъ оглядѣлъ комнату, посмотрѣлъ на меня и хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукою.

— Ведите меня домой! Маша! — проводи меня!

— Сейчасъ, батюшка. Не зашибись только.

Она торопливо накинула салопишко, захватила фонарь

и подруки повела благодѣтеля. Осипъ Петровичъ пошелъ безъ сопротивленія. За нимъ, пошатываясь, поплелся Онуфрій, видимо стараясь скрыться отъ постороннихъ взглядовъ. На лѣстницѣ долго еще слышались стукотня и хлопанье. Потомъ все стихло.

Ольга отшатнулась отъ окна и перекрестилась. Она совсѣмъ ожила: глазки повеселѣли, и появилась улыбка.

— Ну, слава Богу! сказала она: — сегодня обошлось безъ шума и драки. Теперь я пойду спать спокойно. Завтра будемъ рисовать?

— Будемъ, отвѣчалъ я.

— Ну, до свиданья! — И, кивнувъ мнѣ головкой, она убѣжала.

А хозяинъ такъ и остался на стулѣ.

Я вернулся въ свою комнату, и, не раздѣваясь, бросился на диванъ. Скверно было на сердцѣ. Такъ и мерещилась мнѣ дикая фигура благодѣтеля и опошлѣвшая личность хозяйки, цалующей его руку. Скоро же раскрылись предо мною тайны этой семьи! Бѣдная Ольга! чѣмъ же ты-то виновата, что обстоятельства осудили тебя на такую безотрадную жизнь?...

Ночь я провелъ плохо, и проснулся съ головною болью и разстроенными нервами. Досадно было на себя; пора бы, кажется, привыкнуть къ этимъ обыденнымъ явленіямъ нашей жизни. А нѣтъ вѣдь; при каждомъ новомъ столкновеніи

съ нашимъ семейнымъ складомъ, невольно закипаетъ жолчь и встаетъ безсильная злоба.

Я явился въ залу позже обыкновеннаго. Ольга уже ожидала меня на своемъ мѣстѣ. Она была, по прежнему, весела; я не замѣтилъ въ ней и тѣни какой-нибудь тревожной думы. Съ той же безпечной улыбкой, какъ и въ прошлый разъ, подошла она ко мнѣ и протянула руку.

— Вы съ каждымъ днемъ встаете позже и позже, сказала она. Я жду васъ больше часу. Стыдно-съ.

— Извините, Ольга Ивановна, мнѣ опять что-то худо спалось.

— Вѣрно опять мѣшалъ кто-нибудь?

— Безсонница мѣшала... Знаете, Ольга Ивановна?.. я почти всю ночь думалъ о васъ и о вашемъ женихѣ.

— Ну, и что же выдумали?

— Ничего; полюбовался только вашимъ будущимъ счастьемъ. Я удивляюсь, какъ это вы можете быть такъ спокойны, даже веселы.

— Чего же плакать-то?

— Да какъ же? Вамъ придется всю жизнь провозиться съ этимъ человѣкомъ.

— До этого еще такъ далеко, что и думать не стоитъ... Да нѣтъ, лучше оставимъ это! Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

— А мнѣ хотѣлось бы потолковать съ вами именно о вашемъ будущемъ. Согласны?

— Пожалуй. Только вѣдь это будетъ очень скучно...

— А вотъ увидимъ. Садитесь-же.

Мы сѣли на свои мѣста, и я принялся за работу. Безпечность Ольги быстро пропала, и на лицѣ ея показались признаки душевной тревоги.

— Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ нѣсколько словъ отъ души, началъ я. Вы милая дѣвушка, въ васъ очень много симпатичнаго. Не знаю, какъ умѣли вы сохранить вашу свѣжую душу среди такой грубой обстановки, но только я убѣжденъ, что у васъ и сердце честное... Вы не сердитесь на меня за такую откровенность?

— За похвалы не сердятся, — отвѣтила Ольга.

— Я вчера долго думалъ о вашемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ, и мнѣ кажется, что не много радостей выпадетъ на вашу долю. Положимъ, что вашъ женихъ человѣкъ богатый и живетъ припѣваючи; положимъ даже, что онъ любитъ васъ, но неужели вы надѣетесь когда-нибудь привыкнуть къ нему? Пожалѣйте себя, Ольга Ивановна!

— Да развѣ это отъ меня зависитъ?

— Отъ кого же? Отъ вашей маменьки?

— Нѣтъ, отъ самого Осипа Петровича. Вы вчера сами могли замѣтить, что онъ у насъ полный хозяинъ въ домѣ, и все, что только мы имѣемъ теперь, все далъ намъ Осипъ Петровичъ. За всѣ эти благодѣянія онъ требуетъ, чтобы я была его женою. Что-жъ я тутъ могу сдѣлать?

— Скажите пожалуйста, какъ вы сошлись съ этимъ благодѣтелемъ?

— Я знаю его съ малолѣтства, еще когда онъ учился рисовать и нанималъ комнатку подлѣ насъ. Тогда онъ былъ такой добрый и ласковый и все бывало рисовалъ съ меня

херувимовъ. Потомъ меня отвезли въ городъ учиться, и я ужь черезъ пять лѣтъ встрѣтилась съ нимъ у своихъ знакомыхъ на имянинахъ. Вѣрно я тогда очень приглянулась ему, потому что скоро послѣ этой встрѣчи меня взяли изъ пансіона и объявили невѣстой Осипа Петровича. Я конечно не соглашалась, меня долго уговаривали; матушка со слезами умоляла меня спасти семью отъ вѣчной нужды, говорила, что этотъ бракъ единственное наше счастье и что иначе намъ всѣмъ придется по-міру идти. Я рѣшилась, потому что нельзя было не рѣшиться...

— И вы погубите себя?

— Вѣрно, надо погибнуть.

— Что-жъ, это жертва?

— Я не знаю что это... Я мало думала. Вообще я стараюсь какъ можно меньше думать объ этомъ. Такъ спокойнѣе... Я насильно старалась пріучить себя къ Осипу Петровичу, гостила у него, видѣла какъ онъ дерется и ругается...

— И привыкли?

— Нѣтъ, не могу. Еслибъ я никуда не выѣзжала отсюда, можетъ быть и привыкла бы, а теперь нѣтъ... и, кажется, никогда не привыкну.

— Ольга Ивановна! такъ бросьте же эти усилія! Ваша жизнь принадлежитъ однѣмъ вамъ, и, какова бы ни была эта жизнь, все-таки надо пользоваться ею. Разстройте этотъ бракъ! Бѣгите отсюда!..

— Что вы это говорите? перебила Ольга въ испугѣ:— объ этомъ и думать страшно! Я никогда не рѣшусь погу-

бить родителей; онъ ихъ уморитъ голодомъ, въ тюрьму запретъ... Да и куда бѣжать мнѣ? Чѣмъ жить? Я должна буду отказаться отъ родни и потерять доброе имя!.. Нѣтъ, пусть лучше будетъ, что будетъ! Притомъ до свадьбы еще пять мѣсяцевъ, — вѣдь это двадцать слишкомъ недѣль; въ это время многое можетъ перемѣниться!

— Вы, какъ школьникъ, считаете сколько вамъ остается каникулъ?

— Да, и дорожу каждымъ днемъ. Въ жизни много бываетъ разныхъ неожиданныхъ случаевъ; почемъ знаете, можетъ быть и на мою долю выпадетъ такой случай? Я молюсь объ этомъ; молюсь каждый день, и вѣрю, что Богъ поможетъ мнѣ.

— Чего-жъ вы надѣетесь?

— Мало ли чего! Все можетъ быть. Можетъ, я простужусь и умру; а можетъ быть... конечно, это очень злая надежда, но тоже иногда приходитъ въ голову: можетъ быть, Осипъ Петровичъ захвораетъ что ли, или даже... умретъ до этого срока! Мнѣ, право, совѣстно высказывать это желаніе...

— Оно очень естественно! Ваше *доброе имя* отъ этого не пострадаетъ!..

— Знаете, о чемъ я хочу просить васъ: помолитесь и вы когда-нибудь за меня! Будемте вмѣстѣ молиться... За что же, право, мнѣ погибать-то? Я, кажется, зла никому не сдѣлала... Хотѣлось бы еще пожить на свободѣ; все еще приходятъ въ голову разныя заманчивыя мечты...

— И эти мечты конечно заставляютъ васъ примиряться съ дѣйствительностью? Плохое счастье!

— А я все-таки дорожу имъ. Мнѣ, право, иногда хотѣлось бы совсѣмъ забыться, чтобы не замѣчать ничего, что дѣлается кругомъ, и, кажется, я добьюсь этого.

Ольга вздохнула и пригорюнилась.

— Я все думаю, продолжала она въ раздумьи: — отчего это нѣкоторымъ дѣвицамъ точно на роду написано счастье? Все-то имъ удается, живутъ припѣваючи, любятъ кого хотятъ... Или вѣрно онѣ лучше меня?...

— Гдѣ-жъ вы видите это счастье, Ольга Ивановна? Многіе *кажутся* счастливыми только потому, что не стараются, или не могутъ вдуматься въ свое положеніе. Свою волю имѣютъ очень немногіе.

— А вѣдь и я бы могла быть счастлива!

— Чего-жъ бы желали вы для вашего счастья?

— Чего? Немногаго хотѣлось бы мнѣ. Я хотѣла бы жить въ кругу хорошихъ и умныхъ людей, а не такихъ уродовъ какъ здѣсь; хотѣлось бы повеселиться отъ души, а главное: побольше имѣть свободы и побольше надежды въ будущемъ... Вы не можете себѣ представить, какъ опротивѣла мнѣ эта пошлая жизнь. Вѣдь я здѣсь заперта какъ въ тюрьмѣ, нигдѣ не бываю, ни съ кѣмъ не знакома, всѣ смотрятъ на меня какъ-то странно, точно я ужь собственность Осипа Петровича. Ходишь цѣлый день изъ угла въ уголъ, какъ шальная, или уйдешь въ свою комнату и тамъ нарочно тѣшишь себя разными мечтами. Это постоянное одиночество такъ пріучило меня къ мечтательности, что я будто

и не живу здѣсь, а въ какомъ-то другомъ фантастическомъ мірѣ. Иногда, до того замечтаюсь, что мнѣ покажется вдругъ, что кто-то стоитъ за мною и шепчетъ мнѣ такимъ ласковымъ и нѣжнымъ голосомъ про любовь и про счастье; очнешься, оглядишься: никого нѣтъ, а въ ушахъ все еще отдаются эти разговоры, точно кто живой былъ у меня; даже страшно сдѣлается... Иногда представится мнѣ огромная, освѣщенная комната, народъ ходитъ, гремитъ музыка, танцы... Я танцую безъ отдыха... потомъ будто въ садъ какой-то вхожу, а тамъ мѣсяцъ видѣнъ и откуда-то слышится пѣсня, такая грустная, задушевная, такъ и льется, точно съ неба... Слушаешь эту пѣсню, а у самой сердце надрывается, слезъ удержать нельзя... Боже мой! право, я, кажется, когда нибудь съ ума сойду! закричала Ольга и закрыла лицо руками.

— Ольга Ивановна! не убивайте-же себя, ради Бога. Право, мнѣ вѣрится, что вы будете когда нибудь счастливы и найдете друга по-сердцу.

Она спустила руки и устремила на меня глаза. Въ нихъ были слезы.

— Вы плачете? спросилъ я подходя къ ней.

— Да, плачу. Я часто плачу. Знаете, я давно не говорила такъ откровенно, какъ теперь; все одна, да одна, не съ кѣмъ слова сказать!..

— Вы совсѣмъ больны! Вамъ надо лечиться! сказалъ я. Сдѣлайте милость, будьте всегда откровенны со мною, передавайте мнѣ всѣ ваши боли, и мы вмѣстѣ подумаемъ, что бы тутъ сдѣлать. Согласны?

— Извольте! проговорила Ольга, подавая мнѣ руку, и

улыбнулась сквозь слезы. — Зачѣмъ вы только гость нашъ? прибавила она тихо.—Еслибы вы постоянно жили здѣсь, можетъ быть мы сдѣлались бы настоящими друзьями. А то вотъ вы скоро уѣдете—и мнѣ опять придется считать дни и часы до свадьбы, съ надеждой, что женихъ какъ нибудь умретъ! Какое незавидное счастье! Ну; садитесь же и рисуйте, кажется кто-то идетъ...

За дверью дѣйствительно послышался шумъ и рѣзкій говоръ. Затѣмъ дверь широко распахнулась, и въ комнату вошелъ Осипъ Петровичъ, сумрачный какъ туча. За нимъ, въ почтительномъ отдаленьи, двигалась хозяйка, на которой отъ страху лица не было. Ольга поблѣднѣла и быстро вскочила со стула, но я попросилъ ее сѣсть и продолжалъ занятіе. Осипъ Петровичъ на минуту остановился, подозрительно оглядѣлъ насъ, потомъ медленно подошелъ къ столу и сталъ смотрѣть на мою работу.

— Это вы ейный портретъ дѣлаете? спросилъ онъ.

— Да; отвѣчалъ я.

Осипъ Петровичъ вздохнулъ. Хозяйка тихонько дѣлала мнѣ какіе-то знаки.

— А позвольте освѣдомиться, кто васъ просилъ приступить къ эфтому дѣлу? Опять спросилъ онъ.

— Мнѣ самому захотѣлось имѣть портретъ Ольги Ивановны, и я просилъ позволенія срисовать.

— А на что онъ вамъ, осмѣлюсь спросить?

— Да такъ, охота пришла.

— Охота? гмъ!..

— Они, батюшка Осипъ Петр...

— Молчать!!!..

У меня въ ушахъ зазвенѣло отъ этого крика. Ну, думаю, начнется исторія. Но исторія разыгралась позже. Осипъ Петровичъ нѣсколько минутъ простоялъ молча и опять вздохнулъ такимъ выразительнымъ вздохомъ, что хозяйка, понявшая его значеніе, поблѣднѣла еще болѣе. Потомъ онъ сурово взглянулъ на Ольгу и вышелъ. Ольга сейчасъ же оставила свое мѣсто и подбѣжала къ двери.

— Ради Бога, скорѣе кончайте и уходите! въ тревогѣ прошептала она, прислушиваясь.

— Посидите еще одну минутку, я сейчасъ кончу.

— Не могу больше... до свиданья!...

И она удалилась. Я собралъ вещи и тоже побрелъ въ свою комнату. Издали слышалъ я крикъ взбѣшоннаго благодѣтеля и плачъ хозяйки, потомъ какой-то грохотъ, будто что просыпалось, опять бабій вопль, какъ будто шлепанье оплеухи, стукъ двери, и затѣмъ все стихло.

— Ну, что, ушелъ? послышался дрожащій голосъ хозяина изъ-за перегородки.

— Ушелъ, окаянный, избилъ совсѣмъ! Охъ, ты жизнь моя пропащая! горе горькое!.. всю-то жизнь маяться, да плакаться, ласковаго слова ни отъ кого не услышишь!.. А все изъ за тебя, болванъ ты эдакой, — обратилась она къ мужу;—за тебя, дурака, меня силой выдали, загубили меня, сиротинушку...

И затѣмъ пошелъ длинный рядъ ругательствъ мужу.

— Не скучай, Марья Ефимовна! проговорилъ тотъ въ видѣ утѣшенія:—вотъ я выйду сейчасъ... И дѣйствительно

вышелъ, а Марья Ефимовна одна осталась плакать. И долго пришлось мнѣ слушать этотъ горькій, монотонный вопль съ разными причитаньями, которыми нашъ народъ обыкновенно передаетъ воздуху, да птицамъ перелетнымъ все свое горе, всю боль, накипѣвшую на сердцѣ отъ разныхъ затаенныхъ страданій. Въ этихъ причитаніяхъ высказалась вся душа хозяйки, тоже забитая горемъ и испорченная разными самодурствами. И у ней когда-то были свѣтлыя надежды, да жизнь сложилась не такъ, какъ хотѣлось; а потомъ любовь глупая, да нищета горькая высосали изъ бѣдной женщины остатки человѣческихъ соковъ, истощили послѣднія силы...

На слѣдующій день, утромъ, хозяйка по обыкновенію внесла ко мнѣ самоваръ и справилась о здоровьѣ. Потомъ, съ разными обиняками и предисловіями, объявила мнѣ, что они люди простые и потому могутъ обойдтись и безъ портрета; а кстати и Ольга сегодня не совсѣмъ здорова, такъ работы наши слѣдуетъ прекратить. Изъ всего этого я могъ понять, что причиною вчерашней исторіи былъ портретъ, начатый мною безъ вѣдома Осипа Петровича.

— Скажите откровенно, Марья Ефимовна, спросилъ я:— не пора ли мнѣ убираться отсюда? Кажется, на меня косо поглядываетъ вашъ благодѣтель?

— Чего-жъ ему поглядывать-то на васъ; вы человѣкъ посторонній. Живите-себѣ на здоровье. Вѣдь вамъ, чай, недолго осталось ждать пріятелей-то вашихъ?

— Можетъ быть, на дняхъ пріѣдутъ.

— Такъ что-жъ вамъ торопиться-то?

— А Ольга Ивановна нездорова?

— Да, нездорова что-то: ночью жаръ былъ... Однако, мнѣ идти надо. Простите, батюшка!

И Марья Ефимовна вышла, несмотря на мое желаніе продлить разговоръ и разузнать что нибудь объ Ольгѣ.

Я остался одинъ; досталъ неоконченный портретъ Ольги и принялся оканчивать его за-глаза. Мнѣ такъ живо представились черты лица Ольги, что это было очень нетрудно, и черезъ два часа портретъ былъ готовъ. Я поставилъ его на своемъ столѣ и задумался. Бѣдная Оля! думалъ я. Не сжиться твоей дѣтской душѣ съ этою жизнью; не спасутъ тебя отъ гибели ни молитвы, ни слезы твои. Какъ теперь вижу тебя въ будущемъ; убитая, безотвѣтная, прячешься ты гдѣ нибудь отъ кулака своего благовѣрнаго... А онъ бушуетъ и ищетъ услады въ пьянствѣ и развратѣ; ему нужна не женщина, а *жена* въ обиходномъ смыслѣ; его зачерствѣлое сердце не пойметъ и не признаетъ твоихъ честныхъ требованій. Кто же виноватъ въ твоей гибели? Мать? Мужъ?... Нѣтъ, не они виноваты. Они живутъ по примѣру другихъ, и искренно вѣрятъ въ собственную честность: ихъ существованіе тоже подточено и искажено нашимъ житейскимъ складомъ... А не виноватъ ли здѣсь тотъ узкій взглядъ на нравственность, который мы схватываемъ на вѣру, при нашемъ воспитаніи, и которому потомъ насильно подчиняется вся обрядовая сторона нашей жизни? Вѣдь, кажется, чего бы лучше человѣку бросить свое незавидное житье и искать другаго, по вкусу

и характеру? Чего бы легче ему вырваться изъ этой душной обстановки, гдѣ общество смотритъ враждебно на всякую попытку къ свободѣ? Къ этой рѣшимости побуждаетъ человѣка животный инстинктъ самосохраненія... А нѣтъ, нельзя! Тутъ, извольте видѣть, страдаетъ доброе имя, долгъ обязываетъ, и требуется жертва для счастья родителей, которые заранѣе отравили всю жизнь своего дѣтища. И подобные принципы такъ сильно въѣлись въ уставъ нашего семейнаго склада, что даже самое желаніе самосохраненія кажется преступленіемъ. А между тѣмъ этотъ *нравственный формализмъ* губитъ у насъ тысячи жизней; онъ же погубилъ Марью Ефимовну, выдавъ ее, по волѣ родительской, замужъ за немилаго, — онъ же погубитъ и Ольгу. Зло неизбѣжное, которому и конца не предвидится.

Прошло нѣсколько дней. Объ Ольгѣ ни слуху, ни духу. Романъ, значитъ, кончился въ самомъ началѣ. Нѣсколько разъ я спрашивалъ объ ней хозяйку, но изъ ея уклончивыхъ отвѣтовъ я могъ узнать только, что она дома, и все еще нездорова. Жизнь катилась своимъ чередомъ съ утомительнымъ однообразіемъ, таже повседневная ругань и хлопоты, обѣдъ да ужинъ, тотъ же глухой и замкнутый въ своихъ животныхъ интересахъ кружокъ, куда не въ силахъ забрести ни одна свѣтлая мысль. Разъ я слышалъ мелькомъ голосъ Осипа Петровича, который упрекалъ хозяевъ, что они живутъ больно прихотливо, и что при ихъ бѣдности имъ слѣдуетъ „распинать свою плоть со страстьми и похотьми“. Разъ слышалъ, какъ хозяинъ пришелъ изъ гостей пьяненькій и выкинулъ какую-ту интимную штучку съ Василисой Андреевной. Хозяйка

при этомъ въ сотый разъ прочитала ему длинную рацею о нравственности христіанской, и намекнула, что онъ долженъ увиваться около одной только юпки, именно ейной, хозяйкиной. Въ отвѣтъ на это пьяненькій хозяинъ что-то сгрубилъ своей мамочкѣ, и за то получилъ отъ нея полновѣсный ударъ кулакомъ въ спину.

Наконецъ, какъ-то въ корридорѣ я неожиданно встрѣтилъ Ольгу. Она вспыхнула и хотѣла убѣжать, но я удержалъ ее.

— Ольга Ивановна, ради Бога, что съ вами? спросилъ я. — Вы нездоровы?

— Да!.. Нѣтъ, я такъ... Говорите тише! прибавила она, оглядываясь и блѣднѣя.

— Зачѣмъ же вы забыли меня? спрашивалъ я. Вѣроятно тутъ виноватъ вашъ женихъ?

— Да; онъ боится, чтобы я не влюбилась въ васъ.

— Да развѣ это можетъ случиться такъ скоро?

— Спросите у него... Однако, мнѣ нужно идти. До свиданья.

— Ольга Ивановна! Одну минуточку...

— Что вамъ?

— Мнѣ опять хотѣлось бы поговорить съ вами и докончить прошлый разговоръ... Какъ бы это устроить?..

Ольга улыбнулась, погрозила мнѣ и быстро исчезла за дверью. Я вернулся въ свою комнату.

— Что ты тамъ говорила съ жильцомъ? слышу, спрашиваетъ ее хозяйка.

— Онъ просилъ, чтобы поскорѣе самоваръ приготовили, отвѣтила Ольга, незадумываясь.

— Что больно рано сегодня?

— Незнаю. Вѣрно, нездоровъ.

— Ну, ладно. Я сейчасъ поставлю.

Самоваръ дѣйствительно явился раньше обыкновеннаго. Хозяйка съ сердобольнымъ участіемъ спросила меня о припадкахъ моей болѣзни и посовѣтовала напиться вмѣсто чаю липоваго цвѣту, а на ночь вытереться свѣчнымъ саломъ. Я обѣщался.

Была суббота. Вечеромъ загудѣли городскіе колокола, и набожные старики и старухи по первому удару тронулись ко храму Божію, ради успокоенія грѣшной совѣсти. Мои хозяева, послѣ продолжительныхъ сборовъ, тоже ушли. Я остался одинъ и, отъ нечего дѣлать, сталъ пересматривать книги, валявшіяся на моемъ столѣ. Вдругъ слышу кто-то за дверью шепчетъ мое имя.

— Кто тамъ? спрашиваю.

— У васъ никого нѣтъ? послышался голосъ Ольги.

— Да это вы, Ольга Ивановна?

— Я... Заприте, пожалуйста, окно. Мнѣ хочется войдти къ вамъ... Я проворно заперъ окно, спустилъ штору, и ввелъ къ себѣ дорогую гостью. Она была одѣта очень нарядно и въ шляпкѣ.

— Какими судьбами? — спросилъ я, не вѣря глазамъ.

— Да такъ... Мнѣ, право, совѣстно. Мнѣ хотѣлось еще разъ видѣться съ вами...

— Ну, вотъ, спасибо! А вашихъ вѣрно никого нѣтъ дома?

— Никого. Папа въ церкви; Василиса Андреевна гостить гдѣ-то, а маменька у Осипа Петровича. Вы слышали: онъ очень боленъ?...

— Браво! и можетъ быть умретъ?

— Вы все смѣетесь...

— Ну, не буду. Садитесь же, дорогая гостья. Вы вѣдь посидите у меня нѣсколько минутъ?

— Да; я пробуду у васъ до семи часовъ, а потомъ опять отправлюсь въ церковь, чтобы папа могъ отыскать меня.

— Прекрасно.

Ольга сѣла, робко сняла шляпку и взглянула на меня такъ привѣтливо и нѣжно, что у меня захолонуло сердце.

Наконецъ-то я опять вижу васъ, сказала она, а я думала, что такъ и не придется больше поговорить съ вами... Боже мой! что это я сдѣлала! Ну, да все равно. Вы вѣдь не осудите?..

— Конечно.

— Право, я думала, что умру.

— Вѣроятно опять Осипъ Петровичъ...

— Вообразите, этотъ извергъ наслушался сплетенъ Василисы Андреевны и вздумалъ ревновать меня къ вамъ. Онъ сказалъ, что если я еще хоть разъ буду говорить съ вами, то онъ жестоко проучитъ меня. Да я, какъ видите,

не боюсь его, и нарочно пришла къ вамъ одна, да еще вечеромъ... (Она засмѣялась). Онъ думаетъ меня пріучить къ себѣ кулакомъ, такъ нѣтъ, не пріучитъ... Пусть, пожалуй, убьетъ; туда и дорога!

— Что это вы сегодня все о смерти толкуете? Умереть не трудно, да что толку изъ того?

— Да мнѣ ужь теперь все равно!..

— Вѣрно рѣшилась на что нибудь?

— Нѣтъ, не рѣшились, а такъ, спячка какая-то напала: ни о чемъ думать не хочется... Да и не стоитъ! Надо ждать, что будетъ.

— А если свадьба будетъ?

— Тогда камень на шею, да въ воду...

— Плохо-съ! Нѣтъ, вамъ надо полечиться немного.

— Опять вы это говорите. Я совсѣмъ здорова.

— Нѣтъ, больны вы, Ольга Ивановна. Вѣдь эти тяжелыя впечатлѣнія для мозга и сердца такъ же вредны, какъ тяжелая пища для желудка. Тутъ можно нажить такія болѣзни, отъ которыхъ и лекарства потомъ не помогутъ.

— Что-жъ тутъ дѣлать мнѣ?

— Надо избѣгать этихъ вредныхъ впечатлѣній. Прежде всего надо бросить эти напрасныя думы о лунѣ, другѣ и разныхъ городскихъ удовольствіяхъ, пототу что онѣ ни къ чему не приведутъ, и только будутъ раздражать васъ. Право, вамъ бы слѣдовало сразу покончить съ своею горькою долею и бѣжать отсюда. Гдѣ бы вы ни пріютились, повѣрьте, хуже этого не будетъ.

— Немогу! Силъ не хватитъ погубить отца и мать.

— Да они же васъ губятъ!...

— Ну, и пусть губятъ! отвѣтила Ольга тономъ, не допускавшимъ болѣе возраженій.

— Въ такомъ случаѣ вамъ остается только одна незавидная дорога: замужество съ Осипомъ Петровичемъ, потому что отъ этого замужества зависитъ, какъ вы говорите, счастье и честь вашихъ родителей. Теперь надо позаботиться только о томъ, какъ бы легче пройдти по этой дорогѣ и поискать, нѣтъ ли и здѣсь какихъ средствъ достигнуть если не счастья, то возможнаго спокойствія. Не убиваться же въ самомъ дѣлѣ! Жизнь, какова бы она ни была, все-таки жизнь, и надо съумѣть воспользоваться ею.

Ольга вздохнула и безсознательно перебирала ленты своей шляпки.

— Мнѣ кажется, тутъ остается одно только средство: надо будетъ вамъ, во что̀ бы то ни стало, пріобрѣсть вліяніе на Осипа Петровича и даже постараться передѣлать его на свой ладъ. Что вы на это скажете?

Ольга съ удивленіемъ подняла на меня глаза.

— Я не понимаю, какъ вамъ могло это прійдти въ голову? сказала она. Я такая слабая—и могу передѣлать Осипа Петровича? Опомнитесь!

И она засмѣялась.

— Но вѣдь укрощаютъ же дикихъ звѣрей и подчиняютъ же ихъ человѣческой волѣ, несмотря на то, что человѣкъ гораздо слабѣе ихъ. А Осипъ Петровичъ хоть и звѣрь, но все таки съ человѣческимъ видомъ, слѣдовательно имѣетъ нѣчто и человѣческое. У васъ есть умъ, мно-

го чувства и нѣжности, а въ этихъ чувствахъ, при содѣйствіи ума, такая огромная сила вліянія, какой рѣдкая натура не подчинится.

— Какъ же это сдѣлать? Это для меня совершенная новость.

— А вотъ подумаемъ. Я еще мало знаю Осипа Петровича, но мнѣ кажется, что такихъ людей болѣе всего ожесточаетъ сопротивленіе, и именно сопротивленіе тѣхъ лицъ, надъ которыми они сознаютъ свою силу и свое вліяніе. Въ этомъ сопротивленіи они видятъ оскорбленіе своего достоинства и своихъ мнимыхъ правъ, и въ то же время чувствуютъ, что всѣ ихъ ненавидятъ. Такіе люди не испытали не только любви посторонней, но даже простой ласки, и потому она непремѣнно должна имѣть на нихъ вліяніе. Въ первое время вамъ надо будетъ приласкать немного Осипа Петровича и подчиняться малѣйшимъ прихотямъ его, чтобы удалить по возможности всѣ причины ссоры. Потомъ вы будете изучать его натуру, и вѣроятно подмѣтите въ ней еще какую-нибудь слабую струну, на которую можно дѣйствовать съ успѣхомъ... Онъ, кажется, не шутя любитъ васъ, и если вы хоть наружно отвѣтите на его любовь, онъ будетъ вашъ.

— Мнѣ — любить Осипа Петровича? Мнѣ ласкаться къ нему? Да какъ же это возможно, если я его ненавижу, и дрожу при одномъ его имени? Поставьте себя на мое мѣсто, и поймите, что вы учите меня лицемѣрію и самоубійству.

— Я не говорю, что это нравственно и честно, но что же дѣлать, когда нѣтъ другихъ средствъ, и когда искренностью тутъ ничего не подѣлаешь! Горько сознаться въ этомъ,

а надо. Въ нашемъ обществѣ часто бываютъ такія тяжелыя положенія, что только хитростью и вывернешься изъ нихъ. Гдѣ же тутъ идти напроломъ, когда у насъ все почти основано на одномъ притворствѣ и грубомъ деспотизмѣ... А жить вѣдь хочется!.. Зато путемъ ласки и покорности вы можете достигнуть многаго; вы заставите Осипа Петровича любить и уважать васъ...

— Очень нужна мнѣ его любовь и уваженіе!

— Отъ этого зависитъ ваше счастье. Вы будете имѣть свободу, деньги, занятіе, кругъ знакомства по выбору и проч. и проч.

— Но вѣдь это грѣхъ, наконецъ!

— Напротивъ, церковь *заповѣдываетъ* женѣ любить мужа, сводъ законовъ *приказываетъ* тоже самое; въ глазахъ вашихъ родныхъ вы будете вполнѣ честны; наконецъ вы сдѣлаете доброе дѣло для общества, усмиривъ такого дикаря. А развѣ это грѣхъ?

— Мечта...

— Можетъ быть и мечта, но отчего же не попытаться, тѣмъ болѣе, что выхода нѣтъ другого? Помните, что жизнь не повторится, и надо пользоваться ею.

Ольга задумалась.

— Положимъ даже, что все это осуществится, произнесла она въ раздумьи, положимъ, что я буду имѣть маленькую волю; но жизнь, вся жизнь съ такимъ отвратительнымъ человѣкомъ! похоронить всѣ свои надежды... ужасно!.. Нѣтъ, я лучше буду его оскорблять, добьюсь, чтобы онъ ненавидѣлъ меня и прогналъ.

— Такъ лучше рѣшайтесь бѣжать теперь же!

— Нѣтъ, нѣтъ... Боже мой! да что же мнѣ дѣлать? Хоть бы умереть скорѣй, право... хоть бы съума сойдти!..

Ольга зарыдала.

— Другъ мой, успокойтесь! Пораздумайте лучше о моихъ совѣтахъ, и вы сами убѣдитесь, что для васъ нѣтъ другой дороги къ счастью...

— Вамъ легко говорить такъ. Вы не я... Да нѣтъ, ради Бога, оставимте этотъ разговоръ! времени впереди много, а онъ, къ тому же боленъ теперь... Нѣтъ, и думать больше не хочу объ немъ; стану молиться и, можетъ быть... Да и зачѣмъ вы опять заговорили объ этомъ? Я думала провести время весело, хотѣла поболтать съ вами, узнать отъ васъ кое-что, а вы вотъ довели меня до слезъ...

— Ахъ, Ольга Ивановна, если бы вы знали, какъ я горячо сочувствую вашему горю! Мнѣ, право, больно видѣть ваши слезы.

— Такъ дайте же мнѣ честное слово, что вы не будете впередъ говорить со мной объ этомъ проклятомъ будущемъ?

— Если хотите, даю!

— И кончено.

Ольга подняла голову и взглянула на меня сквозь слезы. Ей хотѣлось сейчасъ-же выгнать изъ головы всѣ эти горькія безотвязныя думы и уже не возвращаться къ нимъ никогда.

— Вы откровенны? спросила она.

— Съ вами готовъ быть.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ.

— Нестоитъ, Ольга Ивановна, да и что хорошаго будетъ, если вы меня узнаете! У меня теперь одно въ головѣ: я вотъ радъ, что вы сидите у меня, милая гостья, и откровенны со мною... И вы еще жалуетесь, что у васъ рѣшимости никакой нѣтъ, а вотъ рѣшились же прійдти ко мнѣ!

— Къ вамъ — дѣло другое... Да, нѣтъ, я глупость сдѣлала.

— Какую же глупость? У васъ много горя накипѣло на душѣ, захотѣлось высказаться, а высказаться некому, вотъ вы и довѣрились мнѣ. За это вамъ спасибо! Право— мнѣ кажется, я буду очень скучать при разлукѣ съ вами.

Ольга улыбнулась, и глаза ея подернулись влагой... Въ это время кто-то постучался у наружныхъ дверей. Ольга поблѣднѣла и засуетилась.

— Ахъ, Боже мой! это вѣрно папа пришелъ. Сколько времени?

— Скоро восемь.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Скажу, что мнѣ дурно сдѣлалось въ церкви... И, растрепавъ себѣ волосы, будто отъ лежанья, она побѣжала отворять.

Чрезъ нѣсколько секундъ, она опять вошла встревоженная.

— Васъ спрашиваютъ, сказала она.

— Кто такой?

— Незнаю, кажется, мальчикъ изъ сосѣдняго трактира.

— Я-съ самый-съ, сказалъ *мальчикъ* въ бѣломъ передникѣ, просовывая въ дверь свою лысую голову.

— Что такое, видно пріѣхали?

— Точно такъ-съ, какіе-то господа сейчасъ пріѣхали и вотъ вамъ письмецо прислали.

Я пробѣжалъ письмо. Мои спутники увѣдомляли меня, что прибыли благополучно въ городъ, и просили сію же минуту навѣстить ихъ, потому что они, можетъ быть, завтра отправятся дальше. Мальчикъ ушелъ.

— Пріѣхали? спросила Ольга какъ-то глухо.

— Да, пріѣхали.

— Когда же вы уѣдете?

— Не знаю еще, вотъ условимся. Надо пойдти къ нимъ, а то, пожалуй, и ждать не станутъ.

— Посидите немного, еще рано.

Я сѣлъ. Ольга устремила на меня долгій, задумчивый взглядъ и кусала губы. Я замѣтилъ въ ней нервную дрожь.

— Нѣтъ, ужь теперь ничего не выйдетъ, проговорила она будто про себя и взяла свою шляпку: вы сегодня вернетесь?

— Вернусь, и, можетъ быть, успѣю еще увидѣться съ вами?

Ольга не сказала ни слова и вышла. Я накинулъ пальто и засвѣтилъ свой походный фонарь. На лѣстницѣ я опять встрѣтилъ ее уже со свѣчей въ рукѣ. Она вышла провожать меня. Лицо дѣвушки сохраняло какое-то сдержанное, напряженное выраженіе, будто она порывалась сказать мнѣ что-то, да не смѣла.

— Что вы будете дѣлать однѣ? спросилъ я.

— Мечтать буду, отвѣтила она, стараясь улыбнуться, но улыбки не вышло.

— Приходите же скорѣй! крикнула она, когда я уже былъ на дворѣ, и громко хлопнула дверью.

Я торопливо пошелъ шагать по грязи, думая, какъ бы въ самомъ дѣлѣ скорѣе отдѣлаться отъ товарищей. А у самого въ ушахъ все еще отдавался знакомый голосъ, и чудилось мнѣ, что она рыдаетъ тамъ теперь, одинокая...

. . . . . .

Поздно уже ночью возвращался я домой. Недалеко отъ воротъ дома я встрѣтилъ Ивана Ивановича, который, подъ хмѣлькомъ, о чемъ-то жарко толковалъ съ пріятелемъ въ сѣрой истасканной шинели. Завидѣвъ меня, Иванъ Иванычъ ухорски снялъ шляпу и, выкинувъ неловко антраша ногою, подступилъ ко мнѣ съ вопросомъ: какъ я объ немъ думаю?—Я отвѣтилъ, что считаю его за хорошаго хозяина.

— Нѣтъ, врете-съ, вы меня, тово-съ, дуракомъ считаете.

— Какъ же я смѣю? отвѣчалъ я, не узнавая своего смиреннаго хозяина.

— Да-съ, я дуракъ чистѣйшій! Жена гуляетъ, дочь плачетъ, а я кучу... Вотъ оно какъ! Пойдемте-ка въ заведеніе, я вамъ сегодня все разскажу! У меня сегодня тово... языкъ есть.

— Нѣтъ ужь, мнѣ бы домой пора.

— Ну, домой пойдемте!.. Прощай, братъ! промычалъ онъ товарищу.

Мы пошли. Съ уходомъ товарища храбрость Ивана Иваныча внезапно исчезла, и онъ заговорилъ своимъ вѣчнымъ говоромъ.

— Вы меня извините... а я сегодня нездоровъ, то-есть тово... А вы, чуръ, ни гугу... я... понимаете?.. Нѣтъ, вы не совсѣмъ... и т. д.

Въ этомъ родѣ Иванъ Иванычъ добрался наконецъ до откровенности, и сказалъ, что онъ пошелъ-было ко всенощной, да увидавъ, что Ольга скрылась куда-то, заблагоразсудилъ самъ лучше пойдти къ товарищу. Онъ былъ увѣренъ, что жена не придетъ ночевать, и потому дѣйствовалъ смѣло. Потомъ онъ объявилъ мнѣ, что сегодня въ полдень Осипа Петровича параличъ хватилъ, и что онъ, можетъ быть, помретъ, оставивъ имъ по завѣщанію часть имѣнія. Изъ этой бесѣды я понялъ, что хозяинъ живетъ двойственною жизнью: дома стушовывается, а внѣ дома тихомолкомъ устроиваетъ пирушки, и интимничаетъ съ барынями разнаго сорта, понялъ также, что изъ-подъ этой коры вѣковѣчнаго лицемѣрія порой просвѣчиваетъ добрая, но забитая съ малолѣтства, душа.

Ольга отворила намъ двери.

— Матери нѣтъ? спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Нѣтъ.

— А ты гдѣ была? Отвѣчай-ка?

— Я дома была, а вы-то гдѣ были такъ долго?

— Я? Молчи! не твое дѣло.

— Пойдемте! Я уложу васъ спать.

— Уложи, Оля, уложи, я молчать буду... Ахъ, Оля,

еслибы ты знала!.. Да нѣтъ, не скажу, ни зачто не скажу: пусть лучше убьетъ меня Богъ!..

— Скажите, папа!

— Нѣтъ, не скажу. Молчать! Вѣдь отецъ...

И не сказалъ.

Ольга увела его въ спальню, и я долго прислушивался, какъ она помогала ему раздѣваться и окутывала одѣяломъ, прося заснуть поскорѣе, но Иванъ Иванычъ разчувствовался и все лѣзъ ее цаловать, приговаривая: „еслибы ты знала!..“ Наконецъ, Ольга ушла. Иванъ Иванычъ нѣсколько минутъ вздыхалъ и читалъ разныя молитвы; потомъ поднялся, подошелъ къ шкапику, но шкапикъ оказался запертымъ...

Утромъ воротилась хозяйка не въ духѣ. При самомъ входѣ она выругала мужа такъ энергично, что тотъ поспѣшилъ скорѣе убраться. Потомъ, подъ ея руками стали летать по комнатамъ разные неодушевленные предметы; слышу, сковородникъ летитъ, котелъ запрыгалъ, чашка разбилась и т. п. Видно, самой хозяйкѣ попало свыше...

Я сталъ понемногу собираться въ дорогу и разсчитался съ Марьей Ефимовной. Та изъявила сожалѣніе, что я такъ недолго прожилъ у нихъ, но это сожалѣніе было высказано такимъ тономъ, что мнѣ захотѣлось поскорѣе уѣхать. Въ послѣднее время она недружелюбно поглядывала на меня, будто подозрѣвала что-то.

Вечеромъ, я опять отправился къ товарищамъ и на

лѣстницѣ столкнулся съ Ольгой. Увидѣвъ меня, она поблѣднѣла и едва не загасила свѣчу. Мы раскланялись.

— Я слышалъ, что у Осипа Петровича параличъ? спросилъ я.

— Онъ ужь выздоровѣлъ. Такого человѣка и смерть нескоро одолѣетъ.

— А я завтра утромъ уѣзжаю.

— Счастливый путь вамъ. А мнѣ надо завтра идти въ гости къ жениху, и, кажется, придется скоро совсѣмъ переселиться къ нему.

— Вы будете помнить меня, Ольга Ивановна?

Ольга молчала.

— Вы молчите?

— Зачѣмъ вамъ знать это?.. Впрочемъ знайте, что мнѣ безъ васъ будетъ очень тяжело.

— Богъ дастъ, не будетъ. Обдумайте только посерьезнѣе мой совѣтъ вчерашній.

— Да вѣдь это не утѣшенье!..

— Чѣмъ же мнѣ утѣшить васъ?

Ольга замялась.

— Вотъ что: если вы когда нибудь будете проѣзжать черезъ нашъ городъ, заѣзжайте къ намъ!

— Но это будетъ черезъ годъ, не раньше.

— О, какъ долго еще! Что-то будетъ тогда!

— Увидимъ.

Я началъ спускаться по лѣстницѣ. Ольга шла за мною.

— А я хотѣла васъ попросить... произнесла она чуть

слышно,—вы не зайдете ли сегодня ко всенощной?.. я тамъ буду... Поговоримъ въ послѣдній разъ...

— Можетъ быть, зайду.

— Да нѣтъ, я боюсь...

Ольга еще что-то силилась сказать, но опять не рѣшилась. Ея глаза горѣли неестественнымъ блескомъ, въ нихъ видѣнъ былъ слѣдъ долгой и горячей думы.

— И мы ужь не увидимся съ вами? спросила она.

— Завтра я зайду проститься.

— Завтра... это при всѣхъ! такое чинное будетъ прощанье... А мнѣ бы поплакать хотѣлось съ вами! Хотѣлось бы отъ души сказать вамъ спасибо за ваше вниманіе ко мнѣ. Я надѣялась... Ахъ, право, что это какія у меня глупыя слезы?.. Не вѣрьте имъ, пожалуйста!

Ольга спѣшила стереть выкатившіяся слезинки, а между тѣмъ голосъ ея слабѣлъ и дребезжалъ отъ наплыва ихъ.

— Какая я глупая, право, все плачу!.. Вотъ вы совсѣмъ спокойны... До свиданья же, приходите въ церковь!..

И прежде, чѣмъ я успѣлъ придти въ себя, Ольга была уже наверху лѣстницы, и, отеревъ наскоро лицо, скрылась за дверью.

Ко всенощной я не пошелъ. Я предчувствовалъ слезы и тяжелыя сцены прощанья, и боялся разстроить себя окончательно. Товарищи мои были веселы; говорили, что не узнаютъ меня, и подтрунивали на мой счетъ. Я разсердился и ушелъ раньше обыкновеннаго. Потомъ, по обыкновенію, я сталъ досадовать на себя, зачѣмъ не пошелъ въ церковь и тѣмъ лишилъ себя, можетъ быть, лучшихъ минутъ моего

знакомства съ Ольгой. И долго, всю ночь почти, ворочался съ боку на бокъ, припоминая себѣ всѣ подробности нашихъ свиданій. Потомъ мнѣ вспомнилась хозяйка, жилица, и ярко представился весь печальный бытъ этой семьи съ ея затаенными болями и интересами. Все члены ея глядятъ въ разныя стороны, каждому жизнь поперегъ горла встала, грызутся они, хитрятъ, надуваютъ другъ друга, и между тѣмъ все-таки живутъ вмѣстѣ... Вотъ она, картинка семейнаго счастья, картинка не новая, въ которой ужь приглядѣлся нашъ незатѣйливый взглядъ! Со стороны посмотрѣть, такъ подумаешь, что здѣсь-то и есть источникъ довольства,—такъ все это замаскировано, приглажено, подведено подъ общій уровень; а попробуйте заглянуть подъ эту маску, то ли вы увидите?... Гдѣ-жъ ты, наше счастье-то? Куда запряталось? Или и ты замаскировано, какъ и горе? И тебя, знать, не приглянешь сразу?..

А между тѣмъ, за перегородкой хозяева спокойно храпятъ и потягиваются. Часу во второмъ ночи кто-то изъ нихъ проснулся и испилъ квасу.

— Жилецъ-то уѣзжаетъ поутру? спросилъ спросонья хозяинъ.

— Кажись, уѣзжаетъ, собрался, — отвѣтила хозяйка нехотя.

— А деньги отдалъ?

— Отдалъ.

— Сколько?

— 2 р. 70 к. серебра.

— А прибавки небось никакой не далъ? а? Марья Ефимовна?...

— Да спи ты, чортъ, пожалуйста! какая тутъ тебѣ прибавка!..

— При этомъ Марья Ефимовна сердито толкнула мужа ногой. Они замолчали, и опять стали отсвистывать носами разныя трели.

А спитъ ли Ольга?...

Утромъ рано меня разбудилъ трактирный мальчикъ, сказавъ, что господа уже „одѣмши“ и тарантасъ приказали закладывать. Погода была сѣренькая и покрапывалъ мелкій дождикъ,—значитъ все обстояло какъ слѣдуетъ. Я пошелъ на хозяйскую половину прощаться. Хозяева уже ожидали меня, а Ольги не было.

— Можетъ, вы соскучили съ нами, вы вѣдь питерскіе, сказала хозяйка;—на томъ извините, да не поминайте лихомъ! Жаль вотъ дождичекъ идетъ, а то бы хорошо было ѣхать. Дорога тутъ ровная, мигомъ доѣдете до станціи...

— А гдѣ же Ольга Ивановна? мнѣ хотѣлось бы съ ней проститься.

— Богъ ее знаетъ, простудилась видно опять, вчера сходила ко всенощной, а теперь вотъ и лежитъ. Да вы присядьте, я ее позову, пожалуй. Оно вѣдь и слѣдуетъ посидѣть передъ дорогой.

Я сѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ Ольгу. Я подивился ея необыкновенной блѣдности и худобѣ.

— Вы опять хвораете? спросилъ я.

— Опять.

— А я пришолъ пожелать вамъ на прощаньи счастья въ будущемъ...

Ольга протянула мнѣ руку.

— Благодарю васъ! проговорила она серьезно и сопровождая слово взглядомъ, въ которомъ я прочелъ заслуженный мною упрекъ;—не забывайте насъ!

— Можетъ быть, когда нибудь и вы вспомните наши бесѣды?

— Гдѣ ужь ей помнить, вмѣшалась хозяйка:—у ней теперь и безъ того заботъ много,—замужъ пора.

Всѣ замолчали. Затѣмъ я отдалъ всѣмъ офиціальный поклонъ, выслушавъ обычныя напутствія, и вышелъ. Иванъ Иванычъ пошелъ провожать меня, и всю дорогу до гостинницы говорилъ что-то; но я, признаюсь, не слыхалъ. Потомъ мы сѣли въ тарантасъ; тройка рванула, и потянулись мимо насъ сѣренькіе домики городка. Вотъ поровнялись и съ нашимъ домикомъ. Въ тусклыхъ стеклахъ мезонина силился я разсмотрѣть одно печальное личико, но не видалъ его: только въ томъ окнѣ, у котораго, бывало, сиживалъ я, мелькало озабоченное лицо хозяйки. Знать, она прибирала мою комнату для новаго жильца... А Ольги такъ и не видалъ больше.

И вотъ опять дорога! Новыя встрѣчи и знакомства. Куда-то занесетъ она меня, съ кѣмъ-то столкнетъ на пути? Чортъ знаетъ, какъ скверно на сердцѣ стало... И съ чего бы, кажется? Мнѣ-то какое дѣло до чужой бѣды? вѣдь и слезъ не хватитъ, коли оплакивать каждую встрѣчу... А

товарищи беззаботно хохочутъ и поютъ веселыя пѣсенки! Давайте же, братцы, вмѣстѣ пѣть и смѣяться! Эй, лети несись, тройка! Унеси ты наше горе!..

II.

Илька.

(Изъ воспоминаній стараго музыканта).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣздомъ черезъ городъ К., со мной случилось маленькое происшествіе, которое впрочемъ довольно часто случается съ нашими путешественниками, а именно: у меня сломался экипажъ. Ѣхать далѣе—не представлялось ни какой возможности, такъ что волей-неволей надо было на нѣсколько часовъ пріостановиться въ городѣ и постараться поправить дѣло. Хотя я, какъ и слѣдуетъ всякому путешественнику, счелъ долгомъ опечалиться своему несчастью, но въ сущности оно случилось весьма кстати: продолжительная дорога истомила меня до такой степени, что, право, по настоящему, слѣдовало бы радоваться этой представившейся возможности отдохнуть съ спокойной совѣстью и понабраться силами для дальнѣйшаго пути. Кое-какъ добравшись до станціоннаго дома, я вошелъ въ первую попавшуюся мнѣ комнату, предназначенную для пріѣзжающихъ, и бросился на обычный клеенчатый, форменный диванъ, неизмѣнно пребывающій на каждой станціи. Комната была темная и не отличалась особеннымъ комфортомъ, но мнѣ было вовсе не до комфорта, хотѣлось только успѣть отлежаться на покоѣ, безъ треску, и тряски, пока

починиваютъ экипажъ. Мое желаніе и сбылось благополучно: къ вечеру я отлежался, почувствовалъ себя бодрѣе и тотчасъ вспомнилъ о своемъ поломанномъ экипажѣ.

— Ну, что мой экипажъ, скоро ли будетъ готовъ? спросилъ я, поймавъ въ корридорѣ кого-то изъ обитателей станціи.

— Тамъ кузнецъ работаетъ,—отвѣтилъ нехотя обитатель,—да только работы, говоритъ, много; раньше ночи не выѣдете.

— Плохо дѣло, коли такъ. А что милый человѣкъ, не найдется у васъ тутъ чего-нибудь закусить?

— Нѣтъ, мы ничего съѣстнаго не держимъ; пріѣзжіе вотъ изъ трактира берутъ. Если прикажете...

— А далеко-ли отсюда трактиръ?

— Да вотъ тутъ же, въ этомъ домѣ, на верху-съ. Тамъ и закуски всякія есть и что угодно по картѣ-съ. Извѣстно: трактиръ, какъ есть. Вамъ чего требуется, примѣрно? я принесу-съ...

— Зачѣмъ же приносить, я и самъ схожу. Кстати и погляжу, какіе у васъ тутъ трактиры.

Услужливый обитатель станціи вызвался проводить меня, и, черезъ пять минутъ, я уже имѣлъ удовольствіе заказать себѣ кушанье „по картѣ“, и засѣлъ у стола въ одной изъ лучшихъ комнатъ трактира. Комната была большая и довольно чистая; убранство ея напоминало всевозможные провинціальные трактиры: вдоль стѣнъ красовались тѣже накрытые скатертью столы, старинные неуклюжіе стулья и т. п. Одна только вещь нѣсколько бросалась въ глаза по

своей оригинальности—это большой старый рояль, отдѣланный когда-то бронзою и вѣроятно купленный гдѣ-нибудь на аукціонѣ, стоявшій въ одномъ изъ угловъ комнаты. Я сидѣлъ за столомъ въ ожиданіи обѣда, и, отъ-нечего дѣлать, разглядывалъ картинки, развѣшенныя по стѣнамъ въ большихъ золоченыхъ рамахъ. На другой сторонѣ комнаты, сидѣли какіе-то подкутившіе купчики, обставленные цѣлымъ рядомъ бутылокъ и тарелокъ съ закусками. Они, какъ замѣтно, всѣ были на-веселѣ, глупо хохотали, глупо острили и дружно подчивали другъ друга винами.

— А что, господинъ, мы вамъ не помѣшаемъ если музыку велимъ играть? спросилъ одинъ изъ пирующихъ, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, я очень радъ, я музыку люблю,—отвѣтилъ я.

— Слышишь, Иля? Вотъ они тоже послушаютъ. Илинька, голубчикъ, распотѣшь!

— Да я не могу... упрямо отвѣчалъ хмурый старичокъ, сидѣвшій съ ними.

— Ну, пей что-ли больше, коли трезвый не можешь играть!

— Пить-то я пью, а только я вамъ и безъ того все утро даромъ игралъ, хоть бы рубль какой дали... Что-жь это, въ самомъ дѣлѣ! Играй, играй...

— Ну, вотъ тебѣ рубль, только чтобъ больше и разговоровъ не было!. Слышишь? И одинъ изъ собѣсѣдниковъ подалъ Илинькѣ ассигнацію. Илинька взялъ рубль.

— Что-жъ вамъ съиграть-то? пѣсню что-ли какую? спросилъ онъ, нерѣшительно вставая.

— Нѣтъ, что-нибудь повеселѣе эдакъ, да погромче. Ну, сыграй хоть „полянскую“, помнишь?

Отъ группы отдѣлился худенькій, болѣзненный человѣчекъ, уже съ просѣдью въ волосахъ и жидкой бородѣ, одѣтый бѣднѣе всѣхъ другихъ, и нетвердою поступью подошелъ къ роялю. Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ и затѣмъ шумно заигралъ какую-то плясовую пѣсню, вродѣ „казачка“. Игралъ онъ бойко и игриво, и при этомъ еще въ тактъ пѣсни прищелкивалъ языкомъ и притопывалъ ногою, поглядывая вызывающимъ взглядомъ на своихъ товарищей; но товарищи сидѣли какъ-то апатично и сонно; ихъ видимо не веселила пѣсня.

— Нѣтъ, братцы, заговорилъ одинъ изъ нихъ,—или мы ужь очень грузны теперь, или время, что-ли, неподходящее, а плясовая у насъ сегодня не выходитъ. Пойдемте-ка лучше въ билліардную, да побалуемъ тамъ немножко, дѣло-то лучше будетъ.

— Эхъ, кости болятъ, всѣ суставы говорятъ! подпѣвалъ музыкантъ подъ тактъ своей музыки, выбиваясь изъ всѣхъ силъ, чтобы потѣшить слушателей.

— Полно, брось, Илька, не клеится дѣло сегодня, лучше въ другой разъ,—продолжалъ невольно тотъ же купчикъ.—Пойдемте, братцы, въ билліардную, побаловать шариками надо. Пойдемъ, Иля!

— Нѣтъ, ужь ступайте одни, а я лучше тутъ подожду васъ,—отвѣтилъ Иля.—Билліардъ-то этотъ мнѣ уже очинно надоѣлъ... Я его помню.

— Ну, какъ знаешь, кланяться не будемъ. Пойдемте, братцы. А ты жди насъ. Мы живо.

Вся компанія дружно поднялась съ мѣста и вывалила изъ комнаты. Мнѣ подали обѣдъ. Иля сидѣлъ у рояля и одной рукой тихо перебиралъ клавиши. Много разныхъ мелодій затрогивалъ онъ — и странное дѣло: прислушиваясь къ нимъ, я чувствовалъ, что онѣ мнѣ почему-то знакомы, что я ихъ гдѣ-то ужь слышалъ; то вдругъ будто прозвучитъ легкій, неуловимый мотивъ изъ „Жизни за Царя", то будто послышится нѣсколько неясныхъ аккордовъ изъ Бетховена, то точно издалека донесется знакомый мотивъ какой-нибудь задушевной русской пѣсни. Наконецъ аккорды и мотивы стали принимать мало по малу болѣе опредѣленный характеръ; къ правой рукѣ присоединилась лѣвая, и скоро, къ удивленію моему, въ звукахъ стараго полуразстроеннаго рояля, я ясно разслышалъ очень знакомую мнѣ амольную симфонію Мендельсона. Съ изумленіемъ и недоумѣніемъ оглянулся я на невѣдомаго артиста. Иля сидѣлъ въ томъ же положеніи, и видимо увлекался игрою: на морщиноватомъ лицѣ его было выраженіе серьезное, даже строгое; тонкіе, костлявые пальцы, какъ видно давно немытые, бойко бѣгали по клавишамъ, свободно преодолѣвая всевозможныя трудности... Съигравъ первую часть симфоніи, онъ въ смѣлыхъ и ловкихъ аккордахъ вдругъ поднялъ на клавишахъ цѣлую бурю, и затѣмъ незамѣтно и совершенно неожиданно перешелъ къ Бетховену, къ его знаменитой „Quasi una fantasia..." Я совершенно замеръ отъ этой неожиданности... Много слышалъ я разныхъ великихъ и невели-

кихъ артистовъ, много разъ млѣлъ и волновался, слушая, какъ они разъигрывали лучшія симфоніи прославленныхъ маэстро, но въ ихъ исполненія я слышалъ большею частью только безукоризненность и полное подчиненіе нотѣ и задачѣ исполняемаго маэстро; здѣсь же проглядывала какая-то необыкновенная своеобразность самаго пониманія музыки, слышалась подчасъ въ игрѣ какая-то самородная нотка, будто съ умысломъ вставленная; нѣкоторые оттѣнки исполненія нѣмецкой музыки, очевидно, напоминали что-то русское, наше, понятное только русскому чувству, точно это была какая-то оригинальная попытка, если можно такъ выразиться, перевести нѣмецкую музыку на русскій языкъ и сдѣлать ее доступною народному пониманію. Не знаю, было ли это слѣдствіемъ обдуманности и виртуозной изобрѣтательности артиста, или у него такъ ужь выходило само собою, безъ всякой задней мысли, но только исполненіе было до такой степени оригинально и ново, что я давно забылъ свой обѣдъ и слушалъ, съ изумленіемъ вытаращивъ глаза, Илю. Страннымъ и неожиданнымъ казалось мнѣ все это... Дикая уѣздная глушь, трактиръ, изношенный, съ продранными локтями, сюртукъ артиста, дырявые сапоги, какой-то невѣдомый Илька—и съ нимъ Бетховенъ, Мендельсонъ, Глинка... Что это такое? Какъ все это могло слиться?

Артистъ игралъ довольно долго, потомъ задумчиво взялъ нѣсколько отрывистыхъ аккордовъ и смолкъ. Вѣроятно, я смотрѣлъ на него очень пристально, потому что онъ какъ будто почувствовалъ мой взглядъ и съ-искоса оглянулся на меня.

— Не надоѣлъ-ли я вамъ своей музыкой, господинъ? Многіе вѣдь не любятъ.

— Нѣтъ, я слушалъ васъ съ большимъ удовольствіемъ, даже съ удивленіемъ...

— Это, изволите видѣть, я еще когда молодъ былъ, придумывалъ все, какъ бы сочинить попури изъ разныхъ концертовъ и симфоній; все хотѣлось узнать, что, молъ, изъ этого выйдетъ. Не вышло, конечно, ничего, а все и до сихъ поръ подчасъ вспоминаются старые грѣхи. Вотъ и теперь вспомнилось.

— Попури изъ Бетховена и Мендельсона?!

— А вы вѣрно не здѣшній?

— Нѣтъ, проѣзжій.

— То-то вы и сочинителей-то этихъ знаете. Я ихъ смолоду всѣхъ зналъ наизусть и игралъ безъ запинки что угодно, а теперь вотъ ужь старъ становлюся, позабывать начинаю; да и жизнь не та стала. Музыка вѣдь, извѣстно,— одна потѣха: она хлѣба не даетъ; она все одно, какъ водка: отъ бездѣлья или отъ скуки, или въ праздникъ какой — выпьешь, и веселѣе станетъ. Такъ и музыка... Я это все понимаю, да только поздно понялъ-то. По настоящему, я ее, эту музыку, ненавидѣть долженъ, потому — она всю жизнь мою загубила. А я ее все-таки люблю, и ничего подѣлать не могу съ этимъ. Вотъ теперь за то и хожу безъ сапогъ, и ни единой копѣйки нѣтъ у меня за душою... Ей-богу-съ... Знаете, какъ про стрекозу въ басняхъ говорится, всю жизнь свою она пѣла, а потомъ ей за это плясать пришлось. Вотъ и мнѣ подъ старость, можетъ быть, запля-

сать придется... Вотъ что-съ! А вы сами, осмѣлюсь васъ спросить, музыкантъ? Играете?

— Нѣтъ, не музыкантъ и не играю: просто любитель музыки.

— Такъ я вотъ и говорю,—продолжалъ старикъ,—у кого много денегъ, тому еще можно быть музыкантомъ, а нашему брату, бѣдняку, это по настоящему вовсе не слѣдуетъ. Это занятіе—барское, барами для баръ и выдумано. Ежели она еще не помѣха дѣлу—ничего, а мнѣ она всегда во всемъ помѣхой была. Зато ужъ о били же меня за эту музыку—страсть! Всего тутъ было-съ.

— Разскажите-ка мнѣ, гдѣ вы научились такъ играть? кто помогалъ вамъ выучиться? Кто вы такой, наконецъ?—спрашивалъ я.

— Я-съ, извольте видѣть, человѣкъ самый маленькій: здѣшній мѣщанинъ, Илья Тимоѳѣевъ, а попросту зовутъ меня добрые люди Илькой, — отвѣтилъ музыкантъ, отходя отъ рояля и подсаживаясь къ моему столу. По настоящему мнѣ слѣдовало бы сапожникомъ быть, потому что у меня тутъ въ городѣ и отецъ-покойникъ сапоги шилъ, и братъ родной нынче тоже сапоги шьетъ; но такъ ужь судьба съ самаго начала повела дѣло, что изъ меня вышелъ не сапожникъ, а музыкантъ. Жили мы, извольте видѣть, всей семьей въ своемъ собственномъ домишкѣ, а вышку нанималъ у насъ одинъ постоялецъ, изъ нѣмцевъ. Я еще мальчишкой былъ, какъ переѣхалъ къ намъ этотъ постоялецъ,—эдакъ лѣтъ двѣнадцати, не больше. Онъ имѣлъ тутъ въ городѣ какія-то дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ и каждое утро

уходилъ куда-то, но зато всѣ вечера напролетъ просиживалъ дома и все игралъ на фортепьянахъ, да такъ игралъ, что и теперь, какъ вспомню—все еще за душу хватаетъ... Вотъ этотъ-то самый постоялецъ и испортилъ меня, мальчишку, своей музыкой... Бывало, какъ только подходитъ вечеръ, я ужь самъ не свой, и только объ одномъ думаю, какъ бы незамѣтно удрать изъ комнаты; проберусь, бывало, по темной лѣстницѣ къ комнатѣ жильца, приложу ухо къ двери, да такъ и замру, слушая, а у самаго сердце такъ и надрывается... Да, и игралъ-то онъ такъ, что нельзя было не заслушаться; музыка его, бывало, сама такъ въ душу и просится, на самое сердце ложится. Можетъ быть, и есть гдѣ такіе артисты, что лучше его играютъ, да только я не слыхивалъ и врядъ-ли услышу. Звали его Иванъ Карлычъ, тихій онъ такой былъ, нелюдимый и молчаливый; ни къ кому не ходилъ, всегда бывало одинъ-одинешёнекъ сидитъ въ своей комнатѣ, разыгрываетъ разныя пьесы, или напѣваетъ что-нибудь про себя, или книжку какую читаетъ. Чѣмъ онъ жилъ, я не знаю; только бѣденъ былъ очень: питался чѣмъ придется, одежонку имѣлъ плохонькую и шинель воздухомъ подбитую, такъ что зимой, въ морозы, бывало, и смотрѣть на него жалко; а между тѣмъ добрѣйшій былъ человѣкъ, несмотря на то, что нѣмецъ; при всей его бѣдности, что ни спроси у него, все отдастъ съ радостью; такой всегда ласковый, привѣтливый, ну, просто—душа-человѣкъ. Такъ вотъ, извольте видѣть, слушалъ, слушалъ я его музыку—и захотѣлось мнѣ вдругъ самому играть на фортепьянахъ, да непремѣнно такъ играть, какъ онъ

играетъ. Залѣзла мнѣ эта блажь въ голову, покою нигдѣ не даетъ: хочу играть, да и только. Мальчишка я былъ бойкій и скоро придумалъ такую штуку: втихомолку подобралъ я ключъ къ его замку въ дверяхъ, и какъ только постоялецъ, бывало, выйдетъ изъ дому, я сейчасъ къ нему на вышку и прямо къ фортепьянамъ—играть. Ну, ужь извѣстно, какая тутъ игра, когда я и фортепьяно-то въ первый разъ отъ роду видѣлъ; однако я былъ упрямъ и по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ клавишами, стараясь съиграть однимъ пальцемъ какой-нибудь изъ слышанныхъ мотивовъ, или подбирая какіе-нибудь красивые аккорды. Бывало, сидишь-сидишь, да и расплачешься съ горя, что съиграть ничего не можешь, или злость вдругъ заберетъ на свои непослушные пальцы, начнешь со злости колотить и ломать свои руки, и инструментъ иной разъ поколотишь,—а все ничего не выходитъ. Такъ дѣло шло около мѣсяца; я каждый день бѣгалъ потихоньку на вышку и добился-таки того, что, къ концу мѣсяца, съумѣлъ изъ аккордовъ составить какой-то сносный мотивъ, который меня самаго приводилъ въ неописанное восхищеніе. Только однажды постоялецъ вдругъ неожиданно и накрылъ меня въ своей комнатѣ; я такъ увлекся игрой, что и не замѣтилъ, какъ онъ показался въ дверяхъ. „Это что значитъ? Что ты тутъ дѣлаешь, мошенникъ!“ сердито закричалъ онъ на меня. Я оторопѣлъ, растерялся и сразу порѣшилъ, что лучше всего будетъ смириться и попросить прощенья; я откровенно признался ему, какъ я полюбилъ музыку, какъ втихомолку, за дверями, наслаждался его игрою, и какъ, наконецъ, подобралъ ключъ,

къ его квартирѣ, чтобы имѣть возможность самому упражняться въ игрѣ, и т. п. Иванъ Карлычъ все время пристально смотрѣлъ на меня, и глаза у него вдругъ стали такіе добрые, что мнѣ попросту захотѣлось броситься ему на шею.

— Такъ ты очень любишь музыку? спросилъ онъ меня.

— Очень, — отвѣтилъ я тихо, и на глазахъ у меня опять начали выступать слезы.

— Такъ чего же ты плачешь-то?

— Да я совсѣмъ не умѣю играть, ничего не умѣю. Вы вотъ какъ славно играете, а я не умѣю — проговорилъ я съ отчаяніемъ, и дѣйствительно расплакался. Иванъ Карлычь ласково улыбнулся.

А какъ тебя зовутъ, мальчикъ? спросилъ онъ.

— Илькой.

— Такъ вотъ что, Илья: чѣмъ прятаться на лѣстницѣ, лучше приходи ты ко мнѣ прямо по вечерамъ. Я буду играть тебѣ тѣ пьесы, какія ты любишь, а ты будешь слушать, привыкать и учиться. Можетъ быть, ты меня полюбишь, и будемъ мы друзьями. Хочешь?

Тутъ ужь я окончательно не выдержалъ и бросился со слезами цѣловать моего новаго друга.

Съ этого дня мы стали друзьями. Иванъ Карлычъ полюбилъ меня, какъ сына и брата, и видимо цѣнилъ во мнѣ своего единственнаго поклонника. Каждый вечеръ я потихоньку (все это дѣлалось украдкой отъ отца, которому вовсе не были по вкусу мои музыкальныя затѣи) приходилъ въ комнату жильца и, усѣвшись куда-нибудь въ уголокъ,

замиралъ отъ восторга, слушая его музыку. Часто во время игры я замѣчалъ, что глаза Ивана Карлыча пристально останавливались на мнѣ, какъ будто спрашивая: „хорошо-ли? доволенъ-ли?“ Это были лучшія мѣста игры, которыми видимо увлекался и самъ артистъ. Но иной разъ игра у него не клеилась, и тогда мы читали что-нибудь вмѣстѣ, или просто болтали, о чемъ придется, причемъ больше всего болталъ я, а онъ только слушалъ съ улыбкой и гладилъ меня по головѣ. По утрамъ я продолжалъ самъ упражняться въ музыкѣ; все больше и больше завлекала она меня, и все больше мучился я за свою неумѣлость. Иванъ Карлычъ съ снисходительной улыбкой слѣдилъ за моими поползновеніями, иногда поправлялъ, но вообще не особенно поощрялъ меня. Я добивался самъ, какъ могъ; память у меня была превосходная, и однажды я привелъ своего друга въ неописанное изумленіе, съигравъ ему напамять нѣсколько мотивовъ изъ одной его любимой пьесы. Конечно, это была не больше какъ попытка, но попытка, какъ я самъ сознавалъ, удачная. Иванъ Карлычъ видимо изумился, заставилъ меня повторить и съиграть еще что-нибудь, и задумался.

— Слушай, Илюша, — сказалъ онъ серьезно, — тебѣ, братъ, надо какъ слѣдуетъ учиться играть; у тебя большія способности...

У меня захватило дыханіе отъ радости.

— Хочешь учиться? Я тебя учить буду.

— Хочу, хочу, повторилъ я.

— Да; тутъ шутить нельзя, да и грѣхъ было бы шутись, настаивалъ онъ, какъ бы въ раздумьи, — видимая спо-

собность, можетъ быть даже талантъ... Съ завтрашняго дня давай, дружокъ, учиться; засядемъ за ноты, и я, на сколько силъ моихъ хватитъ, передамъ тебѣ все, что знаю. Посмотримъ, что будетъ...

На другой же день, Иванъ Карлычъ сходилъ къ отцу и наговорилъ ему такихъ чудесъ про мои музыкальныя способности, и наобѣщалъ мнѣ такихъ успѣховъ въ будущемъ, что отецъ не сталъ ему противорѣчить и далъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что это ему ни копѣйки не стоило и не вводило ни въ какіе расходы. Ну-съ, и засѣли мы съ Иваномъ Карлычемъ за ноты и гаммы... Съ этого времени я совсѣмъ потерялъ голову; не ѣлъ, не спалъ, только и могъ дышать свободно что у фортепьянъ. Черезъ годъ я добился того, что могъ уже играть нѣкоторыя легонькія пьески съ моимъ учителемъ въ четыре руки. Онъ искренно радовался моимъ успѣхамъ и способностямъ, особенно когда у меня стали появляться поползновенія къ композиціи и когда я однажды сюрпризомъ сыгралъ ему нарочно сочиненную мною для него какую-то музыкальную фантазію. Иванъ Карлычъ съ этихъ поръ сталъ серьезно смотрѣть на меня, какъ на будущаго генія, предрекалъ мнѣ и богатство, и всемірную славу, такъ что я впослѣдствіи и самъ наконецъ сталъ мало по малу приходить въ увѣренность, что я въ самомъ дѣлѣ великій талантъ и что впослѣдствіи непремѣнно прославлюсь и разбогатѣю. Самъ ничего не сознавая, чисто по простотѣ своей, портилъ меня понемногу добрѣйшій Иванъ Карловичъ; развилъ онъ во мнѣ, вмѣстѣ съ любовью къ искусству, и гордость, и увѣренность въ

себѣ, и мечты непутныя, и неизмѣримое самолюбіе, которое потомъ было для меня причиною многихъ безполезныхъ слезъ и мученій... Быстро шло мое обученіе, и восторгамъ Ивана Карлыча не было конца. Подъ его руководствомъ, я переигралъ всѣ бывшія у него ноты (а ихъ было очень немало) познакомился такимъ образомъ съ лучшими музыкальными сочиненіями разныхъ знаменитостей, узналъ ихъ біографіи и самъ исписалъ множество нотной бумаги, сочиняя самодѣльные концерты, думы и фантазіи. Славное это было время,—лучшее время въ моей жизни. Мы сошлись другъ съ другомъ душа въ душу, и не запомню, чтобы между нами была когда нибудь хоть маленькая ссора или размолвка, которая могла бы омрачить наши отношенія; но было много такихъ счастливыхъ дней, теплыхъ бесѣдъ и музыкальныхъ наслажденій, которыя до сихъ поръ свято помнятся мнѣ, и порой волнуютъ еще сладкими воспоминаніями мою стариковскую душу. Да-съ, милостивый государь, я не могу пожаловаться на свою молодость; я тогда счастливъ былъ, и счастливъ вполнѣ.

Это счастье мое продолжалось, однако, очень недолго: всего пять лѣтъ... Иванъ Карлычъ вдругъ получилъ изъ-за границы какую-то депешу, гдѣ его извѣщали о какомъ-то наслѣдствѣ... Собрался онъ въ двѣ недѣли и уѣхалъ такъ проворно и неожиданно, что я не опомнился, какъ остался въ полномъ одиночествѣ, будто сиротою. Нечего и говорить, что на прощаньи мы оба такъ плакали, какъ рѣдко плачутъ люди; онъ плакалъ еще больше меня, тогда какъ, по настоящему, мнѣ одному слѣдовало бы плакать, потому что

вмѣстѣ съ его отъѣздомъ надламывалась вся жизнь моя и все мое будущее. Подарилъ онъ мнѣ на память свое фортепьяно и свои ноты, обѣщалъ писать, просилъ не бросать музыку и помнить, что меня ожидаетъ впереди громкая извѣстность. Съ тѣхъ поръ я его и не видалъ. Прислалъ онъ разъ письмо и посылку съ нотами, но потомъ и писать пересталъ, и всѣ мои письма къ нему такъ и остались безъ отвѣта... Гдѣ-то ты теперь, другъ мой милый, отецъ и благодѣтель ласковый? гдѣ ты? Живъ-ли? Играешь-ли? Помнишь-ли меня?.. Погляди ты теперь на своего Илю, на котораго ты такъ крѣпко надѣялся. Узнаешь-ли ты его, въ этомъ оборванномъ пьяницѣ? Гдѣ же мой талантъ, гдѣ слава, обѣщанная тобою! Думалъ-ли ты, что твой Иля превратится въ шалопая и прощалыгу, оборваннаго, голоднаго; что твой прославленный артистъ будетъ за гривенникъ въ присядку выплясывать передъ богатыми купцами; что твоего генія будутъ теребить за волосы, бить пинками и выталкивать въ шею изъ кабака!.. Думалъ-ли ты это, добрый мой Иванъ Карлычъ!.. Нѣтъ, ты самъ меня лелѣялъ, и думалъ, что и люди лелѣять будутъ... Говорилъ: тебя спасетъ и выдвинетъ искусство... Что-жъ оно не спасаетъ!..

Старикъ замолкъ, и затрясъ головою въ изнеможеніи. Изъ опухшихъ глазъ его тяжело выкатились двѣ слезинки...

— Послѣ отъѣзда Ивана Карлыча,—продолжалъ музыкантъ, нѣсколько оправившись отъ волненія,—жизнь моя перемѣнилась очень круто. Отецъ, и безъ того косо смотрѣвшій на мои музыкальныя занятія, сталъ теперь ворчать

не на шутку, звалъ онъ меня дармоѣдомъ, всячески издѣвался надо мною и всѣми средствами старался засадить меня за работу, конечно — сапожную. Я сталъ отлынивать, пошли ссоры, началъ онъ меня бить, и такъ крѣпко билъ, что до сихъ поръ кости ноютъ, какъ вспомню. И какъ только онъ не убилъ меня въ то время, понять не могу! Бывало, кричитъ-кричитъ, да какъ пуститъ въ меня колодкой или скалкой—еле увернешься, а то бы, кажется, такъ тутъ и умереть. Вспыльчивъ былъ старикъ, да и взаправду видѣлъ, что изъ меня ему плохой помощникъ выйдетъ, а въ домѣ въ то время нужда была, руки были нужны. Ну-съ, скрѣпя сердце и засѣлъ я за шило, да дратву; да только плохо шла моя работа; больше портилъ, чѣмъ шилъ. Да и какъ тутъ не портить: сидишь, бывало, надъ какой-нибудь подошвой, а у самого въ головѣ цѣлый оркестръ играетъ,—точно болѣзнь какая, такъ и мучитъ, такъ и тянетъ всю душу—разрыдался бы просто. А отецъ, понятно, еще больше злится, что я товаръ порчу: ругается и дерется пуше прежняго: „я изъ тебя дурь-то выбью,—кричитъ,—ты у меня не будешь комедіянтомъ, не будешь даромъ хлѣбъ мой жрать, а будешь работникомъ, я и фортоплясы-то твои на куски поломаю, чтобы и духу ихъ не было!“

Но, какъ ни билъ, а все-таки не могъ выбить изъ меня моей дури. Пришлось впрочемъ смириться и только изрѣдка, да урывками отводить душу музыкой, когда отца не было дома, такъ что иной разъ по цѣлой недѣлѣ не приходилось играть; но за то ужъ съ какимъ наслажден-

емъ я пользовался этими минутками свободы за своимъ милымъ фортепіано!

Плохое это было для меня время и долго тянулось оно, но одинъ счастливый случай выручилъ меня изъ бѣды и неожиданно поставилъ на другую дорогу. По сосѣдству съ нами, извольте видѣть, жилъ одинъ чиновникъ, давнишній знакомый и заказчикъ моего отца. Этотъ чиновникъ вздумалъ выдать за мужъ свою дочку за какого-то другаго чиновника, и свадьбу они затѣяли справить какъ слѣдуетъ: съ танцами, съ музыкой и проч. Имъ, конечно, понадобился музыкантъ для танцевъ — вотъ они за меня и ухватились въ надеждѣ справить музыку подешевле. А обо мнѣ ужъ знали, что я играю, и что за это отецъ меня бьетъ. Чиновникъ еще съ вечера передъ свадьбой пришелъ къ отцу и сообщилъ ему въ чемъ дѣло; отецъ позвалъ меня.

— Ты вѣдь можешь, Илька, играть музыку для танцевъ? — спросилъ онъ меня. Вотъ баринъ тебя на свадьбу играть зоветъ.

— Для танцевъ я играть не умѣю,—отвѣтилъ я,—у меня и нотъ такихъ нѣтъ.

— А ноты разбираешь? вставилъ чиновникъ.

— Могу-съ.

— Ну, такъ и дѣло въ шляпѣ. У меня ноты есть. Значитъ, завтра къ вечеру ты и приходи ко мнѣ. Будешь хорошо играть, такъ я тебѣ заплачу за вечеръ цѣлый цѣлковый. Довольно?....

— Очень благодаренъ-съ, отвѣтилъ я. Только вы нотки-

то мнѣ лучше съ вечера пришлите, я ихъ просмотрю зараньше, чтобъ мнѣ завтра-то не сбиться. Вѣдь кто ихъ знаетъ, какія онѣ!...

— Нѣтъ, ужъ ты не ударь себя лицомъ въ грязь, добавилъ отецъ. А коли не съ умѣешь угодить господамъ, лучше и глазъ ко мнѣ не показывай: душу всю выбью! Слышишь?..

— Онъ постарается; я объ немъ слышалъ, что онъ играетъ очень хорошо,—ласково заговорилъ чиновникъ.—А ноты я пришлю.

Чиновникъ ушелъ и черезъ часъ дѣйствительно прислалъ свертокъ нотъ. Отецъ уволилъ меня отъ всѣхъ работъ и самъ послалъ на вышку — приготовиться къ завтрему. Онъ былъ видимо доволенъ, что изъ моей *дури*, какъ онъ называлъ музыку, представился случай извлечь цѣлковый. Нечего и говорить, какъ я-то блаженствовалъ и какъ былъ польщенъ этимъ приглашеніемъ.

На другой день я былъ на свадьбѣ, и игралъ тамъ кадрили, польки и вальсы. Подъ мою музыку народъ усердно отплясывалъ, а въ промежуткахъ между танцами барышни подкладывали мнѣ другія ноты и подъ мою игру пѣли разныя романсы и пѣсни. И жутко, и весело было мнѣ на этомъ первомъ моемъ балѣ; меня угощали виномъ и всякими сластями и видимо ухаживали за мной. Но самое-то главное случилось подъ конецъ вечера. Къ роялю подсѣлъ посаженый отецъ невѣсты, помѣщикъ Петръ Иванычъ Кучинъ, человѣкъ, какъ я слышалъ, богатый и знатный. Онъ долго и внимательно слушалъ мою игру.

— А ты, братъ, бойко играешь, — сказалъ онъ мнѣ наконецъ.—Изъ какихъ ты? Гдѣ выучился? А?

Я разсказалъ ему.

— Молодецъ, братъ, ейбогу молодецъ! А ноты знаешь хорошо?

— Какъ видите.

— Хочешь я тебѣ работу у себя найду. У меня и хоръ, и оркестръ есть, только учитель-то у нихъ больно плохъ, и пьетъ мертвецки. Я давно хочу его вытолкать, да безъ учителя остаться нельзя. Вотъ хочешь мальчишекъ у меня нотамъ учить, такъ я тебя возьму. На первый разъ положу въ мѣсяцъ рублей восемь, а стараться будешь и больше дамъ. Конечно, кормъ одежа—мои. Хочешь?

Я сразу сообразилъ всѣ выгоды и удобства этого предложенія и конечно не отказался отъ него. Отецъ удивился, когда я разсказалъ ему объ этомъ, но противиться тоже не сталъ; онъ понялъ видно, что изъ меня никогда не выйдетъ порядочный сапожникъ и что я ему въ работѣ не подмога. Такимъ образомъ, черезъ недѣльку послѣ этого разговора, я и переѣхалъ въ усадьбу Петра Иваныча, въ сорока верстахъ отсюда. Прожилъ я у этаго помѣщика подъ-рядъ девять лѣтъ, а потомъ переѣхалъ къ его сосѣду, тоже любителю музыки, Семену Кузмичу Трутневу, и у него выжилъ двѣнадцать лѣтъ. Затѣмъ, какъ началось это освобожденіе крестьянъ, помѣщикамъ-то, какъ видно, стало невыгодно держать оркестры и хоры,—тогда получилъ отставку и я. Научился я за эти двадцать лѣтъ управлять хорами и оркестрами, познакомился со всѣми музыкальными

инструментами, такъ что пробовалъ даже самъ класть на оркестровку нѣкоторыя фортепьянныя пьесы — и выходило недурно. Но больше всего научился я пить. Ейбогу-съ! Сначала помѣщики подпаивали меня ради своей потѣхи, потому что я, какъ говорили, бывалъ очень смѣшной, выпивши, а потомъ я сдружился съ музыкантами-пьяницами (а это, какъ нарочно, все были лучшіе музыканты) и сталъ пить вмѣстѣ съ ними самъ ужь отъ себя, да такъ втянулся, что и до сихъ поръ пью, и, надо полагать, до самой смерти пить буду. Вотъ какъ-съ... Послѣ Трутнева, я переѣхалъ опять сюда въ городъ. Отецъ за это время ужъ померъ. Братъ держалъ мастерскую; семья у него огромная, дѣти — малъ-мала-меньше, нужда непроходимая: не радъ онъ былъ мнѣ, лишнему человѣку, вѣдь я ничего не умѣлъ, кромѣ музыки, а ему было вовсе не до музыки. Пріютилъ онъ меня, однако — дай Богъ ему здоровья. Ну-съ, и пошелъ я съ тѣхъ поръ мыкаться и нищенствовать по городу; ни одна вечеринка теперь безъ меня не обходится, особливо по мѣщанству, да по купечеству: гдѣ есть фортепьяно — ладно, а нѣтъ, то и гитара и скрипка — все въ ходъ идетъ. Ильку теперь весь городъ знаетъ; всѣмъ онъ посмѣшище и потѣха, всѣхъ забавляетъ: гдѣ поиграетъ, гдѣ попляшетъ, гдѣ и пѣтушкомъ пропоетъ. Гдѣ четвертачокъ дадутъ, гдѣ полтинничекъ, а гдѣ и рубликъ, да кромѣ того напоятъ еще до-мертва. Иной захочетъ потѣшиться побольше, ну, и платитъ больше, — а я и не требую; сами цѣну знаютъ, — не обижаютъ. Вотъ самъ и все, вся моя жизнь артистическая!... Больше ничего и не вышло... Ейбогу-съ!

Музыкантъ сумрачно провелъ рукой по волосамъ и выпилъ рюмку водки.

— Вотъ она, музыка-то что значитъ, добавилъ онъ жолчно,—тѣшитъ она много, а денегъ съ ней не наживешь! Нѣтъ-съ!...

— А все-таки она васъ прокормила почти всю вашу жизнь, да теперь кормитъ!—замѣтилъ я.

— Вы думаете, я только одной музыкой и жилъ?.. Нѣтъ, надо было еще промышлять кой-чѣмъ, потому что надо было и подати платить, и отъ рекрутства откупаться. У помѣщиковъ вотъ мнѣ пришлось еще работать въ конторѣ, по письменной части; при съёмкахъ тоже помогалъ, при бурмистрѣ подчасъ работа была. Говорили мнѣ тоже, что можно свои сочиненія напечатать и доходъ съ нихъ получить, а у меня этихъ сочиненій цѣлыя кипы. Семенъ Кузьмичъ и началъ было хлопотать объ этомъ, когда ѣздилъ въ городъ, да тоже ничего не сдѣлалъ: говоритъ, самимъ напечатать надо, да самимъ и продавать, или отдать на коммиссію. А гдѣ денегъ взять? Кто покупать будетъ? Все это мечты красныя!... А теперь меня развѣ музыка кормитъ? Нѣтъ, меня мое скоморошество кормитъ. Всякому дураку потрафить умѣю, вотъ онъ и платитъ. Музыка тутъ не причемъ. Кабы я выучился играть только трепака да плясовую — тоже самое было-бы... Всякій вѣдь любитъ только одно „веселенькое“; все ему только такъ играй, чтобъ у него косточки подергивало, чтобъ онъ ухорство чувствовалъ, чтобъ ноги у него зудѣли, — тогда онъ и доволенъ, и платитъ цѣну красную. А заиграй ему что нибудь посерьезнѣе—онъ и заснетъ

сейчасъ... Всѣ эти Бетховены, Шуберты, Бахи, — тутъ для всѣхъ тоже, что китайская грамота. Даже помѣщики, народъ образованный, и тѣ, бывало, какъ начнешь играть что нибудь посерьезнѣе, сейчасъ сморщатся и даютъ приказъ наигрывать повеселѣе, да позанятнѣе. Ну, и начнешь бывало, скрѣпя сердце, отжаривать какую-нибудь полечку, и всѣ довольны, любо имъ!.. Вотъ оно что-съ!..

— А въ молодости я вѣдь нешутя воображалъ себя талантомъ,—продолжалъ онъ задумчиво,—мечталъ о славѣ, о рукоплесканіяхъ, о богатствѣ, думалъ—оцѣнятъ... Глупъ былъ!.. совсѣмъ глупъ... Во всю жизнь только и выдался мнѣ одинъ счастливый денекъ, въ который я чувствовалъ себя настоящимъ артистомъ и самолюбіе мое потѣшилось тогда въ волю. Никогда не забуду я этого дня! Это былъ мой праздникъ, мое единственное торжество. Давно оно было, еще въ то время, когда я былъ молодъ. Воспользовавшись отсутствіемъ тогдашняго своего хозяина, помѣщика, я пріѣхалъ на побывку къ отцу (онъ тогда еще живъ былъ.) Дѣло было о святкахъ; по городу устраивались пирушки съ плясками, и меня то и дѣло приглашали на вечеринки— играть. Только разъ прихожу я вечеромъ домой: у отца сидитъ какое-то новое лицо, съ виду будто бы барскій лакей.

— Тебя-то намъ и надо, — говоритъ отецъ, увидѣвъ меня (онъ былъ немного навеселѣ.)— Полно, братъ, тебѣ по мѣщанамъ шляться; подымай выше, пусть-ка теперь господа дворяне подъ нашу музыку попляшутъ...

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваю я.

— Да вотъ, батюшка, выручи ты меня изъ бѣды, от-

вѣтилъ лакей; — завтра нашъ баринъ балъ даетъ, по случаю пріѣзда ихъ матушки. Меня послали отыскать музыкантовъ или хоть тапёра для танцевъ, а гдѣ ихъ отыщешь: теперь всѣ заняты, у всѣхъ праздники. Я и то весь городъ объѣздилъ, просто хоть плачь, да вотъ вспомнилъ кстати про васъ, дай, думаю, справлюсь... Не откажи, Илья Тимоѳеичъ, самъ останешься доволенъ: наградятъ отлично!

Отказываться мнѣ конечно не было никакого резона, тѣмъ болѣе, что баринъ-то былъ знатный и богатый.

— Только пріодѣнься по-наряднѣе; у насъ ужъ такъ принято, чтобъ всѣ были все одно какъ господа, закончилъ лакей, весьма довольный моимъ согласіемъ.

Ну-съ, и попалъ я на другой день на балъ, на настоящій барскій балъ, какого я еще не видывалъ. Огромныя комнаты господскаго дома были блистательно освѣщены, вездѣ горѣли люстры; пахло дорогими духами. Гостей собралось множество; всѣ во фракахъ и бальныхъ костюмахъ, такъ что у меня съ непривычки въ глазахъ зарябило и сдѣлалось даже жутко. Я самъ, надо признаться, былъ одѣтъ такимъ франтомъ, что никоимъ образомъ невозможно было догадаться, что я мѣщанинъ Илька: недаромъ я все утро бѣгалъ по знакомымъ, выпрашивая поштучно разныя принадлежности бальнаго наряда. Впрочемъ, на меня никто не обращалъ особеннаго вниманія, и я, сидя у богатѣйшаго рояля, могъ по немногу оглядываться, придти въ себя и понять свою роль въ этомъ блестящемъ собраньи.

Начались танцы. Я сталъ играть, послушный приказаніямъ распорядителя и хлопанью въ ладоши. Въ первый

разъ приходилось мнѣ играть на такомъ превосходномъ инструментѣ: звуки его были такъ нѣжны и мягки, что я совсѣмъ не узнавалъ своихъ кадрилей и полекъ. Робость, овладѣвшая мною въ началѣ бала, теперь прошла совсѣмъ; я игралъ бойко и подъ-часъ даже осмѣливался вставлять въ музыку свои экспромты и варіаціи. А кругомъ меня весело вертѣлись нарядныя красавицы, слышался оживленный разговоръ и хохотъ. Общая веселость отразилась и на мнѣ. Мнѣ самому стало весело.

Долго игралъ я. Много проплясалось уже всякихъ кадрилей, лансье, вальсовъ, полекъ и галоповъ; общество видимо утомилось, пары понемногу разстроились, разговоры оживились и по залѣ устроилась парадная прогулка.

— Отдохните немного, вы тоже устали!—проговорилъ молодой человѣкъ, подходя ко мнѣ. — Ба, да это старый знакомый!—воскликнулъ онъ, уставившись на меня, — какими судьбами вы здѣсь?

Я разсказалъ ему въ чемъ дѣло. Это былъ мой давнишній почитатель, который часто бывалъ на вечерахъ у Кучина и тамъ познакомился со мною.

— Ну, вотъ и прекрасно, вотъ и сюрпризъ будетъ!— заговорилъ юноша, весьма довольный своимъ открытіемъ.— Знаете-ли, господа, закричалъ онъ на всю залу, — у насъ сегодня играетъ замѣчательный артистъ и виртуозъ!..

— Гдѣ? что? кто такой?—послышались вопросы.

— Вотъ это мило; пусть онъ съиграетъ намъ что-нибудь въ антрактѣ! — томно произнесла хозяйка дома. На меня обратилось общее вниманіе гостей, и не успѣлъ я

опомниться, какъ около меня сгруппировалась цѣлая толпа дамъ и кавалеровъ. У меня занялось дыханіе и душа въ пятки ушла отъ такой неожиданности.

— Вы должны съиграть что-нибудь,—заговорилъ настойчиво мой знакомый,—васъ объ этомъ просятъ дамы и самъ хозяинъ.

— Что-же я съиграю?—спросилъ я, совершенно растерявшись.

— Конечно, что-нибудь изъ своихъ сочиненій, вѣдь у васъ есть премиленькія вещи!

Я задумался въ нерѣшимости. Въ головѣ моей пробѣжали почти всѣ мои сочиненія и ни на одномъ изъ нихъ я не рѣшился остановиться. Мнѣ хотѣлось выбрать что-нибудь получше, хотѣлось похвастаться и щегольнуть своимъ искусствомъ передъ обществомъ, но, какъ на зло, ничего не приходило въ голову, все казалось блѣднымъ, безцвѣтнымъ... Наконецъ я рѣшился, и ударилъ по клавишамъ.

Я началъ играть одну изъ моихъ любимыхъ бравурныхъ фантазій, которую я написалъ только недавно передъ тѣмъ. Не знаю, откуда взялись вдругъ у меня и силы, и смѣлость, но только я вдругъ точно переродился—и прекрасный рояль превратился подъ моими пальцами въ шумный, величественный оркестръ. Съ громомъ пронеслись по залѣ первые бѣшеные аккорды моей фантазіи. Общество затихло и слушало. Мною овладѣло какое-то опьяненіе; я понялъ, что настала та важная минута, которой я добивался,—минута, въ которую я могу заявить себя передъ обществомъ. Меня трясла лихорадка и мурашки бѣгали по кожѣ; я

самъ чувствовалъ, что хорошо играю и увлекался все болѣе и болѣе, особенно когда перешелъ къ своему задушевному andante и когда услышалъ, какъ чудный рояль зарыдалъ подъ моими пальцами... ейбогу зарыдалъ, — такъ хорошо выходили на немъ мои це-мольные мотивы... Я самъ готовъ былъ разрыдаться и отъ восторга, и отъ сладкаго нервнаго замиранья, и отъ сознанія своей силы, и своего счастья; я все забылъ въ эти минуты и весь отдался музыкѣ. Тутъ только я вполнѣ понялъ и оцѣнилъ себѣ, и свое высокое дарованіе...

Закончивъ послѣдніе молитвенные аккорды моей фантазіи, я смолкъ и поднялъ глаза. Меня окружала разряженная толпа. Въ залѣ была мертвая тишина. На право, облокотясь на доску рояля, рѣзко выдавалась для меня изъ толпы красивая черноглазая женщина, въ бѣломъ воздушномъ костюмѣ. Она дышала тяжело, видимо была взволнована, и глаза ея какъ-то особенно странно смотрѣли на меня; точно она не на меня, а въ самую душу мою глядѣла и обдавала ее какимъ-то чуднымъ тепломъ. Я такъ и замеръ отъ этого взгляда; въ глазахъ у меня помутилось — и больше ужь я никого не видѣлъ, кромѣ этихъ глазъ и этой прекрасной женщины. Молодъ я былъ тогда, женщины меня еще занимали...

Кто-то изъ гостей ударилъ въ ладоши, и вотъ, точно по сигналу, взрывъ оглушительныхъ и дружныхъ рукоплесканій загрохоталъ вокругъ меня; со всѣхъ сторонъ посыпались похвалы, комплименты и крики: „браво!“ Взволнованный и вмѣстѣ испуганный непривычнымъ для меня тор-

жествомъ, я, по указанію моего патрона, неловко раскланивался въ разныя стороны. О, какъ я былъ счастливъ въ эти минуты и какъ быстро промелькнули онѣ для меня!

— Теперь еще кадриль, господа!—провозгласилъ распорядитель танцевъ — тамъ, кажется, ужъ торопятся столъ накрывать...

— Кадриль! кадриль!—поддержали танцоры, и я сразу слетѣлъ съ облаковъ на землю, вспомнивъ, что я все-таки ничто иное, какъ мѣщанинъ Илька—тапёръ-наемникъ. Но только признаюсь вамъ, что я сталъ играть кадриль со злостью и недоброжелательствомъ; всѣ мотивы его показались мнѣ теперь такъ мелки и противны, что даже играть было какъ будто совѣстно... Вотъ что значитъ хоть маленькій успѣхъ: сейчасъ и зазнаешься...

Во весь вечеръ ужъ больше никто не занимался мною, и я, съ моимъ успѣхомъ, видимо былъ забытъ. Что-жь! пока тѣшилъ ихъ, тогда и замѣчали, пересталъ—и забыли; все-таки вѣдь они дворяне, а я простой мѣщанинъ и потому показать мнѣ вниманія больше, чѣмъ слѣдовало, было бы даже неприлично. Только по окончаніи бала, когда гости стали разъѣзжаться, ко мнѣ неожиданно подошла та самая красавица, которая смутила меня своимъ взглядомъ.

— Послушайте, г. музыкантъ, у васъ есть ноты той пьесы, которую вы играли?—спросила она меня.

— Есть,—отвѣтилъ я, краснѣя.

— Не можете-ли вы прислать мнѣ эти ноты?

— Съ большимъ удовольствіемъ. А вамъ, какъ я вижу, очень понравилась моя пьеса?

— Да. Мнѣ хочется разыграть ее... Я попробую... Я сейчасъ вамъ напишу свой адресъ, а вы не забудьте.

Она черезъ минуту принесла мнѣ лоскутокъ бумаги съ ея адресомъ, по которому я узналъ, что она дочь нашего полиціймейстера. Конечно, я на другой же день съ утра засѣлъ за тщательную переписку нотъ, и къ вечеру доставилъ ихъ по адресу. Я надѣялся при этомъ случаѣ опять повидать барышню, но не видалъ ее, и отдалъ ноты городовому, стоявшему у ихъ подъѣзда, вмѣсто швейцара.

Послѣ этого я нарочно старался какъ можно чаще проходить мимо полиціймейстерскаго дома, въ надеждѣ еще разъ увидѣть эту красивую барышню, которая такъ сочувственно отозвалась на мои музыкальныя думы, но я не видалъ ее больше. Зато я испыталъ еще одно наслажденіе, какого до той поры тоже ни разу не испытывалъ: я слышалъ, какъ эта барышня разыгрывала мою пьесу. Плохо играла ее барышня, очень плохо, но я все-таки съ полчаса простоялъ подъ ея окнами, съ замираніемъ прислушиваясь къ знакомымъ звукамъ и странно было мнѣ убѣдиться, что не я одинъ играю эти пьесы, и что нашлись еще двѣ руки которыя работали надъ ними. Спасибо ей за это; хорошая, должно быть, была у ней душа. Много лѣтъ спустя я встрѣтилъ ее мелькомъ однажды, но она не узнала меня. Я былъ тогда, вотъ какъ теперь, въ простомъ рваномъ сюртукѣ и несъ въ рукахъ сапоги, которыя отецъ просилъ меня отнести къ заказчику. Гдѣ-жь было ей узнать въ этомъ мужичонкѣ съ сапогами въ рукахъ, того прифранченнаго артиста, какимъ она видѣла меня на балѣ. А я

ее узналъ съ перваго взгляда, да и теперь, пожалуй, узналъ бы изъ тысячи, еслибы встрѣтилъ,—такъ сильно запомнилъ я ея глаза и выраженіе ея лица... Да, славные глаза у ней были... Да и вообще весь этотъ день моего единственнаго торжества—этотъ лучшій день моей жизни—до сихъ поръ памятенъ мнѣ такъ живо, какъ будто вчера только былъ онъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я и теперь, измученный пьянствомъ и безобразной жизнью, покорившійся всему, противъ чего возставалъ прежде, и теперь, говорю, подчасъ, когда взгрустнется, сажусь за мое неизмѣнное, дряхлое какъ и я, фортепьяно и начинаю играть свою тагдошнюю фантазію. И живо тогда представится мнѣ и благородное общество, и громъ рукоплесканій, и долгій ласковый взглядъ красавицы, — и сильно забьется мое стариковское сердце. Въ эти-то минуты мнѣ становится понятно, каково по настоящему должно быть значеніе артиста и какія высокія наслажденія можетъ онъ испытывать... Каково же, значитъ, живется тѣмъ баловнямъ счастья, за которыми сами гонятся и богатство, и слава, и общее вниманіе, и почетъ. Хорошо имъ, должно быть!.. Эхъ, кабы начать жизнь сначала, да по другому, не по моему!..

Иля опять взъерошилъ свою голову, тяжело вздохнулъ и снова выпилъ рюмку водки.

— Нѣтъ, играть хочется; пойду—поиграю. Хотите я съиграю вамъ мою фантазію?

Я только что собрался отвѣтить, какъ двери съ шумомъ отворились, и три пьяные купца, прежніе собесѣдники музыканта, съ грохотомъ ввалились въ комнату.

— Гдѣ Илька? Никакъ ушелъ, мошенникъ! А, вотъ онъ! Тамъ, братъ, пришелъ мальчишка отъ Барышникова: велѣно сейчасъ же представить тебя къ нему, хоть живаго, хоть мертваго. Слышишь? У него сегодня вечеринка. Собирайся живо! И мы тоже ѣдемъ.

— Отвяжитесь вы отъ меня, ради Бога! взмолился Илья не своимъ голосомъ, — дайте хоть часокъ-то одинъ спокойно провесть! Надоѣли вы мнѣ, чортъ васъ возьми, опротивѣли, слышите-ли вы? видѣть я васъ не могу!..

— Что съ тобой сегодня? съ чего вдругъ зазнался?

— Да нечего на него смотрѣть; давай, Сеня, кушакъ: мы его сейчасъ свяжемъ, да прямо въ телѣжку. Помоги, братцы! Купцы приступили къ музыканту и съ хохотомъ стали ему скручивать руки назадъ.

— Отстаньте же, черти! Пойду и такъ. зачѣмъ вязать, я у васъ ничего не укралъ. Водка тамъ будетъ?

— Водки, братъ, вволю, хоть купайся!

— Ну, чортъ съ вами, пойду! Прощайте, милостивый государь, обратился онъ ко мнѣ, — заболтался я съ вами сегодня; простите, можетъ наскучилъ... Не поминайте лихомъ! А фантазія моя такъ ужъ за мной пусть и останется.

Я крѣпко пожалъ ему руку, и Илья вышелъ въ сопровожденіи своихъ шатавшихся товарищей.

Черезъ часъ и я уже ѣхалъ по почтовой дорогѣ, задумчиво прислушиваясь къ однообразнымъ звукамъ колокольчика. У меня щемило грудь отъ хандры, невольно навѣянной на меня разсказами Или.

Жаль было эту даровитую натуру, заброшенную въ

такую глушь, изъ которой ей и выбраться-то не представилось возможности: такъ и заглохнетъ. И сколько, можетъ быть, такихъ талантовъ разбросано по нашимъ захолустьямъ и пропадаютъ тамъ въ разныхъ трущобахъ, придавленные нуждою и обстоятельствами. Не многимъ изъ нихъ удается выбраться на свѣтъ Божій, и заявить о себѣ людямъ. Для этого надо имѣть слишкомъ много благопріятныхъ обстоятельствъ, достающихся только рѣдкимъ счастливцамъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, Иля не принадлежитъ. А между тѣмъ, дай ему судьба средства къ развитію и устрой ему жизнь по его способностямъ и потребностямъ,—можетъ быть этотъ самый Иля составилъ бы гордость и славу своего края и имя его произносилось бы на ряду съ нашими лучшими артистами.

Въ Великомъ посту.

Вечеръ. Темно. Вьюга шумитъ, надрывается.

Душно и чадно въ избѣ. Еле мерцаетъ лучина, вспыхивая неровнымъ, замирающимъ блескомъ. По закоптѣлымъ стѣнамъ развѣшаны лохмотья, поставцы съ посудой, хомуты и возжи, и стадами гуляютъ между черные тараканы, которыхъ любятъ наши простолюдины, какъ вѣрныхъ предвѣстниковъ счастья; всюду сквозитъ нищета и убожество,— неприглядное убожество великорусскаго мужика. На столѣ берестовая солонка, пустая миска, кружка съ отбитымъ краемъ, да обглоданныя корки чернаго хлѣба. Пахнетъ рѣдькой, чеснокомъ и кислой капустой. На палатяхъ видны двѣ косматыя головы — носомъ къ носу, и слышно ихъ сиплое храпѣнье. На печкѣ громко охаетъ бабушка Марѳа Терентьевна: третій день ее, сердешную, треплетъ лихорадка,— зубъ на зубъ не сходится—не знаетъ что̀ и дѣлать. А въ углу гдѣ-то бойкій мышонокъ беззаботно грызетъ и перекидываетъ старый сухарь, завалявшійся подъ лавкой... Съ порывистымъ визгомъ пріударила вьюга въ ветхія окна и забросала ихъ, будто дробью, крупными каплями полузамерзшаго дождя; холодокъ прошолъ по избѣ; ярко вспыхнула лучина и отблеснула въ фольговой ризѣ иконы...

Подъ иконой на лавкѣ сидитъ молодица-Акулина; на рукахъ ея дремлетъ ребенокъ. Ей самой было вздремнулось маленько, но этотъ порывъ вьюги разбудилъ Акулину, и принялась она торопливо качать свое дитя. Ребенокъ закашлялъ, судорожно заболталъ рученками и застоналъ. Мать переложила его на другую руку и снова качаетъ.

— Спи, родной, спи, голубокъ мой, приговариваетъ она:— вишь ты время трудное какое; мать-то сама съ тобой стосковалась.

Но не спитъ дитя.

— Охъ, Господи! прости ты согрѣшенія наши!.. Смерть моя приходитъ, слышится съ печки.

— Что, бабушка, не легчаетъ?

— Нѣтъ, родная, не легчаетъ; не сдобровать мнѣ видно! Охо-хо! застонала бабушка пуще прежняго.

— Что жъ тутъ подѣлаешь!

— Ничего не подѣлаешь; терпѣть надо. Кабы не время такое, была бы здорова. Вотъ и о святкахъ тоже, помнишь, забрала меня какая трясучка; не знала куда дѣваться,— такъ и претъ душа вонъ, да, спасибо,—мать Арина выручила изъ бѣды.

— Лекарствіе что ли какое дала?

— Нѣтъ, она дала мнѣ бутылочку съ масломъ отъ чудотворной иконы, да и говоритъ: вытрись, молъ, этимъ масломъ, да выпей ложечку, — все какъ рукой сниметъ. Я такъ и сдѣлала. Съ первой ложки-то не помогло, такъ я другую хватила, — ну, святыня, извѣстно, и взяла свое,—

легче стало. А теперь время не такое, дитятко; съ первой же недѣли, да за масло... Не допусти Господи!

— Масла нельзя.

— Терпѣть буду, а грѣха на-душу не возьму.

— А квасъ съ солью пила?

— Пила, да не беретъ.

Замолчали бабы. Опять послышалось сиплое храпѣнье съ палатей и докучная возня мышонка. Въ чьемъ-то брюхѣ громко проворчало... Опять рванулась буря; вспыхнула лучина. Ребенокъ сталъ метаться и плакать. Мать нажевала чернаго хлѣба и сунула ему въ ротъ, но тотъ отказался отъ этого лакомства и закричалъ. Одинъ изъ спавшихъ на палатяхъ потянулся и пробормоталъ что-то подъ носъ. Акулина подняла дѣтище, схватила его на руки и начала ходить по избѣ съ горькими причитаньями.

— Полно тебѣ ныть-то! душу всю изныла, заголосилъ съ палатей Кузьма, мужъ Акулины.

— У меня самой сердце-то надрывается, слеза прошибаетъ, отвѣтила отрывисто молодица. Ну, что я тутъ подѣлаю?

— Тебѣ сказано, что ребенокъ исть хочетъ, ты и не разсуждай.

— Чегожъ я ему дамъ-то? Ему, вишь, молока надо, а теперь нѣшто ѣдятъ молоко?

— А ты не блажи! Тебѣ толкомъ говорятъ, что велѣно дать, ты и давай; тутъ грѣха нѣту.

— Кто велѣлъ-то? спросила старуха.

— Я въ городѣ лекаря спрашивалъ, такъ онъ и ве-

лѣлъ; баитъ, что дитё разума не имѣетъ, такъ съ него и спрашивать нечего, и Богъ проститъ ему это дѣло за его глупость.

— Дать нѣшто? робко спросила Акулина.

— Я-те дамъ, ты поговори у меня! огрызлась старуха; — мы всѣ глупы, такъ значитъ и грѣшить можно? Ишь вѣдь ляпнулъ что... Нѣтъ, ты больше молись, коли глупъ: а твоя глупость намъ не указъ. Эхъ ты, Кузьма, Кузьма! Обидѣлъ тебя Богъ умомъ-то... Старуха не договорила, закашлялась.

— Мнѣ-то што, мнѣ все одно, — я только къ слову, значитъ, заговорилъ Кузьма: — сказываю, что лекарь велѣлъ накормить, не то, говоритъ, помретъ. Тебѣ же небось самой невесело будетъ, какъ помретъ Сенюшка.

— На то есть воля божія... А я-те скажу, что лекарь — не попъ. Лекарь велѣлъ, да Богъ не велѣлъ, а нѣшто онъ хуже твоего лекаря дѣла-те понимаетъ?

— Э, ну васъ! съ сердцемъ проговорилъ Кузьма:— одно слово: бабьё. И онъ сердито повернулся на другой бокъ, силясь уснуть.

Изъ всѣхъ этихъ словъ одно особенно затронуло чуткое сердце матери и заставило ее съ ужасомъ изглянуть на свое дитя. „Помретъ... умереть можетъ Сенюшка“, прошептала она, и возможность этой смерти смутила ее окончательно. Теперь только она замѣтила, что Сенюшка сильно исхудалъ за эти дни, краска пропала съ лица, глазёнки мутные стали. Прежде такой горластый былъ: все кричалъ благимъ матомъ, и не уймешь бывало; а теперь и крикъ куда дѣвался,

только охаетъ, да стонетъ; и жаль ей стало свое дѣтище... „Нѣтъ, подумала она: — не бывать тому: на свою душу грѣхъ возьму, а спасу Сенюшку“, и отерла рукавомъ навернувшіяся слезы. Сердце матери боролось теперь съ суевѣріемъ, а дитя мечется тоскливо, нѣтъ-нѣтъ, да и застонетъ такъ болѣзненно, жалко. „Умираетъ“, шепнула Акулина, и страхъ началъ охватывать ее; слезы такъ и подступаютъ ка горлу.

— Бабушка! закричала она слезливо.

— Чего тебѣ? спрашиваетъ бабушка.

— Помираетъ Сенютка, заголосила навзрыдъ Акулина,—помираетъ соколикъ мой, желанный мой, только мѣсяцъ и пожилъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Да ты дай ему хлѣба опять, може возьметъ.

— Не беретъ онъ хлѣба, не беретъ сердечный...

— А ты попробуй, сдѣлай жевокъ-то! Дай сюда хлѣба, я пожую...

— Нѣтъ, ужь пусть лучше сгибну, въ пекло пойду, а молока дать надо... Жить не хочу, коли помретъ Сенюшка...

— Слышь, Акулина, не теряй вѣры. Эти слова припомнятся тебѣ на томъ свѣтѣ.

— Да что ты, бабка, толкуешь-то? вмѣшался опять Кузьма:—только понапрасну смущаешь бабу. Сказано, что грѣха тутъ нѣту, вотъ и все. Корми его, Акулина!

— А вы напередъ схороните меня, да потомъ и грѣшите какъ знаете; а пока жива, я бѣсамъ служить у себя въ домѣ не позволю. Вотъ мое послѣднее слово.

Кузьму наконецъ взорвало.

— Чтобъ васъ горой раздуло! въ серцахъ прошипѣлъ онъ, и, спрыгнувъ съ полатей, сталъ проворно напяливать тулупъ.

— Куда-жъ ты? спросила озадаченная старуха.

— Пойду къ попу.

— Зачѣмъ!

— Приведу его сюда, пусть онъ пообуздаетъ васъ, какъ самъ вѣдаетъ, а я ужь молчать буду. Васъ добрымъ-то словомъ не проймешь.

— Ну, коли попъ благословитъ, на его душѣ и грѣхъ будетъ...

Онъ пошолъ было, но въ дверяхъ остановился и просилъ:

— А что, баушка, съѣла ты лекарствіе, что я-те изъ города привезъ?

— Нѣтъ, родной.

— Что-жъ такъ? сказывали — поможетъ.

— Меня все сумлѣнье беретъ, съ виду оно что-то больно бѣло, будто молоко. Вѣдь Христосъ ихъ вѣдаетъ, може и скоромь какая!

— Да надо-жъ лечится,—лекарь велѣлъ.

— А ты что̀ лекаремъ глаза-то мнѣ тычешь? Сама знаю, что дѣлаю.

— Ну, впередъ и не жалься на меня. Мое дѣло сдѣлано.

И онъ со злости такъ хлопнулъ дверью, что стекла задребезжали.

Лучина погасла. Старуха мѣрно заохала, пришоптывая въ перемежкахъ разныя душеспасительныя вещи. Съ палатей послышался длинный, тоскливый зѣвокъ и вздохъ человѣка, которому крѣпко хочется спать, да не даютъ. А Акулина сидитъ на скамейкѣ и все прислушивается къ дыханью дитяти. Ознобъ пронимаетъ ее. „Что̀ если помретъ онъ, недождавшись попа, думаетъ она:—что̀ будетъ тогда со мною! Вѣдь одинъ сынъ только и есть... другой можетъ и будетъ потомъ, да все не Сенюшка будетъ“. Она осторожно положила его на полъ, оглядѣлась, чутко прислушалась и начала съ жаромъ молиться. Долго и крѣпко молилась она, слезы текли сами собою... Потомъ съ тайною рѣшимостью взяла она ребенка на руки, а у самой ноги трясутся отъ страха, звонъ идетъ въ ушахъ. Затаивъ дыханіе, она оглядѣлась снова, потомъ дрожащими руками отстегнула воротъ рубахи и прижала Сенюшку къ обнаженной груди... Молоко коснулось губъ дитяти, и судорожно, съ радостнымъ воркованьемъ, схватило оно запрещенную пищу... Еще бы минутка—и спасенъ Сенюшка, но, какъ нарочно, теперь кто-то стукнулъ въ окно. Акулина вздрогнула и оторвала дитя отъ груди, Сенюшка закричалъ уже громче прежняго. Стукъ повторился.

— Кто тамъ? крикнула старуха съ печки.

— Христа ради, впустите божію странницу; дайте обогрѣться минуточку! послышалось за дверью.

— Войди, родная! Акулина, впусти странницу.

Акулина зажгла лучину и отперла двери. Въ избу вошла женщина лѣтъ тридцати-пяти, довольно плотная, рябая,

съ маслянистымъ лицомъ: точно кто вымазалъ ее деревяннымъ масломъ: близъ подбородка торчалъ у ней, что называется, *оазисъ*, то-есть родимое пятнышко съ длиннымъ пучкомъ жосткихъ волосъ; подъ лѣвымъ глазомъ красовалась какая-то висючка, на манеръ горошины; съ носа перхла и слѣзала кожа, — отъ вѣтра ли, или отъ другихъ постороннихъ причинъ — не видно. На ней былъ дубленый полушубокъ съ суконными заплатами; голова обмотана грязнымъ тряпьемъ чернаго цвѣта; сзади объемистая котомка, привязанная ремнями къ плечамъ; въ рукахъ были ордена странничества: суковатый посохъ и длинныя четки. Съ оханьемъ и вздохами вошла она въ хату, перво-наперво помолилась иконѣ, затѣмъ перекрестила вокругъ всѣ углы, и, окинувши зоркимъ взглядомъ публику, низко поклонилась ей.

— Аль спите? спросила она басомъ.

— Нѣтъ еще, голубка.

— Такъ я посижу маленько.

— Садись, родная, обогрѣйся. А ты что такъ поздно?

— Наше дѣло извѣстное: все на подвигѣ, отвѣчала странница, усаживаясь. Спать теперь грѣхъ: дни великіе настали — бодрствовать надо. Я о рождествѣ разъ заходила къ вамъ, да и думаю теперь: дай-ко зайду опять, авось не выгонятъ, вотъ и зашла. Будьте здоровы!

— Спасибо, человѣкъ божій. Такъ ты уже не въ первой къ намъ?

— Была разъ; тебѣ еще, помню, добрымъ совѣтомъ помогла.

Старуха приподнялась и осмотрѣла говорившую.

— Да это ты никакъ, мать Арина?

— Я, кормилица, я.

— Вотъ къ случаю-то поспѣла, мать моя, тебя намъ и надо. Да ты далеко ли пробираешься?

— Да вотъ пробираюсь помаленьку къ кіевскимъ угодникамъ разговляться. Оттуда пройду къ Духу на скитъ; къ Михаилу-Архангелу по пути заверну,—спровѣдать надо знакомыхъ пустынниковъ; и такъ до Одеста. Тамъ соберутся наши странники, и поплывемъ мы въ землю бусурманскую, на гробъ Христовъ.

— Такъ ты нынче, мать, великое дѣло задумала.

— Да, родная, собралась наконецъ. Вотъ ужь я двѣнадцать годовъ странствую по угодникамъ нашимъ, и въ Кіевѣ была, и Соловки видѣла, а Троицу-Сергію какъ свои пять пальцевъ знаю: своими глазами видѣла тамъ чудеса Господни; а все-то тянуло меня къ великой святынѣ на Голгоѳу божію. Думаю: всѣ-то наши тамъ были, а я только не была, надо идти замаливать за себя и за благодѣтелей своихъ. Эдакимъ-то манеромъ я однажды было совсѣмъ собралась, да заболѣла ,— а наши ждать не стали меня, такъ и уѣхали. Въ другой разъ собралась, да денегъ не хватило на дорогу, только до Одеста и доѣхала! Ну, думаю не видать мнѣ, видно, святыни какъ ушей своихъ, и такое это горюшко забрало меня, сама не своя была! Нынче Господь помогъ мнѣ устроить это дѣло. Я всю прошлую зиму прожила у Варухиной, слышала?

— Нѣтъ не слыхала, голубка.

— Богатая такая, два дома имѣетъ... Такъ я у ней

тамъ разныя книжки читала и толковала ей потомъ все это. Она самая и дала мнѣ на дорогу малую толику, ради спасенья душевнаго. Вотъ святая-то душа выдетъ изъ нея; немного ныньче такихъ.

— Барыня она чтоль какая?

— Гдѣ ужь барынѣ такой быть, она изъ простова купецкаго роду. Самъ-то горькую пьетъ, а страхъ божій имѣетъ. Одинъ сынъ у нихъ въ баре вышелъ, а другой такъ, простой членъ, тоже значитъ торгуетъ. Гдѣ барамъ! Нынче все моды, да нехристи: поповъ не боятся, а на нашу сестру и плевать не хотятъ.

— Правда, мать моя, правда! Одного только нынѣ желается,—умереть бы хоть съ миромъ.

— Какъ только Богъ грѣхамъ терпитъ!

Замолчали бабы, понуривъ головы, и думали свои мрачныя думы.

— Чтожъ, родненькіе, можно у васъ переночевать? спросила странница, безцеремонно развязывая ремни котомки.

— Ночуй, матушка, Христосъ съ тобою, отвѣчала старуха слѣзая съ печки: — мы не такіе отступники, чтобы странную женщину стали выгонять. Снимай котомку-то, да и ложись съ Богомъ; мѣста на лавкахъ не занимать-стать. Вотъ и я къ тебѣ подсяду, — потолкуемъ. И крехтя, да охая побрела она къ скамейкѣ.

— Слышала я, матушка, что тебя опять посѣтила ручка господня: захворала? спросила странница.

— Ужь такъ захворала, что и не встать кажись; время-

то такое, сама знаешь... Вотъ, какъ ты пришла, маленько легче стало.

— А масло пила?

— Что ты, мать, аль уродствуешь? на первой недѣлѣ да масло!

— Тьфу окоянн... Святъ, святъ, святъ... Странница оторопѣла и схатилась за четки. Господи, мать Богородица! ишь вѣдь лукавый тьму какую напустилъ... Простите меня, окаянную; совсѣмъ забылась.

— Богъ тебя проститъ. Не нашего ума это дѣло. Тоя слушаю, что говоришь ты неладно; это лукавый съ тобой заигрываетъ. Чуть кто посвятѣй, онъ — какъ тутъ.

— Теперь и отмаливайся, какъ знаешь. Надо будетъ сотенки двѣ лишнихъ поклоновъ положить у гроба господня, если допуститъ Его святая воля.

— Одна идешь, Аринушка?

— Нѣтъ не одна. Со мной идетъ еще одна странница. да съ Чудова отецъ Прокопій, что въ огнѣ-то не горитъ;— онъ ужь два раза былъ въ Святой землѣ, такъ и намъ указывать будетъ. Да вотъ еще Терентій Кузьминъ пожелалъ съ нами идтить; знаете Лысаго?

— Какъ, съ нашего села?

— Неужто Тереха Лысый идетъ? закричалъ Андрей, неожиданно высунувшись съ палатей.

— Онъ самый.

— Да вѣдь онъ съ бабой, и дѣтокъ пятеро есть.

— Все бросаетъ, голубчики; тамъ теперь такой содомъ, что Боже упаси; жена и дѣтки ревмя-ревутъ, а онъ де-

рется; коли такъ, говоритъ, то совсѣмъ сбѣгу, только вы меня и видѣли.

— А вѣдь такой тихій былъ; подижь ты.

— Идетъ, торжественно повторила Арина.

— Да ктожь его это надоумилъ?

— Я, да отецъ Прокопій тамъ ночевали, ну и говоръ былъ, съ вечера значитъ, о Святой-то землѣ. Отецъ Прокопій расказывалъ, какія чудеса тамъ видѣлъ; говорилъ, что самъ апостолъ Петръ тамъ грѣшникамъ грамотку такую раздаетъ, по которой всѣ грѣхи прощаются; это пуще и сманило Терентія; пойду, говоритъ, безпремѣнно. Жена завыла, а онъ ей въ зубы,—значитъ не супротивься.

— Совѣсть нечиста у него, потому и идетъ, замѣтилъ опять Андрей.

— У кого-жь она чиста-то, родные?

— Да я не про то. Я говорю: онъ за сына отмаливаться хочетъ. Сынъ у него о прошлой веснѣ деньги укралъ, а онъ поймалъ, да и забилъ его до смерти. Хоша это дѣло и схоронили начисто, одначе міръ толковалъ, что оно ему даромъ не пройдетъ, что молонья за это убьетъ его безпремѣнно. А онъ струсилъ, вотъ и идетъ каяться.

— Нѣтъ, родной, тутъ дѣйствуетъ одна благодать божеская и указываетъ путь ко спасенію. Вотъ, къ примѣру, въ Грачихѣ былъ случай: сманили мы одного парня на подвигъ; ужь такой былъ смирный, да работящій, воды не замутитъ, а тоже ушолъ, да еще деньги у отца тайкомъ унесъ, чтобъ на разныя дѣла жертвовать.

— А ты не толкуй, Андрей, чего не смѣкаешь, заворчала бабка:—ишь наплелъ какое дѣло.

— Да я такъ только, баушка, къ слову пришлось. Хто-жъ е знаетъ, може и самъ-дѣлѣ благодать.

— Благодать, родной, владычицы осѣненіе, свыше облаковъ святыхъ... на ангелахъ высо... высокихъ... Странница говорила что-то черезчуръ высокое и закашлялась.

Смолкли. Андрей, почесывая за поясомъ, слѣзъ съ палатей и подошолъ къ столу. Онъ заглянулъ было въ миску, но не найдя въ ней ничего, принялся уплетать оставшіяся корки хлѣба. Бабы посмотрѣли на него недоброжелательнымъ взглядомъ; странница при этомъ даже очень назидательно вздохнула, но Андрей мало обратилъ вниманія на это и пригорѣлыя корки захрустѣли на его здоровыхъ зубахъ.

— Аль опять проголодался? спросила старуха, которую наконецъ злость взяла.

— Я-то?

— Ты-то.

— А ты напередъ спроси, что я ѣлъ сегодня?

— Видѣла что, не слѣпая.

— Окромя рѣдьки, да квасу, маковой росинки во рту небыло. А я вѣдь не Кузьма,—тотъ почитай однимъ воздухомъ питается.

— Знаемъ мы этомъ воздухъ. А впрочемъ жри, коли охота пришла, я молчу. Бабка вздохнула.

— Богъ не безъ милости, заговорила странница.

— Вотъ какъ нынче мать моя, и постъ-отъ не ублажаетъ

народъ; праведный да тверёзый человѣкъ за рѣдкость сталъ. Вотъ какія времена мы съ тобой переживаемъ.

— Ничего, на нашу жизнь еще хватитъ святыхъ-то людей, отвѣчала странница: — есть такіе люди, что весь постъ не пьютъ не ѣдятъ, а что первую, да послѣднюю седмицу, сплошь да рядомъ видѣла, — одной молитвой сыты бываютъ. Хранитъ ихъ мать-Богородица; ими только и міръ держится. Да вотъ къ слову. Марья Андревна Варухина, — семь просвирокъ въ постъ, — и вся пища. Ейбогу.

— Зарѣдкость, матушка, зарѣдкость эти подвиги.

— А чай трудно ничего-то не исть? замѣтилъ Андрей, пережовывая послѣднюю корку.

— Еще бы, отвѣчала бабка, — безъ труда не спасешься. Вотъ дѣдка мой, царство ему небесное, тоже однажды далъ обѣтъ Богу цѣлый постъ ничего не ѣсть, да грѣхи свои отмаливать; только съ нимъ недоброе дѣло вышло. Какъ теперь вижу (я была еще ребенкомъ), въ самое это прощеное воскресенье къ вечеру, простился онъ, сердешный, съ нами, легъ въ большой ларь ничкомъ, да и велѣлъ запереть себя на замокъ, а ключъ на икону повѣсить. Мы, какъ слѣдуетъ, сдѣлали это дѣло: заперли его, вынесли на сѣнникъ, чтобы значитъ не смерзъ, и ждемъ что̀ будетъ, — радуемся, что изъ нашей родни хоть одинъ праведникъ выдетъ. Да нѣтъ, не вышелъ, — только пять сутокъ пролежалъ, а на шестые такой крикъ, да возню поднялъ, что хоть святыхъ вонъ неси. Сбѣжались это мы всѣ къ сѣннику, въ попыхахъ отперли ларь, а онъ смотрѣтъ на насъ словно шальной, глазами такъ и ворочаетъ, да какъ закричитъ: — ѣсть давайте, хлѣба, каши, мо-

лока — кричитъ. Что ты дѣдко, говоримъ, опомнись, вѣдь постъ нонѣ; мы сами не ѣмши ходимъ, а ты обѣтъ далъ. — „Я вамъ дамъ, говоритъ, обѣтъ“, да и началъ ругать все что ни пришло въ голову, и насъ, и всѣхъ; до того дошолъ, что у насъ волосы дыбомъ встали. Дѣлать нечего, надо было скорѣе накормить его, не то, думаемъ, убьетъ кого...

— Какъ! и скороми дали? спросила Арина.

— Все поѣлъ, къ вечеру даже пьянъ нализался.

— Ишь ты, какъ вышло, вотъ-те и носъ, замѣтилъ ухмыляясь Андрей. Онъ вообще любилъ послушать разные занятные разговоры.

— Опосля однако дурь прошла, продолжала бабка:— скаялся, плакать сталъ, да съ третьей недѣли и сбѣжалъ съ дому. До самой пасхи мы его не видали.

— Куды сбѣжалъ?

— Христосъ его вѣдаетъ. Сказывалъ потомъ, что у пустынниковъ саровскихъ жилъ; да и спрашивать его боялись объ этомъ дѣлѣ: не любилъ старикъ.

— Такъ, мать моя, такъ. Все это лукавый шутитъ: губитъ онъ души христіанскія. Особенно падокъ онъ на нашу братію, людей странныхъ, отрекшихся отъ міра,—нѣтъ-нѣтъ да и втянетъ въ какое непотребное дѣло. Вотъ, къ примѣру, я разскажу вамъ одинъ случай. Одинъ знакомый былъ у меня, ну, чисто Божій человѣкъ,—тоже ко всѣмъ угодникамъ ходилъ, съ міру кормился, вериги носилъ тяжелыя. Толпами бѣгалъ за нимъ народъ, спрашивалъ, значитъ, его о спасеніи, и онъ умудрялъ грѣшниковъ. Только о великомъ посту однажды, ревнуя о спасеніи душевномъ, онъ рѣшился всѣ сорокъ дѣнъ

безвыходно провести въ храмѣ Божіемъ. Ну, и началъ это дѣло, какъ надо быть: днемъ молился съ прочими, а на ночь оставался одинъ на подвигѣ. Только тутъ нечистый его и попуталъ, какъ еще попуталъ...

— Въ церкви-то?

— Да, родной; тамъ обуяли его эти проклятыя твари, и надоумили они его взломать кружки церковныя. Онъ не устоялъ отъ искушенія, забралъ деньги, да такъ и бѣжалъ. На утро хватились, анъ ни его ни денегъ нѣтъ.

— Вотъ-какъ! ай ты, мать Богородица! вырвалось у Андрея.

— Ей-богу. Такъ и скрылся.

— Чтожъ, словили потомъ?

— Опосля словили гдѣ-то въ лѣсу, да прямо въ станъ и преставили. Хоть онъ и говорилъ становому, что только юродства ради стянулъ деньги, чтобъ меньше, значитъ, говору было въ народѣ о его святости, — да не повѣрили. Такъ и сгибъ.

— Може и въ самъ-дѣлѣ только для юродства?

— Христосъ его знаетъ.

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— Сказываютъ, что въ Сибири на каторгѣ работаетъ: тамъ, чай, спасаетъ свою душеньку, яко разбойникъ благочестивый. Уже если кому на роду написано спастись, — спасется, гдѣ бы ни былъ. Помяните вы мое слово.

Старуха ничего не возразила и задумалась. Андрей зѣвая тянулся поправить лучину и опрокикулъ миску. Пустая миска кубаремъ покатилась по полу; Андрей ворча поднялъ ее,

осмотрѣлъ опять и пнулъ въ ставецъ съ посудой. Ребенокъ, молчавшій до сей поры, опять заплакалъ. Акулина очнулась отъ тоскливаго забытья и принялась качать его. Она смутно слышала всѣ эти толки, и страшно стало ей за себя: совѣсть защемило сердце. А ребенокъ тянется къ ней, ручонками ищетъ чего-то. Странница замѣтила Акулину.

— Тебя совсѣмъ не слыхать, молодка; что больно пригорюнилась? спросила она вкрадиво.

— Ничего, отвѣчала та.

— Сенюшка, слышь, боленъ, отвѣчалъ за ее Андрей.

— Чтожъ, родимецъ что ли у него?

— Нѣтъ, другая болѣсть: онъ не истъ ничего.

— Этому радоваться надо, чуетъ, значитъ, въ немъ душа христіанская, что теперь постъ.

— Молока хочетъ, глухо произнесла Акулина.

— Что ты, голубка, аль онъ самъ тебѣ сказалъ? Конечно...

Старуха бабка спохватясь прервала ее.

— Вотъ, родная, самъ Богъ тебя сюда занесъ; надоумь ты бабу: можно ли дать теперь молока ребенку? въ посту-то великомъ? а?.. Ишь она убивается: дать хочетъ.

— Вольному воля, спасеному рай, уклончиво отвѣчала хожалка.

— Да нѣтъ, ты толкомъ внуши ей по писанью, значитъ, можно, аль нѣтъ? Ужь коли старая, да больная старуха не выпьетъ, исцѣленья ради, масла съ чудотворной иконы, — приходится ли христіанскому-то человѣку молоко трескать!

Странница вспомнила свою давешнюю оплошность и поняла, что ей слѣдуетъ теперь показать себя во всемъ величіи подвижничества. Она немедленно приняла важный видъ, и проговорила нараспѣвъ, отчеканивая каждое слово:

— Можно, коли совѣсть не зазритъ, коли нѣтъ страха загубить съ-измала душу христіанскую!

Акулина вздрогнула отъ этихъ словъ; прожгли они ее. Быстро взглянула она на Арину. Та отвѣтила ей долгимъ, зловѣщимъ взглядомъ.

— Покажи-ка мнѣ дитю-то, сказала она, подходя къ Акулинѣ.

Та отвернулась и еще крѣпче прижала его къ груди. Чуяло ея сердце что-то недоброе и плакало за свое дѣтище. Всѣ притихли.

— Да ты не бойся, продолжала Арина: — нѣшто я съѣмъ его; мнѣ только посмотрѣть его надо.

И вырвавъ ребенка почти насильно, она поднесла его къ огню, распялила ему глаза и ротъ, осмотрѣла, ощупала всего и возвратила назадъ.

— Ничего, сказала она: — такой здоровенный, что десять лѣтъ не ѣмши проживетъ. Значитъ это собственный твой грѣхъ; такъ и знать будемъ. Ну, скажи ты на милость, съ чего-те вздумалось загубить-то себя? По глупости, что ли!.. Крещенъ у тебя сынокъ-то?

— Крещенъ, отвѣтила Акулина.

— Хорошо: значитъ, онъ христіанинъ. А ты сама чтишьли св. угодниковъ Божіихъ?

— Почитаю.

— Мы не святые, продолжала странница, горячась,— да и дѣти у насъ грѣшные. А ты пріучай ихъ, коли въ тебѣ душа есть; не поблажай бѣсовской природѣ! Коли дѣти у тебя крещены въ христіанской вѣрѣ, такъ и пусть съизмала дѣйствуютъ какъ должно, по закону. Не пріучишь,— ты же виновата останешься; дитю Богъ проститъ за его неразуміе, а съ матери-то взыщется на томъ свѣтѣ, припекутъ ее огнемъ неугасимымъ; потому мать—разумъ глупаго ребенка... Погубить свое дѣтище такой грѣхъ, какому и прощенья нѣтъ. Самъ Господь сказалъ, что тому, кто погубитъ малаго ребенка, лучше камень повѣсить на шею, да и пехай тонетъ въ пучинѣ морской... И это сказано про посторонняго человѣка, а матери-то втрое пуще достанется. Слышишь, баба?..

— Господи, Господи! прошептала бѣдная мать, — страшно!..

— Молись, мать, молись до кроваваго поту. Отъ Бога вѣдь не скроешься: отыщетъ тебя Его правосудіе и накажетъ лютою казнью... Тебя страхъ пронимаетъ? трясешься?.. Трясись же: страшно будетъ въ пеклѣ твоей душенькѣ... изноетъ она... Странница воодушевилась, подошла къ Акулинѣ, вытаращивъ глаза, и остановилась.—А бѣсы-то радуются за твою погибель, продолжала она съ шипѣньемъ:— пляшутъ свои адскія пляски... полымя раздуваютъ... Батюшка, что̀ я вижу... вонъ они машутъ крыльями и толпой летаютъ надъ твоей головою... Одинъ подходитъ... смотритъ на тебя... глаза какъ огонь... языкомъ дразнитъ... У, какой страшный, эхидный... Сгинь, пропади...

Странница отскочила въ сторону и закрыла глаза руками. Потомъ, отмахиваясь отъ кого-то, она бросилась опять къ Акулинѣ и принялась торопливо крестить ее. У той совсѣмъ подкосились ноги, и съ воплемъ, какъ мертвая, покатилась она къ ногамъ странницы. Старуха-бабка, дрожа всѣмъ тѣломъ, уперлась лицомъ въ уголъ и едва дышала.

— Не замай! закричалъ Андрей не своимъ голосомъ,— вишь обмерла совсѣмъ, кон...

Голосъ его оборвался. Сзади быстро распахнулась дверь; вѣтеръ взвизгнулъ; свѣча погасла и послышался стукъ, будто что обвалилось. Всѣ сперва онѣмѣли отъ ужаса, но потомъ, услышавъ знакомый голосъ, ожили и вздохнули свободнѣе. То вошелъ Кузьма, который прежде всего громко выругался, наткнувшись въ потьмахъ на кадку съ квашней.

— Это ты, Кузьма? спросилъ Андрей для проформы.

— Накой чортъ вы огонь-то задули? отвѣтилъ тотъ,— ногу совсѣмъ зашибъ.

— Вѣтромъ задуло; зажги, братъ, поскорѣй.

Кузьма вздулъ огня, перемѣнилъ лучину и остановился въ изумленіи. Освѣтилась живая картина: Акулина лежала на полу, а ребенокъ барахтался одинъ на скамейкѣ. Бабка, все еще несмѣя оборотиться, шептала молитву. Андрей тоже не глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ лежала Акулина и творилъ крестное знаменіе. Странница стояла, прижавшись къ стѣнѣ, и въ страхѣ ворочала бѣлками, оглядывая вошедшаго.

— Ишь какъ напугалъ, прошептала она, — я думала что и вправду...

— Что тутъ у васъ? Чего лежитъ Акулька? спросилъ Кузьма.

— Тутъ, братъ, такія вещи были, что страхъ... Акулина больно испужалась, водой облить ее надо—пройдетъ, отвѣтилъ Андрей.—Чегожъ ты сидишь-то ручки сложимши, лѣшій.

Кузьма выбѣжалъ въ сѣни, притащилъ ведро воды и сталъ обливать ею голову Акулины; онъ всѣми силами теръ ей лицо концомъ своего зипуна и немилосердо теребилъ за волосы. Андрей не шелохнулся: онъ боялся теперь Акулины. Бѣдная баба наконецъ очнулась, оглядѣлась и заревѣла. Странница сама перетрусилась; она не расчитывала на такой эфектъ. Кузьма бросалъ озабоченные взгляды на всѣ стороны.

— Не плачь, Акулька, пройдетъ горе, настанетъ и радость, утѣшалъ онъ молодицу.—А ты, что, старая, жива ли? Чего ты тамъ глядишь? Да христа-ради растолкуйте мнѣ, что тутъ такое было?

— Черти были, отвѣтилъ отрывисто Андрей.

— Какіе черти?

— Настоящіе черти. Акульку задушить хотѣли.

— Сама видѣла?

— Нѣтъ; мать Арина сказала.

— Это ты? спросилъ Кузьма, подозрительно осматривая странницу.

— Чего я? Извѣстно я. А ты не приставай.

Кузьма отвернулся отъ нея и сталъ утѣшать Акулину. Та плакала горько.

— Аринушка! прошептала старая бабка, все еще не оглядываясь:—подь-ко сюда, моя голубка!

— Что, бабушка? спросила та, подходя къ ней.

— Не видать больше?

— Не видать, мать моя, я *ихъ* крестнымъ знаменьемъ осѣнила, они и пропали.

— И ты *ихъ* видѣла?

— Своими глазами видѣла.

— Съ рогами?

— Съ рогами и хвостомъ; глаза огненные, страшные.

— Экіе страхи какіе! Вотъ до чего грѣхъ-то доводитъ!

Она наконецъ оборотилась; медленно обвела глазами вокругъ и сѣла въ углу, пережовывая губами разныя молитвы. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Акулина всхлипывала. Кузьма утѣшалъ ее. „Не крушись ты, моя птаха! шепталъ онъ: — на все воля Божія, и попъ такъ говорилъ: грѣха не будетъ“...

— А у попа-то былъ? спросилъ Андрей.

— Былъ.

— Чтожъ онъ?

— Завтра утречкомъ самъ хотѣлъ зайдти потолковать; а теперь велѣлъ накормить Сенюшку.

— Да чѣмъ накормить-то? въ этомъ и штука вся.

— Извѣстно чѣмъ,—молокомъ; вѣдь я сказывалъ.

Эти слова тоже имѣли свое дѣйствіе. Старуха такъ и уставилась на Кузьму.

— Это попъ велѣлъ? спросила она.

— А то ктожъ! И лекарь, и попъ въ одно слово сказали: дать и все тутъ.

— Брехню несешь ты. Самъ и у попа небось не былъ.

— А гдѣжъ мнѣ быть-то? Я свое дѣло сдѣлалъ: поклонился въ ноги попу; такъ и такъ, говорю, сынишка молъ маленькій умираетъ съ поста, нельзя ли дать ему грудь пососать? Можно, говорить.

— Слышишь, мать Арина?

— Слышу.

— Вотъ каковы нынче попы. Уму-то разуму учатъ.

Не впервый ужь я слышу такія вещи. Тѣже грѣшники что и мы. А баба пусть лучше меня послушаетъ: худому не научу. Если даже и помретъ дите, такъ и тому должно радоваться, а не плакать: потому воля Божія... А коли хочетъ, по своему глупому разуму, дѣтей своихъ ко грѣху пріучать, то пусть лучше и въ церковь Божію съ нами не ходитъ. Видала ты, Акулина, продолжала странница зловѣщимъ голосомъ:—что въ церкви въ дверяхъ нарисовано: тамъ стоитъ ангелъ, такой грозный, и держитъ онъ въ рукѣ мечь огненный; а подъ низомъ написано: „кто сюды съ нечистымъ помысломъ войдетъ, того мечемъ этимъ поражу.“ И поразитъ онъ тебя. Огненный-то мечъ — это молонья... Отъ нея не укроешься! Вотъ что!

Будто смертный приговоръ свой, слушала Акулина эти ядовитыя рѣчи. Совѣсть такъ и грызетъ; холодный потъ пронимаетъ... Наконецъ она не выдержала и, бросивъ ребенка на руки Кузьмы, съ воплемъ упала къ ногамъ старухи.

— Казните меня! закричала она не своимъ голосомъ— казните грѣшницу!.. Согрѣшила я! Пропала моя головушка!.. и съ истерическимъ рыданіемъ бросилась обнимать ея ноги.

— Что ты? что съ тобой? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Да я уже кормила сегодня ребенка, спутали меня бѣсы! Ой, душатъ они меня... душатъ, спасите!

Она, металась, рвала волосы и цѣловала одежду странницы и бабки.

Никто не отвѣчалъ ей. Всѣ будто растерялись, оторопѣли. А та плачетъ, надрывается; все нутро точно поворачивается у ней отъ боли. Андрея въ жаръ бросило. Кузьму прошибла слеза.

— Встань, Акулька, полно! заговорилъ Кузьма, стараясь поднять ее и утирая кулакомъ слезы.

— Оставь ее, пусть наплачется вволю! отозвалась старуха.

— Баушка? кричала Акулина: — прости меня! не погуби меня грѣшную!..

— Мнѣ-то што; ты проси у Бога.

— Богъ прощать велѣлъ грѣшныхъ, вмѣшался Кузьма. — Вотъ она ужо будетъ говорить, покается.

— Мало ей говѣть-то. За такой грѣхъ пусть сама весь постъ не жретъ ничего, да отмаливается.

— Не буду ничего ѣсть! видитъ Богъ, не буду, и Сенюшкѣ ничего не дамъ, пусть помретъ на рукахъ моихъ... Сама задушу, и ропотнаго слова не вымолвлю, — только отгоните отъ меня нечистаго... Матушка Аринушка, возьми ты меня съ собою на подвигъ!

И она упала опять въ ноги странницѣ.

— Куда-жъ я тебя возьму?.. Кабы деньги ты имѣла...

— Полно же, Акулька, не убивайся христа-ради, говорилъ Кузьма. — Засни-ка лучше... Вотъ поутру попъ придетъ; потолкуемъ.

Онъ почти насильно уложилъ ее на постель.

— Не хочу я! пусти меня! умру, да не встану, кричала та...

. . . . . .

Неожиданный случай прекратилъ эту тяжолую сцену. За дверью послышался громкій смѣхъ и залихватская, беззаботная пѣсня:

«Я вечоръ млада во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ...»

Всѣ переглянулись. Акулина притихла, всхлипывая.

— Никакъ Михейка идетъ? сказалъ Андрей, прислушиваясь.

— Михейка и есть. Не пускать его...

Но было уже поздно. Дверь распахнулась, и на порогѣ показался Михейка. Онъ былъ безъ шапки и безъ шубы. Вода ручьемъ сбѣгала съ его рубахи, прилипшей къ тѣлу. Косматая грудь на распашку. Взбитые волосы прядями торчали во всѣ стороны, и межъ этихъ прядей свѣтились два черные плутовскіе глаза. Эта рожа улыбалась какой-то горькой и вмѣстѣ насмѣшливой улыбкой.

— Здравствуйте, господа честные! рѣзкимъ голосомъ сказалъ онъ, выжимая воду изъ своей рѣденькой бородёнки.

— Убирайся ты къ чорту! закричали въ голосъ Кузьма и Андрей, поворачивая его назадъ. — Кой дьяволъ тебя по ночамъ таскаетъ? Вишь не время, проваливай!

— Постойто, братцы, минуточку; дайте кваску испить христа-ради?

— Да ты ужь и безъ того *испилъ*, кажись?

— Испилъ, братъ, да не квасу; а тутъ жжотъ, пить смерть хочется...

— Ну, стой, я принису.

Кузьма принесъ ему ковшъ квасу. Михейка выпилъ и сѣлъ на скамью.

— Чегожъ ты усѣлся? Иди, что ли! опять заговорили парни.

— Братцы мои, одну минуточку только, ейбогу усталъ до-смерти, дайте духъ перевести.

— То-то, усталъ! Откуда это тебя несетъ нелегкая?

— Прямо съ кабака, братцы. Ходилъ, ходилъ я по селу: отецъ домой не пущаетъ; толкнулся было туды-сюды,— вездѣ гонятъ нашего брата; а у васъ огонекъ свѣтится,— дай зайду, думаю, съ постомъ проздравить.

— Кому постъ, а кому все масляница, язвительно замѣтила Арина.

— Э! да тутъ еще гости есть? Батюшки свѣты, да это божія странница, мать Арина, что у святаго Нила четки стянула; да мы, братъ, съ тобой знакомы; помнишь, въ Питерѣ разъ въ одномъ кабакѣ сидѣли!

— Чего ты лаешься! закричала Арина: — я вѣдь у добрыхъ людей сижу; за меня вступятся.

— Да не серчай, моя краля, это я такъ, къ слову пришлось, больно хотѣлось мнѣ похвастать. что я тоже не промахъ: съ праведными людьми, значитъ, за панибрата.

— Забылъ ты постъ-отъ, безстыжее твое рыло!

— Ты, матушка, уже слишкомъ злобиться изволишь, слова-то говоришь не святыя... А я поста не забылъ и по-

щусь почище вашего. Вѣдь всѣ эти пять дёнъ только одной сивухой и пробавляюсь. А въ сивухѣ, сама знаешь, окромя хлѣба, да воды ничего нѣту. Такъ нѣшто я не пощусь?.. И весело, и душѣ польза.

— Ишь вѣдь наплелъ что, проклятая душа! проворчала старуха, влѣзая на печку.

— Врешь, старая,—ты моей души не знаешь, тамъ и не толкуй. А ты мнѣ скажи-ка, тетка, сказалъ Михейка, опять обращаясь къ странницѣ: — ты всякія тамъ книжки читала, видѣнія разныя творила, скажи-ка теперь мнѣ: отчего это одни только вы чорта-то видите, а мы грѣшные не видимъ?

— А тебѣ небось хочется, такъ увидишь; не горюй, твой черёдъ еще впереди.

— Ты не стращай, а говори толкомъ... А я вотъ еще тебя спрошу, отчего это у вашей братіи, странницъ, да странниковъ, носы завсегда бываютъ красные? Не знаешь?

— Съ тобой и говорить-то грѣхъ, нехристь эдакой!

— Оттого, моя красавица, что вашего брата часто черти за носъ водятъ, что вы *нашего* поста придерживаетесь...

— Ну, братъ, полно, заврался, вмѣшался Кузьма: — проваливай домой!

— Куды-жъ я пойду?

— Куды хошь, а тутъ тебѣ не мѣсто: тутъ все народъ молитвенный живетъ.

— Постой еще минуточку; вотъ два слова только скажу.

— Нечего тутъ говорить; коли самъ сгибъ,—другихъ не губи.

— Ты чего ругаешься?

— Я не ругаюся, а ты проваливай. Иди-себѣ трескай сивуху, — опосля наплачешься. Эхъ, Михейка, человѣкъ-то ты знатный былъ; съ чего-же это на тебя дурь нашла, погубить себя задумалъ?

— Оставь его, Кузьма, сказалъ Андрей:—нѣшто онъ пойметъ доброе слово? Сказано: пропащій, и все тутъ.

— Пропащій? нѣтъ, врешь, Андрей, я не пропащій! Ты думаешь, что во мнѣ и души-то нѣтъ,—образъ Божій потерялъ? Врешь ты, чужая душа для тебя потемки. Онъ выпрямился, и дико взглянулъ на Андрея, зубы заскрежетали у него со злости. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и опять упалъ на лавку.—И я, братцы, хотѣлъ жить по-человѣчьи, заговорилъ онъ уже слезливо: — многаго желалось моей душенькѣ, да супротивъ рожна, видно, не далеко уйдешь. Эхъ ты горе наше плакучее!.. Душа вся изныла... все бы плакалъ, кажись, да слезъ не хватаетъ... Нечего колоть меня пьянствомъ: я братъ грамотѣ учился, физику всякую знаю; на фабрикахъ пять лѣтъ мыкался; повидѣлъ значитъ свѣту Божьяго...

— Сила-то, сила какая была у меня! продолжалъ Михейка: — кровь ходуномъ ходила, кажись бы только дали ей развернуться... ихъ! работа закипѣла бы, только держись... Гдѣ-жъ ты, наша волюшка!.. гдѣ ты желанная!..

Михейка склонился головою на руки, протеръ глаза, потомъ ударилъ со злостью кулакомъ по столу и оглядѣлся. Странница перекрестилась и отодвинулась подальше.

— Чтожъ ты, тётка, присмирѣла? сказалъ онъ ей съ

злодѣйской улыбкой: — разсказывай что видѣла въ Кіевѣ? вишь слушаютъ.

— Я ужь пойду, родные, сказала робко Арина, хватаясь за свои пожитки.

— Куда-жъ ты? Чего ты Божій человѣкъ испужался? заговорили хозяева:—ишь онъ у насъ шальной какой!

— Поди ты теперь къ Терехѣ Лысому, да погляди, какую кашу тамъ заварила, замѣтилъ Михейка. — Эхъ вы дармоѣды этакіе! суда-то на васъ нѣтъ. Губите вы нашего брата, благо вѣрятъ вамъ! Что бѣлки-то выпучила? думаешь что видѣніе видишь? Совѣсть твоя это говоритъ? Нѣтъ, рожа ты змѣиная, человѣкъ говоритъ съ тобой!.. Ѣхала бы ты поскорѣе къ туркамъ чудеса творить: благо бы твоего духа здѣсь не было...

— Убьетъ онъ меня! завопила Арина:—убьетъ совсѣмъ, лица на немъ нѣтъ человѣческаго!..

— Слышь, Михейко, коли ты тронешь ее, я-те прямо въ зубы. Насъ вѣдь двое, мотри, управимся.

— Нѣтъ, я такъ пошутилъ только, отвѣтилъ Михейка:— душа сдуру выболталась. Нѣтъ, вы берегите ее, братцы, берегите хорошенько,—потому—человѣкъ Божій.

Никто не отвѣтилъ ему. Михейко задумался.

— Что-жъ, идти мнѣ? спросилъ онъ.

— Ступай живѣе.

— Пойду.

Онъ всталъ, почесываясь, и опять оглядѣлся.

— А гдѣ-жъ моя шапка? спросилъ Махейка.

— Да ты безъ шапки пришолъ.

— Безъ шапки? Ну, безъ нея и уйду. Можно жить и безъ шапки. Эхъ, проговорилъ онъ въ дверяхъ:—кабы нутро у человѣка было больше, все бы, кажись, лилъ въ себя эту Божію водицу, такъ и лилъ бы безъ конца. Одна радость только и осталась! всѣмъ горюнамъ радость!..

Дверь хлопнула, Михейко ушолъ, припѣваючи:

«Пропадай, моя головука!
Пропадай моя безталанная!»

Вѣтеръ подхватилъ пѣсню и развесъ, развѣялъ ее безъ слѣда.

— Ушолъ, слава-те Господи! залепетала бабка:—слова вымолвить боялась, думаю: изругаетъ совсѣмъ.

— Въ посту-то, мать моя, на первой недѣлѣ какія дѣла здѣсь творятся! примолвила странница.

— Не говори, родная, слушать страшно. Охъ, людъ-людской, сколько въ тебѣ золъ-то!

— А что, вѣдь мы засидѣлись долгонько. Чай, пѣтухи пѣли?

— Пѣли, голубка, сама слышала.

— Ложись, ребята, спать!

— А что Акулька?

— Спитъ.

— Чудно какъ: спитъ, а у самой слезы текутъ. Гляди-ко, Андрей.

— Пусть выплачется, это къ добру.

— А куда Сенюшку дѣвать?

— Да сунь его къ матери. Живъ еще?

— Живъ.

Странница растянулась подъ образами, положивъ котомку подъ голову. Парни опять взобрались на палати. Лучина потухла.

— А что, братцы, этому Михейкѣ на томъ свѣтѣ, чай, жутко будетъ? спросилъ Андрей, улегшись.

— Може и будетъ, отвѣчалъ Кузьма.

— Въ постъ, да какія рѣчи говорилъ, пьяница кромѣшная; меня, убогую странницу, стыдомъ сжогъ. Кабы не вы, уходилъ бы совсѣмъ, обиженнымъ тономъ ворчала Арина.

— Сказано: пропащій, чего же тебѣ больше!

— А все грамота, братцы, все грамота: не поведетъ она къ добру; развратитъ она сердце христіанское. Помяните вы мое слово!

На это мудрое заключеніе не было возраженій.

А вьюга пуще шумитъ, надрывается, будто плачъ и стонъ какой стоитъ надъ селомъ и оплакиваетъ его горькое житье. Среди этого плача порой слышится гдѣ-то жалобное мяуканье кота; кричитъ онъ, бѣдный, не своимъ голосомъ. Въ избѣ раздается тяжолый сонъ парней, оханье старухи, и болѣзненные стоны убитой горемъ матери и умирающаго ребенка. Ужь не плачетъ онъ, а только ноетъ мучительно, надрывая сердце матери, которая несмѣетъ болѣе прижать его къ своей груди, потому что семейный совѣтъ осудить его на голодную смерть. Черезъ часъ послышалось чье-то сдержанное, апетитное чавканье: кто-то, пользуясь сномъ сосѣдей, тайкомъ грѣшитъ противъ поста... Ужь не странница ли?..

Чуть забрезжилъ свѣтокъ, Аринушка уплелась во свояси. Передъ уходомъ она сдѣлала маленькій поборъ съ хозяевъ на Гробъ Господень; она брала деньги, тряпье, съѣстное, даже огарокъ сальной свѣчки взяла... Хозяева отдавали эти вещи съ полною охотою, имѣя въ виду тотъ расчетъ, что Господь за все заплатитъ имъ вчетверо, въ чемъ ихъ крѣпко завѣрила Арина. Все это произошло очень торопливо, потому что странница, по невольному антагонизму, не хотѣла встрѣчаться съ священникомъ. Въ девять часовъ пришолъ и священникъ. Его приняли сухо и выслушали молча, какъ обыкновенно выслушиваютъ начальство. Рѣчи его не подѣйствовали на слушателей; впечатлѣніе вчерашняго было еще слишкомъ сильно и наполнило ужасомъ все село. Священникъ удалился, взявъ съ хозяевъ обѣщаніе накормить ребенка.

А ребенокъ на третій день померъ,—не вынесъ значитъ...

Бродяги-Странники.

(Разсказъ.)

Стемнѣло. Мелкій осенній дождь зарядилъ, какъ видно, надолго.

На широкомъ сѣновалѣ постоялаго двора человѣкъ двадцать мужескаго пола съ шумомъ укладывались спать. То была партія нищихъ-странниковъ, пробирающихся въ сосѣдній монастырь на храмовой праздникъ. Тутъ были и старые, и малые, съ бородами и безъ бородъ, пришельцы изъ какихъ-то невѣдомыхъ обителей, нищіе съ искалѣченными, для возбужденія жалости, членами, разные хвостотрепки и оборвыши,—словомъ, тотъ жалкій, нищенствующій людъ, который богомолье обратилъ для себя въ хлѣбный промыселъ и прикрываетъ свое бездѣлье разными религіозными побужденіями. Хозяинъ постоялаго двора съ засаленнымъ фонаремъ въ рукѣ стоялъ у дверей и давалъ отрывистыя приказанія, въ родѣ слѣдующихъ: „ты, рыжій, забери сѣна-то справа!“, „головами вмѣстѣ ложись,—эдакъ удобнѣе“ и т. п. Не совсѣмъ привѣтливо глядѣлъ онъ на всю эту оборванную, забрызганную грязью и вонючую толпу. Особенно подозрительно косился онъ на какого-то по-

слушника съ испитымъ и подбитымъ лицомъ, который, несмотря на общую сумятицу, прилежно молился Богу и въ тоже время зорко оглядывалъ стѣны и потолокъ сѣновала.

Наконецъ общество улеглось. Хозяинъ оглядѣлся еще разъ и повернулъ къ двери.

— Чуръ, огня не зажигать, да трубокъ не запаливать! — крикнулъ онъ на прощаньи, — а то долго-ль до грѣха! мы и то въ прошломъ годѣ горѣли. Слышите, ребята?

— Слышимъ. Ладно.

— Такъ спите-жъ смирно. Утромъ взбужу.

Хозяинъ заперъ дверь, обошелъ кругомъ дворъ и осторожно прислушался къ воротамъ сарая, гдѣ, за недостаткомъ мѣста, расположились на ночлегъ нищія странницы. Оттуда слышались визгливые споры...

— Слышь, Кузьма! окликнулъ онъ вполголоса.

— Чего? долетѣло съ другого конца двора.

— Ты тово... поглядывай! Ишь народу-то нанесло сегодня.

— Ладно.

— Хомуты-то чтобъ тово... А возжи гдѣ у тебя?

— Здѣся. Цѣло будетъ.

— То-то; не ровенъ часъ...

Затѣмъ, постоявъ немного посреди двора и обмывъ мимоходомъ въ лужѣ свои сапоги, онъ отправился въ избу, гдѣ нашли себѣ мѣсто упокоенія проѣзжіе баре.

На сѣновалѣ темно, хоть глазъ выколи. Въ разныхъ концахъ его полушопотомъ разговоръ идетъ; сѣно шелеститъ

и хруститъ подъ лежачими; кто-то въ потьмахъ мѣдные пятаки пересчитываетъ... А дождь мѣрно, однообразно стучитъ и перекатывается по кровлѣ.

— Эка дождь-то лупитъ какой! громко произнесъ кто-то, зѣвая во весь ротъ. — Кабы не дождь, знатно бы въ полѣ ночевать можно.

Отвѣта ему не было. Въ дальнемъ углу осторожно звякнула стклянница, и струйка пропитаннаго спиртомъ воздуха пронеслась надъ лежачими. Сѣно пуще захрустѣло: знать, знакомый запахъ раздразнилъ нищую братію; посыпались шуточки на счетъ „живой водицы". Потомъ въ углу кто-то началъ вполголоса напѣвать аллилуйю и праздничные акаѳисты... Дряблый голосъ пѣвца дребезжалъ, какъ разбитое стекло, и перерывался унылыми вздохами. Скоро вздохи перешли въ схлипыванье и плачъ о грѣхахъ своихъ...

— Кто это хнычетъ тамъ? послышался вопросъ. Это ты, Никита многогрѣшный?

— Кому-жъ больше плакать? все я плачу, окаянный.

— Чего-жъ ты опять?

— А ты самъ заплакалъ бы, еслибъ понимать могъ... Бѣдные вы, мужики необразованные!.. чему васъ учили, какая у васъ вѣра? Нѣтъ, я пойду по деревнямъ и селамъ, я научу васъ, какъ надо жить по евангелію... Я научу, я скажу вамъ правду истинную... Умудри мя, Господи.

— Притворяется, бестія! проголосилъ густой басъ.

— Нѣтъ, Ипатій, ты его не замай, это святой человѣкъ.

— Ейбогу притворяется, еще положительнѣе замѣтилъ

басъ.—Чего тутъ толковать еще? Здѣсь свои вѣдь. А про этого сейчасъ видать, что раскольникъ.

— Это онъ выпилъ по малости, такъ и плачетъ. Нѣтъ, онъ всему обученъ, все знаетъ...

— Толкуй тутъ!

Стихли. Опять слышны глубокіе вздохи и причитанье: „я пойду, я скажу имъ“. Въ другомъ углу вполголоса разговоръ идетъ по ученому:

— Ты скажи мнѣ, отчего это кажиннаго человѣка тошнитъ передъ смертью? какъ только придется кому умирать, такъ онъ и чувствуетъ тошноту.

— А ты почемъ это знаешь?

— Нашъ пономарь сказывалъ на селѣ.

— Такъ ты у него и спроси. Я, братъ, не умиралъ, не знаю.

— А оттого тошнитъ, что въ это время душа съ тѣломъ разлучается. Душа обпаковенно въ тѣлѣ находится; теперича ей выходить надо вонъ, а тѣло, значитъ, ее не пущаетъ; вотъ и тошнитъ. Понялъ?

— Хороша, значитъ, у тебя душа, коли тошнитъ съ нее, замѣтилъ кто-то со стороны.

Всѣ захохотали.

— Нѣшто я про свою душу-то говорю, лѣшій?

— Про чью-же?

— Да хоть про твою.

Хохотъ прокатился по всему сѣновалу, шутки и остроты посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, вотъ, братцы; угадайте загадку, пищалъ от-

куда-то тоненькій голосокъ.—Вы вотъ по писанью научены, а небось не скажете: когда Богъ мясо ѣлъ?

— Дуракъ, братъ, ты, вотъ что.

— Ты не ругайся, а говори толкомъ.

— И говорить-то съ тобой послѣ этого грѣхъ.

— А ѣлъ вѣдь.

— Ну, когда же?

— А когда у Авраама въ видѣ трехъ странниковъ былъ. Авраамъ подавалъ мясо, — странники ѣли, значитъ, и Богъ ѣлъ...

— Ишь вѣдь сплелъ штуку какую нечистую...

Нѣкоторые изъ лежащихъ хихикнули, остальные остались въ недоумѣніи, что тутъ дѣлать приличнѣе: смѣяться, или ругаться?

— Ну, а что такое дьячокъ?

— Извѣстно—псаломщикъ.

— А по другому какъ?

— Ну, церковникъ, что ли, церковнослужитель!

— Нѣтъ, не то: дьячекъ это *дудка*, сквозь которую проходитъ гласъ Божій; ее самоё-то не задѣваетъ, а другимъ слышно.

Опять хохотъ пошелъ.

— Ты насъ не замай, а то мы еще получше вашего штуку скажемъ, отозвался на это голосъ, молчавшій до сихъ поръ.

— А ты самъ вѣрно изъ дьячковъ?

— Бывалъ когда-то. Чего-жъ смѣетесь-то?

— Какъ-же не смѣяться-то, коли дудкой прозвали? Небось, изъ кутьи?

— Бывали-съ.

— Ну, что-жъ у васъ тамъ, въ кутьѣ-то? а?

— Всего, братъ, было. Ради науки и заушеніе, и біеніе потертѣли. Умомъ меня Богъ не наградилъ, ну, и дали титулку; а мнѣ плевать на этотъ умъ-то! Не въ умѣ дѣло: была бы только душа.

— Это ты вѣрно: безъ души нельзя.

— Дѣлай все по душѣ, какъ душа проситъ, и во вѣки не согрѣшишь. Вотъ теперь, примѣрно, слышу я, что откуда-то водочкой попахиваетъ, и такъ, значитъ, сильно душа моя водки проситъ, что не знаю, какъ и быть... Дайте, братцы, водки: распотѣшу! крикнулъ онъ на весь сѣновалъ.

— Это ты, дудка? донеслось изъ далекаго угла.

— А то кто-же? Коли водки кто проситъ, такъ ужь это я.

— Ну, иди, пока не выпили.

— Эхъ, добрые люди, дуй васъ горой!

Отставной дьячекъ проворно поднялся и пошелъ на знакомый запахъ по головамъ спящей братіи. Всполошились спящіе, и посыпались на дьячка пинки, толчки и возгласы непечатные. Шумъ поднялся неописанный, а дьячокъ только ухмыляется, да текстами рѣжетъ направо и налѣво. Отыскалъ онъ, наконецъ, пристанище себѣ гдѣ-то въ углу, и долго оттуда слышался смѣхъ закатистый, неудержимый, вырывающійся изъ самой глубины сальной, полупьяной утробы;—смѣхъ, которымъ смѣются только пьяные, разговаривая подъ-ушко о предметахъ скоромныхъ. Остальные силились заснуть, да не могли, конечно. Сѣно хрустѣло, странники

ворочались и ругали хохотавшихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Въ промежуткахъ этого хохота и ругани по прежнему слышались всхлипыванья Никиты многогрѣшнаго, котораго, видимо, возмущала эта картина. Но что тутъ могъ подѣлать Никита, съ своимъ дряблымъ, стариковскимъ голосомъ?..

— Да уймитесь же вы, черти!—пробасилъ Ипатій:— спать вѣдь нельзя.

— А завтра, небось, рожи постныя корчить станутъ.

— Свиньи, право, свиньи!.. А-а-а! Господи помилуй!— зѣвается... Вотъ вѣдь досада-то: пока шелъ, такъ глаза сами слипалися, а теперь и сонъ куда дѣвался!

— Не заснуть теперь, гдѣ тутъ заснешь?

— Не заснешь и есть. Да вы кто такой?

— Я Савелій.

— Откудова?

— Съ Тихвина, послушникъ.

— Давно по богомолью ходите?

— Третье лѣто.

— А!.. Такъ вотъ я и говорю теперь, что не заснуть никакъ.

— Это справедливо-съ.

— Ну что, какъ тамъ въ Тихвинѣ-то, сносно жить теперь?

— Ничего, Богъ помогаетъ. Тамъ съ городу дохода много, народъ все благочестивый, особливо по женскому полу-съ. Кажная барыня ужь безпримѣнно что-нибудь пожертвуетъ за годъ-то; только нашего брата, странниковъ, ужь больно много развелось,—хлѣбъ отбиваютъ.

— Безъ этого нельзя.

— Конечно. А что, осмѣлюсь спросить, вы, я слышалъ, въ старомъ Ерусалимѣ бывали-съ?

— Какже, бывалъ.

— Взаправду были-съ?

— Чего-жъ мнѣ врать-то! Всю нонѣшнюю зиму пробылъ тамъ; по веснѣ только воротился.

— А я, каюсь, разъ чуть въ просакъ не попался съ этимъ самымъ Ерусалимомъ.

— А вы не были?

— Нѣтъ, нечего грѣха таить, прямо говорю: не былъ-съ. Да нынче: сами знаете, такія времена, что кіевскими, да соловецкими-то угодниками ничего у насъ не возьмешь, только грекамъ и есть доходъ. Вотъ я разъ, ради выгоды и прикинулся грекомъ. И ничего сперва: ломаю языкъ, какъ слѣдуетъ, по иностранному! слыхалъ тоже, какъ греки-то объясняются. Только разъ забрался я къ одной богатой графинѣ въ Москвѣ, можетъ знаете? Авдотья Карповна...

— Нѣтъ не слыхалъ.

— На Пречистенкѣ живетъ. Ну-съ, такъ вотъ и разсказываю я этой графинѣ, какъ проживалъ въ Ерусалимѣ, какъ гробъ Христовъ цѣловалъ; а съ-боку тутъ самъ графъ сидитъ, какія-то бумаги читаетъ. Только графъ этотъ и спрашиваетъ у меня: „умѣешь, молъ, говорить по гречески?“ — Какъ-же, говорю, не умѣть: самъ грекъ. А онъ вдругъ и заговорилъ со мной по ихнему. Вижу, — дѣло плохо, потъ холодный прошибаетъ, — трясу головой въ раз-

ныя стороны, будто понимаю, а у самого поджилки трясутся. — „Ахъ, ты, такой-сякой-немазаный, закричалъ графъ,—да ты притворяешься, каналья? Хочешь, я тебя въ часть отправлю?“ Что тутъ станешь дѣлать? Я бухъ ему въ ноги: такъ и такъ, говорю, по бѣдности, молъ,—не погубите!.. Нѣтъ-таки, отправилъ на съѣзжую, какъ бродягу.

— Ну, и что-жъ?

— Ничего: къ счастію, тамъ знакомые были, а то бы бѣда.

— Да, надо такія дѣла вести поосторожнѣе, а то вѣдь полиція-то не свой братъ.

— Хуже ее нѣтъ, ей-богу-съ. Вотъ тоже съ этими пачпортами, сколько возьни, а что толку въ нихъ? Я понимаю такъ, что всѣ святые, почитай, безъ пачпортовъ жили: одинъ убѣгъ отъ родителей, другой убѣгъ изъ города въ пустыню, третій отъ службы и почестей убѣгъ, — и всѣхъ ихъ спасъ Господь. А поди-ка, скажи теперь въ полиціи, что я, молъ, ради спасенія...

— Въ тѣ поры, видно, полиціи такой не было, такъ и бѣгали, — вмѣшался, ворочаясь, другой сосѣдъ, видимо слѣдившій за ходомъ разговора.—Теперь, братъ, попробуйка сбѣжать, такъ нашъ полицмейстеръ, Иванъ Иванычъ, такую тебѣ взлупку задастъ, что и спасаться не захочешь.

— Видно, пробовалъ, что говоришь?

— Про-то мы знаемъ...

— А что, кажись, ужь скоро свѣтать начнетъ? сказалъ Ипатій, потягиваясь.

— Нѣтъ еще, до свѣту далеко.

— Ну, какъ же тамъ, въ Ерусалимѣ-то, осмѣлюсь спросить,—заговорилъ опять Савелій заискивающимъ голосомъ,—мощей-то тамъ много-съ?

— Мощей не видалъ.

— Одна знакомая сказывала, что тамъ мощи Михаила Архангела есть...

— Можетъ и есть, не знаю. Да вретъ она: архангелъ — это духъ, какія-жь тутъ мощи?

— Такъ-съ. Ну, а гробъ-то Христовъ видѣли?

— Еще бы!

— Что-жъ онъ, какой?

— Да что: по правдѣ сказать, тамъ гроба-то настоящаго нѣту, а простая, каменная плита гробомъ Христовымъ прозывается. Эдакая, знаешь, часовня посреди церкви стоитъ, и въ нее ползкомъ влѣзать надо, потому дверь у ней только въ поясъ: а какъ влѣзешь, такъ тутъ справа сейчасъ будетъ тебѣ плита, вотъ какъ на кладбищахъ бываетъ. Это и есть гробъ Христовъ.

— Почему-жь настоящаго-то гроба нѣту?

— А на что онъ? Вѣдь апостолы знали, что Христосъ на третій день воскреснетъ, такъ они гроба-то и не дѣлали. Положили на плиту, вотъ и все тутъ.

Савелій задумался. Въ углу сѣновала вполголоса напѣвали хоромъ: „Мати убо познаялася еси...“ Кое-гдѣ слышалось смачное чавканье; нѣкоторые храпѣли во всѣ голосовыя связки...

— А народу-то тамъ видимо-невидимо, продолжалъ Ипатій, увлекаясь воспоминаніями.—По улицамъ толкаются,

ругаются, что бабъ-то однѣхъ—страсть! Ходишь, да оглядываешься кругомъ, и все-то святыни тамъ, вездѣ благодать... Тамъ, примѣрно, каменный столбъ есть; у собора стоитъ, а на этомъ самомъ столбѣ пѣтухъ сидѣлъ, когда апостолъ Петръ отъ Христа отрекался. Теперь его молонья разбила, еле-держится. Церквей-то, церквей что понастроено, что шагъ, то и церковь, да все больше не наши — турецкія... Кой чортъ тутъ ползаетъ—пауки или тараканы какіе? Сейчасъ по рожѣ проѣхалъ.

— Стрекоза, знать; тутъ ее много.

— Щекотитъ, шельма, шибко... А на собботу великую тамъ, батенька мой, чудеса такія бываютъ, что только гляди, да дивись. Какъ пойдутъ это съ крестнымъ-то ходомъ ко гробу, такъ тутъ однихъ поповъ, чай, со всего свѣту собрано. Сперва тихо все; попы молятся,—и вдругъ съ неба огонь небесный такъ искоркой и спустится на гробъ; тамъ нарочно для этого въ крышѣ большая дыра сдѣлана, такъ въ эту-то дыру онъ спустится и сразу запалитъ свѣчи у гроба. Батюшки! крикъ какой пойдетъ, — кто во что гораздъ, да и всѣ къ огню-то; другъ на дружку лѣзутъ, толкаются: давка такая, что только держись. Всѣ паникадилы церковныя заразъ сами собой зажигаются; сказывали, что ангелы Божіи зажигаютъ ихъ, да я не видѣлъ, потому дыму было много, — не видать. А дымъ-то все отъ свѣчей отъ этихъ такъ и валитъ на всю церковь... Если глядѣть на огонь святой въ самую пасху, такъ можно, говорятъ, въ этомъ огнѣ воскресеніе Христово увидѣть; я глядѣлъ шибко, да что тутъ увидишь,—толкаются очень, народу-то страсть

сколько! Тутъ рядомъ со мной парнишка маленькій стоялъ. Стоитъ онъ себѣ, только вдругъ... Слушай ты, соня проклятая! крикнулъ неожиданно Ипатій, толкая другого сосѣда.

— Чего тебѣ? отозвался тотъ.

— А ты чего плюешься на меня, дьяволъ? Мало тебѣ мѣста-то?

— Тутъ куда не плюнь, все человѣкъ будетъ.

— Вотъ попробуй-ка еще! Я-те плюну.

Сосѣдъ не отвѣтилъ и плюнулъ въ другую сторону. Ипатій все еще ворчалъ и обтирался.

— Ну, что-жъ дальше? Сказывайте, это очень занятно, вставилъ теноркомъ Савелій.

— Да я не помню, что я говорилъ, со злостью проворчалъ Ипатій.

— Вы сказали, что парнишка маленькой стоялъ...

— Ну, чего-жъ еще? Стоялъ, да и все тутъ.

Видя, что Ипатій все еще гнѣвается и разсказывать больше не намѣренъ, Савелій замолчалъ. Минутъ десять Ипатій ворочался съ боку на бокъ, но заснуть не могъ. Савелій зѣвалъ во весь ротъ и что-то соображалъ поглядывая на Ипатія.

— Тутъ хоть тресни, никакъ не заснешь, проговорилъ тотъ, приподнимаясь и оглядываясь въ потемкахъ.—Спятъ-то еще немногіе, кажется.

— Нѣтъ еще-съ.

— А все это дудка проклятая надѣлалъ.

— Онъ и есть... А я вотъ все думаю, отче: у васъ,

чай, есть съ собой что-нибудь изъ Ерусалима, кресты тамъ, али что? ась?

— Есть. Безъ этого нельзя.

— Покажите-ка мнѣ, Христа ради! Я погляжу, да и приложусь кстати.

— Что-жъ ты увидишь въ потьмахъ-то?

— Насчетъ этого не извольте думать. Я сейчасъ огонь вздую, у меня и свѣчка есть.

— А какъ хозяинъ увидитъ?

— Я рукой заслоню огонь отъ двери-то; не увидитъ.

— Ну, ладно, зажигай.

Савелій полѣзъ въ свою торбу, добылъ огня и зажегъ заплывшійся огарокъ восковой свѣчки. На свѣтъ поднялось нѣсколько косматыхъ, полусонныхъ головъ и послышалось недовольное ворчанье. Нѣкоторые, замѣтивъ, что Ипатій хочетъ что-то показать, приползли къ мѣсту дѣйствія, и около него скоро образовался небольшой кружокъ испитыхъ, убогихъ физіономій, между которыми рѣзко бросалась въ глаза какая-то мозглявая личность, въ вывороченной наизнанку скуфейкѣ, съ нахальнымъ выраженіемъ лица и лукавой улыбкой. Самъ Ипатій, мрачный съ виду и худой какъ скелетъ, молча рылся въ своей когда-то плисовой камилавкѣ и вынималъ оттуда разныя тряпочки, въ которыхъ хранились палестинскія сокровища.

— Тутъ все чётки, да кресты разные, — проговорилъ онъ, откладывая въ сторону нѣсколько узелковъ,—а вотъ тутъ у меня есть такія вещи, какихъ, чай, ни у кого изъ васъ нѣту.

У зрителей глаза разгорѣлись отъ усиленнаго вниманія. Ипатій осторожно развернулъ старую, истертую тряпицу и вынулъ оттуда засохшій сучокъ какого-то дерева.

— Это масличная вѣтка изъ того геѳсиманскаго сада, въ которомъ Спаситель молился за грѣхи міра, — проговорилъ онъ съ разстановкой и по книжному. На этомъ самомъ деревѣ ангелъ сидѣлъ и укрѣплялъ Его на молитву.

— А самого-то ангела отчего ты не привезъ? спросила нахальная личность, ядовито хихикая.

— Молчи, Аксёнка, — толкнулъ его въ бокъ товарищъ, — тутъ нечего уродствовать: вишь святыня.

— Нѣтъ, ангела бы лучше, хи-хи-хи!..

Народъ осматривалъ святыню молча, не обращая вниманія на юродиваго; только Ипатій хмурился, косясь на на него и усиленно мигалъ, когда взгляды ихъ встрѣчались.

— А вотъ это горохъ чудесный, — продолжалъ Ипатій, вынимая изъ узелка щепотку кругленькихъ камушковъ, на подобіе гороха. — Сказываютъ, что Богородица шла разъ по дорогѣ и проголодалась, а тутъ было поле горохомъ засѣяно. Вотъ Богородица и спрашиваетъ огородника: „дай, молъ, горошку поѣсть?" а огородникъ поскупился: „не дамъ", говоритъ. Богородица осерчала, и сейчасъ-же весь горохъ обратила въ камни... Вотъ это тотъ самый горохъ и есть.

— Да это-жъ камушки простые, а не горохъ, — замѣтилъ юродивый, разсматривая рѣдкость.

— А про что-жъ я говорю-то тебѣ?

— Про горохъ, хи-хи-хи!...

— Врешь, я говорю, что Богородица однажды...

— Да ладно, молчи Аксёнка, кого тутъ дивить? — вступились зрители. —Показывай дальше!

Ипатій вынулъ и показалъ публикѣ какую-то косточку.

— Вотъ это, прибавилъ онъ нерѣшительно, я и самъ не знаю что; у армянскаго монаха купилъ въ Ерусалимѣ, сказывалъ, что отъ мощей Понтинскаго Пилата...

Зрители осмотрѣли и косточку Пилатову. Всѣхъ внимательнѣе смотрѣлъ и слушалъ Савелій. Юродивый хихикалъ.

Потомъ Ипатій показалъ еще съ приличными толкованіями, кой-какія вещицы; масло святое, разные камушки, куски дерева и т. п., и затѣмъ сталъ складывать свои сокровища обратно въ камилавку.

— Все? спросилъ его какой-то растрепанный парень, молчавшій до сихъ поръ. Съ виду онъ походилъ на монастырскаго послушника и отличался отъ другихъ странниковъ, своимъ нахальнымъ видомъ, грубымъ обращеніемъ и косыми глазами.

— Мало, что-ли, тебѣ? Ну, хочешь, четки разныя покажу?

— Четки-то мы сами имѣемъ; а у насъ есть еще вещицы почище вашихъ. Не хотѣлъ показывать, да ужъ больно хвастаешься.

Послушникъ развязалъ свой кушакъ и вынулъ оттуда ящичекъ, а въ ящичкѣ былъ серебряный крестъ, по его словамъ „съ мощами животворящаго древа“. Запахло розовымъ масломъ. Всѣ поняли, что святыня-то очень важная.

— Видалъ? спросилъ онъ торжественно.

Ипатій молчалъ. Послушникъ изъ того же кушака вынулъ свертокъ и развернулъ его. Тамъ было нѣсколько разрѣшительныхъ грамотъ іерусалимскаго патріарха.

— А это видалъ?

— Что-жъ это такое? спросили зрители.

— А это отпускные листы. Кому дамъ — всѣ грѣхи простятся. Видите: прощаю, разрѣшаю; а вотъ и печать патріаршая.

Ипатій узналъ эти грамоты, замѣтилъ, что ихъ тутъ штукъ десять есть и почувствовалъ невольную досаду, что, по безденежью, не могъ запастись ими.

— Ты самъ былъ, что-ли? спросилъ онъ не своимъ голосомъ.

— Значитъ былъ. А тебѣ кто повѣритъ, что ты былъ? Чѣмъ докажешь?

— А кресты-то?

— Да ты можетъ быть купилъ ихъ, можетъ съ полу гдѣ поднялъ? Турецкой пачпортъ цѣлъ у тебя, съ которымъ ты ѣздилъ?

— Нѣту.

— А у меня и пачпортъ есть, по турецки написанъ, значитъ, не вру,—вотъ что. Я бы и не то еще показалъ, да довольно; не хвастай впередъ!

И косой послушникъ отошелъ въ уголъ и гордо завалился на сѣно.

Эффектъ вышелъ полный. Ипатій стоялъ, какъ оплеванный, и чувствовалъ сильное угрызеніе совѣсти. Зрители начали подсмѣиваться надъ нимъ; Ипатій злился и отгры-

зался, какъ могъ, и не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, если бы сильный стукъ въ двери не заставилъ странниковъ прекратить бесѣду. Мигомъ они задули огонь и взапуски бросились на свои мѣста, толкаясь и натыкаясь другъ на друга. Въ дверяхъ показался караульный съ фонаремъ и дубиной.

— Вы чего тутъ не спите? крикнулъ онъ. Сказано было, чтобъ огня не запаливать, потому сѣно кругомъ. Эй, вы, кто тутъ жегъ?

Отвѣта, конечно, не было, а въ потьмахъ трудно разобрать что-нибудь.

— Право, хозяина кликну, продолжалъ караульный, а онъ васъ въ шею отсюда вытолкаетъ. Слышите, что-ли, Вотъ ужо, какъ увижу еще, ей-богу хозяина приведу.

Онъ постоялъ нѣсколько минутъ на порогѣ и, видя что никто не откликается, захлопнулъ дверью, проговоривъ: „сволочь!“

Послѣ этого погрома на сѣновалѣ стало тихо. Нѣкоторые изъ неугомонныхъ попробовали-было опять похихикать и завести общіе разговоры, но ихъ съобща, заставили замолчать, на томъ основаніи, что спать надо.

Ипатію не спится. Съ досадой ворочается онъ съ боку на бокъ, а сонъ нейдетъ, и все-то ему теперь мерещатся грамотки разныя, да крестъ съ мощами. Какъ вспомнитъ онъ, что этотъ косой послушникъ отобьетъ у него завтра много доходу, такъ у него отъ зависти все нутро переворачивается.—„Не украсть ли?“ мелькнула у него злодѣйская мысль, а затѣмъ тамъ и нарисовалась въ воображе-

ніи самая заманчивая картинка. Онъ поднялъ голову и оглядѣлся. Всѣ, какъ видно, спятъ крѣпко; въ щели сарая чуть пробиваются первые лучи утренней зари, но разобрать еще ничего нельзя.

— Ей-богу украду; это теперича очень удобно? думаетъ Ипатій, а у самого и поджилки трястись начинаютъ.— А какъ не на того вдругъ наѣду? представилось ему, и вотъ онъ уже предчувствуетъ общую суматоху, всѣ на него накинутся, крикъ подымутъ, станутъ бить и калѣчить, приговаривая: „не воруй, не кощунствуй!“ и т. п. И морозъ по кожѣ подираетъ его отъ этихъ думъ. Онъ вытянулъ шею и безцѣльно пялитъ глаза въ непроницаемую тьму сѣновала. Кто-то кашлянулъ. Никита многогрѣшный вздохнулъ прерывисто и не-то бредитъ, не-то молится...

— Нѣтъ, лучше спать лягу, подальше отъ грѣха будетъ,—пробормоталъ Ипатій и опустился на сѣно. Вдругъ онъ слышитъ, кто-то около него ползаетъ, шелеститъ сѣномъ и даже дотрогивается до его одежды.

— Кто тутъ? спросилъ онъ, тараща глаза и ощупавъ чью-то руку.

— Тш... Это я, Савелій. .

— Чего-жъ тебѣ надо?

— Вотъ что, отче,—заговорилъ тотъ шопотомъ:—хочешь завтра деньгу большую нажить?

— Хочу.

— Такъ слушай, я вотъ что сдѣлаю: я сведу тебя завтра къ одной знакомой купчихѣ... Она богомольная такая и съ деньгами. Если ты продашь ей какую-нибудь ве-

щицу изъ Ерусалима, такъ она тебѣ такую денжищу дастъ, что вѣкъ благодарить меня будешь...

— А ты не врешь, голубчикъ?

— Чего врать, только, чуръ, третью часть мнѣ за хлопоты.

— Ладно, а ты тово... не соври; я и самъ-те удружу когда нибудь.

— Какъ святъ Богъ, говорю, это вѣрно. Завтра, смотри, не отставай отъ меня, вмѣстѣ и пойдемъ.

— Хорошо, спасибо.

— Ну, такъ спи же!

Савелій уползъ, а мысли Ипатія приняли теперь совсѣмъ другое направленіе, болѣе пріятное. „Вѣдь, можетъ быть, сотни двѣ—три сорву, думалъ онъ, только бы поспѣть къ ней раньше косого послушника. А какъ получу деньги, сейчасъ-же брошу эту бродяжническую жизнь и стану жить по другому, какъ древніе святители жили: уйду сейчасъ въ какую-нибудь пустынь, игуменомъ сдѣлаюсь черезъ нѣсколько лѣтъ, спасаться въ строгости стану, и народъ будетъ ѣздить ко мнѣ для наставленій...“ И воображеніе рисуетъ Ипатію картины одна другой заманчивѣе. Вотъ онъ прославился на землѣ своими подвигами; народъ къ нему такъ и валитъ, въ землю ему кланяется, руки цѣлуетъ; отъ головы у него лучами сіянье вокругъ идетъ и чудеса онъ разныя дѣлать можетъ: что только онъ пожелаетъ, то сейчасъ и явится передъ нимъ, потому—святой человѣкъ. И имя его стало извѣстно по всемъ монастырямъ; вездѣ узнали, что Ипатій святымъ сдѣлался, сами архіереи къ нему на

поклонъ ѣхать собираются... Вотъ онъ померъ: ангелы взяли душу его и понесли въ рай, а въ раю цвѣты, да фрукты разные, и сидитъ Ипатій на цвѣтахъ и яблоки сладкіе ѣстъ... А на землѣ его мощи открылись: отъ нихъ благоуханіе идетъ во всѣ стороны: попы въ ризахъ поютъ акаѳисты... Вотъ и знакомый его попъ Семенъ спрашиваетъ у дьячка Захарыча, — „Неужели, это тотъ самый Ипатій, который у насъ воду-то возилъ на подворьѣ?“ — „Онъ самый и есть“, отвѣчаетъ Захарычъ, и оба молятся... И Ипатій отъ такихъ грезъ сладостно ёжится на сѣнѣ и силится прошептать молитву.

А на сѣновалѣ всѣ уже спятъ крѣпкимъ сномъ; замолкъ даже Никита многогрѣшный. Тихо. Въ щеляхъ яснѣе просвѣчивается заря; вотъ уже зачирикали ранніе воробьи... А дождь по прежнему однообразно стучитъ и перекатывается по кровлѣ.

Утромъ хозяинъ разбудилъ гостей и торопитъ ихъ въ дорогу. Не охота странникамъ разставаться съ уютнымъ помѣщеніемъ: погода сѣрая, непріятная, дождь идетъ повчерашнему. На дворѣ закладываютъ чей-то проѣзжій тарантасъ и таскаютъ изъ избы подушки и погребцы разные: ямщики бродятъ, позѣвывая и крестя рты, но еще рано: движенія мало на дворѣ.

— Батюшки, да вѣдь меня никакъ обокрали!.. не своимъ голосомъ проговорилъ косой послушникъ „съ грамотками“.

Странники всполошились и со страхомъ оглянулись на него.

— Такъ и есть; все унесли, мошенники, кушакъ даже срѣзали: тамъ и деньги были...

— Какъ, что такое? послышались участливые голоса.

— Обокрали...

— Это ужь не тотъ-ли, тихвинской-то? Онъ вчера что-то больно васъ разспрашивалъ.

— А гдѣ онъ?

— Ушелъ давно.

— Ну, онъ и есть.

— Пропадай моя голова! крикнулъ послушникъ и, сломя голову, бросился бѣжать.

— Какъ-же, догонишь теперь! говорили вслѣдъ ему.

Ипатій, поблѣднѣвъ, полѣзъ за пазуху: узелка нѣту; осмотрѣлъ камилавку—нѣтъ ничего, даже подкладка выворочена.

— Ты, что-ли, взялъ? — спросилъ онъ, растерявшись, у сосѣда, надѣвавшаго чуйку.

— Каво?

— Да мои кресты-то?

— А у тебя тоже украли??

— У-кра-ли.

— Это вѣрно все тотъ...

— Ну, живѣй, живѣй, братцы, буду сѣновалъ запирать,—торопилъ хозяинъ, выпроваживая гостей. — Вонъ ужь бабы-те давно пошли, раньше васъ будутъ у праздника.

Странники помаленьку стали выбираться, на ходу под-

вязывая свои котомки. А Ипатій все еще рылся около того мѣста, гдѣ спалъ, и старательно ворочалъ и встряхивалъ сѣно.

— Ты чего тутъ? спросилъ хозяинъ.

— Да вотъ кресты тутъ были...

— А теперь нѣту?

— Нѣту.

— Такъ гдѣ-жъ ихъ взять, коли нѣту! Заходи-ка лучше обратно, можетъ найду.

— Поищи, родной, Богъ не оставитъ,—слезливо взмолился Ипатій, выходя изъ сѣновала.

— Ладно, поищу. Чужого мнѣ не надо.

Ипатій медленно пошелъ за своими, оглядываясь то на сѣновалъ, то на хозяина. Онъ долго шелъ съ открытой головой, и все еще теребилъ въ разныя стороны подкладку своей камилавки...

Не знаю, нашелъ ли онъ потомъ свои вещи. Едва ли...

КОНЕЦЪ.

LB Ap '09

LIBRARY OF CONGRESS
00025303659

8/3/12
51
povi esti i razskaz00blaa
00025303659
7447549